STEPHANOS

СТЕФАНОС

2017

#2 (22) II March

№2 (22) II март

ISBN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-1-216

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:
докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова
докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская
доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец
ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны
докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская
канд. филол. наук доцент Д.С. Мухортов
докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина
докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен
канд. филол. наук доцент А.В. Уржа
канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)
Технический редактор *Екатерина Федорова*

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:
старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., декан филологического факультета *Белградский университет (Сербия)*
Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*
Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*
Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*
Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*
Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*
Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*
Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*
Елена Стерьёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013
© 2013–2017. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
© 2013–2017 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:

Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences Docent D.S. Mukhortov
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak
(Executive Secretary)
Technical Editor Ekaterina Fedorova

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science, *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)*
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,* Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)*
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje (Macedonia)*
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz (USA)*
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno (Czech Republic)*
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and Capodistrian University of Athens (Greece)*
Alexandra Vranesh PhD, Prof., Dean of the Faculty of Philology *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2016. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
© 2013–2017 Stephanos

Содержание

Статьи

Николенкова Н.В. Проблемы орфографического оформления названий товарных знаков в XXI в.: лингвистические наблюдения 9

Мирчевска-Бошева Б. За мотивацијата за изучување на рускиот јазик 18

Ѓорѓиева Димова М. Цитатни мистификации 27

Солнцева Н.М. Марийские народные песни в переводе С. Клычкова 38

Холиков А.А. Исследователи литератур народов СССР и России на страницах словаря «Русские литературоведы XX века». Т. 1 44

Материалы и сообщения

Перхин В.В. Сергей Прокофьев и Уильям Примроуз. Мечта альтиста 53

Материалы к словарю «Русские литературоведы XX века»

Холиков А.А. Р.Г. Бикмухаметов как исследователь литератур народов России 60

Холиков А.А. Вклад Х.Г. Короглы в историю академического изучения национальных литератур СССР 64

Материалы научной конференции «Карамзин и русская литература»

Беляева И.А. Тургенев и Карамзин 69

Ивинский Д.П. «Сатирический вестник» и «Бедная Лиза»: Из первоначальной истории распространения альманаха Н.М. Карамзина «Аглая»..... 81

Кацис Л.Ф. Карамзин, Белинский и Достоевский в наброске Мандельштама «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”» 87

«Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте»: материалы международной научной конференции

Бодрова А.Г. Рецепция творчества Альмы Карлин в Словении..... 99

Кулешова М.Л. Общеоценочные прилагательные со знаком «плюс» в современном словенском языке: семантика и сочетаемость..... 106

Orel I. Ruska leksika v slovenskem slovaropisju druge polovice 19. stoletja 113

Перковская Ж.В. «Борьба за жизнь»: словенский язык в зарубежной историко-культурной среде и «врастание в язык» (по произведениям Мирослава Кошуты и Марко Кравоса и роману Лойзе Ковачича «Детские пожитки)..... 130

Nidorfer Šiškovič M. Slovenistike na tujih univerzah v mreži aktualnih izzivov..... 135

Jakop T. Prevzetost besedja v slovenskih narečjih..... 143

Гладощук А.В. Солнце и луна: Октавио Пас и Руфино Тамайо 155

Панкова Е.М. Концепт КРЕСТ в русской культурной традиции 161

События. Имена. Судьбы

Из истории МАПРЯЛ

Чернец Л.В. П.А. Николаев – президент МАПРЯЛ 172

Леденев А.В., Кольцова Н.З. Вспоминая Альберта Петровича Авраменко..... 178

Научная жизнь

Одинцова И.В. Вторая Всекитайская Олимпиада школьников по русскому языку 183

Одинцова И.В. Саммит по подготовке международных высококвалифицированных кадров русского языка в рамках реализации стратегии «Один пояс – один путь» и Китайско-Российский международный форум директоров средних школ 186

Пастернак Е. Поэзия филологии. Филология поэзии 189

Заметки. Впечатления

Лоевская М.М. «Свет фресок Дионисия»: работы Юрия Холдина 202

Критика. Библиография

Кулагина П.К. Natalija Ganina. “Bräute Christi”. Legenden und Traktate aus dem Strassburger Magdalenenkloster. Edition und Untersuchung. Berlin / Boston: De Gruyter, 2016. 432 S. 211

Ревякина А.А. Путешествие по текстам русской литературной классики 213

Content

Papers

Nikolenkova N.V. Problems of Spelling Trademark's Names in the 21th century: Linguistic Observations 9

Mirchevska-Bosheva B. Why Macedonians Learn Russian..... 18

Georgieva-Dimova M. Citation Mystifications 27

Solntseva N.M. Mari Folk Songs in Translation by S. Klychkov 38

Kholikov A.A. Experts in the Study of National Literatures of the USSR and Russia in the Dictionary "Russian Literary Critics of the Twentieth Century". Vol. 1 44

Communications and Materials

Perkhin V.V. Sergei Prokofiev and William Primrose. The Dream of the Violist 53

Materials to the Dictionary "Russian Literary Critics of the Tventieth Century"

Kholikov A.A. R.G. Bikmukhametov as an Expert in the Study of National Literatures of Russia..... 60

Kholikov A.A. A Valuable Contribution of N.A. Korogly to the Academic Study of National Literatures of USSR..... 64

Materials of the Scientific Conference "Karamzin and Russian Literature"

Belyaeva I.A. Turgenev and Karamzin..... 69

Ivinsky D.P. "The Satirical Herald" and "Poor Liza": About the Sale of the First Part of the Almanac "Aglaya" by N.M. Karamzin 81

Katsis L.F. On O. Mandelshtam's Polemics with Karamzin, Dostoevsky and Belinsky in his School Composion "Crime and Punishment in 'Boris Godunov' " 87

"Slovenian Language, Literature and Culture in the Slavic and European Context": Materials of the Conference

Bodrova A.G. On Reception of Alma Karlin's Work in Slovenia 99

Kuleshova M.L. The Adjectives of the General Positive Evaluation in the Modern Slovenian Language: Semantics and Compatibility 106

Orel I. Russian Lexemes in Slovene Lexicography in the second half of the 19th century 113

Perkovskaya Z.V. The Slovenian Language in the Foreign Historical and Cultural Environment and 'plugging into the language' (based on the literary pieces of Miroslav Košuta and Marko Kravos and the novel by Lojze Kovačič "Childish Things") 130

Nidorfer Šiškovič M. Slovene Studies at Foreign Universities in the Net of the Present Challenges 135

Jakop T. Selection of Borrowed Words in Slovenian Dialects 143

Gladoshchuk A.V. The Sun and the Moon: Octavio Paz and Rubino Tamayo 155

Pankova E.M. The Concept CROSS [KREST] in Russian Cultural Tradition 161

Events. Names. Destiny

From the History of MAPRYAL (International Association of Teachers of Russian Language and Literature)

Chernets L.V. P.A. Nikolaev – President of MAPRYAL 172

Ledenev A.V., Koltsova N.Z. Remembering Albert Avramenko 178

Academic Life

Odintsova I.V. The Second All-China School Olympiad on the Russian Language 183

Odintsova I.V. Summit on the Preparation of International Highly Qualified Personnel of the Russian Language in the Framework of the Strategy of "One Belt – One Way" and the Sino-Russian International Forum of Secondary Schools Directors 186

Pasternak E. Poetry of Philology. Philology of Poetry 189

Notes. Impressions

Loyevskaya M.M. "The Light of the Frescoes of Dionisy": the Fotos by Yuri Holdin 202

Critique. Bibliography

Kulagina P.K. Natalija Ganina. "Brides of Christ": Legends and Treatises from the Strasbourg Convent of St. Magdalena. Edition and Study. Berlin / Boston: De Gruyter, 2016. 432 p. 211

Revyakina A.A. Journey through the Russian Literary Classics 213

Статьи

Articles

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-9-17

Н.В. Николенкова

Проблемы орфографического оформления названий товарных знаков в XXI в.: лингвистические наблюдения[1]

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы, связанные с несоответствием рекомендаций справочников по орфографии (в том числе самого последнего по времени создания) и современных реалий. Автор полагает, что изменения речевой практики последних десятилетий привели к сдвигам в общей теории имени собственного, поэтому многие аспекты орфографии будут соотнесены с более общими лингвистическими вопросами. Нами предлагаются некоторые новые формулировки в раздел правил русской орфографии, посвященные написанию прописной буквы.

Ключевые слова: номинация, имя собственное, прописная буква, теория и практика орфографии

Abstract: The present paper deals with the problems caused by the discrepancies between orthographic reference books prescriptions (including the most updated ones) and modern realias. The author believes that changes in speech practice during the last decades initiated shifts in general proper name theory. That is why many aspects of orthography will be considered against a background of some more general linguistic problems. Several new suggestions concerning the rules of capital letter usage are made to the corresponding section of Russian orthography.

Key words: nomination, proper name, capital letter, theory and practice of orthography

Сегодня в области орфографии мы следуем рекомендациям Правил 1956 года (далее П-56) [Правила 1956], на основе которых долгие годы издавались справочники Д.Э. Розенталя (мы будем ссылаться на печатный вариант [Розенталь 1978]). В 2006 г. был издан Полный академический справочник (далее ПАС), который «представляет собой новую редакцию действующих «Правил русской орфографии и пунктуации», ориентирован на полноту правил, современность языкового материала» [ПАС 2006: 2].

[1] Статья содержит расширенную версию доклада «Проблемы оформления названий в XXI в.: правила для прошлого или для будущего?», сделанного на V Международной научной конференции «Культура русской речи. Гротовские чтения» (ИРЯ им. В.В. Виноградова, 16–18 февраля 2017 г.).

Зона, которая разбирается в данной работе, в П-56 как отдельная, требующая специальной кодификации, не была затронута. Однако в справочниках для практического использования рекомендации по написанию «названий товарных знаков, марок изделий и сортов» фигурировали [Розенталь 1978: 157; Мильчин, Чельцова 2014]. В ПАС этот раздел также выделен [ПАС 2006: 188–189], однако, на наш взгляд, он требует серьезной переработки. Анахроничность более всего отмечается в §200, где даются рекомендации по написанию автомобиля «Москвич-412», стиральной машины «Эврика», холодильников «Бирюса», «Минск» [там же]. Очевидно, что современным пользователям таких справочников эти названия не помогут написать смартфон «Самсунг», который имеет собственное имя «*Галакси[1]», да еще цифровое обозначение (S7, A3), а в дополнение – вариант продажного маркетингового расширителя типа «розовое золото».

К сожалению, не подверглись существенной редактуре в этом разделе и другие справочники. Так, в [Мильчин, Чельцова 2014: 103–104] даются сведения о написании холодильника «Саратов», раздел 3.30.3 носит дополнительное название «Официальные серийные названия самолетов, машин *иностранных* фирм» (выделение наше. – *Н.Н.*), и предлагаются в нем написания «Тойота-Королла», «Ниссан-Альмера-Классик»[2], «Боинг-707» и «Шкода 1000НБ» (не уточняется, можно ли пользоваться разделом для оформления кириллицей российского самолета Sukhoj Superjet и отечественного автомобиля Lada XRAJ). При подробнейшем перечислении видов названий в данном справочнике названий современных гаджетов тоже нет.

На наш взгляд, проблема связана с попыткой реформировать данный раздел по частям. Так, в 2010 г. появляются предложения об оформлении названий автомобилей [Пахомов 2010], в соответствии с которыми в именах автомобилей между видовым и индивидуальным именем рекомендуется постановка дефиса: «Форд-Фокус». Такая рекомендация принимается рядом автомобильных журналов, однако при появлении названий из большего числа лексем или при сложности с однозначной передачей кириллицей нового названия (в особенности китайского, что связано с отсутствием традиции транслитерации таких названий, еще недавно не существовавших) авторы этих журналов переходят на написание латиницей[3]. В том же 2010 г., выступая на II Международной конференции «Культура русской речи», автор данной статьи предложила полностью пересмотреть весь раздел, не сосредоточиваясь только на автомобилях [Николенкова 2012: 158]. Однако по-прежнему ПАС издается в версии 2006 г., а тема изменений в написаниях товарных знаков на научных конференциях фигурирует как относящаяся лишь к автомобилям, причем новых предложений по-прежнему нет [Каверина 2016].

Вновь поднимая на V Международной конференции «Культура русской речи. Гротовские чтения» эту тему, мы предложили в первую очередь рассмотреть вопрос о типе номинации интересующих нас товарных марок в 1956 г. и сегодня. Лингвистические решения должны быть связаны с анализом изменившейся ситуации в сфере оформления имен собственных за последние 60 лет. О том, что введение в оборот «массы новых категорий имен рушит прежние теории имени собственного», т. е. теории XIX – первой половины XX в., в своем фундамен-

[1] Наиболее распространенный вариант написания в поисковых системах.

[2] В последнем бумажном издании, в размещенных в сети Интернет версиях этого примера нет.

[3] В поисковых системах предлагаемого в [Мильчин, Чельцова 2014: 105] написания типа «Ниссан-Альмера-Классик» нами не зафиксировано.

тальном труде об имени собственном предупреждала в 1970-х гг. А.В. Суперанская [Суперанская 2009: 91].

Она же отмечает, что «в каждый исторический период система (имен собственных) обладает внутренним равновесием и взаимно обусловленной «ценностью» составляющих ее компонентов. В то же время система непрерывно меняется и преобразуется» [там же: 12]. Следовательно, для приведения правила о написании современных названий в соответствие с реалиями сегодняшнего дня надо в первую очередь сравнить типы названий, представленные в период 1950–1980-х гг. и в первой четверти XXI в. Выявленные изменения будут влиять и на способ орфографического оформления собственных названий.

В интересующем нас разделе перечислены названия видов и сортов сельскохозяйственных культур, овощей, цветов (§198), продуктовых, парфюмерных и т. п. товаров, табачных изделий, марочных вин и других напитков (§199) и марок технических изделий (§200). Во времена СССР были возможны такие типы номинации:

1) включающие в себя топонимы разного характера (стиральная машина «Сибирь», мопед «Верховина-5», магнитола «Рига», пишущая машинка «Ятрань», фотоаппарат «Киев»[1]); такие названия присваивались в первую очередь сложным техническим изделиям;

2) включающие антропонимы разного характера (георгин «Светлана», хризантема «Юрий Гагарин», огурец «Емеля»); в данном случае можно говорить о том, что присвоение имени в условиях советской номинации происходит по-разному: организации дается имя вместе с указанием «имени» (библиотека *имени В.И. Ленина*, завод *имени И.А. Лихачева*), а городу, названному в честь советского героя, присваивается имя в именительном падеже (город *Андропов*) в отличие от традиционных топонимов типа *земля Франца Иосифа*; имена лиц, присваиваемые сортам растений, парфюмерным и кондитерским изделиям (шоколад «Аленка», духи / одеколон «Наташа»), чаще всего не бывали связаны с известными людьми;

3) включающие условные имена из одного слова или построенные по модели словосочетания (печенье «Юбилейное», конфеты «Ночка», духи «Рижская сирень», вино «Монастырская изба», коктейль «Слеза комсомолки»[2]). Таких номинаций было в 1950–1980-е гг. подавляющее большинство.

В справочниках Розенталя написание этих торговых марок регулировалось в двух параграфах:

– названия видов и сортов растений, овощей, фруктов, цветов в специальной литературе пишутся с прописной буквы, например: *земляника Победитель, смородина Выставочная красная, тюльпан Черный принц*; в текстах, не перегруженных названиями сортов растений, овощей, фруктов и т. д., эти названия заключаются в кавычки и пишутся со строчной буквы: *помидор «иосиф прекрасный», георгин «светлана»* (§14.2)[3] [Розенталь 1978: 15];

[1] Названия реальные, взяты из альбомов «Намедни», опубликованных журналистом Л. Парфеновым по мотивам известной телепередачи. Отметим, что Суперанская на примере названий средств передвижения указывает на советскую традицию номинации: «для именования крупных пассажирских морских судов используются названия республик: “Россия”, “Грузия”; для именования более мелких пассажирских судов дальнего плавания на Черном море используются названия городов и гор: “Алупка”, “Ай-Петри”; для именования рейсовых катеров пригородного сообщения – названия курортных местечек: “Гаспра”, “Кореиз”, “Ливадия” и т. д.» [Суперанская 2009: 191–192].

[2] «Пьющий просто водку сохраняет и здравый ум, и твердую память или, наоборот, теряет разом и то, и другое. А в случае со “Слезой комсомолки” просто смешно: выпьешь ее сто грамм, этой слезы, – память твердая, а здравого ума как не бывало», – писал В. Ерофеев, предлагая название для адской смеси.

[3] Нам не удалось найти ни одного подтверждения написания в текстах советского времени названия типа «*юрий гагарин»; думается, что в этом случае правила не выполнялись.

– кавычками выделяются названия типа: автомобили «Волга», «Зил-110»; самолеты «Илья Муромец», «Ту-144» («ТУ-144») и т. д.; в специальной литературе названия-аббревиатуры пишутся без кавычек: Ил-18, У-2 (§131.1) [там же: 157].

Изучая различные типы названий советского времени, мы обнаружили, что не все они могли быть написаны строго по правилам. Так, с 1961 по 1966 г. выпускались модификации мотоциклов ИЖ, которые носили названия «ИЖ-Планета» и «ИЖ-Юпитер»[1].

Сегодня из ПАС исчезла информация о написании видов и сортов растений *в специальной литературе* [ПАС 2006: 188], хотя в издании [Мильчин, Чельцова 2014: 103] данная рекомендация устойчиво сохраняется (3.28.2). В специализированной литературе названия сортов оформлено по-разному: в журналах, обращенных к садоводам-любителям, встречаем обилие кавычек при упоминании сортов, одновременно употребляется прописная буква; при этом кавычки устойчивы даже при написании сортов на латинице: томатовидные перцы сортов «Гогошары» и «Рубиновый»; острый перец «Для тещи»; сортогруппа «Fiesta»[2]. Однако в официальных реестрах сорта пишутся без кавычек с прописной (по правилу Розенталя и Мильчина-Чельцовой): *гладиолус Нижний Новгород, малина Малаховка, капуста белокочанная Беверли Хиллз, арбуз Виктория, арбуз Ерофей, клубника Королева Елизавета II* (http://reestr.gossort.com/).

Необходимо отметить, что товарное наименование по топониму / антропониму, вне всяких сомнений, сегодня устойчиво переместилось именно в группу названий растений, овощей, фруктов и цветов. Зоны их употребления, как нам кажется, две: как сорта, актуальные для садоводов разной степени профессионализма, и как сорта, актуальные для потребителей их как продукта, к примеру яблоки «антоновка» или «*се/име/иренко» (написание вариативно, наш выбор строчной дан в соответствии с правилом).

Таким образом, §198 ПАС может быть переработан следующим образом:

Названия видов и сортов растений, овощей и фруктов в специализированной литературе (а также как номеклатурные обозначения) пишутся без кавычек и с прописной буквы: малина Малаховка*, капуста Беверли Хиллз, арбуз Ерофей, перец Рубиновый*. В текстах, обращенных к неспециалистам, а также в качестве обозначений видов продовольственных товаров, допустимо употребление в кавычках и со строчной: *яблоки «гольден», груши «конференц», дыня «колхозница»*[3] (кроме названий, связанных с именами собственными, если это имя широко известно: *клубника Королева Елизавета, георгин Юрий Гагарин*).

Выделение названий, связанных с топонимами и антропонимами, кажется нам важным в ситуациях, когда номинация по этому типу переживает существенные изменения. Так, уходят в прошлое или становятся только официальными названия организаций с элементом «имени», на их место пришли *Ельцин-центр, Горбачев-фонд, Райкин-плаза, Ахмад-тауэр.* По аналогии с зарубежными обозначениями стали появляться названия *Международный аэропорт Гейдар Алиев.* Стадионы, строящиеся к чемпионату мира по футболу, имеют названия *Самара-арена, Волгоград-арена*[4]. Тенденция, как нам кажется, выстраивается: названия,

[1] Встречаются и раздельные написания; на самом мотоцикле оба слова написаны на разных деталях.
[2] Журнал «Любимая дача», ежемесячное издание.
[3] По нашим наблюдениям, артикулы в продовольственных магазинах оформлены по основному правилу: с прописной и без кавычек (*груши Конференц*).
[4] В сети Интернет встречается *Самара Арена и подобное, однако очевидно, что такое написание принадлежит к орфографически некорректным.

включающие топонимы и антропонимы (имена реальных людей), кавычками не оформляются.

Следующий параграф из ПАС обращен к названиям продовольственных товаров. Здесь уместно разделить современные названия на два типа. Первый – это те реальные сорта и виды продукции, которые во всех справочных изданиях предлагается писать с прописной и без кавычек: *сыр пармезан, моцарелла; вино мерло, рислинг.* За последние годы число сортов, хорошо знакомых носителям русского языка, увеличилось, к предлагаемому списку можно добавить *кофе латте; торт чизкейк* и много другое. При этом речь идет именно о продукции определенного сорта, а не о названии, данном по аналогии с известной маркой[1].

При этом и название продукта и его сорта может получить дополнительное условное именование. Эта тенденция связана с очередным этапом перехода собственных имен в нарицательные, описанного многими лингвистами («денотат имени приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового коллектива, имя перестает связываться с одним сколько-нибудь определенным денотатом и делается типичным» [Суперанская 2009: 116]). В большинстве случаев в этой области мы довольно широко продолжаем употреблять названия из одного слова (*конфеты «Вдохновение», вино «Лидия», мокко «Романтик»*) или название, построенное по синтаксическим законам русского словосочетания (*вино «Шепот монарха», конфеты «Мишка на севере», чизкейк «Красный бархат»*).

Для этой зоны номинации мы предлагаем такую редакцию §199:

> Названия сортов вин, напитков, продуктовых товаров пишутся без кавычек со строчной буквы: *сыр пармезан, вино каберне, кока-кола, боржоми, латте.* Если названию продуктового, парфюмерного и т. п. товара дано дополнительное условное название, оно пишется с прописной буквы и заключается в кавычки: *конфеты «Ночка», чизкейк «Два шоколада», торт «Прага», сухое вино «Крымский погребок».*

Однако уже в этой зоне мы сталкиваемся с новыми номинациями. Появляются названия – многочленные словосочетания, построенные не по стандартным для русского языка моделям: *конфеты «Очумелый шмель микс», печенье OREO Chocolate Creme Sandwich Cookies* (*«*Орео шоколад крем са/эндвич кукис»*), *лак для волос «Прелесть Профессионал», вино каберне С/саперави Chateau le Grand Vostock* (* *Ш/шато* ле *Г/гран В/восток*)[2].

Но абсолютным лидером по новациям в сфере оформления названий будут названия технических изделий. Во-первых, их разнообразие за последние 20 лет существенно выросло; так, не отраженные в ПАС и других справочниках сотовые телефоны превратились в предмет массового потребления. Во-вторых, в них отражено главное новшество в сфере номинации – создание многочленных названий, элементы которого могут быть не связаны между собой по моделям русского словосочетания[3]. Исследуя имя собственное в середине XX в., отмечали важность языкового образца: они систематизируют «наш родной язык и вступают в про-

---

[1] Хочется сослаться на Леонида Парфенова: «...непонятно почему часть напитков называется “вермут” и “портвейн”. Они неразличимы между собой и не имеют ничего общего с совсем непохожими друг на друга итальянскими и португальскими аналогами» (*Парфенов Л.* Намедни. Наша эра. 1971–1980. М., 2009. С. 177). Употребляя кавычки, журналист подчеркивает, что советское плодово-ягодное вино, известное как «бормотуха», с зарубежными сортами не имеет ничего общего. Увы, похоже, так уже в наши дни придется различать сыр пармезан и его санкционный аналог «пармезан», также не имеющий ничего общего с итальянским сортом.

[2] Это наименование отечественной марки (www.grandvostock.ru/).

[3] Телевизионная реклама сегодняшнего предлагает «насладиться новым *Форд Фокус*».

тиворечие с иностранными языками» [Суперанская 2009: 10]. Даже возникновение моды на имена связывают именно с возможностями «языка данного народа». Если группа заимствованных имен красиво «вплетается» в живую ткань данного языка, это создает предпосылку для моды [там же: 42].

Однако в начале XXI в. ситуация изменилась. Если в 1970-е гг. герой Венечки Ерофеева создавал название коктейлей по привычным для русского языка схемам (см. выше), то в 2000 герой культового романа Пелевина «Generation “П”» курит сигареты «Давидофф Классик», работает с программой «Софт Имаж», пьет кофе «Нескафе Голд» и завидует часам «Ролекс Уйстер»[1]. Такие номинации стали образцами и для отечественного производителя. Автомобили имеют названия *Лада Ларгус, Лада Иксрэй, УАЗ Патриот;* выпускают мотоциклы *Урал Патрол;* современные модификации фотоаппарата имеют названия *Зенит Гелиос, Зенит Зенитар* и т. д. При этом скорость распространения таких названий оказалась стремительна. В 2009 г. Л.К. Чельцова писала, что «новые марки машин нельзя считать хорошо известными широкому кругу носителей языка» [Чельцова 2009: 268], однако сегодня это утверждение, конечно, нельзя принять.

Двучленные номинации стремительно преобразуются в трехчленные: автомобили *Сузуки Гранд Витара, Тойота Лэнд Крузер, Ситроён С4 Пикассо, Рено Сандеро Степвэй,* смартфонов *Самсунг Галакси Нот, Айфон 7 Jet Black, Сони Иксперия Перформанс,* при этом они используются и в бытовом общении; менее распространены пылесосы *Землер Аквавельт Плюс, Томас Allergy & Family,* мультиварка *Редмонд Мастерфлай FM230.* Отечественные производители предлагают модели автомобилей *Lada XRAY Optima, Lada XRAY Юбилейная*; присваиваются имена самолетам, в результате появляются комбинации *Сухой Суперджет 100 Борис Бугаев, Боинг 737 Константин Симонов.* Очевидно, что эта новая модель будет распространяться и дальше.

В середине XX в. лингвистами отмечается, что «если для именования одного объекта существует два имени, с увеличением частотности одного из них другое начинает употребляться реже и может совсем забыться» [Суперанская 2009: 11]. Думается, именно на эту особенность номинации ориентированы следующие формулировки правил орфографии: «Названия самих изделий пишутся в кавычках со строчной буквы. Напр., “москвич”, “тойота”<…>. В бытовом употреблении названия машин могут употребляться без кавычек» ([Мильчин, Чельцова 2014: 105], то же [ПАС 2006: 189]). Однако многочленное название стало употребимо на письме и в бытовых контекстах, к примеру: «Они мчались на *джипе “Тойота-Лend-Крузер”*, предвкушая ночной вояж по столичным клубам; *Тойота “Лend-Крузер”* свернула на Рублевку, и водитель Феликса нажал на газ»[2].

Нам кажется, что происходит изменение границ родо-видовых понятий. По Аристотелю, вещи определяются с помощью пяти разновидностей классовых имен: 1) родовые, 2) видовые; 3) подвидовые; 4) индивидуальные; 5) случайные (переносные) [Суперанская 2009: 92]. Еще 50 лет назад названия технических изделий оказывались в группе индивидуальных. Сегодня же название оказалось растянутым по всем уровням номинации и занимает разные позиции. Если в 1960–1980-е гг. мы имели комбинации из аристотелевской цепочки по типу 1+4 (родовое + индивидуальное, *автомобиль «Чайка»*), то сегодня цепочка превра-

[1] И только пенсионный фонд носит имя «Тихая гавань».

[2] А. Ростовский. «По законам волчьей стаи»; пример взят из search2.ruscorpora.ru/ (дата обращения 06.03.2017); отметим, что в одном тексте зафиксированы разные варианты написания.

тилась в 1+2/3+4 (родовое + видовое / подвидовое + индивидуальное, к примеру *автомобиль Ситроён С4 Пикассо*).

Причем употребляться могут все имена, может лишь одно, а остальные присутствуют имплицитно. Так, сообщая о покупке *«Пассата»*, владелец автомобиля одновременно сообщает о том, что купил автомобиль торговой марки *«Фольксваген»*; именование *айфон черный оникс* подразумевает информацию о серии айфона – это айфон 7, который предлагает новые цвета. По сравнению с серединой прошлого века существенно расширилось использование цифр и чисел в качестве имен собственных или элементов этих имен. Утверждение Суперанской, что «ассоциации, которыми собственные имена несравненно богаче, нежели числовые обозначения, позволяют им лучше, нежели числам, функционировать в языке и служить коммуникативным целям» [Суперанская 2009: 63–64], сегодня не может считаться верным. И действительно, первая модель ВАЗа (ВАЗ 2101) имела бытовое название «копейка», а не «*единичка», к примеру. В 1990-х и позже стали распространяться «трешки», а далее «семерки»[1], «восьмерки» и т. д. Сегодня «пятый» и «седьмой» – это модели айфонов, «двести двадцатый» – это Мерседес Е220, летим на «семьсот сорок седьмом» – это на боинге.

«Фундаментальный принцип логики – образование классов до тех пор, пока есть хотя бы малейшее различие, на котором можно основываться. Число возможных классов бесконечно» [Суперанская 2009: 92]. Данное утверждение приводит нас к мысли, что <u>создать правило</u>, которое будет описывать все современные случаи создания названия производственных марок и все потенциальные новые варианты, <u>на сегодняшний день нельзя</u>. Попытка предложить дефисное написание, реализованное в предложенном [Мильчин, Чельцова 2014: 105]. *Ниссан-Альмера-Классик*, при распространении на современные марки приведет к созданию, **Самсунг-Галакси-Нот / Ноут, *Лада-Иксрэй-Юбилейная, *Аэробус-А-320-Владимир-Высоцкий* и к другим не менее чудовищным гибридам[2].

Именно поэтому, как нам кажется, необходимо предложить такое правило, которое позволит оформлять новые названия без создания дополнительных сложностей. Поэтому нами предлагается такая формулировка:

> Названия производственных марок технических изделий в большинстве случаев пишутся без кавычек и с прописной буквы: *автомобиль Тойота Камри, Лада Иксрэй; холодильник Индезит MD 14, Бош KGN39AK18R*; *смартфон Сони Иксприенс*. В текстах бытового содержания при именовании изделия одним из его возможных названий это название пишется в кавычках и со строчной: *автомобиль «тойота», новый «фокус», айфон «черный оникс»*.

Наша формулировка, безусловно, будет нуждаться в обсуждении и уточнении. Помимо вопроса, связанного с употреблением / неупотреблением кавычек и ис-

---

[1] Причем эти числовые номинации в сочетании с некоторыми добавочными характеристиками очень даже информативны: так, в фильме про «лихие девяностые» герой, сообщающий о покупке «семерки металлик», информирует о том, что приобрел БМВ, тогда как покупка «семерки баклажан» однозначно связана с моделью ВАЗ 2107.

[2] При подготовке доклада мы хотели привести еще один пример изменившейся в наше время номинации. Суперанская отмечала, что названия, оформленные как предложения, распространены в сфере названий книг, кинофильмов и т. д. [Суперанская 2009:]. Всем нам прекрасно известно, что сегодня такой тип номинации есть и у товаров – к примеру, бренд колбасных изделий «Папа может». Зайдя на сайт производителя, мы обнаружили, что данное название тоже уже не индивидуальное, а видовое, а индивидуальными стали «любительская», «к завтраку» и т. д. Представить себе вариант дефисного написания такого названия сложно.

пользованием прописной / строчной буквы, необходимо решить еще несколько частностей. Во-первых, отрегулировать возможность написания в некоторых современных названиях многочленного типа отдельных элементов со строчной буквы. Это должно касаться обозначений типичных для многих производственных марок модификаций (*классик, стандарт, комфорт* и т. д.). Эти лексемы в словарях зафиксированы, однако их использование в качестве элемента названий изменило их значение (и, вероятно, частеречную принадлежность).

Во-вторых, в названия современных технических изделий входят латинские буквы. В [Правила 1956] написание таких аббревиатур не оговаривается, а в справочнике Розенталя и последующих появляется известное правило: при образовании аббревиатуры «из названий букв иноязычного алфавита» пишутся через дефисы названия этих букв (*Би-би-си*) [Розенталь 1978: 27]. По нашим наблюдениям, сегодня это правило перестает использоваться. И вполне возможно, что отказаться от его применения в первую очередь необходимо при оформлении названий марок изделий, чтобы не создавать громоздкие написания **Самсунг Галакси Джи 1 Мини-Эс-Эм*, **Мерседес Цэ-эл-ка* и подобные.

Обновление и осовременивание данного раздела Правил русского языка кажется нам важной задачей, так как будет способствовать единообразному оформлению текстов (в первую очередь специализированной литературы), а значит, улучшению ситуации с орфографической грамотностью.

ЛИТЕРАТУРА

Каверина 2016 – *Каверина В.В.* Орфография наименований марок автомобилей в современном русском письме // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ. СПб., 2016. С. 232–237.

Мильчин, Чельцова 2014 – *Мильчин А.Э., Чельцова Л.К.* Справочник издателя и автора: редакционно-издательское оформление издания. 4-е изд. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. 1010 с.

Николенкова 2012 – *Николенкова Н.В.* О написании производственных марок: лингвистические и экстралингвистические аспекты правила // Вопросы культуры русской речи. М., 2012. Вып. XI. С. 154–159.

ПАС 2006 – Правила русской орфографии и пуктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.

Пахомов 2010 – *Пахомов В.М.* Языковой тюнинг: Как писать названия автомобилей? // Міръ имёнъ и названій. 2010. № 44–45. С. 4–5.

Правила 1956 – Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956. 176 с.

Розенталь 1978 – *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Книга, 1978. 334 с.

Суперанская 2009 – *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 368 с.

REFERENCES

Kaverina 2016 – Kaverina V.V. Orthography of the Names of Cars' Brands in the Modern Russian Letter. In: Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Contemporary Russia. Vol. 5. Materials of V Congress of ROPRYAL. St.-Petersburg. 2016, pp. 232–237.

Milchin, Chel'zova 2014 – Milchin A.E., Chel'zova L.K. (2014) Reference Book of Editor and Author: Editorial Publication Design. 4th ed. Moscow. Publishing House of Artemiy Lebedev Studio. 1010 p.

Nikolenkova 2012 – Nikolenkova N.V. On Spelling the Names of Trademarks Production Brands: Linguistic and Extralinguistic Aspects of Rules. *Culture of Russian Speech*. Moscow, 2012. Vol. XI, pp. 154–159.

PAS 2006 – Rules of Russian Orthography and Punctuation. Full Academic Handbook / Ed. by V.V. Lopatin. Moscow. Eksmo Publ. 2006. 480 p.

Pakhomov 2010 – Pakhomov V.M. Language Tuning: How to Spell the Names of the Cars? *World of Names and Titles*, 2010. No 44–45, pp. 4–5.

Rules 1956 – Rules of Russian Orthography and Punctuation. Moscow. 1956. 176 p.

Rosenthal 1978 – Rosenthal D.E. (1078) Handbook of Orthography and Literary Editing. Moscow. Kniga Publ. 334 p.

Superanskaya 2009 – Superanskaya A.V.(2009) General Theory of the Proper Name. 3rd ed. Moscow. Book house "Librokom". 368 p.

Сведения об авторе:
Наталья Владимировна Николенкова
канд. фиол. наук
доцент
кафедра русского языка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова,
член Орфографической комиссии при ИРЯ РАН

Natalia V. Nikolenkova,
PhD
Associate Professor
Department of the Russian Language
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University,
Member of the Orthographic Commission at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciencess
natanik2004@mail.ru

PROBLEMS OF SPELLING TRADEMARK'S NAMES IN THE 21TH CENTURY: LINGUISTIC OBSERVATIONS

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-18-26

Б. Мирчевска-Бошева

За мотивацијата за изучување на рускиот јазик

Аннотация: Преподавание русского языка в Македонии уже на протяжении длительного времени находится в сложной ситуации. Предыдущие исследования о положении русского языка в Республике Македония свидетельствуют о постоянном снижении числа студентов, изучающих русский язык в начальных и средних школах. Но наряду с этим заметно увеличение числа заинтересованных в изучении русского языка на курсах, предлагаемых центрами и школами иностранных языков. Это стало поводом к проведению опроса среди слушателей курсов с целью определить, какие мотивационные факторы имеют наибольшее влияние на выбор русского языка в качестве иностранного. По результатам опроса можно сделать вывод, что мотивы участников сложны и разнообразны, но эмоциональные, эстетические и прагматические мотивы доминируют.

Ключевые слова: мотивация, изучение русского языка, Республика Македония, школы иностранных языков

Abstract: The situation with the Russian language in the Republic Macedonia for a long time has been seen as critical. Previous researches on the position of the Russian language in the Republic Macedonia find a constant decline in the number of students who study Russian language in primary and secondary schools. But alongside this, there is an increased number of interested in the study of Russian language courses offered by foreign language centers and schools. This was a reason to conduct a survey among students of these courses about what motivated them to choose namely the Russian language. According to the survey we can conclude that the motivesof the participants are complex and varied but emotional, aesthetic and pragmatic motives dominate.

Key words: motivation, Russian Language Learning, Republic of Macedonia, foreign language schools

Состојбата со рускиот јазик во Р. Македонија веќе подолго време се оценува како сложена. Според спроведените истражувања за положбата на рускиот јазик во Р. Македонија (Каранфиловски 2006; Мирчевска-Бошева 2013) се констатира опаѓање на бројот на ученици кои го изучуваат рускиот јазик во основните и во средните училишта. Така, последните статистички показатели го потврдуваат фактот дека бројот на ученици во основно или средно училиште кои го изучуваат рускиот јазик рапидно се намалува и ако во 1991 рускиот јазик го изучувале

15–18% од вкупниот број ученици кои изучуваат странски јазик (англиски, германски, француски, италијански) во Р. Македонија, во 2011 е намален на само 1%.

Но, паралелно со ова, се забележува и зголемен интерес за изучување на рускиот јазик на курсевите кои ги нудат јазичните центри и училиштата за странски јазици. Имено, ако во минатото рускиот јазик беше застепен само во програмата на Центарот за странски јазици или Работничкиот универзитет «Кочо Рацин», сега тој е присутен и во повеќе приватни училишни центри.

Токму ова, како и слични истражувања и анкети спроведени од Лукина (2008), Вянтти (2009), Василевич (2013) беа повод да се направи анкета меѓу слушателите на овие курсеви во врска со она што ги мотивирало да го изберат токму рускиот јазик и да посветат време и енергија на негово усовршување. Исто така, имајќи предвид дека станува збор за веќе возрасни индивидуи, можеме да добиеме јасни показатели бидејќи тој избор го направиле свесно и без наметнување.

Да почнеме со дефинирање на поимот мотивација.

Во психологијата мотивацијата се дефинира како процес на поттикнување на активноста на човекот и насочување на неговите активности кон одредени објекти за постигнување на конкретна цел.

Ова се совпаѓа и со дефиницијата на методичарите кои сметаат дека мотивот може да се дефинира како «поттикнување кон дејност / активност што е поврзано со задоволување на потребите на човекот, севкупност на внатрешни и надворешни услови кои ја поттикнуваат активноста на субјектот и ја определуваат нејзината насока» (Азимов, Щукин 1999: 162).

Во овој труд е применета класификација на мотивите според В. Молчановски и Л. Шепелевич која се однесува на мотивите на учениците при избор на странски јазик, започнувајќи од основно училиште, па сè до универзитет.

Според оваа класификација се изделуваат 6 мотиви:

1. емоционално-естетски – тука спаѓаат објаснувања на учениците од типот: *ја сакам Русија, ми се допаѓа како звучи рускиот јазик, јазикот е многу убав и др.*;
2. прагматични – поврзани со желбата да добијат добра работа, да се школуваат и живеат во Русија и сл.;
3. дидактични – поврзани со процесот на учење повеќе отколку со резултатот од тој процес (желба за интелектуална активност, анадминување на тешкотиите и др.);
4. когнитивни – поврзани со содржината на она што се учи, со желбата да се научи нешто ново, да се научат нови факти, да се добијат нови знаења, провоцирачки индекс на тежината на предметот;
5. комуникативни – општење со руски пријатели, познаници, користење на рускиот јазик во семејството;
6. принуденост и обврски – задолжително полагање на испит или немање избор (кога во училиштето се нуди само рускиот јазик).

При изборот и учењето на јазикот индивидуата се раководи не само од еден, туку од повеќе мотиви. Затоа се зборува за мотивациски систем кој може да вклучува и потреби, мотиви, цели и фактори. Сите овие мотиви не се константни и се менуваат во зависност од многу надворешни и внатрешни фактори и други елементи.

Освен наведените мотиви, се издвојуваат и мотивациони фактори кои влијаат на изборот на странскиот јазик:

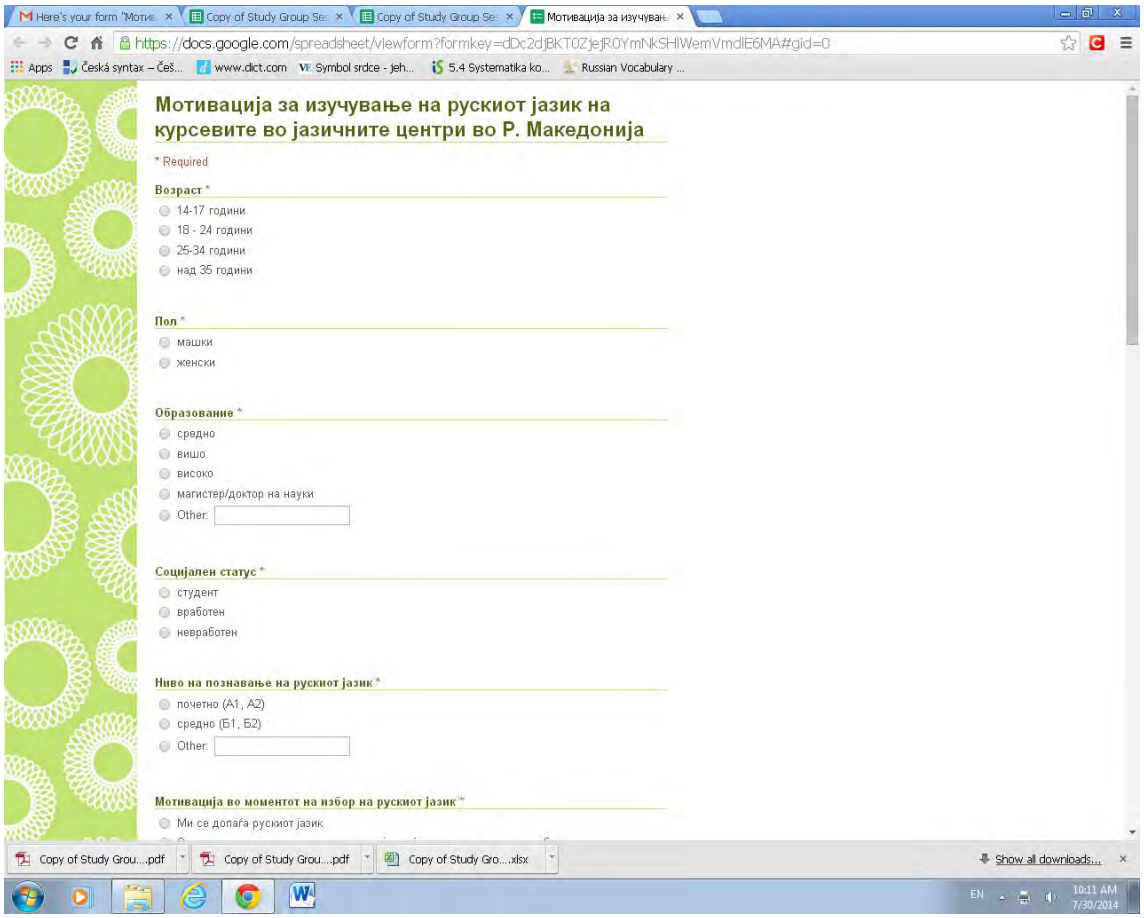
1. фактор на географска близина и територијална распространетост на јазикот. Територијалната близина често е услов за економски, туристички и други контакти меѓу земјите што е важно при изборот на јазикот. Истовремено територијалната распространетост ја зголемува актуелноста на јазикот за учениците;

2. лесен / тежок јазик. Често учениците избираат да го учат најлесниот јазик кој од нив ќе бара минимално вложување на интелектуален и временски план. Но, често тежината на јазикот служи како стимул за негово изучување, за тренирање на мозокот и паметењето, за покачување на интектуалноста во очите на своите врсници;

3. состојбата на пазарот на трудот. Често изучувањето на јазикот е мотивирано од можноста за добивање на добра рабпта;

4. Претставата / сликата / имиџот за земјата на јазикот кој се изучува. Чувството на симпатија или антипатија кон земјата може значајно да влијае на изборот на јазикот.

Особено е важна и врската меѓу мотивите и околната средина која може позитивно или негативно да влијае на нивната појава и формирање. Со промените во социјалната средина неизбежно се менуваат и мотивите за избор на странскиот јазик и неговото учење.



Сл. 1. Прашалникот за спроведување на анкетата

Имајќи го сево ова предвид, пристапивме кон изработка на прашалник во кој беа опфатени прашањата од интерес на овој труд, а во согласност со искуството од претходно спроведените слични анкети (пр. Василевич 2013). Прашалникот (сл. 1) беше изработен со помош на платформата GoogleDocs која овозможи анонимно спроведување на анкетирањето и едноставно прибирање и обработка на резултатите.

Со анкетата беа опфатени 56 испитаници од 6 училишта за странски јазици во Скопје (Мондо Линк, Херц, Логос, Бабилониа, Friends и Ангел Вес).

Во однос на возрасната структура може да се каже дека доминираа испитаниците на возраст од 18–34 години односно 23 од анкетираните се на возраст од 18–24 години, 22 на возраст од 25 до 34, додека 8 се над 35 години, а само 3 се од 14 до 17 години.

Што се однесува до полот 40 од анкетираните се женски, додека само 16 се од машки пол.

Во однос на образованието може да се забележи јасна доминација на испитаници со повисок степен на образование. Имено, 57% од испитаниците имаат високо образование, 3% вишо образование, а 16% имаат степен магистер или доктор на науки, додека 21% имаат средно образование,.

Податоците за социјалниот статус покажуваат дека 50% или 28 испитаници се вработени, 34% или 19 анкетирани се студенти, а 16% односно 9 испитаници се невработени.

На овој начин анкетата обедини различни структури како на план на возраста, така и во однос на полот, образованието и социјалниот статус.

Најголемиот дел од испитаниците (68%) се на почетно ниво на изучување на странскиот јазик, 21% се на средно ниво, додека 11% односно 6 испитаници ја одбрале опцијата друго.

Сл. 2. Мотивација за изучување на рускиот јазик

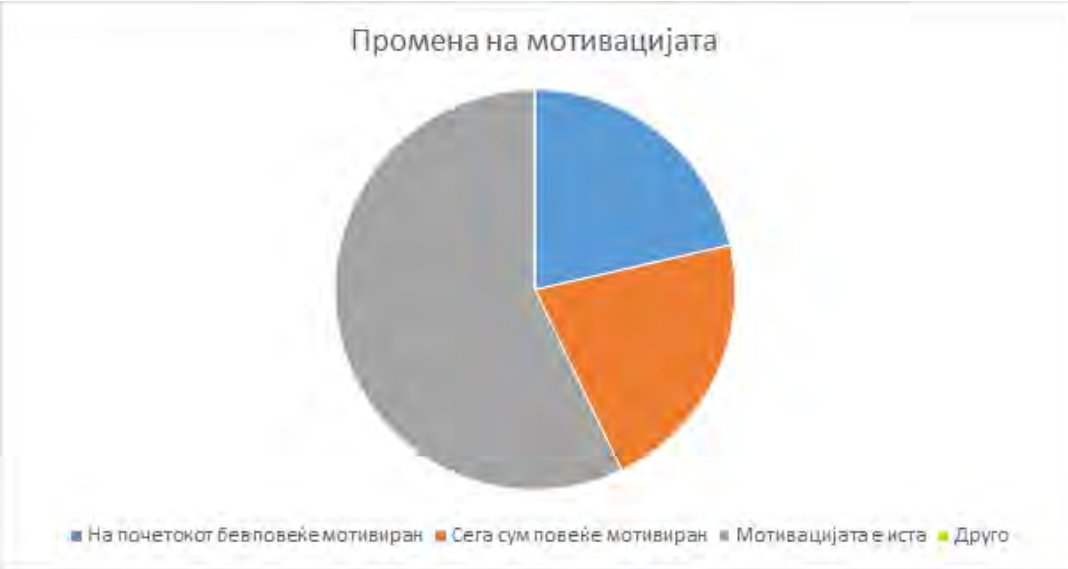
На прашањето за мотивацијата за изучување на рускиот јазик (сл. 2) најголемиот број анкетирани односно 43% го избрале одговорот *ми се допаѓа рускиот јазик.* Драстично поретко се избирани одговорите *сакам да учам нешто ново* (16%), *сметам дека познавањето на рускиот јазик ќе ми помогне да се вработам* (13%), *сакам да учам / живеам / работам во Русија* (11%). На трето ниво доаѓаат одговорите *имам другари/роднини во Русија* (7%), *филмови, книги, музика на руски јазик* (5%) и *сакам да добијам сертификат за познавање на рускиот јазик* (4%). Само еден анкетиран ја избрал опцијата *друго*, а ниту еден не избрал *ми го препорачаа познати / пријатели.*

Според ова најзастапени се емоционало-естетските мотиви (*ми се допаѓа рускиот јазик, филмови, книги, музика на руски јазик)* и прагматичните (*сметам дека познавањето на рускиот јазик ќе ми помогне да се вработам, сакам да учам / живеам / работам во Русија*).

На прашањето *Дали во слободното време дополнително се занимавате со рускиот јазик* само 20% одговориле негативно односно дека со рускиот јазик се зани-

маваат само на курсот, 29% одговориле дека во слободното време слушаат музика, гледаат филмови и читаат книги на руски јазик, 18% одговориле дека ги следат настаните во Русија, 16% дека комуницираат на руски јазик. 7% пишуваат домашна работа, 5% активно учат и надвор од курсот, 4% користат литература на руски јазик, а 2% дека немаат време за дополнително занимавање со рускиот јазик.

Во врска со промената на мотивацијата (57% од анкетираните се изјасниле дека мотивацијата е иста, додека по 21% одговориле *на почетокот бев повеќе мотивиран* и *сега сум повеќе мотивиран* (сл. 3)



Сл. 3. Промена на мотивацијата

Споредувајќи ги одговорите на ова прашање со нивото на познавање на рускиот јазик забележуваме дека на повисоките нивоа на познавање на јазикот процентуално се најзастапени одговорите *сега сум повеќе мотивиран* што сведочи дека клучен момент е преминот меѓу нивоата А и Б. Слушателите на курсевите кои ја поминале оваа граница стануваат сè помотивирани за усвојување и усовршување на јазикот.

Прашањето за тежината на рускиот јазик (сл. 4) и изборот да се изучува токму рускиот е актуелно и е во директна зависност од географската положба и од блискоста на јазиците. Имено, во одредени региони рускиот се смета за исклучително тежок и тоа е дополнителна мотивација за одредени кандидати, додека во словенските земји се смета за близок и лесен и тоа исто така се јавува како дополнителен мотив за избор на овој јазик. Во оваа анкета најголем број испитаници (39%) одговориле дека *рускиот јазик не е ниту полесен ниту потежок од другите,* а 29% дека *е потежок од другите, но дека тоа нема никакво значење.* Само 18% сметаат дека *рускиот е потежок и дека тоа дополнително ги мотивира,* а 15% сметаат дека рускиот е полесен притоа за само 4% тоа е важен мотив.

Според ова може да заклучиме дека тежината на рускиот јазик не е важен мотив за македонските слушатели на курсеви по руски јазик, бидејќи само 4% сметаат дека тоа што е полесен е важно за нив, а 18% дека е потешок и дека тоа дополнително ги мотивира.

На прашањето за мотивирачки фактори (сл. 5) беше дадена можност за избор на повеќе опции. Најважен мотив за 70% од испитаниците беше *коминикацијата на руски јазик,* на второ место со 64% се наоѓа *запознавањето со традицијата и културата на Русија*, за 61% важен *добрите односи со наставникот.* За 45%

Сл. 4. Тежината на рускиот јазик

Сл. 5. Мотивирачки фактори

важни се *новите и интересни информации*, за 29% поволниот распоред на часовите, за 21% – *креативната активност, елементи од уметноста,* а за 14% важна е *интезивноста на часовите*.

Што се однесува до демотивирачките фактори (сл. 6) изненадувачки 73% одговориле дека нема такви. За 14% изучувањето на рускиот јазик одзема премногу време, 9% како демотивирачки се јавуваат лошите резултати на тестовите, по 7% ги избрале опциите *несогласување со наставникот или со групата* и *губењето на интересот за рускиот јазик*, а 2% сметаат дека познавањето на рускиот јазик нема да им помогне во работата / учењето.

Сл. 6. Демотивирачки фактори

На крајот од анкетата беше оставен простор по желба да додадат нешто за што не биле прашани во анкетата. Коментарите се најразнообразни и се однесуваат на иднината на рускиот јазик и предностите што ќе ги имаат оние кои го знаат, проблеми со доаѓање до учебници и речници, како и желба да се врати професорката за да може да продолжат со часовите.

Прашањето за тоа што ги мотивира да го изучуваат рускиот јазик добива најразлични одговори во кои доминираат емоционало-естетските и прагматичните мотиви.

Слушателите на курсевите во јазичните центри во Скопје го избираат рускиот јазик најчесто бидејќи им се допаѓа самиот јазик или литературата и културата создадена на руски јазик. Најчесто станува збор за млади луѓе кои веќе го оформиле своето образование (имаат завршено високо образование, се стекнале со званието магистер или доктор) и со поминувањето на следните нивоа на познавање на јазикот стануваат сè помотивирани. Најголемиот дел од нив сакаат своето слободно време да го поминуваат со филм, музика, книга на руски јазик, да комуницираат на руски или активно да учат и надвор од курсот.

Тежината на рускиот јазик во овој случај се покажа како небитен фактор имајќи предвид дека само за исклучително мал процент на испитаници таа е мотивација да се избере овој јазик.

Улогата на наставникот уште еднаш се покажа како многу важна што се гледа и во одговорите за мотивирачките фактори т. е. голем дел од испитаниците се задоволни од наставниците, имаат добар однос со нив, добиваат многу нови инормации и се запознаваат со културата и традицијата на Русија паралелно со усвојувањето на јазикот.

ЛИТЕРАТУРА

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков), СПб., 1999. 472 с.

Видаковић Т. Резултати истраживања о учењу страних језика (www.kursevi.com/blog/Rezultati-istrazivanja-o-ucenju-stranihjezika/41301).

Василиевич Д. Мотивация к изучению русского языка у белградских слушателей курсов // Русский язык как инославянский. Београд: Славистичко друштво Србије, 2013. С. 99–109.

Вянтти К. Мотивация к изучению русского языка в финских профессиональных институтах: неопубликованная дипломная работа (jyx.jyu.fi /dspace/bitstream/handle/ 123456789/20029/ URN_NBN_fi _jyu-200904171466.pdf?sequence=1).

Каранфиловски М. Изучувањето на рускиот јазик во Република Македонија // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски (материјали од третата македонско-руска научна конференција, Охрид 9–11 август 2001). Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2006. С. 147–152.

Лукина Я.В. Зависимость мотивации при выборе и изучении иностранного языка от образа страны изучаемого языка (www.zlat-edu.ru/CatalogImages/File/ lukina.doc)/

Мирчевска-Бошева Б. О положении русского языка в Македонии // Русский язык как инославянский. Београд: Славистичко друштво Србије, 2013. С. 110–116.

Шепелевич Л. Повышение мотивации студентов-филологов при обучении русскому языку с использованием сети интернет // Материалы VII международной научно-практической конференции. 17–18 сентября 2004 г. Т. 2: Диалог культур в обучении русскому языку и русской словесности. СПб., 2005. С. 325–330.

REFERENCES

Azimov E.G., Schukin A.N. (1999) The Dictionary of Methodical Terms (Theory and Practice of the Language Teaching). St.-Petersburg. 472 p.

Karanfilovski M. Russian Language Learning in Republic of Macedonia. In: Russian-Macedonian Language, Literature and Cultural Relations (Materials from the Third Macedonian-Russian Scientific Conference, Ohrid 9–11 August 2001). Skopje. 2006, pp. 147–152.

Lukina Y.V. Choosing and Learning a Foreign Language Motivation Dependence from the Image of the Country the Language is Spoken (www.zlat-edu.ru/CatalogImages/File/ lukina.doc).

Mirchevska-Bosheva B. Russian Language Situation in Macedonia. In: Russian Language as Foreign Slavonic Language. Belgrade. Slavistichko Drushtvo Srbije Publ. 2013, pp. 110–116.

Shepelevich L. Increasing Students-Philologists Motivation while Learning Russian by Using the Internet. In: Proceedings of the VII International Scientific-practical conference. 17–18 September 2004. Vol. 2. Dialogue of Cultures in Teaching Russian Language and Literature. St.-Petersburg. 2005, pp. 325–330.

Vidaković T. The Results from Research on Foreign Languages Learning (www.kursevi.com/blog/Rezultati-istrazivanja-o-ucenju-stranihjezika/41301).

Vasilievič D. Motivation for Russian Language Learning among the Participants of Courses in Belgrade. *Russian Language as a Foreign Slavonic Language.* 2013. No 5, pp. 99–109.

Vantti K. Motivation to Study Russian Language in Finnish Professional Institute (jyx.jyu.fi / dspace / bitstream / handle / 123456789/20029 / URN_NBN_fi _jyu-200904171466.pdf? sequence = 1st).

Сведения об авторе:
Биляна Мирчевска-Бошева,
докт. филол. наук
доцент
заведующий кафедрой славистики
филологический факультет имени Блаже Конеского
Университет Свв. Кирилла и Мефодия (Скопье).

Автор статей в области фразеологии и
сравнительного анализа русского и македонского языков.

Biljana Mirchevska-Bosheva,
Doctor of Philology
Associate Professor
Head of Department for Slavistics
Faculty of Philology them. Blaze Koneski
Sts. Cyril and Methodius University in Skopje (Macedonia).
She has published articles in the feld of phraseology and
Comparative analysis of Russian and Macedonian language
biljana.mirchevska@gmail.com

WHY MACEDONIANS LEARN RUSSIAN

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-27-37

Марија Ѓорѓиева Димова

Цитатни мистификации

Апстракт: Целта на овој текст е да се истражува вакантната цитатност, како еден од интертекстуалните модели, во македонската постмодерна проза. Предмет на толкување се два книжевни текста: расказот Ракописот од Китаб-ан на Влада Урошевиќ и романот Папокот на светот на Венко Андоновски. Интерпретацијата се одвива на две рамништа: проследување на главните одлики и техники на овој интертекстуален модел (псевдоцитатноста, дедуктивната нарација, мистификацијата, парадоксот, интертекстуалниот мизанабим) и на рамништето каде што се демонстрираат метатекстуалните функции на вакантната цитатност: нејзините имплицитни коментари врз интертекстуалноста, врз епистемолошката несигурност и онтолошките трансгресии на/во книжевноста.

Клучни зборови: македонска литература, постмодерна фикција, интертекстуалност, вакантна цитатност, метатекстуалност

Abstract. The aim of this text is to examine the vacant citation as one of the intertextual models in recent Macedonian postmodern fiction. The subject of analysis are two texts: the short story "*Rakopisot od Kitab-an" ("The Manuscript of Kitab-an"*) by Macedonian author Vlada Urosevik and the novel "*Papokot na svetot"* ("*The Navel of the World"*) by Macedonian author Venko Andonovski. The interpretation is focused on two levels: on the main characteristics and procedures of this intertextual model (pseudocitation, deductive narration, mystification, paradoxes, intertextual mise en abyme); and on the level of metatextual functions of vacant citation: its implicit comments on the intertextuality, epistemological uncertainity and ontological transgressions of literature and within literature.

Key words: Macedonian literature, postmodern fiction, intertextuality, vacant citation, metatextuality

Цитатноста, поим којшто е непознат во терминолошките прирачници и речници, е неологистички термин којшто добива теориска афирмација во рамки на хрватската интертекстуална парадигма, промовирана во студијата Теорија на цитатноста (1990) од Дубравка Ораиќ-Толиќ. Таа ја дефинира цитатноста како вид експлицитна интертекстуалност којашто се однесува на сите оние случаи кога цитатната релација станува «доминанта на еден текст, на авторски идиолект, на уметнички жанр, стил или култура, каде што се поставува како онтолошко и се-

миотичко начело» (Ораиќ 1990: 5). Притоа, знаците на надворешна сигнализација (наводници, курзив, фуснотни упатувања на изворникот) не се неопходни за да се потврди постоењето на цитатната релација. Говорејќи за хиперцитатноста, како една цитатна доминанта во постмодерната култура од 80-тите години, којашто «Гете не го чита, туку го цитира», Ораиќ ја констатира «бескрајната уметничка, научна и животна цитатност како начин на којшто европската цивилизација ги втиснува своите пораки во отворената и рамнодушната меморија на планетарната масмедиумска култура» (Ораиќ 1990: 210). Во комплексната типологија на цитатни модели што хрватската теоретичаарка ја прави врз основа на различни критериуми, посебно е атрактивен моделот на вакантната или празната цитатност, која типолошки спаѓа во групата цитати според обемот на совпаѓање меѓу прототекстот и цитатот. Вакантната цитатност се одликува со отсуство на цитатната еквиваленција помеѓу текстот и цитатот / прототекстот, било да се работи за фингирање на цитатниот допир меѓу постојниот прототекст и цитатот (варијантата псевдоцитатност), било да се работи за отсуство и на реалниот прототекст и на цитатот (варијантата парацитатност) (Ораиќ 1990: 18). Главна одлика на двете цитатни варијанти е тоа што и двете го оголуваат категоријалниот цитатен триаголник, сочинет од цитатот – сопствениот текст – туѓиот текст, односно самата релација на совпаѓање.

Сондажата во корпусот на современата македонска проза не́ доведе до неколку текстовни парадигми, од аспект на основните модели на вакантната цитатност: расказите Ракописот од Китаб-ан од Влада Урошевиќ (1983) и Летачки триумф од Ермис Лафазановски (1992), кусата проза Таблица первја од Блаже Конески (постхумно објавена во списанието *Културен живот*, 1993, број 2–3) и романот Папокот на светот (2001) од Венко Андоновски. Ако текстот на Конески е репрезентативен во однос на мистификацијата, со оглед на тоа што ја користи постапката на мимикрирано претставување на сопствениот текст како туѓ (индицирано преку насловот и преку авторот – потписник), иако паралелно е присутен и процесот на демистификација, тогаш расказот на Лафазановски е егземпларен во однос на парацитатната вакантност: во отсуство на реалниот прототекст, се наведуваат фрагменти од непостоечка книга од непостоечки автор и се цитираат делови од псевдонаучни текстови, илустрирајќи го она што Жерар Женет го именува како псевдорезиме од борхесовски тип.

ВАКАНТНАТА ЦИТАТНОСТ ВО РАСКАЗОТ РАКОПИСОТ ОД КИТАБ-АН

Псевдоцитатност

Ракописот од Китаб-ан од Влада Урошевиќ[1] е конструиран низ техниката на пронајден ракопис, што е особено експлоатиран топос во современата проза (на пример, од страна на Хорхе Л. Борхес, Умберто Еко, Милорад Павиќ). Во случајов, се работи за псевдоцитатната варијанта на вакантност, застапена преку двојниот прототекст: постои реалниот прототекст чие присуство во расказот е посредувано преку метонимискиот принцип pars pro toto. Имено, уште на првата страница на-

[1] Урошевиќ во текстот Писателот во дијалог со друго книжевно дело, нуди своја типологија на начините на интегрирање на цитати во современата македонска поезија. Според него, првиот начин подразбира недвосмислено упатување на изворот, со графичко индицирање на интерполираните цитати во новиот поетски контекст. Вториот начин, пак, подразбира експлицитна цитатна постапка, но без графички индикатори, што придонесува за «поголемо чувствување на врската помеѓу текстот на изворникот и новиот текст» (Урошевиќ 1986, 105–117).

раторот соопштува: «Текстот на записот врз пергамент беше, всушност, цитат од ракописот на арапскиот алхемичар, принц од династијата на Омеидите, Калид ибн Јазид, мал дел од книгата позната под името Разговори на кралот Калид и физичарот Мариен»[1]. Веродостојноста на изворникот подлежи на текстуална верификација: ракописот – цитат ќе го пронајдеме во книгата *Histoire de L'alchemie*[2] каде што, пак, е преземен од текстот под наслов *L'entretien du roi Calid et du philosophe Morien.* Втората предлошка се патописните белешки *Демони, дервиши и светители* на Анатол де Мејбом (1956)[3]. Авторот, кој инаку докторирал филозофија на Универзитетот во Прага, го опишува својот престој во Македонија кон крајот на 30-тите години. Интертекстуалната селидба е очигледна и на ниво на мотиви – преку ликот на научникот-прашки докторанд и на ниво на постапки – преку конфузното испреплетување на фактичкото и на фикционалното. Меѓутоа, расказот на Урошевиќ се концентрира врз необичното патување на архаичниот ракопис, употребено како повод да се следи оголувањето на цитатната релација, и да се потенцира потентноста на текстовната еквиваленција и на нејзиното разоткривање да генерираат нов текст(расказот), кој добива метакнижевен и метапоетички статус.

Дедуктивна нарација

И токму во начинот на разоткривање на цитатното совпаѓање лежи мајсторството на авторот: во таа смисла, индикативен е редоследот на изнесувањето факти, како вешто и тактично дозирање на информациите, но и како проблематизирање на нивната веродостојност: необично и неочекувано, цитатниот извор е откриен уште на самиот почеток, на што се надоврзува предисторијата на ракописот, фактографски поткрепена; во продолжение, се проследува судбината на ракописот по неговото механичко делење, коешто се доведува во врска со еден историски настан – пожарот во Скопје од 1689-тата година – и кругот се затвора со интегралното наведување на цитатот.

Приказната, конструирана околу патот на ракописот, се сведува на дедуцирање и детектирање на постојните верзии за тоа патување. Во таа насока, своја оправданост наоѓа дедуктивната нарација, овозможувајќи приказната да се деривира од и преку интеракцијата и координацијата на различните извори и приказни, кои имаат статус на сведоштва за судбината на ракописот, а кои, во интертекстуалната природа на текстоот, партиципираат како лажни или вистинити прототекстови. Оттаму, «дедуктивното раскажување прераснува во испрашување на внатрешните принципи на приказната / приказните» (Јерков 1991: 169). Во ретроактивното објаснување на постапките по повод романот-првенец Името на розата, Умберто Еко го воведува поимот вештачки дијалогизам, како метанаративна постапка која го користи извесниот ракопис – предмет на размислување на наративниот глас – и како предмет на толкување во мигот додека се одвива раскажувањето (Еко 2002: 198). Кај македонскиот автор оваа постапка е мотивирана преку фокусирањето врз судбината на ракописот, што, пак, е посредно мотивирано со постапката на научно истражување на цитатната релација меѓу прототекстот и цитатот. Она што притоа е симптоматично и проблематично, е истражувачкиот процес кој поприма мистификациски димензии.

---

[1] *Урошевиќ Влада*. Ракописот од Китаб-ан. Лов на еднорози. Скопје: Македонска книга, 1983. С. 155.

[2] *Hutin Serge*. Histoire de L'alchemie. Marabout Universite, 1971.

[3] За ова необично патување на Мејбом, Урошевиќ говори во својот текст: «Наполу вистинско наполу имагинарно патување (кон патописната книга на Анатол де Мејбом за Македонија)» (Астролаб. Скопје: МАНУ, 2000. С. 362–368.

Мистификација

Според хрватскиот теоретичар Павао Павличиќ, мистификацијата претставува една од интертекстуалните, односно цитатните форми којашто е особено експлоатирана во постмодернистичката проза. Во текстот на Урошевиќ таа форма е навестена низ сознанието за лесната присвојливост на делови од туѓ текст и за уште полесното легитимирање на авторството над туѓите текстови. Во прилог на тоа оди и механизмот на мултипликација, присутен на сите нивоа во расказот: удвојување на ракописот чијашто првично интегрална форма е разбиена на два дела; удвојување на неговата десна половина, така што во еден миг сите мештани му ја продаваат на истражувачот навидум идентичната и автентичната, комплементарна половина на ракописот (мултипликации и на пронаоѓачите, т. е. на условните или на лажните автори); понатаму, се мултиплицираат и фактите за судбината на ракописот и за неговите истражувачи, а верзиите се понудени од четири различни перспективи, кои се и текстуално-графички сигнализирани во расказот како А, Б, В, Г варијанти, чија експликативност осцилира меѓу сопоставените подрачја на фантастичното, чудното, неверојатното, од една страна, и на полициско-детективската извештајност и аргументираност, од друга страна. Ваквото поставување на веродостојното и на неверојатното, на доверливото и на недоверливото, на факцијата и на фикцијата го доведува идниот доктор на науки до состојба на «тотална анксиозна неизвесност» и до «апсолутна епистемолошка несигурност» (Мекхејл 2001: 30), при што неговото сомневање предизвикува и дополнителни онтолошки консеквенци: и истражувачот Исак бен Сарук и неговиот предмет на интерес – ракописот, односно неговите делови постојат или не постојат во светот на фактите, во зависност од тоа која верзија и претпоставка ќе ја одбереме, во зависност од тоа која приказна се чини поверојатна.

Псевдо-формите како вид книжевни измами (кои најчесто имаат пародиски предзнак), според Маргарет Роуз, најексплицитно ја илустрираат мистификациската конверзија: преку преобразување на постоечкото се доведува под сомневањеона што е очигледно (Rose 1993: 70–71). Вакантната псевдоцитатност го обезбедува тој ефект и во текстот на Урошевиќ: ситуацијата кога кој било текстовен фрагмент може да го пополни празното место во оригиналниот ракопис и да партиципира во повторното воспоставување на неговиот интегритет, говори за можноста цитатното совпаѓање да ја афирмира алтернативната егзистенција на невозможното и на непостојното (било да се работи за текстот или за неговите фрагменти, било да се работи за неговите автори или за неговите пронаоѓачи). Ова колебање меѓу хипотезите и нивните аргументи резултира со низата контрадикции и парадокси.

Контрадикција / парадокс

Цитатната интертекстуалност станува една од метафикционалните постапки кои во класификацијата на Патриша Во се подведуваат во групата контрадикции: нивното присуство во *Ракописот од Китаб-ан* се манифестира низ симултаноста, низ алтернативните приказни понудени како една приказна, низ алтернативните завршетоци на приказната и низ чисто логичките контрадикции што се предизвикуваат меѓу нив (Женет 2003: 137–140). Според Ренате Лахман, парадоксот како облик на контрадикција, меѓу другото, се занимава и со специфична преработка и произведување на знаењето, при што: се доведува во прашање важечкото знаење, се разоткриваат одредени апории преку процесот на радикализирање или се разоткрива конечната невтемеленост на претпоставките, со што, во крајна линија,

се докажува несигурноста на бесприговорно понуденото знаење (Lachmann 2002: 116). Во секој случај, парадоксите и контрадикциите подеднакво го конфузираат и ликот-истражувач во расказот и читателот на расказот, така што и обајцата се доведуваат до истата состојба на несигурност и на скептичност по однос на она што е затекнато како утврден корпус на знаење и факти.

ВАКАНТНАТА ЦИТАТНОСТ ВО РОМАНОТ ПАПОКОТ НА СВЕТОТ

Цитатен мизанабим

Романот на Венко Андоновски типолошки припаѓа на псевдоцитатната варијанта на вакантна цитатност: тој, исто како и Урошевиќ, ја користи техниката на пронајден ракопис, односно постапката на «реконструкција на изгубена или непостоечка алка на текстот» (Попович 1982: 29). Имено, романот е конструиран како типичен цитатен облик, според принципот текст во текст, со експлицитно назначување на прототекстот и интегрално, «цитатно автентично» вклучување на туѓите, цитатно реферирани, прототекстови. Таа цитатна низа е составена од:

1. *Предговорот на приредувачот*: овој паратекст е конципиран како лаички коментар на приредувачот, идентификуван низ псевдонимот Јас, инаку брат на псевдо авторот на романот Папокот на светот. Редакторот, уште на самиот почеток, предупредува на својата книжевна некомпетентност, со што практично се оградува од ракописот што го приредува: «Да расчистиме уште на почетокот (сметководител сум и сакам чисти сметки): ова издание го давам на увид и го издавам на свет само поради брат ми. Односно поради куферот – ковчег на брат ми, што ми го врачија пет минути пред да ми го испорачаат телото во лимен сандак... она што всушност пресуди да се решам на еден ваков безумен чекор – објавување на заоставнината на брат ми: стотина и триесет странички текст отчукан на машина, на полужолти листови, со наслов ‘Папокот на светот’, а под него, со мали букви: ‘роман’»[1]. Но, дури и од таа нестручна позиција, приредувачот, сепак, прави коментари, па дури и коавторски интервенции во ракописот на братот-романсиер: постојано го искажува своето сомневање околу оригиналноста на текстот и околу неговото авторство, аргументирајќи со повеќе причини: бидејќи не верува во книжевниот талент на братот, бидејќи препознава сличности помеѓу текстот што го приредува и текстовите пронајдени во лектирата на покојникот (есеистички книги, научни студии, библиската Песна над песните), бидејќи се сомнева во можноста од креативна помош добиена од страна на познати автори, чиишто визит-картички ги пронаоѓа во заоставнината на братот (Горан Стефановски, Јордан Плевнеш, Соломон Маркус, Предраг Матвеевиќ). Сомневањето во жанровската припадност на текстот приредувачот го искажува во референциите во коишто го квалификува ракописот како «роман», како «чудно издание», како «роман-компилација». Од друга страна, редакторот интервенира и во самата структура и содржина на ракописот што го приредува, макар што тоа не го прави од авторско-креативни, туку од приватно-дискрециони причини: имено, плашејќи се од јавното мислење на малоградската средина, тој ги менува имињата на романескните ликови со имиња на книжевни ликови, преземени од Шега на Милан Кундера, единствената книга со којашто, како што тврди, не нашол сродности во романот на брат му.

2. *Приредениот ракопис, т. е. псевдо-романот Папокот на светот*: станува збор за постхумно објавена книжевна мистификација, составена од два дела:

[1] *Андоновски Венко.* Папокот на светот. Скопје: Култура, 2001. С. 5–6.

првиот дел, под наслов Клучалница, ја содржи повеста за Константин Филозоф, којшто го дешифрирал натписот ма Соломоновата чаша во Аја Софија во Константинопол; вториот дел, насловен како Клуч, е дневникот на братот-романсиер, кој содржи бројни есеистички дигресии.

3. *Судското сведочење на Луција Земанек*: таа е еден од ликовите во псевдо-романот, а нејзиниот «текст-сведоштво» цитатно е вметнат од страна на приредувачот.

4. *Поговорот-рецензија*: тој има статус на паратекст[1], но овојпат како стручен осврт кон второто издание на псевдо-романот, направен од страна на доцентот по литература, д-р Венко Андоновски.

5. *Дополнение-коментар* на приредувачот којшто се однесува на второто книжевно дело на неговиот брат – збирката љубовна поезија.

6. *Псевдо-стихозбирката Енигма*: збирката содржи девет песни напишани од страна на истиот автор на псевдо-романот, чиешто авторство, повторно, е спорно. Самиот приредувач шпекулира со неколку можности – дека станува збор за авторски текст на неговиот брат од средношколските денови, дека се работи за текст со прикриено авторство (вистинскиот автор е мајката на неговата сакана), или, пак, дека се работи за компилација на творби од неколку македонски поети (Анте Поповски, Петре М. Андреевски, Радован Павловски), што се констатира и во скицата-експертиза на рецензентот.

7. *Приватно писмо*: тоа е адресирано до авторот на псевдостихозбирката, со потпис Б. Варошлија.

Функции на вакантната цитатност

Цитатните постапки и релации ја добиваат својата смисла и оправданост врз основа на функциите што ги имаат не само во рамки на дадениот книжевен текст, туку и пошироко, функциите што ги имаат во поширокиот контекст, било на авторската поетика, било на поетичките доминанти на дадената стилска формација. Во случајот на текстовите на Урошевиќ и на Андоновски вакантната цитатност ги илустрира поетичките специфики на постмодерната (македонска) проза. И токму на ова рамниште се активираат и се исчитуваат метатекстуалните функции на вакантната цитатност.

Цитатноста, како и секој интертекстуален вид, всушност, претставува облик на «текстуален трансвестизам»: чин во кој текстовните ткаенини се преткајуваат и се вткајуваат, се преоблекуваат и се преобликуваат, една во друга, една преку друга, една низ друга, една зад друга... Расказот Ракописот од Китаб-ан го демонстрира случајот на текст кој го проблематизира сопствениот идентитет, егзистирајќи низ своите две половини, кои потоа се умножуваат до бесконечност, така што процесот на маскирање е проследен низ фазите на комплементарност, идентичност и заемна конвертибилност на текстовните сегменти. Дилемата е: дали тие ситуации се израз на «семиотичко очајување», или, пак, тоа е една од стратегиите со кои книжевноста, самосвесно и досетливо, со посредство на интертекстуалноста, се брани од и се надмудрува со апокалиптичните и песимистичките прогнози за нај-

[1] Жерар Женет во типологијата на транстекстуални релации ја посочува и паратекстуалноста, којашто ги опфаќа сите облици на «опкружување на текстот», од типот на: наслов, поднаслов, меѓунаслови; уводи, поговори, напомени, предговори, белешки на маргините, епиграфи, илустрации и бројни други «дополнителни сигнали», кои се «привелигирани места на прагматичната димензија на делото, т. е. на неговото дејство врз читателот» (Женет 2003: 65–66).

зиниот статус, нешто што своевремено го заговараше Џон Барт преку синтагмата «книжевност на исцрпеноста».

Во тој контекст, вакантната цитатност има двојна рефлексија:

1. Ја потврдува неизбежноста на интертекстуалноста и на интертекстот, и релевантноста на односот книжевност – книжевност, како императив на актуелната ситуација на хиперцитатност кога, според Ораиќ, повеќе не читаме, туку, едноставно, цитираме. Тоа е, секако, потврда и на радикалната Бартовска интертекстуална концепција, според којашто интертекстот / интертекстуалноста се предуслов за текстот / текстуалноста, така што секој текст во исто време има нужно двојна позиција: прототекстовна и метатекстовна. Расказот на Урошевиќ ја илустрира оваа неминовност, сугерирајќи ја залудноста на потрагата по изворот на цитатот, потрагата по другата половина на ракописот, и воопшто, потрагата по совршената, компактната и научно описливата литература: таа е априори интертекстуална, а вакантната цитатност е само една варијанта на интертекстуалната очигледност.

2. Ја проблематизира постојната релација книжевност – наука: во расказот пронајдениот ракопис е опсервиран како предмет на научен интерес (тема на докторска дисертација). Тој факт ја условува следната каузалност: ако текстот што е предмет на научен интерес е подложен на необјаснива мултипликација и конверзија, тогаш тоа има реперкусии и врз научниот потход и врз неговите параметри на веродостојност, вистинитост, објективност, конечност. Осведочувајќи ги стапиците, апсурдите и илузиите во кои запаѓа бескрајното детектирање експлицитни / имплицитни текстови, расказот на Урошевиќ го отвора и прашањето за псевдосциентизмот, втемелен врз слободата во менувањето факти или поигрувањето со нив. Оттаму и можната етичка дилема: дали да се признае поразот и немоќта, како што тоа го сторил Исак преку таинственото заминување, или пак, по секоја цена да се истрае, макар и да се прибегне кон псевдо / квази научни конструкции?!

Несомнено, *Ракописот од Китаб-ан* ја потврдува својата неприкосновена парадигматичност: тој го илустрира случајот кога во рамките на ист текст постои паралелното афирмирање на еден интертекстуален модел (вакантната цитатност), применет како конструктивен принцип, но и неговото иронично поткопување: можеби сета книжевност е во знакот на цитатот, кој во бескрајната трансмисија ги загубил наводниците, ама залудно е да трагаме по неговата докажлива изворност и автентичност. Иако расказот го користи обликот на „рестриктивната интертекстуалност“, односно на експлицитната интертекстуалност текст во текст, сепак, тој подеднакво ги тангира и радикалните интертекстуални концепции, со самото тоа што ги иронизира и интертекстуалните проучувања воопшто. Со оглед на тоа, расказот функционира како двоен метатекст:

1. *Коментар на интертекстуалноста:* неможноста да се лоцира и да се верификува цитатниот извор честопати се алибира со чудото и со необјаснивото, а на лесното умножување на прототекстовите соодветствува замаглувањето и релативирањето на границите оригинал – копија: «Макар што дотогаш не се сомневаше во нивната оригиналност, сега почна да забележува низа грешки, мали нелогичности, дури и траги од вешто скрини измами. Сфати, очаен, дека некои од оние примероци што му ги нудеа по мрачните ќошиња на чаршијата се далеку поблиски до оригиналот отколку овие ливчиња, а дека оригиналот е бескрајно далеку, недостижен и надвор од можноста за проверување» (Урошевиќ 1983: 163).

2. *Коментар на проучувањето на интертекстуалноста:* заминувањето и откажувањето на Исак бен Сарук, кој капитулира пред нелогичното мултиплицирање и заменување делови од ракописот, е израз на немоќта на научната детекција која повеќе не е во состојба ниту да го следи ракописот, ниту да го идентификува неговото потекло, а уште помалку да го фокусира низ научната призма: «Чудно е, се разбира, дека еден ракопис чија судбина можеме да ја следиме повеќе векови, има во нашите денови толку нечитлива трага» (Урошевиќ 1983: 163). Во тој контекст е направена и ироничната констатација на нараторот со која завршува расказот: «Стручњаците никогаш не дознаа дека се работи за цитат од една стара книга за алхемија; но и да дознаа, којзнае дали тоа би им помогнало во нивната работа» (Урошевиќ 1983: 166). Несомнено, интертекстуалноста, подеднакво, ги предизвикува и ги заведува и книжевноста / писателот и науката / научникот. И, макар што, провокацијата возбудува, сепак, да се биде заведен не значи да се триумфира, туку да се биде потчинет пред заведувачот!

Следствено, епистемолошката несигурност која ја продуцира вакантната цитатност во расказот има и дополнителни, онтолошки импликации:

1. Ја имплицира загрозеноста на *онтолошкиот статус* на книжевноста: со тоа што вакантната цитатност упатува на состојбата кога книжевноста повеќе не се однесува непосредно на стварноста како референтен свет, туку до неа доаѓа посредно, преку туѓите текстови, односно цитати, сугерирајќи ја неизбежноста на предлошката во секој книжевен чин.

2. Го имплицира *онтолошкиот релативизам*, потврдувајќи ја лесната трансгресивност во сите насоки (книжевност-книжевност; книжевност-стварност, фикција-факција), што секако говори и за подлабока онтолошка нестабилност.

Парадоксот којшто произлегува од неизбежноста на интертекстуалноста и од залудноста на нејзиното проучување, ја промовира единствената можна извесност, онаа на текстот, којшто единствено слободно плови во сите насоки. Наспроти епистемолошката несигурност (во доменот на науката) и онтолошкиот релативизам (во доменот на книжевноста) стои Текстот, без оглед на тоа дали ќе биде прототекст или метатекст, дали ќе биде лева или десна половина од архаичен ракопис, дали ќе биде предмет на докторска дисертација или експонат во берберска работилница. Слободата на текстот (претставена низ необичното патување на ракописот) и немоќта за негово научно фиксирање (претставена низ заминувањето на Исак бен Сарук), односно вакантната цитатност, која лежи во основата на овие две постапки, ја потврдува единствената релевантност на текстовните релации: откривањето на врските значи пополнување на празните места меѓу одделните текстови, значи ситуирање на (интер)текстот меѓу најмалку два текста. Заговарајќи ја празнината (било како празно место на прототекстот, било како празна релација меѓу прототекстот и цитатот) книжевната вакантност се манифестира како интертекстуална варијанта, чијашто цел е (интертекстуално) пополнување и впишување во меѓу-текстовноста. Несигурното, неизвесното, празното може да се пополни само преку она што е веројатно, а веројатното и можното, во аристотеловска смисла, е привилегија на книжевноста.

Ракописот од Китаб-ан може да се чита како потврда на ставот на Брајан Мекхејл за сеприсутноста на приказната: имено, расказот ги рас-кажува и ги пре-раскажува мноштвото, веќе конструирани приказни околу ракописот и неговите истражувачи. Рас-кажувајќи ги и пре-рас-кажувајќи ги веќе конструираните

приказни, и расказот се конструира како миријада од приказни за приказната и приказни во приказната и приказни зад приказната и приказни низ приказната! И наративниот принцип добива легитимитет и во книжевен и во научен контекст: и писателот и научникот се неминовно homo fabulans (и раскажувачи и толкувачи), и тоа е единствената можна позиција и во творењето и во толкувањето на книжевноста, односно на нејзините текстовни репрезенти. Дури и она што во одреден миг имало статус на факт, веќе во друг миг е демистификувано само како една конструкција, па неговата аподиктичност се разводнува и се релативира, сведувајќи се само на една од можните приказни. «Впрочем, сакајќи веројатно да ги објаснат многубројните варијанти на приказната, некои велат дека во тој миг во Скопје престојувале двајца луѓе што го носеле истото име: Исак бен Сарук. И дури дека престојувале во исто преноќевалиште. А некои, пак, велат-претерувајќи, се разбира – дека ги имало четворица. Доколку би се прифатила оваа неверојатна претпоставка – која сé уште кружи низ круговите на постарите жители на овој град и која претставува, всушност, удвоена приказна за класичниот двојник – тогаш секоја од изнесените варијанти би можела да биде точна» (Урошевиќ 1983: 164). Ирелевентни се и објективноста и веродостојноста, наспроти потребата приказната да биде интересна за публиката, но и стратешки корисна (Мекхејл 2002: 25). Корисна во смисла на интригирање и, доколку е сé уште можно, збунување на публиката чиј вкус, во услови на интензивниот интертекстуален тренинг, е несомнено префинет; но, корисна и за самата книжевност, којашто го струга сопствениот палимпсест и ги пополнува така создадените белини и празнини, «ставајќи го акцентот врз постапката, и враќајќи се кон самиот чин, кон фактот дека нешто (сé уште) се прави уметнички, т.е на уметнички начин» (Павличиќ 1989: 43).

Цитатноста, како доминантна интертекстуална релација и постапка во структурирањето на романот Папокот на светотповеќекратно е функционална, првенствено, во насока на демонстрирање на поетичките доминанти на постмодерната интертекстуалност, но и пошироко, на постмодерната проза. Таа функционалност може да се аргументира на три рамништа:

1. На рамниште на интертекстуална релација: во услови кога современата култура нуди бројни примери за «бескрајната уметничка, научна и животна цитатност» (Ораиќ 1990: 210), романот на македонскиот автор илустрира една од хиперцитатните варијанти, којашто ги демонстрира типичните онтолошки трансгресии на границите и помеѓу световите, но и помеѓу текстовите, што, практично, се одвива во сите насоки: уметност – стварност, уметност – неуметност, уметност – псевдоуметност. Во Папокот на светот таа трансгресија се реализира преку постапката на цитатно калемење и компилирање на хетерогените текстови. Притоа, оваа постапка потврдува на кој начин еден книжевен текст (роман) и еден «животен» текст, или текст од / за животот (дневник), може да се инсертираат во сосема различен уметнички (кон)текст, да се најдат во непосредно соседство, да се прелеваат, во смисла да имаат идентична содржина, а нивните ликови да доживуваат идентична судбина, откривајќи ја можноста едното да го препишува, да го содржи другото или, пак, да се огледува во него и да се угледува на него, едниот да биде Клучалница, а другиот Клуч. Самиот факт што во структурата на романот се јукстапонирани и семантички се поврзани разнородни текстови – поетско-прозни (псевдоуметнички текстови), писма, дневници, коментари (неуметнички и приватни текстови), судски сведоштва (административни текстови), рецензии (научни текстови), односно дека на исто рамниште егзистираат реални

и измислени / лажни автори, сосема јасно ја експлицира постмодерната состојба на релативирање на границите и на нивелирање на световите. Таквата романескна структура наоѓа своја поткрепа и во тезата на Брајан Мекхејл за «онтолошката доминанта на постмодерната проза» (Мекхејл 2001: 10), артикулирана преку онтолошките теми и постапки коишто ја демонстрираат «онтолошката плуралност и нестабилност» (Мекхејл 2001: 11).

Во книжевноуметничкиот текст под наслов Папокот на светот од реалниот автор Венко Андоновски се интегрираат неколку прототекстови – уметнички, псевдоуметнички и «транссемиотички» (Ораиќ 1990: 23), така што се добива една мултиплицирана цитатна конструкција од типот текст во текст, текст покрај текст, текст зад текст, текст под текстот. Цитирани се две книжевни мистификации: едната, псевдо-романот Папокот на светот (кој, не случајно, има идентичен наслов со романот на Андоновски), цитатно компилиран од различни уметнички и неуметнички текстови; другата книжевна мистификација е псевдо-стихозбирката Енигма, која, пак, е микстура од поетски текстови на различни (реални) автори.

2. На рамниште на метатекстуалноста, којашто е во функција на илустрирање на постмодерните тенденции да се реафирмираат книжевноста и книжевниот текст како коментар, фуснота, метатекст во однос на традицијата сфатена како глобален прототекст. Моделот на вакантна цитатност во Папокот на светот се открива во светлината на своевиден коментар за актуелните случувања во книжевноуметничката и во книжевнонаучната сфера, во смисла на критичко превреднување на параметрите што владеат и во творечката продукција и во нејзината критичка верификација. Оттаму, впрочем, и реакцијата на рецензентот на приредениот ракопис, којшто констатирајќи бројни недостатоци во романот кој добил високи книжевни награди, се запрашува: «Јас дури, искрено се чудам како критиката и луѓето во жиријата не ги виделе до сега овие пропусти. Дали тоа, Ве молам, значи дека во оваа земја никој, освен, доцентите по литература не чита книги и не се занимава со логика?» (Андоновски 2001: 321).

3. Конечно, вакнатната цитатност во романот на Андоновски е сигнификативна и на рамништето на коешто го демонстрира моделот на илустративна цитатност (Ораиќ 1990: 43–51), којшто го репрезентира постмодернистичкиот однос кон минатото. Станува збор за цитатен модел којшто, за разлика од т. н. илуминативна цитатност, се одликува со: фокус врз илустрацијата на туѓите текстови, кон коишто се поставува афирмативно, преосмислувајќи ги и превреднувајќи ги, а со цел да ги сочува на едно семантички повисоко рамниште. Следствено, коментирајќи ги другите текстови (метатекстуалност), постмодерниот роман ќе се толкува и себеси во намерата да ја реафирмира сопствената релевантност во актуелниот миг и да се придружи кон веќе постоечкиот книжевноуметнички корпус (автореференцијалност). Но, во духот на постмодерните проблематизации и парадокси, Папокот на светот ја свртува својата критичка острица и кон самиот феномен вакантна цитатност, којшто ја афирмира творечката креација ex nihilo. Ваквата критичка димензија во романот е илустрирана токму низ интертекстуалните процедури кои ја допуштаат рамноправната релевантност и сепроникнатост помеѓу различните текстови и го сугерираат неминовното постоење на текстовните предлошки.

ЛИТЕРАТУРА

Андоновски Венко (2001). Папокот на светот. Скопје. Култура.

Женет Жерар Палимпсести. Во: Теорија на интертекстуалноста / Катица Ќулавкова (Прир.). Скопје. Култура. 2003, стр. 63–75.

Урошевиќ Влада (1983). Ракописот од Китаб-ан. Лов на еднорози. Скопје. Македонска книга.

Урошевиќ Влада. Писателот во дијалог со друго книжевно дело. Во: Нишката на Аријадна. Скопје: Мисла. 1986, стр. 105–117.

Eco Umberto (2002). O književnosti. Beograd. Narodna knjiga.

Jerkov Aleksandar (1991). Od modernizma do postmoderne: pripovedač i poetika, priča i smrt. IMPRINT Priština: Jedinstvo / Gornji Milanovac: Dečje novine. 202 s.

Lachmann Renate (2002). Phantasia, Memoria, Rhetorica. Zagreb: Matica hrvatska. 465 s.

McHale Brian (1987). Postmodernist Fiction. London: Taylor & Francis Ltd. 278 p. (Imprint Routledge).

McHale Brian (1993). Constructing Postmodernism. London: Taylor & Francis Ltd. 356 p. (Imprint Routledge).

Oraić-Tolić Dubravka (1990). Teorija citatnosti. Zagreb: GZH. 235 s.

Pavličič Pavao. Moderna i postmoderna intertekstualnost. *Umjetnost riječi.* Zagreb, 1989. Br. 2–3, str. 33–50.

Rose Margaret A. (1993) Parody: Ancient, Modern, and Post-modern. Cambridge University Press. 328 p.

Waugh Patricia (2001). Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. (New Accents). London and New York: Routledge. IX, 277 p.

Сведения об авторе:
Мария Георгиева-Димова,
доктор филол. наук
профессор
кафедра общего и сравнительного литературоведения
Филологический факультет им. Блаже Конеского
университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье
(Республика Македония)

Maria Georgieva-Dimova,
Doctor of Philology
Professor
Department of General and Comparative Literature
Faculty of Philology them. Blaze Koneski
Sts. Cyril and Methodius University in Skopje (Macedonia)
marija.gorgieva@gmail.com

CITATION MYSTIFICATIONS

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-38-43

Н.М. Солнцева

Марийские народные песни в переводе С. Клычкова

Аннотация: Мотивы марийских народных песен, включенных С.А. Клычковым в книгу его поэтических переводов «Сараспан», отражают этническую ментальность и универсальный эмоциональный мир человека. Мифологичное сознание, национальный характер, быт, запечатленные в песнях, коррелируют с содержанием произведений эпических жанров, но, окрашенные лиризмом, отличаются от общепринятых представлений о нраве, привычках, этике мари. В содержании песен доминируют интимные переживания человека. В статье оговариваются принципы перевода, изложенные Клычковым в ряде статей.

Ключевые слова: мари, миф, народные песни, перевод, фольклор, этнокультура

Abstract: The motives of Mari folk songs, included by S.A. Klychkov in the book of his poetical translations “Saraspan”, represent the ethnic mentality and universal emotional world of man. Mythological consciousness, national character, way of life, depicted in songs, correlate with the content of the epic genre works, but because of the lyricism they differ from the generally accepted ideas about the character, habits, ethics of Mari. The content of the songs is dominated by intimate human experience. The article specifies the principles of translation outlined by Klychkov in his articles.

Key words: Mari, myth, folk songs, translation, folklore, ethnic culture

Марийскими народными песнями (*муро, мыры*) открывался сборник переводов С.А. Клычкова «Сараспан» (1936). В 1930-е гг. ни проза, ни поэзия Клычкова, писателя «кулацкой» репутации, не появлялась в печати, и Горький посоветовал ему взять в Гослитиздате подстрочники. В «Сараспан» вошли помимо перевода марийских песен переводы и вольная обработка песен узбекского эпоса «Мудрец Эдыга», поэзии Ш. Руставели, Б. Ишемгулова, А. Церетели, В. Пшавела, Г. Леонидзе. Практически все тексты – о своеобразии и красоте почвенной, национальной культуры, потому, скорее всего, книга и была названа по имени коня хана Тохтамыша из легенды о мудреце Эдыге; этот конь отличался исключительной силой, был прекрасен: «То был конь у Тохтамыша, / Нет теперь таких коней: / Ростом много юрты выше, / А каких кровей – огней! / Грива − мягче льна / И шелка / Зрак – восходная луна / <…> степь покроет, словно дымом / На ветру, густым хвостом…» и т. д.[1]

[1] *Клычков С.* Сараспан: Стихи. Обработка фольклора и переводы / Предисл., коммент. В. Морозова. М.: Голос-Пресс, 2009. С. 121.

Начало марийской письменности относят к 1775 г., переводы Клычкова появились незадолго до официального оформления в 1938 г. марийского алфавита. У нас нет сведений, был ли проведен отбор подстрочников. Если был, то мы не знаем, насколько он субъективен и в какой мере состав песен был рекомендован редакцией, но очевидно, что их содержание ориентировано на этноменталитет. У Клычкова серьезный опыт переводов фольклорных произведений. Среди них опубликованная в 1936 г. глава «Алмамбет и Алтынай» из, как он писал, «грандиозного памятника народного творчества»[1] − «Манаса». Или выполненный по заказу «Нового мира» перевод сказаний, шаманских песен вогулов (манси) «Мадур-Ваза победитель» (1932), в основу которого положены произведения, собранные М.А. Плотниковым и сведенные им в поэму «Янгал-Маа» (1918). Фольклорная поэтика сильна в ранней лирике самого Клычкова. Как переводчика народной поэзии его привлекали уходящие в прошлое представления о мире и человеке. Он был творчески увлечен и образами, и сюжетами, и обрядами, и этическими традициями, и национальной историей народов СССР. Приведем фрагмент из воспоминаний Н.Я. Мандельштам: «Клычкова очень рано отстранили от редакционной работы, потому что по своей мужицкой природе он не мог стать чиновником и хлопотать о чистоте надстройки. Жил он переводом какого-то бесконечного эпоса, а по вечерам надевал очки с отломанной лапкой – он привязывал вместо нее веревочку – и читал энциклопедию, как ученый сапожник – Библию»[2].

В предисловии к «Сараспану» Клычков изложил свои принципы художественного перевода. В итоге переводчику следует представить «подлинное живое поэтическое слово», а не «ученый архив этнографического музея»[3]. Клычков исходил из того, что априори невозможно точно сохранить поэтику подлинника и что интерпретация оригинала неизбежна. Он был особенно внимателен к той специфике текста, которую профессионал примет за ошибку оригинала, но которая по сути «составляет наибольшую ценность с точки зрения поэтического перевоплощения»[4]. Клычков, как и в ряде других статей («Лысая гора», 1922–1923; «О лягушках и устрицах», 1934), убеждал воспринимать слово в контексте, видеть, как оно «брачуется»[5] с другим словом, поскольку нет слов плохих или хороших, как нет плохих или хороших рифм. Существенная оговорка: *брачевание* слов в каждом языке «подчиняется своим правилам и законам»[6]. Клычков писал о проблеме коммуникации своей и чужой речевой специфики: «выражая в полноте чужое, необходимо не потерять своеобразия своего собственного творческого лица, своей собственной стихии слова»[7]. И еще: составитель подстрочника в идеале должен обладать «интуицией, инстинктом языка»[8], но на практике подстрочники порой грешат отсутствием смысла.

Марийцы (или ранее распространенный в русском узусе и не принятый ими этноним черемисы) – финно-угорский народ, как обращенный в православие, так и

---

[1] *Клычков С.* Собр. соч.: В 2 т. / Сост., коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина, при участии Г. Маквея; вступ. ст. Н.М. Солнцевой. Т. 2. М.: Эллис Лак, 2000. С. 534.

[2] *Мандельштам Н.Я.* Собр. соч.: В 2 т. / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин; вступ. ст. П. Нерлера. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во ГОНЗО при участии Мандельштамовского об-ва, 2014. С. 350.

[3] *Клычков С.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. С. 535.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 536.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 537.

верный своей этнорелигии. В «Сказании о царстве Казанском» (XVII) говорится: «Живяху же за Камою рекою, въ части земля своея, Болгарскіе князи и варвари, владеющи поганымъ языкомъ Черемискимъ, незнающе Бога, никоего же закона имущи; обои же бяху служаще и дани дающе Рускому царству до Батыя царя»[1]. В «Сараспане» такого рода брутальных характеристик, конечно, нет. Двенадцать песен выстраиваются от картины ойкумены до выражения эмоционального мира лирических персонажей.

Первая песня «Есть страна на свете по прозванию Элнэт…» – об этнически окрашенном топосе. Элнэт (Илеть), левый приток Волги, – маркер марийского мира, к нему обращалась и книжная литература (например, роман С. Чавайна «Элнет»; первая часть издана в том же 1936 г.). В песне Элнэт – пространство, в котором сконцентрированы распространенные архаичные мифологемы марийского фольклора: дерево, гора, река.

Читаем: «Есть сосна в Элнэте, и другой на свете нет… / У сосны красны и крепки сучья и кора, / Так сосна стара, что не боится топора…»[2]. Сосна здесь символ витальной силы. Обозначенные в трех строках черты дендронима говорят о вертикальном устроении мироздания. Сосна в этой песне космогонична, как и в марийских сказках, где она, «на перепутье в чистом поле», знаменует срастание неба с землей[3]. Отметим, что в сказках она еще и мистична: «на вершину ее в вечерний час, час пророчеств и заклятий, нисходит бог судеб Пюрышо – подумать о судьбах мира, послушать тишину земли, дыхание жизни»[4]. Таким образом, в поэтических представлениях марийцев сосна включена в процесс мирообразования. Очевидно, мотив силы и долголетия сосны, обозначенный в песне, коррелирует с семантикой леса в марийских сказках как места, где течет живая вода.

Водные стихии в марийском фольклоре имеют свои мифологические воплощения (например, хозяин водных пространств Йомшоэнгер), с горами связаны сюжеты о мироустройстве и миропорядке (великану Онару набился в лапти песок волжских берегов, он его вытряхнул, и образовались курганы, холмы; легендарный князь Чумбылат завещает похоронить себя на вершине горы, и люди приходят к ней просить высшие силы о помощи). В песне «Есть страна на свете по прозванию Элнэт…» река – обозначение горизонтальной координаты ойкумены и характеристика ее просторов: «А река Элнэта широка и велика, / Сдалека бежит она, как ночь, темна и глубока…»[5]. Гора в этой песне «тучей залегла в простор»[6]. Здесь очевидна семантика света, как и в песне «Солнце встало поутру…»: «На горе да на юру / Все-то золотое», но в ней солнце еще и образ текучего времени: «Солнце встало поутру / С золотой трубою»; оно же «Опустилось ввечеру / Светлой головою…»[7]. Или в песне «Веселый день, весенний день…»: «По лугу в шапке набекрень / Весь день гуляет солнце…»[8]. В марийских песнях, отобранных для «Сараспана», светило – образ онтологического смысла, что, на наш взгляд, соотносится с сюжетом легенды об обретении народом новой родины: теснимые руси-

[1] drevlit.ru/texts/k/kazan_tsarstvo1.php (дата обращения: 10.03.2017).
[2] *Клычков С.* Сараспан. С. 23.
[3] *Симонова О.Е.* Древесная символика марийского сказочного фольклора // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. С. 1059.
[4] *Спиридонов А.* Югорно. Марий эпос // Марийский мир. 2010. № 2. С. 48.
[5] *Клычков С.* Сараспан. С. 23.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 27.
[8] Там же. С. 33.

чами и булгарами, марийцы испросили у Солнца разрешение следовать за ним на запад – к благой земле, где оно заходит и проводит ночь, в страну вечнолазурных вод, с густыми по пояс травами, с листьями цвета изумруда, золотыми, как солнце, плодами. Образы космогонического смысла не могли не привлечь Клычкова: в его романах мир природоцентричен, мысли героев обращены к космосу.

Мотивы песни «Есть страна на свете по прозванию Элнэт…» предопределяют образные ряды последующих песен, но наделенных иной – лирической – коннотацией. Так, дендронимы в них использованы для описания психологического и внешнего портретов. Параллелизмы обеспечивают лаконизм описания при сохранении точности и глубины характеристик: «Свет ты матушка-березка, / Батюшка-осинка! / У снохи пряма заческа, / У ольхи – вершинка! / У ольхи и листья грубы, / И цветы – отрава! / Не сломить сучка у дуба, / А у братца – нрава…»; березка либо «матушка болезная», либо ассоциируется с Палашей, на ней «Заря, / Как сарафан, / Как в старину носили»; милый встанет «черемухою гибкой» над могилой девушки; созревание яблок – «Счастливое время в году»[1]. Интимный смысл привнесен и в образ бора: «Посредине поля бор, / А в бору криница… / Поспрошу, до коих пор / Будет сердце биться?»[2], что свойственно жанру лирической песни, но не марийским легендам бытийного содержания (великан Онар перешагивает через лес, через дубы и сосны; в лесах живут лесные духи или ведьмы овды, покровительница леса Кожла и покровитель лесных зверей Кожла-Юмо и проч.).

В подавляющем большинстве песен показан менталитет мари. А.И. Герцен («Вотяки и черемисы», 1838) писал об их упорстве, привязанности к обычаям и своей религии, физической силе. Из содержания песен ясно, что фольклорный герой привлек Клычкова поэтичностью языка и ассоциативностью восприятия, афористичным мышлением, темпераментом, сочетанием грусти, гедонизма и самоиронии. И хотя первую песню венчает характеристика «А народ живет в Элнэте, исстари хитер: / У двери всегда топор, а на душе затвор…»[3], в последующих песнях – и сугубо лирических, и сюжетных – мы видим откровение и простодушие персонажей.

В марийском фольклоре доля женщины, девушки незавидная: «Достанется затейница / Не мужу в подовиннике, / Не в роще полюбовнику – / Кельмезскому кулаку / Батрачкой на току»[4]. Она сиротинка, не знает ласки в семье брата, предчувствует свою скорую гибель, в ее жизни – невзгоды, ее душевное состояние – как непогода. Конечно, она влюблена и ожидает милого, потому в убранстве ее постели есть лишние подушки. Марийские женщины труженицы, на пашне работают до пота, но умеют и веселиться: в доме батюшки и едят вдоволь, и пляшут; они хотят насладиться жизнью, и это у них получается: возвращаясь от батюшки, они потеряли чеботы, но – «Пусть ругаются мужья: / Жить не два же века»[5]. Созданный в песнях образ не отличается сдержанностью, или расчетливостью, или экономностью, на которые указано в работах о менталитете мари (см.: *Крысько В.Г.* Этническая психология. М., 2002). Ничего этого в песнях мы не находим. Как отмечалось специалистами, «в этническом сознании мари запреты занимают важное и прочное место и однозначно воспринимаются как самостоятельный

[1] Там же. С. 26, 33, 34.
[2] Там же. С. 25.
[3] Там же. С. 23.
[4] Там же. С. 24.
[5] Там же. С. 31.

жанр фольклора»[1]. В подборке песен «Сараспана» нет ни жанра запрета (ойӧрӧ), ни мотива запрета – ни в его религиозной коннотации, ни как проявление суеверия (см.: *Евсеев Т.Е.* Обычаи, верования и суеверия марийцев // Марий Эл. 1927. № 10. С. 51–63). У девушек из песен, напротив, есть желание украсить себя, они отнюдь не аскетичны. Герцен обратил внимание на красивую одежду женщин: вышитое шелком платье, головной убор конической формы, множество кисточек на поясе. Среди переведенных Клычковым песен есть одна, в которой говорится о «грудном украшеньице» (24).

Достаточно лиричен в марийских песнях и мужчина. Он способен на сильное чувство, впечатлителен, но и разумен. Так, он видит девушку, и проза повседневности преображается: «И зацвели тут маки / По юбке и по саду»[2]. Он влюблен в «чернавку», «милашку», решается на женитьбу, но не идеализирует семейного сосуществования: «Поглядим в глаза друг дружке, / Чтобы слезы по подушке / Покатилися из глаз: / Горю – время, счастью – час!»[3]. В женских персонажах не замечено философского осмысления жизни, мужские персонажи облекают в афористичную форму свои взгляды и на смерть, и на жизнь: «Что за мост, коли в реке / Не задеть опорка… / Есть ли надобность в клюке, / Чтоб забраться в горку? / Ни к чему совсем мосток, / На рожна и клюшка… / А прожить недолгий срок / Не нужна / Подружка»[4]. Не замечено в песнях и расчетливости марийца. Напротив, он бескорыстен в дружбе: «В дружбе жить – / Не значит быть / В долгу!»[5].

В марийских песнях, вошедших в состав «Сараспана», есть мотивы обрядовых (свадебные, поминальные) и необрядовых (сиротские, трудовые, бытовые, любовные) песен, но в них нет социально-исторических мотивов (например, о присоединении к Руси или противостоянии татаро-монгольскому нашествию, о миграции мари и др.). Но в них достаточно полно показан, во-первых, личный эмоциональный мир мари и, во-вторых, универсальность чувств, не обусловленных национальной принадлежностью. В целом их мотивы и образы созвучны русским народным песням.

ЛИТЕРАТУРА

Абукаева Л.А. Запреты в системе жанров марийского фольклора // Вестник Марийского гос. ун-та. 1926. Т. 10. № 3(23). С. 35–38.

Мандельштам Н.Я. Собр. соч.: В 2 т. / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин; вступ. ст. П. Нерлера. Екатеринбург: Изд-во ГОНЗО при участии Мандельштамовского об-ва, 2014. Т. 1. 864 с.; Т. 2. 1008 с.

Клычков С. Сараспан: Стихи. Обработка фольклора и переводы / Предисл., коммент. В. Морозова. М.: Голос-Пресс, 2009. 160 с.

Клычков С. Собр. соч.: В 2 т. / Сост., коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина, при участии Г. Маквея; вступ. ст. Н.М. Солнцевой. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 656 с.

Симонова О.Е. Древесная символика марийского сказочного фольклора // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. С. 1056–1060.

---

[1] *Абукаева Л.А.* Запреты в системе жанров марийского фольклора // Вестник Марийского гос. ун-та. 1926. Т. 10. № 3(23). С. 36.

[2] Клычков С. Сараспан. С. 29.

[3] Там же. С. 30.

[4] Там же. С. 28.

[5] Там же. С. 32.

Сказание о царстве Казанском: drevlit.ru/texts/k/kazan_tsarstvo1.php

Спиридонов А. Югорно. Марий эпос // Марийский мир. 2010. № 2. С. 46–59.

REFERENCES

Abukayeva L.A. Bans in the Genres of Mari Folklore. *Bulletin of the Mari State University*. 1926. Vol. 10. No 3(23), pp. 35–38.

Mandelstam N.I. The Collected Works: In 2 vols. / Eds. S. Vasilenko, P. Nerler, Y. Freidin; article by P. Nerler. Ekaterinburg: GONZO Publ., Mandelstam Society. 2014. Vol. 1. 864 p.; Vol. 2. 1008 p.

Klychkov S. Saraspan: Poems. Translations / Article, comments by V. Morozov. Moscow. Golos-Press Publ. 2009. 160 p.

Klychkov S. The Collected Works: In 2 vols. / Composition, comments M. Nicker, N.M. Solntseva, S.I. Subbotin, G. McVeigh; article N.M. Solntseva. Moscow. Ellis Lak Publ. 2000. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 656 p.

Simonova O.E. Tree Symbols of the Fairy Tale Folklore of the Mari. *Bulletin of the Bashkir University.* 2012. Vol. 17. No 2, pp. 1056–1060.

The Story of Kazan Kingdom: drevlit.ru/texts/k/kazan_tsarstvo1.php

Spiridonov A.A. Ugorno. Mary's Epos. *The Mari world.* 2010. No 2, pp. 46–59.

Сведения об авторе:
Наталья Михайловна Солнцева,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru

MARI FOLK SONGS IN TRANSLATION BY S. KLYCHKOV

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-44-51

А.А. Холиков

Исследователи литератур народов СССР и России на страницах словаря «Русские литературоведы XX века». Т. 1

Аннотация: В статье представлена история академического изучения и преподавания литератур народов СССР и России в нашей стране, перечисляются имена крупнейших ученых в этой области, а в заключение дается обзор жизни и творческого наследия некоторых из них в соответствии с форматом словаря «Русские литературоведы XX века».

Ключевые слова: история науки, литературы народов СССР и России

Abstract: The article presents the history of academic study and teaching of national literatures of the USSR and Russia in this country. The author gives the names of the most prominent scholars in the field, and finally presents an overview of the life and creative heritage of some of them, according to the format of the dictionary “Russian Literary Critics of the Twentieth Century”.

Key words: history of literature, the study of national literatures of the USSR and Russia

История академического изучения литератур народов СССР и России в нашей стране связана в первую очередь с организацией Института мировой литературы имени А.М. Горького АН СССР. В Постановлении Правительства (Президиума ЦИК Союза ССР) от 17 сентября 1932 г. «О мероприятиях в ознаменование 40-летия литературной деятельности Максима Горького» было сказано, что Институт (первоначальное название – Литературный Институт имени Максима Горького, с 1934 – Институт литературы имени А.М. Горького, с 1938 – современное наименование) создается в том числе «как лаборатория для изучения художественной литературы народов Союза ССР»[1]. Однако специальный Сектор литератур народов СССР был открыт только в 1949 г. (Великая Отечественная война помешала сделать это раньше). Первым заведующим стал М.Н. Добрынин. После образования Отдела советской литературы в 1955 г. Сектор входит в его состав. С тех пор и до 1988 г. им заведует Г.И. Ломидзе (см. о нем дальше). В том же году Сектор вновь выделяется в самостоятельное подразделение, и на его основе создается Отдел литератур наро-

[1] Правда. 1932. 26 сент. С. 1. См. также: *Курилов А.С.* Основные направления научной деятельности Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (1932–2002) // Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького: Библиогр. указ. 1939–2000. М., 2002. С. 3–10.

дов СССР (ныне – Отдел литератур народов России и СНГ). До 2003 г. им руководил Н.С. Надъярных, затем А.И. Чагин, а с 2007 – К.К. Султанов[1]. В разное время здесь работали, помимо упомянутых, такие исследователи, как К.Л. Зелинский, М.И. Фетисов, В.А. Гебель, Л.Н. Арутюнов, Е.Н. Горбунова, В.М. Пискунов, Я.М. Строчков, З.С. Кедрина, Л.И. Залесская, С.М. Хитарова, Н.Н. Воробьева, Р.Г. Бикмухаметов, З.Г. Османова, Л.Г. Федосеева, Г.А. Митин, А.В. Исаакян, А.Б. Ломинадзе, Р.К. Отарова, А.К. Кавко, А.В. Пошатаева, В.Х. Ганиев, С.У. Алиева. В результате многолетней деятельности этих и других ученых были подготовлены и выпущены «Очерки» истории национальных литератур (азербайджанской, армянской, белорусской, казахской, киргизской, латышской, литовской, молдавской, мордовской, таджикской, татарской, эстонской, украинской, якутской и др.), издана фундаментальная «История советской многонациональной литературы» (1970–1974) в 6 томах (7 книгах). В написании статей принимали участие авторы из профильных подразделений республиканских академических литературоведческих институтов всего Советского Союза, а также коллеги из Пушкинского Дома (ИРЛИ АН СССР), где хоть и не было аналогичного Сектора, однако велась большая научная работа в близком направлении, но только на материале народнопоэтического творчества. Напомню, что «в 1931 г. в составе Института по изучению народов СССР Академии наук была создана Фольклорная секция, далее переоформленная в Фольклорную комиссию, в 1933 г. Комиссию штатно включили в новый академический Институт антропологии, этнографии и этнологии; на исходе 1938 г. Постановлением Президиума АН СССР (№ 66 от 11 декабря) Фольклорная комиссия была преобразована в Отдел фольклора народов СССР, за чем последовал перевод Отдела в Институт литературы (Пушкинский Дом)»[2].

Другим центром по изучению и преподаванию литератур народов СССР стал Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова[3]. В 1920-е гг. литературы народов, вошедших в состав Советского Союза, практически не изучались, хотя известно, что в самом начале десятилетия для чтения курсов белорусской и украинской литератур был приглашен известный этнограф, фольклорист, литературовед и писатель Н.А. Янчук, умерший в 1921 г. После вывода гуманитарных факультетов из состава МГУ в 1931 г. в образованном спустя два года Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ) была создана кафедра советской многонациональной литературы (официальное название – кафедра современной литературы народов СССР), на которой числились Л.И. Тимофеев (был заведующим и вел теорию литературы в основном на послереволюционном материале), Г.С. Федосеев, Р.С. Вартазарьян и В.Д. Дувакин. Из национальных литератур, кроме русской, преподавались украинская, грузинская и армянская. Для чтения учебных курсов также привлекались М.Н. Зозуля и А.М. Аршаруни. Наконец произошло слияние МИФЛИ и МГУ в конце 1941 г., однако литературы народов СССР некоторое время перестали читаться отдельно из-за смерти Вартазарьяна и ухода на фронт Зозули. Лишь осенью 1953 г. была открыта кафедра литератур народов

[1] См.: Из истории отдела (Отдел литератур народов России и СНГ) [Электронный ресурс] // ИМЛИ РАН [Сайт]: imli.ru/otdel-literatur-narodov-rossii-i-sng/1484-iz-istorii-otdela--otdel-literatur-narodov-rossii-i-sng- (дата обращения: 05.03.2017).

[2] *Горелов А.А., Марченко Ю.И.* Отдел народнопоэтического творчества // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 205.

[3] См. подробно: *Кормилов С.И., Зайцев В.А.* Изучение и преподавание отечественной литературы XX века // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. М., 2006. С. 83–118.

СССР, которой заведовали сперва М.И. Богданова[1], а после нее А.А. Шариф. По имеющимся свидетельствам, «на новой кафедре сразу появилось 14 аспирантов 11-ти национальностей ей прочили блестящую будущность. Но студенты не знали языков изучаемых литератур и не могли оценить произведение в оригинале. Требования к ним предъявлялись невысокие. Деканат счел обнаружившиеся трудности непреодолимыми, и в 1964 г. кафедра вновь была слита с кафедрой русской советской литературы, хотя сам предмет остался и требовал изучения ряда литератур начиная со Средневековья. Проблема так и осталась нерешенной. Тем не менее долгое время в лекционных курсах были представлены большие группы литератур: Средней Азии и Казахстана (приглашавшийся из ИМЛИ Х.Г. Короглы), Закавказья (А.А. Шариф), Поволжья (Р.Г. Бикмухаметов), литературы Украины (М.Н. Зозуля) и Белоруссии (А.М. Адамович [см. о нем дальше. – *А.Х.*])»[2].

Позднее, уже в середине 1980-х, один из сотрудников кафедры, Р.Г. Бикмухаметов (специалист по литературам народов России, критик, очеркист, переводчик), защитил докторскую диссертацию «Единство советской многонациональной литературы: (Методологические проблемы)». Им же были написаны два раздела для учебника «Введение в советскую многонациональную литературу», вышедшего на немецком языке в Лейпциге в то же время, и опубликована программа курса «История литератур народов Российской Федерации XX века» (1994). Другим крупным специалистом по национальным литературам СССР, постоянно работавшим на кафедре с 1986 г. и до самой смерти (2001), был Х.Г. Короглы. О нем, как и о А.А. Шарифе, небольшой мемуарный очерк оставил Ч.Г. Гусейнов, который тоже приглашался в МГУ для чтения курса «Литератур народов России». Вспоминая о беседах с Короглы, Гусейнов пишет: «Говорили мы, и не раз, о нашем с ним общем предмете, который читали семестр – я, а семестр – он, с древнейших времен и до наших дней. А вопросов было немало: об именах, явлениях, как и о чем читать, в какой последовательности, об обновлении материала, подходов, как заинтересовать предметом студентов, привлечь к написанию курсовых и дипломных по проблемам национальных литератур, о канувших в прошлое формулах, за которыми, между прочим, стояли реальности не только виртуальные: *единство многообразия, расцвет и сближение, взаимодействие и взаимообогащение, национальное и интернациональное…* Отказ от сковывавших живую творческую мысль идеологического засилья и социалистических догм породил цепную реакцию разрушения всего и вся, отречения от многого позитивного, что было тогда в практике *литератур народов СССР*. Вместе с тем мы радовались, что наступило новое время, раскрепощен дух, что мы разрабатываем курсы и спецкурсы, немыслимые в прошлом…»[3]. «В прошлые годы, – читаем далее, – в МГУ к преподаванию курсов привлекались большие национальные писатели, в частности, казахский писатель Мухтар Ауэзов (в свое время его изгнали из Казахстана, ибо *нет пророка в своем отечестве*, и Москва, как это часто случалось, приютила великого сына казахского народа), белорусский – Алесь Адамович. Было время…»[4]. Сам Гусейнов был первым студентом русского отделения МГУ (выпуск 1952 г.),

[1] См.: *Богданова М.* Литература народов СССР в высшей школе // Вопросы литературы. 1958. № 10. С. 163–171.

[2] *Кормилов С.И., Зайцев В.А.* Изучение и преподавание отечественной литературы XX века. С. 98–99. Нужно добавить, что курс белорусской литературы в МГУ также читал С.И. Василенок.

[3] *Гусейнов Ч.* «Лета к воспоминаниям клонят» // Дружба народов. 2002. № 4 [Сайт]: //magazines.russ.ru/druzhba/2002/4/gus.html (дата обращения: 05.03.2017).

[4] Там же.

который написал дипломную работу по теме «Рабочий класс в *национальной* литературе». Он был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения АН СССР и стал опять-таки первым аспирантом Шарифа, который позднее (после передачи литературоведческой части Сектора Советского Востока в ИМЛИ) пришел работать в МГУ.

Безусловно, каждый из перечисленных исследователей достоин включения в готовящийся на кафедре теории литературы МГУ словарь «Русские литературоведы XX века», первый том которого уже находится в печати[1]. Цель Словаря – представить специалисту (и не только) краткую систематизированную информацию о русских литературоведах XX в. с современным аналитическим обзором их деятельности и оптимальным библиографическим приложением. Будучи наиболее репрезентативным на сегодняшний день, подготовленное издание не претендует на исчерпывающую полноту охвата имен, но стремится внести посильный вклад в изучение науки о литературе ушедшего столетия. Участие в подготовке только первого тома Словаря приняло 254 автора из учебно-научных центров всего мира. В своей совокупности словарные статьи по-новому высвечивают теоретико- и историко-литературную картину России и русского зарубежья в XX в. Издание снабжено установочными вступительными статьями, фотоиллюстрациями, а также именным указателем (ок. 5200 позиций). При этом в Словарь попали уже ушедшие из жизни литературоведы. Первый том, о котором идет речь, включает 378 статей (от «А» до «Л»). Те исследователи литератур народов СССР и России, которые не оказались на его страницах по причинам, не всегда связанным с масштабом личности литературоведа и значимостью его вклада в науку (многолетняя подготовка издания наталкивалась на ряд объективных трудностей), обязательно войдут в третий (дополнительный) том. Подтверждение тому – публикуемые в этом же номере журнала «Stephanos» статьи о Роберте Гатовиче Бикмухаметове (1928–1995) и Халыке Гусейновиче Короглы (1919–2001).

Вместе с тем Редакция Словаря не могла не включить уже в первый том статьи о таких видных специалистах (в том числе по национальным литературам СССР), как Иосиф Самуилович Брагинский (1905–1989; востоковед, критик, докт. филол. наук, член-корр. АН Таджик. ССР), Евгений Эдуардович Бертельс (1890–1957; востоковед, докт. филол. наук, член-корр. АН СССР), и, разумеется, о занимавшемся, помимо прочего, украинской литературой Александре Ивановиче Белецком (1884–1961; докт. филол. наук, акад. АН УССР и АН СССР). Авторы словарных текстов – известные ученые. Однако еще о двух крупных исследователях литератур народов СССР, упоминавшихся в нашем разговоре, Редакция Словаря подготовила материал самостоятельно. Его публикация в качестве препринта к еще не вышедшему из печати тому может служить не только ценным (по новизне материала) приложением, но и логичным завершением этого обзора.

***

АДАМОВИЧ Алесь (Александр) Михайлович [03.09.1927 [согласно паспортным данным, на самом деле – 03.08.1926: во время войны мать, спасая сына от угона в Германию, в школьном свидетельстве исправила дату его рождения], д. Конюхи

[1] **Русские литературоведы XX века**: Биобиблиографический словарь. Т. I: А – Л / Сост. А.А. Холиков; под общей ред. О.А. Клинга и А.А. Холикова; редколл.: О.А. Клинг (гл. ред.), А.А. Холиков (зам. гл. ред.), В.И. Масловский, О.В. Никандрова, Е.И. Орлова. М. ; СПб.: Нестор-История, 2017. 532 с., ил. (в печати).

Копыльского р-на Минского округа – 26.01.1994, Москва], писатель, историк сов. лит-ры, публицист. Д-р филол. наук. Член-корр. АН БССР. Член СП СССР.

Родился в семье врачей. Во время Великой Отечественной войны в 1943 А. вместе с матерью и братом присоединяется к партизанскому движению (впоследствии воспоминания об этом станут основой его многих худож. произведений). После войны А. окончил филол. фак. Белорус. гос. ун-та (1950), аспирантуру и защитил канд. дис. «Язык романа “Третье поколение” и индивидуальный литературно-художественный стиль Кузьмы Чорного» (1953). О нем же и первое литвед. исследование А. – «Путь к мастерству: (Становление худож. стиля К. Чорного)» (1958). А. работает преподавателем белорус. лит-ры в своем ун-те, а затем становится научным сотрудником Ин-та лит-ры им. Янки Купалы АН БССР. С 1962 по 1966 он жил в Москве, читал курс истории белорус. лит-ры на филол. фак. МГУ (в 1966 был отстранен от работы за отказ подписать письмо, осуждающее А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля). А. возвращается на научную работу в Ин-т лит-ры им. Янки Купалы (с 1976 – зав. сектором взаимосвязей лит-р).

В центре внимания А.-лит-веда – вопросы развития белорус. лит-ры, а также ее связь с современностью. В 1964 выходит его моногр. «Становление жанра: (Белорус. роман)». А. также публикует серии статей о Чорном и М.А. Горецком.

В 1980-е А. стал заниматься изучением военной темы в сов. лит-ре. Об этом его кн. «О современной военной прозе» (1981), «Война и деревня в современной литературе» (1982), «Ничего важнее: (Совр. проблемы военной прозы)» (1985). Кроме того, А. выпускает два альбома-сборника, посвященных белорус. писателям: И.П. Мележу («Сказ об Иване Мележе», 1984) и В.В. Быкову («Василь Быков», 1986).

Наряду с профессиональной филол. работой А. параллельно активно занимался общественной деятельностью, худож. творчеством, публицистикой. Его перу принадлежат роман-дилогия «Партизаны» (1960–1963), повести «Последний отпуск» (1969), «Хатынская повесть» (1971; на белорус. языке), «Каратели: (Радость ножа, или Жизнеописание гипербореев)» (1980), «Последняя пастораль» (1987) и др. С нач. 1970-х А. (вместе с Я. Брылем и В.А. Колесниковым) собирает свидетельства очевидцев военных действий на территории Белоруссии (вошли в кн. «Я из огненной деревни», 1973). С Д.А. Граниным А. создает «Блокадную книгу» (1977; с купюрами) – рассказы очевидцев, переживших блокаду Ленинграда.

В конце 1980-х с наступлением общественно-политических изменений в стране А. стал активным «прорабом перестройки»: был народным депутатом СССР (1989–1991), зам. председателя Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, являлся членом общества «Мемориал», а в 1991 находился среди защитников Белого дома; выступал как публицист: «Отвоевались!» (1990), «Мы – шестидесятники» (1991).

Издания. Собр. соч.: В 4 т. Минск, 1981–1983; Становление жанра: (Белорус. роман). М., 1964; Горизонты белорусской прозы. М., 1974; Кузьма Чорный: уроки творчества. М., 1977; Лев Толстой и белорусская литература: (Война и человек). Минск, 1978; О современной военной прозе. М., 1981; Война и деревня в современной литературе. Минск, 1982; Сказ об Иване Мележе. Минск, 1984; Выбери – жизнь! Минск, 1986; Ничего важнее: (Совр. проблемы военной прозы). 2-е изд. Минск, 1987; Василь Быков. Минск, 1986; Литература и проблемы века. М., 1986; Додумывать до конца: (Лит-ра и тревоги века). М., 1988; Отвоевались! М., 1990; Шлях да майстэрства: (Станаўление маст. стылю К. Чорнага). Мінск, 1958; Культура творчасці: лит.-крытыч. артыкулы. Мінск, 1959; Здалёк і зблізку. Мінск, 1976; Літаратура, мы і час. Мінск, 1979.

Статьи. Богатство и многообразие: (К проблемам стиля белорус. сов. прозы) // Вопр. лит-ры. 1958. № 6; Путь к большой прозе [О К. Чорном] // Там же. 1971. № 10; «Мы – до Владивостока…»: (Лит-ра в поле сравнительного изучения) // Там же. 1979. № 2.

Письма, дневники, мемуары. Додумать до конца [Автобиография] // Советские писатели: Автобиографии. Т. 5. М., 1988; Vixi (Я прожил). М., 1994; Из «Зеленой тетради». 1987 год // Вопр. лит-ры. 2001. № 4; Прожито. М., 2001; Из записных книжек // Вопр. лит-ры. 2003. № 3; Мир спасется подвигом духа: (Беседа о войне и современности) // Там же. 2007. № 4–5.

Библиография, архивы. [Библиография] // Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Минск, 1983; «Вопросы литературы» за 50 лет: Указ. содержания 1957–2006 (в двух частях). М., 2008 (по именному указ.).

Литература. КЛЭ. Т. 1. М., 1962; Русские писатели, XX век: Биобиблиогр. словарь: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1; Русские писатели, XX век: Биогр. словарь. М., 2009; *Карякин Ю.* Штрихи к портрету Алеся Адамовича: (Признать главное – главным) // Лит. газ. 1984. 9 мая. № 19; *Гранин Д.* ...Он не вернулся из боя // Деловой мир. 1994. 21–27 февр.; *Лазарев Л.* Без страха и упрека: (Вспоминая и перечитывая Алеся Адамовича) // Знамя. 1995. № 6; *Михайлова С.* Странствующий рыцарь. Памяти Алеся Адамовича // Там же; *Гранин Д.* История создания «Блокадной книги» // Дружба народов. 2002. № 11; *Рубашкин А.* Правда, увиденная одним человеком // Звезда. 2011. № 9; *Рубашкин А.* Отвращение пробудить к убийству // Там же. 2012. № 9.

ЛОМИДЗЕ Георгий Иосифович [28.07 (10.08).1914, Тифлис – 26.02.1999, Москва], историк и теоретик сов. лит-ры. Д-р филол. наук. Член-корр. АН СССР. Член СП СССР.

С 1931 – на комсомольской и журналистской работе. Окончил ИФЛИ (1938) и аспирантуру ИМЛИ (1947). Редактор Главного политического управления РККА (1941–1946). Консультант по груз. лит-ре СП СССР (1951–1952). С 1952 – сотрудник ИМЛИ (зав. Сектором литератур народов СССР, 1955–1957; зав. Отделом сов. лит-ры, 1957–1988; советник дирекции, с 1989). Работал на каф. лит-ведения Академии обществ. наук при ЦК КПСС (1960–1965).

Автор ряда книг по истории сов. лит-ры и нац. лит-р народов СССР. В своих исследованиях стремился подчеркнуть многообразие нац. лит-р, самобытность. Их взаимодействие, считал Л., дает возможность для обновления худож., стилистических форм всей сов. лит-ры.

Издания. К социалистическому реализму в литературе. М., 1952; О социалистическом содержании и национальной форме литератур народов СССР. М., 1952; Проблемы творческого взаимодействия литератур народов СССР. М., 1960; Гуманизм и интернациональное единство. М., 1962; Литературно-критические статьи. Тбилиси, 1962; В поисках нового: Ст. по проблемам нац. лит-р. М., 1963; Единство и многообразие: (Вопр. нац. специфики сов. лит-ры). 3-е изд. М., 1963; Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения советской литературы. М., 1963; Теоретические проблемы развития советской литературы. М., 1964; Интернациональный пафос советской литературы: (Размышления, оценки, спор). [2-е изд.]. М., 1970; Новая историческая общность – советский народ и литература социалистического реализма. М., 1972; Интернационализм советской многонациональной литературы. М., 1974; Чувство великой общности: Ст. о сов. многонац. лит-ре. М., 1978; Ленинизм и судьбы национальных литератур. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1982; Нравственные истоки подвига: (Сов. лит-ра и Великая Отечественная война). 2-е изд., доп. М., 1985; Патриотизм и интернационализм советской многонациональной литературы: Ст. разных лет. Тбилиси, 1985; Literatur einer sozialistischen Gemeinschaft: Zum Herausbildung und Entwicklung der multinationalen Sowjetliteratur (1917–1941). Berlin, 1975. – В соавт. с *Л.И. Тимофеевым. Редактирование, составление и подготовка к печати.* Писатели народов СССР: [Сб. ст.]. М.,

1962. – Совм. с др.; Социалистический реализм в литературах народов СССР. М., 1962; Проблемы развития литератур народов СССР. М., 1964. – Совм. с др.; Многонациональный советский роман. М., 1966. – Совм. с *М.Н. Пархоменко*; Пути развития советской многонациональной литературы. М., 1967; Новый человек – новый гуманизм. М., 1969. – Совм. с др.; История советской многонациональной литературы: В 6 т. М., 1970–1974. – Совм. с *Л.И. Тимофеевым* и др.; Национальное и интернациональное в советской литературе: [Сб. ст.]. М., 1971. – Совм. с *С.М. Хитаровой*; Художественные искания современной советской многонациональной литературы. Кишинев, 1976; История грузинской советской литературы. М., 1977; Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма: [Сб. ст.]. М., 1977. – Совм. с др.; Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма: (Проблемы жизни. Теория. Поэтика): [Сб. ст.]. М., 1981. – Совм. с *Л.Н. Арутюновым*; Советский роман: (Новаторство. Поэтика. Типология): [Сб. ст.]. М., 1978. – Совм. с *С.М. Хитаровой*; Пути художественных исканий современной советской литературы: [Сб. ст.]. Кишинев, 1982; Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока: [Матер. конф.]. Новосибирск, 1983; Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы социалистического реализма: [Матер. конф. 1980 г.]. Фрунзе, 1985; Советский многонациональный роман. М., 1985. – Совм. с *С.М. Хитаровой*; Советская многонациональная литература: (Очерк развития): [Учебное пособие для студентов филол. специальностей вузов]. М., 1986.

Статьи. Сила реализма: (Заметки о совр. прозе) // Вопр. лит-ры. 1963. № 5; Чудесный сплав: (Об интернац. и нац. в лит-рах народов СССР) // Дружба народов. 1964. № 6; Интернациональное и национальное в советской литературе // Проблемы взаимосвязи и взаимообогащения литературы и искусства народов СССР. М., 1968; Нравственные истоки подвига // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в сов. лит-ре. М., 1970; Истоки единства советской многонациональной литературы // Советская литература и мировой процесс. М., 1972; В едином строю // Знамя. 1975. № 5; Вырастая из единого корня // Октябрь. 1976. № 1; Главный критерий // Вопр. лит-ры. 1976. № 10; Путем испытанным, единым // Знамя. 1976. № 1; Точка опоры // Дружба народов. 1976. № 3; Значение творчества Мухтара Ауэзова для советской многонациональной литературы // Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1977. № 4; Споры о наследстве: причины и сущность // Вопр. лит-ры. 1977. № 7. – В соавт. с *Ю.Н. Прокопьевым*; Творческая окрыленность и братское единение // Слово русской советской критики о якутской литературе. Якутск, 1986; Ценить дружбу // Вопр. лит-ры. 1987. № 11; В поисках новых решений // В поисках нового содержания: (Сов. лит-ра 1970-х – первой половины 1980-х гг.). М., 1989; В спорах и размышлениях // Способность к диалогу: [Сб. ст.]. Ч. 1. М., 1993.

Письма, дневники, мемуары. По дорогам войны: (Из фронтовых записей): [Авторизованный перевод с груз.]. Тбилиси, 1948.

Библиография, архивы. Советское литературоведение и критика. Теория литературы: Библиогр. указ. 1917–1967: В 4 ч. М., 1989; Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького: Библиогр. указ. 1939–2000. М., 2002; «Вопросы литературы» за 50 лет: Указ. содержания 1957–2006 (в двух частях). М., 2008; Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького: Библиогр. указ. 2001–2010. М., 2012 (везде – по именному указ.); Архив РАН (ф. 411).

Литература. КЛЭ. Т. 4. М., 1967; БСЭ. 3-е изд. Т. 15. М., 1974; Писатели Москвы: Биобиблиогр. справочник. М., 1987; Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник: В 3 ч. Ч. 2. М., 1992; Отчизны верные сыны: (Писатели России – участники Великой Отечественной войны). М., 2000; [Некролог] // Изв. РАН. Сер. лит-ры и яз. 1999. Т. 58. № 5; [Некролог] // Нация. Личность. Литература. Вып. 2. М., 2003; Адресат – Георгий Иосифович Ломидзе: [Письма к Л.] // Там же; *Гусейнов Ч.Г.* Ломидзевские традиции // Международные Ломидзевские чтения: (Изучение лит-р и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Пробл. совр. развития). М., 2008.

Сведения об авторе:
Алексей Александрович Холиков,
докт. филол. наук
доцент
кафедра теории литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Kholikov,
Doctor of Philology
Assistant Professor
Department of Theory of Literature
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
aakholikov@gmail.com

EXPERTS IN THE STUDY OF NATIONAL LITERATURES OF THE USSR AND RUSSIA IN THE DICTIONARY "RUSSIAN LITERARY CRITICS OF THE TWENTIETH CENTURY". VOL. 1

Материалы и сообщения

Communications and Materials

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-53-59

У. Примроуз

В.В. Перхин

Сергей Прокофьев и Уильям Примроуз. Мечта альтиста

Аннотация: В основе публикации материалы, сохранившиеся в фонде Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Они показывают, что политика государственных деятелей СССР и США периода «холодной войны», ориентированная на свертывание советско-американских отношений, укрепившихся в годы Второй мировой войны, не была популярной среди многих деятелей культуры двух стран. Однако, независимо от их доброй воли, такая политика наносила вред художественному творчеству: до С.С. Прокофьева не дошел заказ У. Примроуза – русский гений не создал концерт для альта.

Ключевые слова: С.С. Прокофьев, У. Примроуз, Б.Р. Бин, С.А. Кусевицкий, Я.М. Ломакин, советско-американские отношения, русская музыка, американская музыка

*Abstrac*t: This publication is based on the materials preserved in the fund of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries. It shows that the policy of the statesmen of the USSR and the USA during the Cold War, focused on the curtailment of Soviet-American relations that had been strengthened during the Second World War, was not popular among many cultural figures of two countries. However, irrespective of their goodwill, such a policy harmed artistic creativity: S. Prokofiev did not receive the booking of W. Primrose, and the Russian genius did not create a concert for viola.

*Key wor*ds: S.S. Prokofiev, W. Primrose, B.R. Bean, S.A. Kusevitsky, Ya.M. Lomakin, Soviet-American relations, Russian music, American music

В годы Второй мировой войны США и СССР были союзниками и участниками антигитлеровской коалиции. Эта политика находила широкую поддержку художественной интеллигенции. В 1945 г. было создано Американо-советское музыкальное общество. Оно включало музыкантов Нью-Йорка и в 1946 г. насчитывало 350 членов.

Основные цели Общества были следующие: установление более тесного контакта и взаимопонимания между американскими и советскими музыкантами; взаимообмен артистами, музыкальными постановками, изданиями, информацией; популяризация американской музыки и американских музыкантов в Советском Союзе и советских музыкантов в США. Председателем Общества был русский дирижер, контрабасист, руководитель Бостонского симфонического оркестра С.А. Кусевиц-

кий, вице-председателями – известные американские музыканты Э. Зигмайстер, А. Коуплэнд и Л. Бернстайн. Повседневное руководство Обществом осуществляла Исполнительный секретарь Б.Р. Бин[1].

5 марта 1946 года У. Черчилль выступил перед учащимися Вест-Минстерского коллежджа в Фултоне (штат Миссури). Его речь была двойственной. Например, было сказано: «Я приношу дань восхищения и уважения мужественному русскому народу и моему боевому товарищу маршалу Сталину. В Британии – как и здесь, я уверен, – люди испытывают симпатию ко всем народам Советского Союза и стремятся установить с ними прочные дружеские отношения несмотря на все различия и расхождения». Но далее, забыв об этих «людях», стремящихся к дружбе, он стал говорить о странах советской «экспансии» и «сферы влияния», которые оказались в Европе за «железным занавесом»[2]. Примерно в то же время И.В. Сталин и секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов стали возрождать ослабевшие в годы войны антизападные настроения внутри Советского Союза. Бывшие союзники становились соперниками за верховенство в европейских и мировых делах.

Многие деятели искусства не хотели считаться с поворотом в политике. Американо-советское музыкальное общество продолжало свою деятельность: 9 мая 1946 г. состоялся концерт русской и современной советской музыки в исполнении пианиста А.П. Браиловского, 27 мая – концерт американской и советской музыки для членов Общества в Таун-холле (Нью-Йорк), 7 июня – прием в честь советского писателя и журналиста И.Г. Эренбурга и музыкальной прессы, 5 октября – концерт украинских артистов Ивана Паторжинского и Зои Гайдай в Таун-холле, в декабре начал реализовываться проект по обмену народными песнями между США и СССР и созданию произведений американскими композиторами на мотивы русских народных песен (в нем принял участие, в частности, К. Портер).

С.С. Прокофьев

С декабря 1946 г. Общество стало издавать ежеквартальный журнал «Американо-советское музыкальное обозрение». Журнал предназначался как для американских, так и советских читателей. В первом номере была напечатана статья советского музыковеда И.В. Нестьева о новых произведениях С.С. Прокофьева. Тогда же в Нью-Йорке вышла книга «Sergei Prokofieff. By Israel V. Nestyeff», вскоре на нее появилась рецензия[3]. Возможно, всё это натолкнуло известного шотландского альтиста У. Примроуза (он тогда гастролировал в США) на мысль просить Прокофьева написать произведение лично для него. Ранее Примроуз заказал концерт для альта с оркестром венгерскому композитору Б. Бартоку, который не успел завершить работу, так как умер в сентябре 1945 г. в Нью-Йорке. О своей «мечте» попросить Прокофьева «написать какую-нибудь вещь для исполнения на альте» Примроуз сообщил Кусевицкому, который дал указание Бин обратиться в Москву к композитору.

---

[1] Бин Бетти Рандольф (1918–2002) – музыкальная деятельница, скрипачка.

[2] Речи, изменившие мир. От Сократа до Джобса / Автор-составитель В. Апанасик. М.: Издательство «Э», 2017. С. 275.

[3] См.: Musical America. 1946. 10 December. P. 13.

(1)

June 1, 1947
Mr. Serge Prokofieff,
Union of Soviet Composers
Moskow, USSR

Dear Mr. Prokofieff,

I have recently talked at great length with William Primrose who as you know is one of the greatest concert violists. Several weeks ago he wrote to Dr. Koussevitsky: "…for some years past it has been a dream of mine that one day I could get Prokofiev to write a viola work for me. My admiration for him is profound… will you be so very kind as to help me in this, attaining what has so long been a phantasy and advise me what to do?"
He is very much interested at the possibility of your writing a concerto for viola and orchestra. He mentioned that you might never have heard of him or his work. Therefore, at my suggestion we are sending recordings which he has made and which I am sure will be of interest to you, both the William Walton[1], Concerto, and two other contemporary works, Arthur Benjamin's[2], Elegy, Waltz and Toccata, and Roy Harris[3]5, Soliloquy and Dance. These will give you some idea of the scope of his work and I know that he will look forward to hearing from you on this as soon as possible.
I am enclosing an advertisement which appeared in MUSICAL AMERICA which lists precisely Primrose's recent accomplishments[4].

Most sincerely,
Betty Randolph Bean
Executive Secretary[5]

Бин направила письмо Прокофьеву через Организационный комитет Союза советских композиторов, откуда его переслали во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Чиновники этого общества исполняли указания Управления пропаганды ЦК ВКП(б). Установка на сдерживание культурных связей с США была им известна. Они не спешили отвечать на письмо Бин. Через месяц Кусевицкий решил их поторопить. Он по-прежнему считал, что развитие американо-советских культурных связей является «миссией чрезвычайно важной».

(2)

Juli 1, 1947
Mr. Yakov M. Lomakin
Consul General of the U.S.S.R.
7 East 61 Street
New York

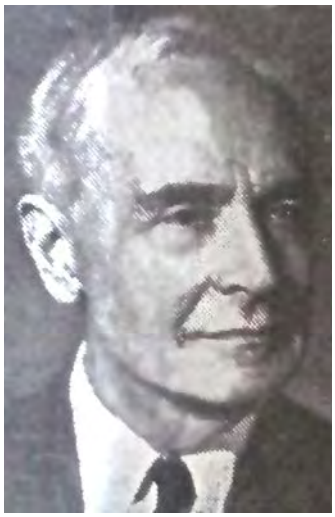
Dear Mr. Lomakin,

The recent season of the American-Soviet Music Society has come to a close with several important decisions and recommendations. The most immediate and urgent of which is sending a representative of the Society to the U.S.S.R. as soon as possible. The need for this is

[1] Уолтон Уильям Тёрнер (1902–1983) – английский композитор.
[2] Бенджамин Артур (1893–1960) – австралийский композитор, пианист.
[3] Рой Харрис (1898–1979) – американский композитор. В 1930-е гг. Бостонский симфонический оркестр под управлением С.А. Кусевицкого исполнял его «Симфонию 1933», увертюру на тему американской народной песни «Когда Джон возвращается домой». В 1942 г. Харрис написал Пятую симфонию с посвящением «Героическому советскому народу».
[4] В 1937–1942 гг. Примроуз был концертмейстером оркестра Американского национального радио (NBC, New York) под руководством А. Тосканини. Журнал «Musikal America» постоянно освещал гастроли Примроуза (см.: 1946. February. P. 79; 1947. February. P. 38).
[5] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 41. Л. 25. Машинописная копия.

felt in order to implement the exchange of ideas and information which is so important not only to the musical life of this country, but so basic a factor in the cultural understanding of our two countries.
Despite the fact that the Society has accomplished much in its program of interchange, it is felt that the fulfillment of its aims can only be carried forward successfully if our Executive Secretary can go to Moscow and consult with the leading Soviet composers, musical authorities and officials of VOKS.
It is the opinion of the Board of Directors and myself as Chairman, that it is urgent and essential at this time that this visit be made, in order that the Society may continue in the development of its activities.
With this in mind, I am writing to recommend that you consider the possibility of such a visit, and hope that Miss Bean, who has been responsible for the work of the Society and guided its activities since its inception, will be granted a visa and an invitation from VOKS.
I feel this mission of utmost importance to the continuing existence of the Society, since without firsthand contact it is extremely difficult to formulate and carry on a program of interchange. The significance of such consultation will be instrumental in the success of the Society.
Miss Bean will communicate with you within the next few days to discuss this in greater detail, and I shall look forward to hearing from you in the very near future. Since the summer is already advanced, all possible speed is necessary to accomplich this work, which is vital before the start of another season.
My warm greatings to you and Mrs. Lomakin. I look forward to the pleasure of seeing you soon again.

Most sincerely,
Serge Koussevitzky[1]


С.А. Кусевицкий

Как видим, председатель Общества направил письмо не в Москву, а Генеральному Консулу СССР в Нью-Йорке Я.М. Ломакину. Он давно работал в США и был известен как последовательный сторонник развития советско-американских отношений. Он одобрил предложения Кусевицкого. Об этом свидетельствует резолюция: «Т(оварищу) Федосимову. 5/7. Я. Л(омакин)»[2].

Перед отправкой письма в ВОКС П.И. Федосимов подготовил справку об Американо-советском музыкальном обществе. В частности, он писал: «Председателем Общества является русский дирижер Сергей Кусевицкий, примерно 70 лет, с симпатией относящийся к Советскому Союзу и большой поклонник русской музыки. Многие из произведений советских композиторов были впервые исполнены в Америке Бостонским симфоническим оркестром под управлением Кусевицкого. Кусевицкий создал музыкальную школу в маленьком провинциальном городке Танглвуд – недалеко от Бостона, где ежегодно дает серию концертов. Эти концерты пользуются большим успехом и привлекают к себе внимание широких музыкальных кругов и прессы»[3].

Бин характеризовалась как «большая любительница музыки, энергичный и способный организатор»[4]. Эту оценку подтверждал перечень мероприятий Общества с января по июнь 1947 г.:

[1] Там же. Л. 28–29. Машинопись на бланке Американо-советского музыкального общества. Подпись: автограф.
[2] Там же. Л. 28.
[3] Там же. Л. 30.
[4] Там же. Л. 31.

«24 января – Доклад Нормана Корвина[1] о музыке в Советском Союзе.

15 февраля – Концерт камерной музыки в Таймс-холле.

3 марта – Собрание членов Общества.

7 марта – Просмотр картины «Иван Грозный»[2] для членов Общества.

16 марта – Концерт хоровой и народной музыки США и СССР в Таун-холле.

12 мая – Концерт театральной музыки США и СССР в Таун-холле.

16 мая – Помощь Генконсульству в приглашении исполнителей квартета № 3 Шостаковича на концерт в Генконсульстве.

18 мая – Передача квартета № 3 Шостаковича по радиостанциям Аамериканской широковещательной компании.

13 июня – Ежегодное собрание членов Общества.

29 июня – Концерт в частном доме для ограниченного числа членов Общества»[3].

Федосимов отметил также одно из проявлений «холодной войны»: «Во время пребывания в США украинских артистов Паторжинского и Гайдай последним было предложено регистрироваться в качестве агентов по пропаганде. Общество послало протест в Госдепартамент и получило заверение, что если артисты будут приезжать для профессионального визита, требования регистрации к ним предъявляться не будут»[4]. Очевидно, что автор справки не придавал этому факту особого значения, расценил его как случайное недоразумение.

В заключение Федосимов изложил претензии Американо-советского музыкального общества к ВОКС, он указал на «медлительность ответов на их запросы и предложения. Так, например, по приглашению Ойстраха и Гилельса[5] ВОКС ничего не отвечал в течение нескольких месяцев. Благодаря такой плохой связи с ВОКС'ом Общество не может строить никаких серьезных планов на будущее»[6]. Можно сказать, что советский дипломат занял сторону американских деятелей, желавших развивать культурное сотрудничество с Москвой.

Письмо Кусевицкого и справка Федосимова поступили в ВОКС. И на справке появилась резолюция: «Надо написать т. Федосимову о наших возможностях отвечать на такие запросы. Пусть хоть он-то не становится на точку зрения Кусевицкого»[7].

Летом 1947 г. «возможности отвечать» на такие запросы уже отсутствовали. Начиная с 1946 г. политические лидеры Советского Союза стали трактовать интерес к западному искусству как «преклонение перед буржуазной культурой»[8]. Если в 1944 г. приглашение французской певицы Л. Понс на гастроли в Москву

---

[1] Корвин Норман (1910–2011) – журналист и композитор.

[2] «Иван Грозный» – фильм С.М. Эйзенштейна. Показанный в США фильм вызвал дискуссию в критике. См.: *Юренев Р.Н.* Сергей Эйзенштейн. Замыслы. Фильмы. Метод. Часть вторая. 1930–1948. М.: Искусство, 1988. С. 249–253; *Перхин В.В.* Мстислав Добужинский о фильме «Иван Грозный» // Санкт-Петербургский университет. 2012. № 7. С. 53–56.

[3] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 41. Л. 32. Это был единственный концерт украинских артистов, турне по США власти запретили. См.: Сергей Прокофьев – Сергей Кусевицкий. Переписка. 1910–1953 / Подготовка текста и комментарии Виктора Юзефовича. М.: ДЕКА-ВС, 2011. С. 416.

[4] Там же.

[5] Ойстрах Давид Федорович (1908–1974) – скрипач; Гилельс Эмиль Григорьевич (1916–1985) – пианист.

[6] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 41. Л. 33.

[7] Там же.

[8] Доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Советский театр и современность: Сборник материалов и статей / Отв. ред. М.М. Мирингоф. М.: ВТО, 1947. С. 51.

одобрялось[1], то весной 1946 г. прослушивание пластинок с ее записями или с записями американской певицы М. Андерсон рассматривалось как проявление политической неблагонадежности[2].

В этих условиях просьба Кусевицкого предоставить Бин «визу и приглашение от ВОКС» для поездки в Москву и встречи с Прокофьевым с целью заказать ему произведение для Примроуза была невыполнимой. В ВОКС'е подготовили стандартный ответ с пожеланием Американо-советскому обществу «успехов в развитии дружеских и культурных связей между нашими народами»[3]. Этот ничего не обещавший ответ «от имени музыкальной секции ВОКС» подписал композитор, председатель Организационного комитета Союза советских композиторов В.А. Белый. Почерк показывает, что он же был автором резолюции.

Прокофьев, вероятно, так и не узнал о «мечте» Уильяма Примроуза и о действиях его единомышленников Бетти Бин и Сергея Кусевицкого. Во всяком случае в весьма подробном дневнике его жены об этом не упоминается[4]. В декабре 1947 г. композитор познакомится с молодым М.Л. Ростроповичем и со временем появится его симфония-концерт для виолончели. Сотрудничество с Примроузом не состоялось, желаемый им концерт для альта с оркестром Прокофьев не написал...

ПРИЛОЖЕНИЕ

(1)
1 июня 1947
М-р Сергею Прокофьеву,
Союз композиторов СССР
Москва, СССР

Уважаемый м-р Прокофьев,
Недавно я долго беседовала с Уильямом Примроузом, который известен всем как величайший виртуоз в игре на альте. Несколько недель тому назад он написал д-ру Кусевицкому: «...в течение нескольких лет я мечтаю о том, как однажды я попрошу Прокофьева написать какую-нибудь вещь для исполнения на альте, предназначеную мне. Я искренне восхищаюсь его творчеством... Не будете ли Вы столь любезны, чтобы помочь мне осуществить мою давнюю мечту, посоветуйте, как мне лучше поступить?»
Он крайне заинтересован в написании сочинения для альта с оркестром. Ему кажется, что Вы, скорее всего, не слышали о нем и его концертной деятельности. Поэтому, по моему предложению, мы отправляем Вам сделанные им записи, которые, я уверена, заинтересуют Вас: концерт У. Уолтона и два современных сочинения: А. Бенджамина, «Элегию», «Вальс» и «Токкату» и Р. Харриса «Солилоки» и «Танец». Это даст Вам некоторое представление о направлении его творческой деятельности, а он, как мне известно, с нетерпением будет ждать Вашего решения.
Я прилагаю рекламу из «Musical America», где перечислены последние достижения Примроуза.

С наилучшими пожеланиями,
Бетти Рандольф Бин,
исполнительный секретарь.

---

[1] См.: Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств (апрель 1939 – январь 1948). Свод писем / Изд. подготовил В.В. Перхин. М.: Наука, 2007. С. 99.

[2] См.: Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред. Д.Г. Наджафов. М.: Материк, 2005. С. 41.

[3] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 41. Л. 34.

[4] См.: *Мендельсон-Прокофьева М.А.* О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники (1938–1967) / Предисловие, комментарии Е.В. Кривцовой. М.: Композитор, 2012.

(2)
1 июля 1947
М-ру Якову М. Ломакину
Генеральному Консулу СССР
7 East 61 Street
New York

Уважаемый м-р Ломакин,
Прошедший сезон Американо-советского музыкального общества завершился принятием ряда важных решений с перспективой на будущее. Крайне неотложный вопрос сейчас – визит представителя общества в СССР в самое ближайшее время. Это необходимо для того, чтобы обменяться идеями и планами, что не только весьма значимо для музыкального сообщества, но может послужить основой для успешного культурного взаимодействия двух стран.
Несмотря на то что Общество многого добилось в программе по обмену, очевидно, что полностью реализовать его цели удастся лишь в том случае, если наш Исполнительный секретарь приедет в Москву, чтобы проконсультироваться с ведущими советскими композиторами, музыкальными деятелями и официальными лицами ВОКС. Совет директоров и я лично, как его Председатель, убеждены в необходимости этого визита, чтобы Общество могло в дальнейшем успешно функционировать.
Исходя из этого я пишу Вам в расчете на Вашу поддержку в организации данного визита и надеюсь, что мисс Бин, ответственный сотрудник Общества с момента его создания, получит визу и приглашение от ВОКС.
Я считаю эту миссию чрезвычайно важной для дальнейшего существования Общества, поскольку без непосредственного контакта крайне сложно работать с программой обмена. Такого рода встречи будут способствовать успеху Общества.
В ближайшее время мисс Бин свяжется с Вами, чтобы подробно обсудить этот вопрос, а я с нетерпением буду ждать Вашего ответа. Лето уже в разгаре, и нам необходимо как можно быстрее разрешить эту проблему, пока не начался новый сезон.
Сердечный привет Вам и госпоже Ломакиной. Я с нетерпением жду нашей новой встречи.

С наилучшими пожеланиями,
Сергей Кусевицкий.

Сведения об авторе:
Владимир Васильевич Перхин,
докт. филол. наук
профессор
Институт «ВШЖиМК»
Санкт-Петербургский государственный университет

Perkhin Vladimir,
Doctor of Philology
Professor
School of Journalism and Mass Communications
Saint-Petersburg State University
perhin-vlad@yandex.ru

SERGEI PROKOFIEV AND WILLIAM PRIMROSE. THE DREAM OF THE VIOLIST

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-60-63

Материалы к словарю
«Русские литературоведы XX века»

А.А. Холиков

Р.Г. Бикмухаметов как исследователь литератур народов России

Аннотация: Публикуемая статья представляет собой препринт для готовящегося дополнительного тома словаря «Русские литературоведы XX века» и, помимо биографических сведений, содержит обзор научных трудов Р.Г. Бикмухаметова с библиографическим приложением.

Ключевые слова: история литературоведения, Р.Г. Бикмухаметов, литературы народов России

Abstract: The published article is a preprint for preparing an additional volume of the dictionary “Russian Literary Critics of the Twentieth Century”. The study contains a biographical information, reviews of scientific papers of R.G. Bikmuhametov and a bibliographic application.

Key words: history of literature, R.G. Bikmukhametov, the study of national literatures of Russia

БИКМУХАМЕТОВ Роберт Гатович [05.11.1928, д. Илишево Бирского кантона Башкир. АССР – 28.08.1995, Москва], историк лит-ры, специалист по лит-рам народов России, критик, очеркист, переводчик. Д-р филол. наук. Член СП СССР.

Из простой крестьянской семьи. «Мать, – по признаю Б., – помнила полтора десятка поколений – это чуть ли не четыреста лет. Помнила и письменную литературу прошлого – от народных песен до стихотворных книг, знала наизусть Коран и Тукая, была знакома с Гафури» («Орбиты взаимодействия», 1983. С. 3–4). Будущий знаток нац. лит-р своей страны окончил ист.-филол. фак. Казан. ун-та (1952) и аспирантуру (1955). Канд. дис. – «Творческий путь Мусы Джалиля» (1955). В 1956–1960 работал в ИМЛИ, был зам. главного редактора ж-ла «Дружба народов» (1960–1961). С 1962 и до конца жизни преподавал в МГУ. Сперва на каф. лит-р народов СССР, к-рая вскоре была слита с каф. рус. сов. лит-ры (с 1991 – истории рус. лит-ры XX в.). Докторская дис. – «Единство советской многонациональной литературы: (Методологические проблемы)» (1984). Писал на рус., башкир. и татар. языках. В 1989 Б. было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Башкир. АССР.

Воспитанный в татар. культурной среде, Б. углубленно изучал лит-ру родного Поволжья, постепенно включая в круг своих научных интересов и другие сов. лит-ры. Как исследователя его также интересовали теоретические проблемы, связанные с взаимодействием нац. лит. традиций. Однако прежде всего Б. проявил себя как педагог. Он стоял у истоков преподавания тогда еще нового курса лит-р народов Поволжья, а позднее – всего СССР. В нач. 1980-х в Лейпциге на нем. яз. вышел учебник «Введение в советскую многонациональную литературу», два раздела для к-рого написал Б. В последние годы жизни он подготовил и опубликовал учебную программу по курсу «История литератур народов Российской Федерации XX века» (1994). По воспоминаниям коллег, Б. «не стремился навязывать ученикам определенный круг идей, поощрял их самостоятельность. Истинно талантливых людей Роберт Гатович поддерживал горячо и отстаивал их интересы с подлинной страстью ученого и педагога» (см.: «Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология». 1995. № 5. С. 269).

Б. – автор более двухсот научных работ. Его первая книга – критико-биогр. очерк «Муса Джалиль» (1957). К тому времени лит-ра о поэте была еще невелика (особенно поверхностно освещалось раннее и довоенное творчество). Б. задался целью впервые разработать целостную концепцию идейно-худож. развития поэта (периодов «становления» [1919–1934], зрелой поэзии [1934–1941], военного времени [1941–1944]) и настойчиво выступил против того, чтобы изучать его биографию, общественную деятельность, лит. окружение, форму и содержание худож. произведений разрозненно. Ученым были привлечены неизвестные материалы архива Джалиля, предоставленные его вдовой. Позднее Б. выпустил более развернутые исследования о жизни и творчестве этого татар. сов. поэта: «Муса Джалиль: (Очерк творчества)» (1962), «Муса Джалиль» (1966; издание, приуроченное к 60-летию поэта), «Муса Джалиль: (Личность. Творчество. Жизнь)» (1989). Кроме того, на татар. языке вышла его кн. «Невянущие цветы поэзии» (1960), а на башкир. языке – «Муса Джалиль. О песнях, победивших врага» (1961). Б. не только изучал, но и переводил произведения Джалиля. В 1961 им была опубликована автобиография поэта «Мой жизненный путь», в 1966 издан сб. «Мои песни», а в 1986 вышла книга избранных стихов и поэм «Сквозь бури».

Моногр. «Орбиты взаимодействия» стала итогом многолетних исследований Б. нац. сов. лит-р. Он одним из первых рассмотрел преимущественно новый материал в широком масштабе истории культуры: «Воссоздать современный литературный мир, в котором пребываем все мы, увидеть его в неотрывности от истории страны и всего мира – такова была задача» («Орбиты взаимодействия». С. 4). Научная ценность этой работы не в стремлении охарактеризовать в угоду времени идеологическое содержание исторически сблизившихся лит-р народов СССР, а в попытках выявить их собственно худож. единство. Б. обратился к проблеме выработки методологии изучения сов. лит-ры в мировом контексте и впервые предложил рассматривать ее с позиций *исторической поэтики*, к-рая прежде применялась по отношению к явлениям далекого прошлого. Так, черты общности, обусловленные вековыми традициями, Б. нашел у Ю. Бондарева, Й. Авижюса, Ч. Айтматова, А. Мухтара. Особое внимание в книге уделено лит-рам Севера, Сибири и Дальнего Востока. При этом ученый высказывался против поспешных и широких обобщений без опоры на полноту привлекаемого материала.

Как один из авторов Б. принимал участие в подготовке академ. «Истории всемирной литературы» (Т. 7. М., 1991; Т. 8. М., 1994). А свое писательское дарование он реализовал в сборнике очерков «Дорога остается» (М., 1969; из содер-

жания: «Глаз коня», «Землетрясение в Ташкенте», «На полынных ветрах», «Камень-одинец»). По словам критика, «читая книгу Р. Бикмухаметова, видишь: идет по земле человек неравнодушный, наблюдательный, неспокойный, ведет его дорога по родной стране. Видит он многое, о многом раздумывает, ищет, спорит…» (Санков В. «Рассказ о дороге», 1969. С. 250).

Издания. Муса Джалиль: Критико-биогр. очерк. М., 1957; Муса Джалиль: (Очерк творчества). М., 1962; Муса Джалиль. М., 1966 (Писатели Сов. России); Орбиты взаимодействия. М., 1983; Муса Джалиль: (Личность. Творчество. Жизнь). М., 1989; Поэзиябезнең сулмас чәчәкләре. Казан, 1960; Муса Йәлил. Дошманды еңгән йырҙар тураһында, Өфө, 1961. *Редактирование, составление и подготовка к печати*. Джалиль М. Мой жизненный путь // Вопр. лит-ры. 1961. № 7; Джалиль М. Мои песни: (Стихи). М., 1966; Джалиль М. Сквозь бури: (Избранные стихи и поэмы). М., 1986.

Статьи. Муса Джалиль // Писатели народов СССР: (Лит. портреты). Вып. 1. М., 1957; Галимджан Ибрагимов // Вместе с народом: Сб. ст. М., 1959; Родники и реки // Вопр. лит-ры. 1961. № 6; Рожденные Октябрем [На матер. творчества Ю. Рытхэу] // Там же. 1961. № 11; Юная Сибирь: (Проблемы становления молодых лит-р) // Там же. 1962. № 10; Традиционные образы и стилистические течения татарской советской поэзии // Социалистический реализм в литературах народов СССР. М., 1962; Обновление перспективы [Проблемы развития нац. лит-р Сов. Союза] // Вопр. лит-ры. 1963. № 1; От изучения особенностей к изучению закономерностей [О статье М. Пархоменко «“Чудо” или закономерность?», ставшей откликом на работу Г.И. Ломидзе «Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения советских литератур»] // Там же. 1965. № 8; Открытие литературы [Взаимосвязи рус. лит-ры с другими лит-рами народов СССР] // Там же. 1966. № 8; Роман и литературный процесс // Там же. 1971. № 9; В контексте мировой литературы // Там же. 1975. № 6; Десять лет спустя: (Заметки о новописьменном слове Сибири) // Там же. 1975. № 11; Прошлое и настоящее: (Сов. лит. общность и регионы в мировом процессе) // Там же. 1977. № 3; От представления к концепции: (Единство лит-р страны и пути его изучения) // Там же. 1981. № 8; Сибирский младописьменный роман и жанрово-стилевые течения современной советской прозы // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1983; Истоки единства советской многонациональной литературы // Формирование общесоветских традиций в художественной культуре народов Северного Кавказа: Всесоюзная науч. конф. 19–22 сент. 1984 г.: Тез. докладов. Черкесск, 1984.

Библиография, архивы. Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького: Библиогр. указ. 1939–2000. М., 2002 (по именному указ.); «Вопросы литературы» за 50 лет: Указ. содержания 1957–2006 (в двух частях). М., 2008 (по именному указ.).

Литература. КЛЭ. Т. 9. М., 1978; *Шмаков А.А., Шмакова Т.А.* Урал литературный: Краткий биобиблиогр. словарь.Челябинск, 1988; Филологический факультет Московского университета: Энциклопедический словарь. М., 2005; *Агабабян С.* Нужны портреты писателей // Вопр. лит-ры. 1961. № 10; *Шариф А*. Не в том ключе // Пути развития советской многонациональной литературы. М., 1967; *Санков В*. Рассказ о дороге // Знамя. 1969. № 12; *Кормилов С.И.* Художественность межлитературной общности // Москва. 1984. № 12; [Некролог] // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 5 [с ошибочной датой рождения].

Сведения об авторе:
Алексей Александрович Холиков,
докт. филол. наук
доцент
кафедра теории литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Kholikov,
Doctor of Philology
Assistant Professor
Department of Theory of Literature
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
aakholikov@gmail.com

R.G. BIKMUKHAMETOV AS AN EXPERT IN THE STUDY OF NATIONAL LITERATURES OF RUSSIA

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-64-68

А.А. Холиков

Вклад Х.Г. Короглы в историю академического изучения национальных литератур СССР

Аннотация: Публикуемая статья представляет собой препринт для готовящегося дополнительного тома словаря «Русские литературоведы XX века» и, помимо биографических сведений, содержит обзор научных трудов Х.Г. Короглы с библиографическим приложением.

Ключевые слова: история литературоведения, Х.Г. Короглы, литературы народов СССР

Abstract: The published article is a preprint for preparing an additional volume of the dictionary “Russian Literary Critics of the Twentieth Century”. The study contains a biographical information, reviews of research papers of H.G. Koroglu and a bibliographic application.

Key words: history of literature, H.G. Koroglu, the study of national literatures of the USSR

КОРОГЛЫ (также: Кор-Оглы) Халык Гусейнович [24.01.1919, Асхабад Туркестан. Сов. Респ. – 02.10.2001, Москва], историк лит-ры, востоковед, специалист по лит-рам народов Средней Азии. Д-р филол. наук.

Окончил школу на персид. яз., благодаря чему прекрасно знал персид. лит-ру. Во многом это определило его дальнейший интерес к изучению лит-р тюрк. народов. После службы в армии К. переехал в Москву. С 1945 – член Коммунистической партии. В 1944–1948 преподавал персид. яз. в Ин-те востоковедения АН СССР и одновременно учился на лечебном фак. в 1-м Москов. медицинском ин-те, к-рый окончил в 1946 и нек-рое время работал терапевтом в районной поликлинике. В 1947 поступил на восточное отд-ние филол. фак. МГУ и успешно окончил его (1952). В 1948–1958 исполнял обязанности зав. кафедрой в Ин-те внешней торговли. Во время работы там К. составил «Персидско-русский и русско-персидский общеэкономический и внешнеторговый словарь» (М., 1957 [в выпускных данных – 1958]). В Ин-те востоковедения АН СССР защитил канд. дис. «“Шасенем и Гарып” – народный дастан» (1955). В 1958–1971, работая в изд-ве «Советская энциклопедия», К. участвовал в подготовке «Краткой литературной энциклопедии». Был внештатным (а с 1986 – постоянным) сотрудником открытой в МГУ каф. лит-р народов СССР, к-рая вскоре была слита с каф. рус. сов. лит-ры

(с 1991 – истории рус. лит-ры XX в.). После защиты докторской дис. «Огузский героический эпос: (Героические дастаны огузнаме)» (1969), в 1971–1986, К. находился на основном месте работы в ИМЛИ, в Секторе народного творчества (в 1986 преобразован в Отдел фольклора), продолжая преподавать в ун-те.

В разные годы К. читал курсы по лит-рам народов Средней Азии, Казахстана и истории культур Востока. На их основе были изданы конспекты лекций «Современная персидская проза» (1958), «Современная персидская литература» (1965), а также уникальные для своего времени (как по новизне, так и по охвату материала) учебные пособия «Узбекская литература» (1968) и «Туркменская литература» (1972). Последнее из них до сих пор остается важнейшим обобщающим трудом по истории туркмен. нац. лит-ры и выходит далеко за пределы учебных задач. Автор впервые выстраивает периодизацию туркмен. лит-ры: до XVIII в. (устно-поэтическое творчество [«Эпос древнейшего населения Средней Азии и литература туркмен», «Огузнаме», «Героический эпос “Гёроглы”», «Дастанный эпос»] и письменная лит-ра), XVIII – нач. XX в., наконец сов. время [«Период становления (1917–1929)», «Развитие туркменской литературы в 30-е годы», «Литература Великой Отечественной войны (1941–1945)», «Литература послевоенных лет», «Берды Кербабаев»]). В качестве одного из достоинств этого труда отмечалось, что «автор, исследуя отдельные периоды становления туркменской литературы, прослеживает культурные связи туркмен-огузов с территориально близкими им другими тюркоязычными и ираноязычными народами» (Кидайш-Покровская Н.В. [Рец.] // Сов. тюркология. 1974. № 1. С. 94). Пособие «Узбекская литература», в свою очередь, оказалось не менее востребованным и в 1976 было переиздано. По сравнению с первым изданием К. значительно расширил главы, посвященные народному творчеству и древней лит-ре, дополнил материалы по сов. периоду (Х.Х. Ниязи, А. Кадыри, Г. Гулям, Айбек, А. Каххар, Х. Алимджан, Зульфия). Несмотря на то что за рамками пособия остался раздел драматургии и творчество видных ее представителей (К. Яшена, М. Шейхзаде, И. Султанова и др.), книга представляла собой *систематическое* изложение курса узбек. лит-ры, к-рое не только давало читателю общее представление о лит. процессе, но и знакомило с творческой биографией крупнейших писателей. Для облегчения восприятия материала русскоязычной аудиторией автор сообщал нек-рые сведения по этногенезу узбеков. Востребованность также получили составленные К. хрестоматии «Образцы классической литературы Ирана (X–XV вв.)» (1947; на персид. языке), «Персидские пословицы и поговорки» (1961; расширенный вариант – «Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова», 1973).

Как академического исследователя К. изначально привлекали классическая средневековая лит-ра и фольклор Востока («Персидская классическая литература X–XV вв.», 1950; «“Шахсенем и Гарып” – народный дастан», 1955). Он был одним из редакторов второго тома «Истории всемирной литературы» (1984), посвященного лит. процессу в период Раннего и Зрелого Средневековья, автором статей в других томах (Т. 3. М., 1985; Т. 5. М., 1988); участвовал в подготовке таких серийных изданий, как «Эпос народов СССР», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

На основе докторской дис. К. выпустил фундаментальное исследование «Огузский героический эпос» (1976). Это был первый в сов. востоковедении систематизированный труд об эпическом наследии тюрков-огузов, а точнее – об основном письменном памятнике, вошедшем в научный обиход в первой четверти XIX в., –

«Книге моего деда Коркута». Благодаря привлечению всей доступной ист. и филол. лит-ры К. (он работал не только в сов. архивах, но и в б-ках Измира и Стамбула в 1961) удалось обобщить разрозненные материалы об огуз. эпосе, раскрыть идейно-худож. особенности «Китаби Коркут», показать роль изучаемого лит. памятника в развитии ***эпического жанра*** у потомков огузов (туркмен, азербайджанцев и турок), выявить культурные связи этих народов, основанные на этнической общности. Для решения поставленных задач автору пришлось в вводной части обратиться к истории тюрков-огузов. Анализ мифов, легенд и преданий в первой главе монографии был призван доказать, что «Книга моего деда Коркута» имела реальную основу (то, о чем говорится в сказаниях, полагает К., могло иметь место на протяжении всей истории народа). В центральной части исследования огуз. героический эпос анализируется с точки зрения представленных в нем тем и сюжетов, структуры образа самого Коркута (к-рый, обладая чертами ист. героя, не имел конкретного прототипа, а сложился в результате худож. обобщения), композиционных особенностей, характера стихотворных частей. «Китаби Коркут» оценивается ученым как высокохудож. произведение с единым языком и стилем. Однако, по мнению рецензента, монография К. важна еще и в общетюркологическом аспекте, как весомый аргумент против ненаучных попыток «закрепить за одним народом культурные ценности, которые исторически оказываются достоянием нескольких» (Лебедева Л.И. [Рец.] // Народы Азии и Африки. 1978. № 4. С. 242).

Итоговой работой К. по изучению фольклора и истории тюркоязычных лит-р стала моногр. «Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана» (1983). Выступая против усиливающихся тенденций по нац. культурной самоизоляции, ученый рассматривает памятники, общие для многих тюрк. народов (Азербайджана, Турции, Туркмении): «Кёроглы», «Ашик-Гариб» (азербайджан. версия этого сказания легла в основу «турецкой сказки» М.Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб»). В том же ряду подготовленные к печати и прокомментированные К. памятники словесности: «Эмрах и Сельви, Необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести» (1979; переиздана в 1982), «Турецкая ашыкская поэзия» (1983), «Гуругли: (Таджик. народный эпос)» (1987), «Книга отца нашего Коркута: (Огуз. героический эпос)» (1989), «Классическая восточная поэзия: Антология» (1991), «“Шасенем и Гарып”, “Касым-оглан” и другие туркменские народные повести» (1991).

Оставив работу в академическом ин-те, К. не перестал заниматься наукой. В последние годы жизни он изучал библейские и коранические мотивы в лит-ре. В частности, им посвящена статья «Стихотворение “Пророк” А.С. Пушкина и арабская легенда о пророке мусульман Мухаммаде» (1999), в к-рой выдвигается предположение, что Пушкин изображает не только пророка Исаию, но и Мухаммада, используя изложенную в хадисе легенду «Вскрытие груди». А за несколько дней до смерти К. успел получить верстку своей последней кн. «Легенды и предания о пророках в Библии и Коране» (2001). Она была написана по материалам спецкурса «Духовные основы литературы» о Библии и Коране, к-рый пользовался в МГУ большой популярностью. По свидетельству одного из его слушателей, «человек необычайно широкой эрудиции, Халык Гусейнович постоянно заглядывает в еще более глубокую древность, вплоть до шумеровского “Гильгамеша” – самого древнего из эпосов мира, не упускает случая пояснить этимологию старинных слов, как бы дает попутно наглядные уроки сравнительного языкознания» (Кормилов С.И. «К 75-летию Х. Короглы», 1994. С. 68). Лекции К. были не только «за-

хватывающе интересны, но и изящно построены», выглядели «как живая беседа, пронизанная искрами остроумия». Напр., в конце 1960-х, «доходя в своем основном курсе до советского псевдохудожественного официоза, Халык Гусейнович говорил об одном из произведений небезызвестного партийно-государственного и литературного деятеля Шарафа Рашидова: “Почитайте, почитайте этот роман. Эта книга нам даст представление о том, как не надо писать”» (там же).

Издания. Персидская классическая литература X–XV вв. М., 1950; «Шахсенем и Гарып» – народный дастан. М., 1955; Современная персидская проза: [Конспект лекций]. М., 1958; Современная персидская литература: [Курс лекций]. М., 1965; Туркменская литература: [Учебное пособие]. М., 1972; Узбекская литература: [Учебное пособие]. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976; Огузский героический эпос. М., 1976; Трансформация заимствованного сюжета: (По матер. эпоса народов Ближнего Востока и Средней Азии): [Доклад на Всесоюзной науч. конф. «Проблемы исторической поэтики фольклора», опубл. отдельной брошюрой на правах рукописи]. М., 1977; Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983; Низами Гянджеви: (850 лет со дня рождения). М., 1991; Легенды и предания о пророках в Библии и Коране. Казань, 2001. *Редактирование, составление и подготовка к печати*. Образцы классической литературы Ирана (X–XV вв.): Хрестоматия для студентов IV и V курсов: На персид. яз. М., 1947; Персидские пословицы и поговорки. М., 1961; Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. 2-е изд., доп. М., 1973; Эмрах и Сельви, Необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести. 2-е изд. М., 1982; Турецкая ашыкская поэзия. М., 1983; История всемирной литературы: В 9 т. Т. 2. [Литературный процесс в период Раннего и Зрелого Средневековья]. М., 1984. – Совм. с др.; Гуругли: (Таджик. народный эпос). М., 1987. – Совм. с др.; Книга отца нашего Коркута: (Огуз. героический эпос). Баку, 1989; Классическая восточная поэзия: Антология. М., 1991 (Б-ка студента-словесника); «Шасенем и Гарып», «Касым-оглан» и другие туркменские народные повести. М., 1991.

Статьи. Дастанный эпос туркменского народа // Тр. Ин-та яз. и лит-ры АН Туркмен. ССР. 1956. Вып. 1; Деде Коркут Китаби // Проблемы востоковедения. 1959. № 4; Туркменская классическая литература // История литературы народов Средней Азии и Казахстана. М., 1960; Уникальный туркменский баяз // Проблемы востоковедения. 1960. № 3; Об одной рукописи // Тр. Ин-та яз. и лит-ры АН Туркмен. ССР. 1961. Вып. 5; Основные культурные традиции в туркменском фольклоре // Вестн. истории мировой культуры. 1961. № 1; Об иранских элементах в народном творчестве туркмен // Проблемы востоковедения. 1962. № 3; Дастан // КЛЭ. Т. 2. М., 1964; К характеристике туркменских романических дастанов // Народы Азии и Африки. 1964. № 6; Кёроглу (образ исторический) // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. Т. 7. М., 1965; «Возлюбленная сердец» Туркмана Фарахи // Народы Азии и Африки. 1966. № 2; «Кёр-оглы» // КЛЭ. Т. 3. М., 1966; «Китаби деде Коркуд» // Там же; Дастан «Бахром ва Гуландом» и его источник // Народы Азии и Африки. 1967. № 2; Туркменские дастаны // Очерк по истории туркменского народного творчества. Ашхабад, 1967; Нурмухаммед Андалиб (дастаны) // Очерк по истории туркменской литературы XVIII – XIX вв. Ашхабад, 1967; Мирза Бархурдар Туркман и персидская литература XVII в. (дастан и литература) // Народы Азии и Африки. 1969. № 5; Новая версия «Кёроглу» // Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969; Туркменский эпос «Гёроглы» и особенности его историзма // Специфика фольклорных жанров. М., 1973; Поэтика прозаических фольклорных дастанов // Прозаические жанры фольклора народов СССР: Тез. докладов на Всесоюзной науч. конф. «Прозаические жанры фольклора народов СССР» (21–23 мая 1974 г. Гор. Минск). Минск, 1974; Из восточно-западных фольклорных связей. Темяглаз (Депегё) и Полифем // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974; Проза или поэзия? // Сов. тюркология. 1974. № 2; Дастанный эпос и туркменская советская литература 20–40-х годов // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. М., 1975; Огузский эпос: (Сравнительный анализ) // Типология народного эпоса. М., 1975; Поэтика дастанного эпоса // Проблемы фольклора. М., 1975;

Текстологическая характеристика публикаций эпоса «Гёроглы» и «Гуругли» // Фольклор: (Издание эпоса). М., 1977; Трансформация заимствованного сюжета // Фольклор: (Поэтическая система). М., 1977; Трансформация жанра туйуг: (К проблеме фольклорных связей тюркоязычных и ираноязычных народов) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: (Поэтика и стилистика). М., 1980; Мифы, легенды и предания народов Сибири // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986; Две тайны древнего титульного листа [О датировке и авторстве тюркского эпоса «Книга моего деда Коркута»] // Вопр. лит-ры. 1987. № 6; Художественные каноны и видоизменение эпоса // Фольклор: (Проблемы историзма). М., 1988; Исторические связи фольклора и литератур народов Центральной Азии: (К истокам творчества Абая) // «Наследие Абая в современном мире»: Матер. науч. конф., посвященной 150-летию Абая Кунанбаева: (Москва, 15 нояб. 1995 г.). М., 1996; Стихотворение «Пророк» А.С. Пушкина и арабская легенда о пророке мусульман Мухаммаде // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. 1999. № 4; Раздел II. Поэзия XX века. Глава 2. Первая половина XX в. // История персидской литературы XIX–XX веков. М., 1999.

Библиография, архивы. Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького: Библиогр. указ. 1939–2000. М., 2002 (по именному указ.); «Вопросы литературы» за 50 лет: Указ. содержания 1957–2006 (в двух частях). М., 2008 (по именному указ.).

Литература. КЛЭ. Т. 9. М., 1978; Филологический факультет Московского университета: Энциклопедический словарь. М., 2005; *Кормилов С.И.* К 75-летию Х. Короглы // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. 1994. № 4; *Гусейнов Ч.* «Лета к воспоминаниям клонят» // Дружба народов. 2002. № 4; *Углицких А.* ВЛК 1997–99. Часть вторая // [Электронный ресурс] URL: http://klavdii1955.livejournal.com/17533.html; *Багиров А.* «Туркменская литература» Халыка Короглы как обобщающий труд по истории туркменской национальной литературы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 3; *Хыдыров М., Непесов Т.* Гөроглы тарыхы шахсмы? // Эдебият ве сунгат. 1973. 21 марта; *Азмуда А.* Масалха ва тамсилха-йе фарси аз Х.Г. Короглы // Рахнама-йе кетаб. 1973. № 7–9; *Мередов А.* Ашгабатлы Гөроглы // Эдебият ве сунгат. 1974. 21 июля.

Сведения об авторе:
Алексей Александрович Холиков,
докт. филол. наук
доцент
кафедра теории литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Kholikov,
Doctor of Philology
Assistant Professor
Department of Theory of Literature
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
aakholikov@gmail.com

A VALUABLE CONTRIBUTION OF N.A. KOROGLY TO THE ACADEMIC STUDY OF NATIONAL LITERATURES OF USSR

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-69-80

И.А. Беляева

Тургенев и Карамзин

Аннотация: В статье очерчены основные вехи в восприятии Тургеневым, как читателем и критиком, творчества Карамзина. Систематизированы сложившиеся в современной науке представления о характере влияния Карамзина на Тургенева и намечены перспективы изучения проблемы «Тургенев и Карамзин». Особое внимание уделено «Лизиному тексту», судьбе «русского европейца» и связанной с этим типом героя сюжетике, а также элегической модальности в творчестве Тургенева.

Ключевые слова: Карамзин, И. Тургенев, восприятие, традиция, «Лизин текст», «русский европеец», элегическое

Abstract: The article deals with the key landmarks in Turgenev's perception, as a reader and critic, of Karamzin's creation. The notion of the nature of Karamzin's influence on Turgenev in modern literary studies is systematised and the perspectives of studying the problem of "Turgenev and Karamzin" are identified. The particular attention is given to "Liza's text", the fate of "Russian European" and the plot associated with this to the type of the hero, as well as to the elegiac modality in Turgenev's works.

Key words: Karamzin, I. Turgenev, reception, tradition, "Liza's text", "Russian European", elegiac

Тема «Тургенев и Карамзин» представляет собой, по-видимому, одну из наименее изученных областей современного тургеневедения, хотя она и не была полностью обойдена вниманием исследователей. Имя Карамзина неизбежно возникало в ходе обсуждения вопросов, связанных с творческой биографией Тургенева, с его кругом чтения (в том числе детским), а также в связи с его ранними литературными интересами[1]. Изучались и так называемые традиции сентиментализма в творчестве Тургенева, в том числе влияние Карамзина[2]. В той или иной степени рассматривались аспекты, связанные с генетико-типологической преемственностью тургеневских персонажей, как женских, так и мужских, по отношению к типам, которые

[1] См.: *Балыкова Л.А.* Тургенев – читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел: Орлик, 2005.
[2] См.: *Жилякова Э.М.* Проблема сентиментальных традиций в эстетике И.С. Тургенева 1850-х годов // Проблемы метода и жанра. Вып. 18. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1994. С. 152–170; *Жилякова Э.М.* Прозаический дебют Тургенева и молодой Достоевский (К вопросу о традициях сентиментализма в русской литературе 1840-х годов) // Проблемы метода и жанра. Вып. 16. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1990. С. 132–149; *Жилякова Э.М.* Традиции сентиментализма в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Проблемы метода и жанра. Вып. 17. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1991. С. 98–114.

были открыты Карамзиным («русский европеец», «бедная Лиза»); лирическая природа творчества Тургенева и элегическое начало его прозы также неизменно соотносились с карамзинским наследием. Одним из самых очевидных и основательных поводов для сближений двух писателей оказывалась столь актуальная для русской культуры XIX в. проблема «Россия и Европа». В этом же ключе стоит рассматривать и отмеченную еще Л.В. Пумпянским пушкинскую линию в отечественной словесности, ориентированную, по мнению ученого, в отличие от гоголевского направления, на Запад[1]. Но у ее истоков стоял, скорее, Карамзин, как справедливо полагают современные исследователи творчества писателя, нежели Пушкин.

В целом история вопроса свидетельствует о возможности разноплановых сближений текстов Тургенева и Карамзина, однако специальной работы, им посвященной, до сих пор не существует. Эту лакуну в определенной мере компенсирует книга Л.А. Сапченко[2], в которой вопросу о творческих перекличках между Тургеневым и Карамзиным уделяется значительное место; между тем задачи этого труда шире, он вмещает в себя весь XIX в., что делает карамзинскую линию у Тургенева, рассматриваемую исследовательницей, одной из частных, хотя и весьма значимых в русской культуре в целом.

Попробуем обозначить основные вехи в тургеневской рецепции литературного наследия Карамзина и наметить возможные перспективы изучения темы.

Карамзин, без сомнения, входил в ближайший круг ученического чтения Тургенева. Специалисты, работавшие с библиотекой в Спасском-Лутовинове, которая была в распоряжении Тургенева, описали сохранившуюся карамзинскую часть фондов. Туда вошли «Мои безделки» (ч. 1–2) 1797 г., сочинения в восьми томах (1803 г.), где «Письма русского путешественника» занимают со второго по пятый том, затем тома II–IV, IX, XI–XII «Истории Государства Российского» (издание 1830–1831 гг.) и др.[3] Даже если учесть тот факт, что библиотека в Спасском в немалой степени была утеряна, собрание достаточно представительное.

Известно, что Тургенев и в ранние годы, и много позже читал и ценил Карамзина, в том числе его историографические труды, прежде всего с точки зрения их роли в деле просвещения соотечественников. В одном из своих писем, относящихся к октябрю 1868 г., Тургенев отвечал на просьбу торговца из Вятской губернии А.Д. Вшицова помочь ему в самообразовании так: «Что касается до чтения, то я не советую Вам предаваться одной беллетристике: исторические книги – Карамзин, например, – были бы Вам полезнее»[4].

Однако художественную антропологию Карамзина-историографа Тургенев не считал убедительной. Еще в 1846 г. в рецензии на драму С.А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» Тургенев, сам в те годы немало интересующийся созданием подлинно драматургического характера, заявляет:«В изображении его (Ляпунова. – *И.Б.*) характера до сих пор следовали Карамзину. Со всем уважением к знаменитому историографу мы осмеливаемся думать, что он, – так же, как из лица Грозного, – сделал из Ляпунова лицо фантастическое». И далее как критик Тургенев формулирует свое видение этого характера, которое далеко от однобокой, по его мнению, *«фантастичности»* – читай: неправдоподобия, – и подчеркивает, что в драма-

[1] *Пумпянский Л.В.* Тургенев и Запад // И.С. Тургенев: Материалы и исследования. Орел: Изд-во Орлов. обл. Совета депутатов трудящихся, 1940. С. 90–108.

[2] *Сапченко Л.А.* Н.М. Карамзин: судьба наследия. Век XIX. М.: МПГУ; Ульяновск: УлГУ, 2003. 379 с.

[3] Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Книги на рус.яз. Ч. 1 / Сост. и автор вступ. статьи Л.А. Балыкова. Орел: Изд-во Орловской государственной телерадиокомпании. 1994. С. 104–107.

[4] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 9. М.: Наука, 1995. С. 66.

тургическом характере он ценит шекспировскую многогранность и человеческую сложность[1]. Гедеонов с Карамзиным, по мысли Тургенева, упростили Ляпунова именно в человеческом плане. Словом, как «сердцевед» (так называл Тургенев Шекспира) Карамзин ему не близок. Когда появилась пьеса А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», Тургенев ее не принял потому, что «характеры ее не живые», а от нее самой «веет чем-то Карамзинисто-Загоскиноватым»[2].

Тем не менее в семье Тургеневых Карамзин входил в круг писателей почитаемых. Варвара Петровна Тургенева, – возможно и не без основания, как полагают специалисты, – признавалась в своем личном знакомстве с ним: «Карамзин, Дмитриев, Мерзляков, Жуковский, Пушкин, – писала она своей доверительной корреспондентке Марии Карповой, – все мне знакомы и даже приятели»[3]. В 1840 г. в одном из писем к сыну, когда тот находился на учении в Германии, Варвара Петровна обращалась к нему «мой Карамзин, русский путешественник» и сетовала на то, что он изменил тон и стиль своих писем: «Было время, что ты писал ко мне, или описывал… О!.. Нет! Это еще хуже, чем ничего. Письмо твое, а тебя тут не видно»[4]. Надо полагать, что она получала от сына письма в стиле «Писем русского путешественника», однако этот пласт тургеневского эпистолярия не сохранился. Тем не менее, будучи подростком, Тургенев и к своему любимому на тот момент дядюшке Н.Н. Тургеневу направлял письма в форме дневника, или «журнала», которые были написаны не без влияния известного сочинения Карамзина.

Карамзинский стиль Тургеневым был освоен уже к 1840-м гг., но, думается, очень быстро и исчерпан. Во всяком случае «стилевые формулы Карамзина», которые встречаются у зрелого Тургенева, едва ли стоит рассматривать в плане прямого усвоения и следования им предшествующей традиции, без учета сложной идейно-эстетической трансформации, как, например, это предложено в работе С.М. Аюпова[5]. Стилевые переклички, безусловно, существуют, но их функциональность требует отдельного изучения.

Интересным примером опыта молодого Тургенева в духе Карамзина («à la Karamsin») является его дружеское письмо к М.А. Бакунину и А.П. Ефремову из Мариенбада, написанное будущим писателем в сентябре 1840 г., т. е. практически в то время, когда он, по словам его матушки, уже не пишет ей отчетов о своих путеше-

[1] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 239. Таков, по мнению Тургенева, должен быть и Ляпунов: «Ляпунов был человек замечательный, честолюбивый и страстный, буйный и непокорный; злые и добрые порывы с одинаковой силой потрясали его душу; он знался с разбойниками, убивал и грабил – и шел на спасение Москвы, сам погиб за нее. Такие люди появляются в смутные, тяжелые времена народных бедствий как бы на вторых планах картины; как люди второстепенные, они исчезают перед честной доблестью, ясным и светлым разумом истинных вождей; но их двойственная, страстная природа привлекает драматических писателей... Шекспир любил изображать такие лица. Оттого выбор Ляпунова, как главного действующего лица драмы, нам всегда казался удачным; мы не раз мечтали о той яркой, подвижной картине, которую писатель с дарованьем сумел бы провести перед нашими глазами... Вместо мучительной однообразности или натянутой, еще более мучительной пестроты условных фраз, условных возгласов, условных эффектов он бы дал нам, наконец, услышать голос истины, еще более трогательной и потрясающей в прошедшем, чем в настоящем...» (там же).

[2] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 5. М.: Наука, 1988. С. 25.

[3] Цит. по: *Балыкова Л.А.* Тургенев – читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел: Орлик. 2005. С. 37.

[4] Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844). Тула: Гриф и К, 2012. С. 233.

[5] *Аюпов С.М.* Стилевые формулы Карамзина в романах Тургенева // Карамзинский сборник. Национальные традиции и европеизм в русской культуре. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 41–49.

ствиях по образцу Карамзина. «Игровое пространство» письма основательно проанализировано Е.В. Зуевой[1]. Оно включает в себя импульсы «арзамасской самоиронии», «сентиментальные реминисценции» и аллюзии, уводящие пишущего в мир «идиллического» детства, а также почти прямые цитации из Карамзина, которые, как установила исследовательница, скорее всего, воспроизводились Тургеневым по памяти. Одно из самых ярких «карамзинских» мест письма – концентрированно «слезное» признание в дружеских чувствах: «“Чувствительные души! примите меня в ваш священный круг! я нашел друга – и проливаю радостные слезы; я нашел друга – и благодарю премудрое провидение…” и т. д. “О друг мой, – сказал я, обливаясь горячими слезами”, и т. д. “Мы обнялись и смешали наши слезы” и т. д. – Странная участь слез, подумаешь! Их глотают, как вино, мешают, как лекарство, проливают, как воду, удерживают, как лошадей; поливают, обливают, заливаются, истекают слезами; они катятся градом, потоками, даже реками; слезы радостные – слезы горестные, слезы горькие – слезы сладкие, слезы раскаяния – слезы умиления, слезы утешительные – слезы восхитительные, слезы – жемчуги, слезы – алмазы, слезы кровавые – слезы обильные, о слезы, слезы, сле-е-езы, молите бога за нас!»[2]. Трудно, однако, согласиться с выводом Е.В. Зуевой, полагающей, что это письмо Тургенева «становится прелюдией к его “большой литературе”»[3] и демонстрирует процесс освоения начинающим писателем карамзинской художественной манеры. Скорее, здесь мы имеем дело с моментом, когда Тургенев ее перерос, что и нашло свое выражение в хорошо сделанной шутливой стилизации. «Игра» в Карамзина была одновременно и прощанием с ним. При этом Карамзин хорошо усвоен и освоен, так что сочинения Карамзина нередко будут выступать в качестве значимых претекстов у Тургенева.

Известно, что Тургенев перечитывал Карамзина, прежде всего «Письма русского путешественника» и «Историю государства российского». Например, этим чтением он серьезно был увлечен в 1874 г. В это время он сам много размышляет о русском человеке, о его своеобычной природе, работает над романом о народниках – пишет об этом, в сущности, сугубо русском явлении. И Карамзин оказывается ему нужен. Тургенев, как он сам признается, читает иногда «с большим трудом и множеством перерывов историю Ивана Грозного», историю о царе, который подан лишь как человек, «изобретательно истязавший своих подданных»[4]. Очевидно, что этой одной краски в обрисовке Ивана Грозного Тургеневу недостаточно, но Карамзин вызывает у него реакцию подчас вдохновенную. «Я жадно читаю», – признается он Полине Виардо летом 1874 г.[5] И хотя тургеневские оценки «Писем русского путешественника», которые наряду с «Историей…» штудируются им в те годы, не лишены иронии, – в основном, по причине их сентиментальной стилистики («А ведь Карамзин был замечательным человеком, – сообщает он. – Правда, ему было лишь 24 года»[6]), – Тургенев разделяет эстетические вкусы Ка-

---

[1] *Зуева Е.В.* Тургенев и Карамзин (По поводу письма И.С. Тургенева М.А. Бакунину и А.П. Ефремову) // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс: Сб. статей. Ульяновск: УлГУ, 1996. С. 35–47.

[2] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 1. М.: Наука, 1982. С. 169.

[3] *Зуева Е.В.* Тургенев и Карамзин (По поводу письма И.С. Тургенева М.А. Бакунину и А.П. Ефремову) // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс: Сб. статей. Ульяновск: УлГУ, 1996. С. 43.

[4] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 13. М.: Наука, 2002. С. 313.

[5] Там же. С. 315.

[6] Там же. С. 302.

рамзина. Ему любопытно читать о парижской опере, о карамзинских сравнениях певца Руссо, исполняющего партию Орфея, с Цицероном, об игре французских актеров и проч. С любопытством для себя отмечает Тургенев и политическую мятежность Карамзина, когда тот был почитателем Робеспьера. Он подробно пересказывает свои впечатления Полине Виардо.В целом, чтение Тургеневым сочинений Карамзина в 1870-е гг. является значимым контекстом для понимания его творческих интенций, связанных с осмыслением русской сути и качественных сближений, но и отличий русского и европейца.

И все же быть «карамзинистом», с точки зрения Тургенева, это прежде всего находиться в определенной стилистически-языковой системе координат, которая мало имеет общего с искренностью. Когда в феврале 1876 г. умерла Великая княгиня Мария Николаевна и на ее кончину отозвалась пресса, Тургенев писал: «В "Голосе" какой-то карамзинист – вроде Валуева – состряпал ей тяжелый панегирик не без ошибок в языке и слоге»[1]. Сатирически маркирована у Тургенева и склонность того или иного персонажа говорить или писать в карамзинском духе. Так, в романе «Новь», работа над которым проходила в период «перепрочтения» Карамзина, г-н Калломийцев, чиновник в сердце и своего рода мещанин во дворянстве, произносит:«Что касается до меня, то я признаю язык российский, язык указов и постановлений правительственных; я дорожу его чистотою! Перед Карамзиным я склоняюсь!.. Но русский, так сказать, ежедневный язык... разве он существует? Ну, например, как бы вы перевели мое восклицание detout à l'heure: "C'est un mot?!" – Это слово?! Помилуйте!»[2].

Карамзина сложно назвать писателем, который коренным образом повлиял на Тургенева. При всей колоссальной начитанности последнего автор этих строк осмелился бы из русских художников слова только Пушкина поставить в первый ряд в этой связи, прежде всего по причине его живой органичности для Тургенева. И если понимать под «традицией», вслед за В.Д. Сквозниковым, продолжение «индивидуальной характерности» писателя в творчестве его продолжателя, то мы должны присоединиться к известному исследователю: Тургенев, через раннее «преодоление» Пушкина, искренне и полно к нему вернулся в своих зрелых сочинениях[3]. Но подобного не произошло с Карамзиным. Вначале было естественное освоение Тургеневым карамзинской эстетики, затем последовало ее «преодоление» (в том числе «игровое»). Далее очевидна опора на культурные топосы, открытые для русского читателя Карамзиным, но с выходом уже на иной идейно-художественный уровень. Типы, сюжеты, модели карамзинской прозы были вполне востребованы Тургеневым, нюансы смыслов в его текстах подчас возникают как раз в тесной соотнесенности с карамзинскими образцами, но происходит это не в русле прямого развития сентименталистских художественных идей и решений, а через серьезную их творческую переработку[4].

---

[1] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 15. Кн. 1. М.: Наука, 2012. С. 42.

[2] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Наука, 1982. С. 164.

[3] «Тургенев, повторяем, последний пушкинского достоинства представитель "изящной словесности"» (*Сквозников В.Д.* Пушкинская традиция. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 132–133).

[4] Как справедливо отмечает М.В. Иванов, полемизируя с Э.М. Жиляковой, развивающей идею «традиций сентиментализма» у Тургенева в ряде своих работ, есть опасность чрезмерно расширять «"семантическое облако" сентиментализма», при этом «допустить самообман в накоплении "сентиментальных корней" в произведении автора, обратившегося к "чувствительной" традиции» (*Иванов М.В.* Судьба русского сентиментализма. СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1996. С. 23). Близкие акценты расставлены и в упомянутой выше монографии Л.А. Сапченко, когда речь идет о многообразии модификаций той или иной коллизии, например, истории о «бедной Лизе» в творчестве Тургенева, Гончарова, Достоевского или Островского.

Нельзя не сказать и еще об одной любопытной «рифме», которая существует между Тургеневым и Карамзиным: Тургенев как первый русский писатель, которого открыла для себя западная культура, в определенной мере оказался в роли Карамзина, которого когда-то Европа принимала как первого русского путешественника (хотя и до него было немало путешествующих), или *русского европейца*. Определенные аналогии навевает и вектор «от западного – к русскому», который определяется в творчестве Карамзина такими вехами, как «Письма русского путешественника» – в начале творческого пути и «История государства Российского» – в конце[1], а у Тургенева – как минимум – двумя этапами работы над «Записками охотника» (в 1840-е и в 1870-е гг.), которые подчинены той же логике (она дает о себе знать, например, в плане типизации)[2]. Отсюда дискурс, связанный с аспектами «европеизма» и проблемами национальной идентичности, закономерно и неизменно возникает, когда заходит речь об этих двух писателях. Магистральными в истории сопоставления Карамзина и Тургенева являются «сюжеты» о «русском европейце», «бедной Лизе» и аспекты авторской эмоциональности[3].

К типологической модели «русского европейца» или «русского путешественника» Тургенев обращается в ряде своих романов и повестей 1850–1970-х гг.: «Ася», «Фауст», «Дворянское гнездо», «Дым», «Вешние воды». Писатель разрабатывает особый *тип героя*, который порождает соответствующую сюжетику и событийность, связанную с путешествием по Европе. Странствия никак не сводились к внешнему «туризму жизни» (Ю. Айхенвальд), но были для героя неравнодушным «поиском своего места в мире»[4].

Представленный у Тургенева тип путешествия реализовывался, по верному замечанию В.М. Марковича, как бы «на грани двух культур» и восходил к карамзинскому. При этом величайшие достижения искусства и культуры оказывались не просто фоном, но неизменной частью душевной жизни путешественника. Это обусловливало особый *эстетизм*, в основе которого «единство простоты и литературности» – как у Тургенева, так и у Карамзина. В творчестве последнего «непосредственные переживания героя впервые в русской прозе оказались неотделимыми от художественных ассоциаций, всплывающих в его памяти»[5]. Подобная установка была для Тургенева внутренне близка, хотя, возможно, не осознавалась им как восходящая исключительно к Карамзину. То же можно сказать и о знаменитом тургеневском *элегизме*, который отзывался на эпоху элегического стиля в целом, вне определенной персонификации. Однако согласимся с известными исследователями Карамзина в том, что его герой ис-

---

[1] «Карамзин начал как писатель, показывающий читателям в зеркале своего творчества Европу и прогресс культуры, и завершил свой путь тем, что открыл перед ними Россию и ее историю» (*Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука. 1987. С. 533. (Серия «Литературные памятники»)

[2] См.: *Беляева И.А.* Тургенев о русском человеке, Пушкине, языке и свободе // Kalbai ir kontextai. Language in different contexts. V. VII(I). Part. 2. Vilnius: LEUleidykla. 2016. P. 18–29.

[3] Общее поле сопоставлений текстов Карамзина и Тургенева обозначено, хотя и слишком большими мазками, в монографии Л.А. Сапченко: «Общность двух писателей обнаруживается в сфере нравственно-эстетического идеала, в тематике и проблематике произведений. Связаны с карамзинской традицией актуальность проблемы “Россия и Европа” в творчестве Тургенева, жанровые и образно-стилевые особенности его повестей, формы выражения авторской позиции, лиризм повествования, типология характеров (“бедная Лиза”, “русский европеец”, “чувствительный и холодный” и др.)» (*Сапченко Л.А.* Н.М. Карамзин: судьба наследия. Век XIX. М.: МПГУ; Ульяновск: УлГУ, 2003. С. 53–54).

[4] *Маркович В.М.* Избр. работы. СПб.: Ломоносовъ, 2008. С. 265.

[5] Там же. С. 264.

пытывает потребность «вспоминать», «глядя на мир, прочитанные строки»[1]. Именно такая установка принципиальна и для многих тургеневских текстов.

Элегическая интонация столь важна для всего творчества Тургенева, что ее ни в коем случае нельзя умалять или подчинять трагической модальности, поскольку это серьезно деформирует смысловую ткань текстов. «Онтологический трагизм» или «космический пессимизм», которые привыкли находить у Тургенева, возводя подобные интонации едва не к Шопенгауэру, не всегда объясняют, например, сложные, в плане эмоциональности, аккорды тургеневских эпилогов. А ведь именно в эпилогах, и особенно это значимо для романов писателя, обнаруживает себя то элегическое «уединение», которое свидетельствует не о разладе человека с миром, а о его «индивидуальной вписанности в объективную картину всеобщего жизнесложения»[2]. И если признать, что элегическую меланхолию ввел в русскую литературу Карамзин, сделавший ее, по справедливому утверждению В.М. Марковича, «не только предметом поэтического изображения, но и средством, помогающим придать тексту дополнительный, как правило, высший смысл»[3], то заслуга Тургенева в том, что он увидел в этой «сложной эмоции» серьезные альтернативы трагическому взгляду на мир.

Сюжет о «бедной Лизе», родоначальником которого в русской литературе считается Карамзин, был вполне востребован Тургеневым в ряде его сочинений. Это рассказ «Свидание» (1850), повести «Андрей Колосов» (1844), «Дневник лишнего человека» (1850), «Ася» (1858), «Вешние воды» (1871), «Пунин и Бабурин» (1874), роман «Дворянское гнездо» (1859). Последний наиболее ярко реализует линию так называемого «Лизиного текста», который формируется на основе имени Лиза (Елизавета) как важнейшего в русской культуре поэтонима[4]. Тургенев не часто дает своим героиням имя Лиза. В сущности, за исключением нескольких Елизавет, таких, например, как Елизавета Богдановна («Месяц в деревне»), у него две собственно Лизы (не Елизаветы) – Лиза Ожогина («Дневник лишнего человека») и Лиза Калитина («Дворянское гнездо»). Однако обращение писателя к ситуации обманутой девической любви, в том числе обнаруживающей социальное неравенство между влюбленными, давно и справедливо отмечено исследователями, хотя и связывается обычно исключительно с «традициями сентиментализма».

В переходную эпоху 1840-х гг. в русской литературе происходят сложные процессы: скрещиваются разные литературные тенденции, вырабатываются новые формы и обретаются новые художественные возможности. Топика «Бедной Лизы» Карамзина оказывается чрезвычайно востребованной и образует, по мысли Н.Л. Вершининой, своего рода «идиллико-анекдотический контрапункт» в беллетристике того времени[5].

---

[1] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука. 1987. С. 528. (Серия «Литературные памятники»)

[2] *Тюпа В.И.* Модусы художественности // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2006. С. 64.

[3] *Маркович В.М.* Избр. работы. СПб.: Ломоносовъ, 2008. С. 273.

[4] См.: *Бельская А.А.* «Лизин текст» И.С. Тургенева и А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4(54). С. 259–267; *Полтавец Е.Ю.* Цветочки Лизы Калитиной: итальянский и французский контекст // Тургеневские чтения. Вып. V. М.: Русский путь, 2011. С. 350–368.

[5] *Вершинина Н.Л.* Особенности беллетристической рецепции повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» в эпоху 1830–1840-х годов (идиллико-анекдотический контрапункт) // Карамзинский сборник. Повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»: проблемы изучения и преподавания. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 29–50.

Возможно, тургеневский опыт, который представлен в повести «Андрей Колосов», как раз находится в русле подобных тенденций. «Механизм» соединения двух «сюжетов»: пушкинского, который восходит к строчке из поэмы «Цыганы» («что было, то не будет вновь…»), и карамзинского, напоминающего историю его «бедной Лизы», – Тургеневым был уже нащупан в известном письме к М.А. Бакунину и А.П. Ефремову, о чем справедливо писала Э.М. Жилякова[1]. И из этого союза двух «сюжетов», отчасти конфликтного, отчасти дружного, рождается иная, вовсе не сентименталистская поэтика молодого Тургенева, несмотря на его обращение к стилистическим формулам сентиментализма.

События, которые происходят с героиней тургеневской повести, напоминают историю «бедной Лизы» в квадрате. Варя оказывается обманута сразу двумя возлюбленными. Одного из них можно условно назвать «холодным», другого – «чувствительным», но предают девушку оба, причем один руководствуется пушкинской «формулой», другой – карамзинской. Последняя обнаруживает себя в подтексте, о чем свидетельствует круг чтения Вари. Она читает Карамзина: что именно, не вполне понятно, но можно предположить, судя по ситуации (она тщетно ждет оставившего ее Андрея Колосова), что «Бедную Лизу». Соединение двух вариантов бегства от возлюбленной, пушкинского и карамзинского, создает сложный психологический элемент в повести и заявляет о новой событийности, превосходящей любые литературные стереотипы.

Функция карамзинских элементов в поэтике Тургенева в дальнейшем будет расширяться. В этой связи интереснейший материал, с нашей точки зрения, представляет собой повесть «Пунин и Бабурин», героиню которой «мучают» чтением Карамзина. К тому же она грозит утопиться в пруду, если ее чувства будут преданы огласке. Не менее интересно здесь представлена и тема «бедных людей». Удивительно, что идиллическое начало у Тургенева и в ранние годы (правда, за редким исключением), и в поздние не подвергалось резкому травестированию (например, идиллия старичков Субочевых, и подобных примеров очень много). Нельзя утверждать также, что идиллическая модальность всегда ассоциировалось у Тургенева с архаикой – писатель вполне признавал многогранность человеческого мироустроения и мироотношения, что отчасти примиряет в его творчестве разные «традиции», модусы и разные культуры. Иначе обстоит дело с чрезмерной сентиментальностью некоторых его героинь: это всегда знак человеческой пустоты и неискренности.

Роман «Дворянское гнездо» объединяет в себе истории, восходящие к разным повестям Карамзина, среди которых «Юлия», «Сиерра-Морена». Многое у Тургенева навеяно карамзинской эпохой, многое напоминает о поэтике самого Карамзина. Это пейзаж, несущий философскую и психологическую нагрузку, противопоставление суетного города сельской жизни (дом Калитиных находится в черте города, отчасти напоминая ситуацию, представленную «московским текстом» Карамзина[2]), элегическая эмоциональность.Но главный карамзинский претекст«Дворянского гнезда», конечно, повесть «Бедная Лиза» и ее «опорные точки».

Отличительные «знаки» «Лизиного текста» мотивированы основным событием в жизни героини с именем Лиза. Только если у Карамзина она оказывается

---

[1] *Жилякова Э.М.* Прозаический дебют Тургенева и молодой Достоевский (К вопросу о традициях сентиментализма в русской литературе 1840-х годов) // Проблемы метода и жанра. Вып. 16. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1990. С. 143.

[2] См. о «московском тексте» у Карамзина: *Алпатова Т.А.* Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. С. 467–483.

наивной *жертвой* искреннего *чувства*, то у Тургенева личная драма Лизы Калитиной не может быть описана в подобной системе координат. Его Лиза вовсе не является жертвой чувства, она более обретает, чем теряет. Та «новая жизнь», что открывается карамзинской Лизе в ее любви, завершается гибелью, пусть и освященной поздним раскаянием Эраста. В жизни тургеневской Лизы также был пруд, ее «Лизин пруд» – как своего рода искушение и возможное разрешение личной драмы, как катастрофический исход. Но «уход» героини из мирской жизни связан с другой дорогой – новым домом, монастырем[1] (рифма к знаменитому Симонову монастырю, у стен которого и находился Лизин пруд). История тургеневской Лизы имеет дело со смертью, но это смерть в художественном и в человеческом плане метафорическая и спасительная, чреватая новой жизнью. Были у обеих Лиз и цветы – у каждой свои: ландыши и желтофиоли, значения которых описаны специалистами по флоросемантике.

Такие компоненты «Лизиного текста», как чувство, жертва, монастырь, пруд, цветы, смерть, или «новая жизнь», скорее, контрастируют у Тургенева с тем, что читатель встречает у Карамзина. Но очевидно, что он, как писатель, рассчитывает на подобные читательские ассоциации. Между тем тургеневский вариант прочтения сюжета о «бедной Лизе» многие интерпретаторы зачастую склонны рассматривать как раз в карамзинском смысле и приравнивать уход героини в монастырь к смерти при жизни. Хотя тургеневская Лиза не исчезла, тем более не умерла, и всегда присутствует «тихим ангелом» в жизни тех, кого оставила в миру. Тем, думается, важнее понимать существо различия между текстами Карамзина и Тургенева, чтобы понять новизну художественных и идейных решений автора «Дворянского гнезда».

Поле сближений между Тургеневым и Карамзиным, если говорить о «Дворянском гнезде», продуктивно, с нашей точки зрения, искать в области решения обоими писателями проблемы эвдемонического. В романе есть важный аллюзивный пласт, связанный с пониманием счастья как добра, который имеет, вероятно, и карамзинский источник.

В целом судьба карамзинской традиции в творчестве Тургенева складывается большей частью через ее «преодоление», которое, однако, предполагает постоянный художественный диалог с эпохой Карамзина.

---

[1] Ценным эпистолярным фоном к роману «Дворянское гнездо» является письмо Тургенева к Е.Е. Ламберт (от 8 (20) января 1861 г.), в котором он откликается на посещение ею Тихвинского монастыря. В этом письме коррелируют концепты «смерть», «новая жизнь»: «Какой тишиной, холодной, печальной и в то же время приятной, повеяло на меня от Вашего письма, начатого в Тихвинском монастыре! Как отрадна мне показалась эта жизнь, занесенная снегом, вся проникнутая заране неподвижностью смерти! Под влиянием этого целебного холода и отчуждения от житейской тревоги – всё, даже самые мелочи, принимает особенное значение, как-то особенно действует на душу. Я уверен, что самый стук башмаков монахини, когда она идет по каменному полу коридора в церковь молиться – ей говорит что-то... И это что-то, если не убивает, не душит человеческое, нетерпеливое сердце – должно дать ему невыразимое спокойствие и даже живучесть». Следом Тургеневы описывает свое новое состояние: «Возможность пережить в самом себе смерть самого себя – есть, может быть, одно из самых несомненных доказательств бессмертия души. Вот – я умер – и все-таки жив – и даже, быть может, лучше стал и чище. Чего же еще?» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 4. М.: Наука, 1987. С. 282).

ЛИТЕРАТУРА

Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. 560 с.

Аюпов С.М. Стилевые формулы Карамзина в романах Тургенева // Карамзинский сборник. Национальные традиции и европеизм в русской культуре. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 41–49.

Балыкова Л.А. Тургенев – читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел: Орлик. 2005. 208 с.

Бельская А.А. «Лизин текст» И.С. Тургенева и А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4(54). С. 259–267.

Беляева И.А. Тургенев о русском человеке, Пушкине, языке и свободе // Kalba Ir Kontekstai. Language In Different Contexts. Vilnius: LEU, 2016. Vol. VII(I). Part 2. P. 18–29.

Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Книги на рус.яз. Ч. 1 / Сост. и автор вступ. статьи Л.А. Балыкова. Орел: изд-во Орловской государственной телерадиокомпании, 1994. 208 с.

Вершинина Н.Л. Особенности беллетристической рецепции повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» в эпоху 1830–1840-х годов (идиллико-анекдотический контрапункт) // Карамзинский сборник. Повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»: проблемы изучения и преподавания. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 29–50.

Жилякова Э.М. Проблема сентиментальных традиций в эстетике И.С. Тургенева 1850-х годов // Проблемы метода и жанра. Вып. 18. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. С. 152–170.

Жилякова Э.М. Прозаический дебют Тургенева и молодой Достоевский (К вопросу о традициях сентиментализма в русской литературе 1840-х годов) // Проблемы метода и жанра. Вып. 16. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1990. С. 132–149.

Жилякова Э.М. Традиции сентиментализма в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Проблемы метода и жанра. Вып. 17. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1991. С. 98–114.

Зуева Е.В. Тургенев и Карамзин (По поводу письма И.С. Тургенева М.А. Бакунину и А.П. Ефремову) // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск: УлГУ, 1996. С. 35–47.

Иванов М.В. Судьба русского сентиментализма. СПб.: Эйдос, 1996. 336 с.

Ковалева Ю.Н. Карамзин и Тургенев: к проблеме преемственности в выражении авторской позиции // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск: УлГУ, 1996. С. 127–131.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука. 1987. С. 525–606. (Серия «Литературные памятники»)

Маркович В.М. «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов // Маркович В.М. Избр. работы. СПб.: Ломоносовъ, 2008. С. 261–276.

Полтавец Е.Ю. Цветочки Лизы Калитиной: итальянский и французский контекст // Тургеневские чтения. Вып. V. М.: Русский путь, 2011. С. 350–368.

Пумпянский Л.В. Тургенев и Запад // И.С. Тургенев: Материалы и исследования. Орел: Изд-во Орлов. обл. Совета депутатов трудящихся, 1940. С. 90–108.

Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин: судьба наследия. Век XIX. М.: МПГУ, Ульяновск: УлГУ, 2003. 379 с.

Сквозников В.Д. Пушкинская традиция. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 214 с.

Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844). Тула: Гриф и К, 2012. 584 с.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978–.

Тюпа В.И. Модусы художественности // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2006. С. 52–68.

REFERENCES

Alpatova T.A. (2012) Karamzin's Prose: Poetics of Narrative. Moscow. 560 p.

Ayupov S.M. Karamzin's Style Formulas in the Novels of Turgenev. In: Karamzin Collection. National Traditions and Europeanism in Russian Culture. Ulyanovsk. 1999, pp. 41–49.

Balykova L.A. (2005) Turgenev – the Reader. Through the Pages of the Memorial Library. Orel. Orlik Publ. 208 p.

Belskaya A.A. (2013) Turgenev's and Pushkin's"Lysa's text". *Scientific Notes of Orel State University*. 2013. Vol. 4 (54), pp. 259–267.

Belyaeva I.A. Turgenev about the Russian Man, Pushkin, Language and Freedom. *Language in Different Contexts.* Vilnius, 2016. Vol. VII(I). Part. 2, pp. 18–29.

Ivan Turgenev's Library. Catalog. Books in Russian. Part 1 (1994) / Ed. and author of introd. article L. Balykova. Orel. 208 p.

Vershinina N.L. The Peculiarities of Fictional Reception of Karamzin's "Bednaya Liza" ["Poor Liza"] in the 1830–1840-ies (Idilliko-comical Counterpoint). In: Karamzin Collection. Karamzin's "Bednaya Liza" ["Poor Liza"]: Problems of Studying and Teaching. Ulyanovsk. 1999, pp. 29–50.

Zhilyakova E.M. Problem of Sentimental Traditions in Turgenev's Aesthetics of the 1850-ies. In: Problems of Method and Genre. Vol. 18. Tomsk. Tomsk State University Press. 1994, pp. 152–170.

Zhilyakova E.M. Prosaic Debut of Turgenev, and the Young Dostoevsky (On the Problem of Sentimental Tradition in Russian Literature of the 1840-ies). In: Problems of Method and Genre. Vol. 16. Tomsk. Tomsk State University Press. 1990, pp. 132–149.

Zhilyakova E.M. Traditions of Sentimentalism in Turgenev's Novel "Dvoryanskoe Gnezdo" ["Noble Nest"]. In: Problems of Method and Genre. Vol. 17. Tomsk. Tomsk State University Press.University Press. 1991, pp. 98–114.

Zueva E.V. Turgenev and Karamzin (On Turgenev's Letter to M. Bakunin and A. Efremov). In: Karamzin collection. Creativity of Karamzin and Historical and Literary Process. Ulyanovsk. 1996, pp. 35–47.

Ivanov M.V. (1996) Fate of Russian Sentimentalism. St.-Petersburg. Eidos Publ. 336 p.

Kovaleva Yu.N. Karamzin, Turgenev: To the Problem of Continuity in Terms of the Author's Position. In: Karamzin Collection. Karamzin's Work and Historical and Literary Process. Ulyanovsk. 1996, pp. 127–131.

Lotman Yu.M., Uspensky B.A. Karamzin's "Letters" and their Place in the Development of the Russian Culture. In: Karamzin N.M. Letters of a Russian Traveler. Leningrad. Nauka Publ. 1987, pp. 525–606. (The series "Literary Monuments")

Markovic V.M. "Russian Europeans" in Turgenev's Prose of the 1850-ies. In: Markovic V.M. Selected Works. St.-Petersburg. Lomonosov Publ. 2008, pp. 261–276.

Poltavets E.Yu. Flowers of Lisa Kalitina: Italian and French Context. In: Turgenev Reading. Vol. V. Moscow. Russky Put' Publ. 2011, pp. 350–368.

Pumpyansky L.V. Turgenev and the West. In: Turgenev: Materials and Studies. Orel. 1940, pp. 90–108.

Sapchenko L.A. (2003) Karamzin: The Fate of the Heritage. The 19th century. Moscow; Ulyanovsk. 379 p.

Skvoznikov V.D. (2007) Pushkin Tradition. Moscow. 214 p.

Your Friend and Mother Barbara Turgeneva. Letters of V. Turgeneva to I. Turgenev (1838–1844). Tula: Grif and K. Publ. 2012. 584 p.

Turgenev I.S. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Moscow. Nauka Publ. 1978–.

Tyupa V.I. (2006) Modus Artistry. In: Introduction to Literary Studies / Ed. L.V. Chernec. Moscow. 2006, pp. 52–68.

Сведения об авторе:
Ирина Анатольевна Беляева,
докт. филол. наук
профессор
Московский городской педагогический университет (МГПУ),
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina A. Belyaeva,
Doctor of Philology
Professor
Moscow City University,
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
belyaeva-i@mail.ru

TURGENEV AND KARAMZIN

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-81-86

Д.П. Ивинский

«Сатирический вестник» и «Бедная Лиза»: Из первоначальной истории распространения альманаха Н.М. Карамзина «Аглая»[1]

Аннотация: Статья посвящена литературным контекстам заметки в «Санкт-Петербургских ведомостях» о поступлении в продажу первой части альманаха Н.М. Карамзина «Аглая» (1794).

Ключевые слова: Карамзин, «Аглая», «Бедная Лиза», «Сатирический вестник», В.С. Подшивалов, П.Г. Гагарин

Abstract: The article discusses the literary contexts of a note in the St. Petersburg Gazette about the release of the first part of N.M. Karamzin's "Aglaya" almanac.

Key words: Karamzin, "Aglaya", "Poor Liza", "The Satirical Herald", V.S. Podshivalov, P.G. Gagarin

Отпечатанный в Москве, в Петербург альманах поступил позднее. «Санкт-Петербургские ведомости»: «В книжных лавках против гостиного двора зеркальной линии под № 20 и 21 и в суконной лавке под № 15 продаются новыя следующия книги: <…> Книжка *Аглая* известного сочинителя *Московского Журнала, Сатирического Вестника* и прочих г.<осподина> Каралезина, в бум.<ажном> пер.<еплете> 1 р.<убль> 10 к.<опеек>» (Санкт-Петербургские ведомости. 1794. № 33: 25 апреля, вторник. С. 758). При перепечатке сообщения в следующем номере «г. Каралезин» благополучно преобразовался в «г.<осподина> Карамзина», но остался «сочинителем *Сатирического Вестника*» (Санкт-Петербургские ведомости. 1794. № 34: 28 апреля, пятница. С. 782). Эта версия была перепечатана в № 35 (2 мая, вторник. С. 811).

Санкт-Петербургские ведомости находились тогда в ведении Переводческого департамента Академии наук, во главе которого состоял пребывавший в почтенных летах и вряд ли стремившийся входить в детали газетного производства А.П. Протасов (1724–1796), а «апробацией» объявлений в газете в это время занимался И.В. Мейсман [Сводный каталог, 4: 108], отнюдь не озабоченный особенностями литературной жизни; разного рода неточности он допускал и позднее и в марте 1797 г. был заменен А.И. Унгебауером именно вследствие ошибок, допущенных в объявлениях о вышедших книгах [Сводный каталог, 4: 109–110]).

[1] Данная статья представляет собой фрагмент более обширного сочинения, посвященного альманаху Карамзина «Аглая» и его предыстории. Другой фрагмент этой работы [Ивинский 2016].

Но случайная (для иных предположений никаких оснований у нас нет) ошибка Мейсмана (если, конечно, именно он ее совершил, а не напечатал, не проверив, текст, составленный неизвестным нам лицом, что гораздо более вероятно[1]) граничила с шуткой или эпиграммой: направление «Сатирического Вестника» (1790–1792) было чуждо, если не враждебно, карамзинскому, «чувствительному»; Н.И. Страхов, издатель журнала (см. о нем: [Зайонц 2008]), рассматривал сентиментальную литературу как интеллектуально-эстетический опыт деструкции «высокой» литературной традиции; в качестве иллюстрации приведем только оригинальный рецепт изготовления сентиментальных романов: «Возьми 175 увы, 200 ах, 4 пуда вздохов, 7 ведр слез, от 20 до 30 кинжалов и несколько бутылок яду, которым могли бы опиваться герои сочиняемого романа. Сие сочинение раздели на части, дай оному чувствительное и трогательное название, подпиши свое имя и отвези в типографию» (Сатирический Вестник. 1791. Ч. 7. С. 65; подробнее об этом издании: [Тимофеев 1888]).

Комическое производство «Санкт-Петербургскими ведомостями» Карамзина в издатели «Сатирического вестника» было замечено и обыграно в «Приятном и полезном препровождении времени»: «Нам не хочется прерывать материи; и так вот новость! Любезной *Издатель Московского Журнала*, и сочинитель *Аглаи*, назван в одних печатных листах Сочинителем *Сатирического Вестника*. Мы уверены, что хотя он человек и не безгрешной; однако лишнего греха на душу взять не захочет, и Сочинителем *Сатирического Вестника* слыть не пожелает» (Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 3. С. 144; подпись: *П.* [конечно, В.С. Подшивалов]).

Эта краткая заметка, судя по ее расположению в журнальной книжке (она помещена между двумя стихотворными пьесами; первая заняла лишь половину страницы, на которой заканчивалась, а вторая должна была начинаться на следующей) и отсутствию упоминания о ней в оглавлении, не готовилась издателем заранее, а была составлена по просьбе Карамзина, переданной непосредственно или через И.И. Дмитриева, печатавшимся в подшиваловском издании (не исключено, что текст фразы о грехе и безгрешности принадлежит не Подшивалову, а Карамзину). В конце номера, где было бы наиболее естественно разместить заметку, к моменту ее сочинения, видимо, уже набранного, свободного пространства не было. Но место для нее было выбрано не случайно: заметка о Карамзине была помещена после двух стихотворений, посвященных любви к *Лизе*. Вот их текст:

Птичка

К Лизе с птичкой поспешая,
Лизу у реки застал;
Птичку Лизаньке вручая,
Страстным голосом сказал:
«В рощу ближнюю зашедши,
Чтобы птичек изловить,
Птичек множество нашедши,

[1] Скорее всего, упоминание о Карамзине – авторе «Сатирического вестника» – было инициативой издателей «Аглаи» (альманах печатался в типографии Московского университета, арендованной в 1794 г. Христианом Ридигером и Христофом Клаудием), естественным образом озабоченных не фактической точностью сообщаемых данных, а тем только, чтобы их реклама выглядела солиднее и могла произвести максимально сильное впечатление на публику; ясно, что с этой точки зрения Карамзину лучше было предстать пред глазами потенциальных покупателей его альманаха издателем не одного, а нескольких журналов. «Каралезин» же возник случайно: «м» прочли как «ле»: одна из типовых ошибок переписчиков и наборщиков.

Птичкам стал я говорить:
– Птички, птички! вы слетайтесь
К милой Лизаньке моей!
Щастьем нежным наслаждайтесь,
Вы делите время с ней,
И из рук ея берите
Пищу нужную себе,
Иль на губках то ищите...
Птички, птички! дайтесь мне».
Им понятно ль, я не знаю,
Что их Лизе обещал;
Но ту птичку, что вручаю,
Без труда тебе достал».

Лиза

О птичка, мой дружочик!
Так хочешь быть моей?
И травку и цветочик
Заставлю в клеточке твоей
Вокруг пруточков извиваться,
Тебе чтоб зноя укрываться.
Пшеничкою кормить,
Водицею поить
Тебя я всякой раз готова.
Ах! птичка, будь со мной игрива и здорова!
(Взмахнула пташечка крылом.)
«Ну? естьли же она рассталася с дружком,
И крылушком махает,
Дружочка подзывает?
У ней сердечко есть – осталось сердце с ней;
А друга милого — вить нет при ней!
Наверно есть у ней дружочик;
Без друга можно ль жить деньочик?
Лети ж, лети скорее,
Где милой твой дружок;
Скажи ему нежнее,
Что Лизин пастушок –
В одной с тобою части –
Для сильной, сильной страсти,
Свободу дал тебе.
Прощай – и помни обо мнѣ!

Что должно хвалить?

Языком хотя вещаю;
Сердцем Лизу обожаю.
Ах! Лизета пригожа...
И невинная душа
Лишь про по одна не знает,
Хоть то всяк ей подтверждает,
Хоть твержу, твержу и я:
Мне милее нет тебя!

* * *

Ротик малой, миловидной,
Ах, как роза – и завидной
Поцелуй сулит он мне –
Роза с лильей на челе;
Глазки, глазки так проворны,
Беглы с искрой, и любовны...
Все ль тут прелести ея?
Нет! теряюсь в щете я.

* * *

Лиза глазки потупляет,
И румянцом отвечает.
Ах! пришло теперь опять.
Мне румянец выхвалять.
Но Лизета прерывает,
И с слезою продолжает:
«Естьли знаешь ты любить;
Знай же, знай, что и хвалить!

* * *

Красотой я не горжуся,
Лишь любовию хвалюся,
Что имею от тебя;
В том утеха вся моя.
Пой же ты мое стремленье,
Сердца влюбленна биенье,
Слезы, вздохи, взгляда страсть...
Пой щастливу нашу часть!»

(Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 3. С. 141–144).

Оба стихотворения подписаны одинаково – криптонимом «К.П.Г.» и принадлежат князю П.Г. Гагарину (1777–1850; о нем: [Кочеткова 1988, 191–192]); впоследствии они вошли в собрание его эротических стихотворений [Гагарин: 1811]. Гагарин, судя по всему, питал особую склонность к имени Лиза (ср. его стихотворение, напечатанное в том же подшиваловском журнале и недавно замеченное В.Н. Топоровым, который соотнес его с «Песней» И.И. Дмитриева [Топоров 1995: 428]; перечень публикаций Гагарина в «Приятном и полезном препровождении времени» см.: [Неустроев 1874; Неустроев 1898, 124–126]). В этих стихотворениях есть некоторые переклички с текстом повести Карамзина «Бедная Лиза», однако вряд ли намеренные (проблематика и минорная тональность повести Карамзина никак не соответствовала жизнерадостно-эротическим стихам Гагарина): они не выходят за пределы топики сентиментальной литературы. Укажем все же: «Лизу у реки застал» ср.: «Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траву»; «Вдруг Лиза услышала шум весел – взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке – Эраста»; «всякий вечер виделись <…> на берегу реки» – «Лиза глазки потупляет, / И румянцом отвечает. / <…> / Сердца влюбленна биенье», ср.: «еще более закраснелась, и потупив глаза в землю, сказала ему <…>» [Карамзин 1792: 245]; «не так скоро молния блестит и в облаке исчезает, как быстро черные глаза ее обращались к земле, встречаясь с его взором» [Карамзин 1792: 249]; «А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем» [Карамзин 1792: 254–255]; «И невинная

душа», ср.: «страстная дружба невинной души» [Карамзин 1792: 260]; «К милой Лизаньке моей»; «Хоть твержу, твержу и я: / Мне милее нет тебя!», ср.: «милая Лиза! сказал Эраст: милая Лиза! я люблю тебя!» [Карамзин 1792: 255]; «Ах Эраст! сказала она: всегда ли ты будешь любить меня? “Всегда, милая Лиза, всегда!” отвечал он» [Карамзин 1792: 256]; «А друга милого – вить нет при ней! / <…> / Без друга можно ль жить деньочик?», ср.: «Она пришла в себя – и свет показался ей уныл и печален. Все приятности Натуры сокрылись для нее вместе с любезным ея сердцу. “Ах! (думала она) для чего я осталась в этой пустыне? <…> страшно там, где нет моего друга”» [Карамзин 1792: 270–271].

Так или иначе, выбор Подшиваловым места для заметки о Карамзине и «Сатирическом вестнике» в полной мере объясняется: стихи Гагарина, естественно, не предназначавшиеся автором для такого рода литературных игр, оказывались частью своеобразного «послания» к Карамзину, которому предлагалось оценить тонкий комплимент издателя: он не только указал неловкость несколько раз напечатанного в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявления об «Аглае», но и сумел встроить свою «отповедь» в конструкцию, напомнившую Карамзину и его поклонникам об успехе «Бедной Лизы».

ЛИТЕРАТУРА

[Гагарин П.Г.] Эротические стихотворения. СПб., 1811. 100, [4] с.

Ивинский Д.П. К вопросу о реконструкции содержания третьей части альманаха Н.М. Карамзина «Аглая» // Чувствительность в литературе, искусстве, культуре конца XVIII – первой трети XIX века. М., 2016. С. 19–23.

Зайонц Л. Две судьбы Николая Ивановича Страхова // Труды по русской и славянской филологии: Новая серия: Литературоведение: Вып. 6. Тарту, 2008. С. 25–42.

Карамзин Н.М. Бедная Лиза // Московской журнал. 1792. Ч. 6. С. 239–277.

Кочеткова Н.Д. Гагарин Павел Гаврилович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 191–192.

Неустроев А.Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874. LXXII, 878 с.

Неустроев А.Н. Указатель к Русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 гг. и к Историческому разысканию о них. СПб., 1898. XVI, 807 с.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800: В 5 т. М., 1961–1967.

Тимофеев С.П. Последний представитель русской сатиры прошлого века // Исторический вестник. 1888. Т. 33. № 8. С. 338–354.

Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995. 509, [2] с.

REFERENCES

[Gagarin P.G.] (1811) Erotic Poems. St.-Petersburg. 100, [4] p.

Ivinsky D.P. On the Question of Reconstructing the Contents of the Third Part of N.M. Karamzin’s “Aglaya” Almanac. In: Sensitivity in Literature, Art, Culture of the Late 18th – the first third of the 19th century. Moscow. 2016, pp. 19–23.

Karamzin N.M. Poor Lisa. *The Moscow Journal*. 1792. Part 6, pp. 239–277.

Kochetkova N.D. Gagarin Pavel Gavrilovich. In: The Dictionary of the 18th-century Russian Writers. Issue 1. Leningrad. 1988, pp. 191–192.

Neustroev A.N. (1874) A Historical Investigation into Russian Periodical Publications and Collections for 1703–1802, Described Bibliographically and in Chronological Order. St.-Petersburg, 1874. LXXII, 878 p.

Neustroev A.N. (1898) The Index to the Russian Periodicals and Collections for 1703–1802 and How to Search for Them. St.-Petersburg. XVI, 807 c.

The Combined Catalog of the 18th-century Russian Civil Book: 1725–1800: In 5 vols. Moscow. 1961–1967.

Timofeev S.P. The Last Representative of the Last Century Russian Satire. *Historical Herald*. 1888. Vol. 33. No 8, pp. 338–354.

Toporov V.N. (1995) Karamzin's "Poor Liza": An Experience of Enterpretation. Moscow. 509, [2] p.

Zayonts L. Two Fates of Nikolai Ivanovich Strakhov. In: Works on Russian and Slavic Philology. A New Series: Literary Studies. Vol. 6. Tartu. 2008, pp. 25–42.

Сведения об авторе:
Дмитрий Павлович Ивинский,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Dmitry P. Ivinsky,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dmitrij_ivinskij@mail.ru

"THE SATIRICAL HERALD" AND "POOR LIZA": ABOUT THE SALE OF THE FIRST PART OF THE ALMANAC "AGLAYA" BY N.M. KARAMZIN

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-87-98

Л.Ф. Кацис

Карамзин, Белинский и Достоевский в наброске Мандельштама «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”»

Аннотация: В статье анализируется школьное сочинение Осипа Мандельштама «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”», написанное им под руководством В.В. Гиппиуса – специалиста по Н.М. Карамзину. Сравнив программы Тенишевского училища и педагогические взгляды учителя, можно выявить те историко-литературные связи, на основе которых сформировалась оригинальная концепции юного Мандельштама, и не только по отношению к «Борису Годунову» А.С. Пушкина, но и к источникам статьи героя «Преступления и наказания» Родиона Раскольникова. Школьник Мандельштам полемизирует с представлениями об историческом Борисе Годунове и герое драмы Пушкина, выраженными в сочинениях Н.М. Карамзина и статьях В.Г. Белинского. Выясняется, что поводом к полемике с великими критиками было вступление к публикации Пушкинской речи Достоевского в «Дневнике писателя», а некоторые пассажи в тексте героя «Преступления и наказания» восходят к сочинениям Карамзина о Наполеоне, которого Н.М. Карамзин до определенного момента считал гением, игнорирующим моральные границы.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, «Борис Годунов», А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, «Преступление и наказание», В.В. Гиппиус, Осип Мандельштам, Тенишевское училище

Absract: The article deals with a school work of Osip Mandelstam “Crime and Punishment in ‘Boris Godunov’ ” written during his studying under the supervision of the famous specialist in N.M. Karamzin – V.V. Gippius. Comparing the Tenishev school programmes and pedagogical views of the teacher one reveals the historical and literary connections, on the basis of which the original concept of the young Mandelstam was formed not only in relation to “Boris Godunov” of A.S. Pushkin, but also to the article of Rodion Raskolnikov, the hero of “Crime and Punishment”. It turns out that the reason for the controversy with the great critics was the Introduction to the publication of Pushkin speech by Dostoevsky in “The Diary of the Writer”. Also some discourses of the hero of “Crime and Punishment” go back to the view of Karamzin at Napoleon as a genius, who ignores moral laws.

Key words: N.M. Karamzin, “Boris Godunov”, A.S. Pushkin, V.G. Belinsky, “Crime and Punishment”, V.V. Gippius, Osip Mandelstam, the Tenishev school

В подготовленной А.Г. Мецом «Летописи жизни и творчества» Мандельштама имя Карамзина фигурирует лишь однажды в цитате из «Листков из дневника» Ахматовой:

> Была я у Мандельштамов и летом в Китайской деревне, где они жили с Лившицами. В комнатах абсолютно не было никакой мебели и зияли дыры прогнивших полов. Для Осипа Эмилиевича нисколько не было интересно, что там когда-то жили и Жуковский, и Карамзин [Мец 2014: 309].

Запись эта относится к 1926 г. О более ранних свидетельствах интереса Мандельштама к Карамзину речь не заходит. Между тем тенишевские тексты Мандельштама, один из которых мы намерены здесь обсудить, вопреки распространенному мнению представляют совсем немалый интерес для поиска генезиса очень многих образов и идей позднейшего мандельштамовского творчества [Кацис 2011: 664–669; Кацис 2002: 45–55; Фролов 2009].

Текст, который мы будем анализировать, входит в четырехтомник Мандельштама, подготовленный П.М. Нерлером, но не входит в Полное собрание сочинений Мандельштама под редакцией А.Г. Меца, к специальным трудам которого о Тенишевском училище нам еще придется обратиться. По всей вероятности, составитель первого издания и первопубликатор «Преступления и наказания в “Борисе Годунове”» П.М. Нерлер счел этот текст оригинальным мандельштамовским произведением, а А.Г. Мец – нет.

Интересующий нас текст содержится в источнике следующего состава:

> В семейном архиве Синани сохранилась тетрадь с конспектами Мандельштама по истории русской литературы (ныне передана в РНБ). Эти конспекты легко датировать, сличая с программой: они соответствуют курсу 7-го и первой половины 8 класса, т. е. писались со второй половины 1905 г. Тетрадь включает конспекты: «Сентиментализм и романтизм», «Жан-Жак Руссо», «Общественное движение в России», «Карамзин в Англии», «Идеи Руссо у Карамзина», «Идеализм Жуковского», «Белинский о Пушкине» («Борис Годунов», «Домик в Коломне»), «Идеи Руссо у Пушкина», «Преступление и наказание в Борисе Годунове» (последний опубликован П. Нерлером в кн. «“Сохрани мою речь…”: Мандельштамовский сборник» (М., 1991. С. 5–9). В тетради имеются пометки Вл.В. Гиппиуса. Согласно записи Мандельштама один из источников конспекта: *Гефдинг Г.* Ж.Ж. Руссо и его философия. СПб.: Ред. журн. «Образование» (1-е изд.: 1898; 2-е изд.: 1902?) [Мец 2011: 80].

Книгу Георга Гефдинга о Руссо не обсуждаем: она к нашей теме отношения не имеет. Существенно, что тексты тетради не доходят до Достоевского с его очевидным «Преступлением и наказанием». Впрочем, и программа училища Достоевского не включает. И поэтому именно слова «преступление и наказание» являются здесь ключевыми для решения вопроса о педагогической принадлежности данного текста, к чему мы вернемся.

Но сначала, поскольку речь идет о тексте редко цитирующемся и вместе с тем не привлекающем к себе внимания исследователей Мандельштама (ср. упоминание о нем – без обсуждения вопроса о его типе и статусе – в [Еськов 2015: 488–489]), приведем его здесь полностью.

Преступление и наказание в «Борисе Годунове»

I

> По тому, как относится данное мировоззрение к проблеме преступления и наказания, – можно вскрыть его сущность. Это – проблема чисто нравственная, – а для любого миросозерцания наиболее характерно его отношение к вопросам человеческой

нравственности. Преступлением называется человеческое действие, противоречащее правилам нравственности. Наказание – есть нечто, постигающее преступника, – тесно связанное с чувством нашего удовлетворения. Должно ли преступление влечь за собой наказание? Высшая нравственность отвечает на этот вопрос отрицательно, в том смысле, что чувство удовлетворения, испытываемое нами от перспективы наказания, настолько же безнравственно, насколько и само преступление. Но относится это лишь к тем случаям, когда человек наказывает человека и делает это сознательно. С точки зрения позитивной, реалистической – не может быть иного наказания, как человеческое, ибо преступление преступно лишь с человеческой точки зрения.

Всякое положение, в которое попадает преступник, напоминающее наказание, но не являющееся в то же время результатом сознательного акта человеческой воли, рассматривается с этой точки зрения – как следствие случайного стечения обстоятельств; если же оно логически вытекает из преступления, то считается имеющим такое же отношение к преступлению, как обыкновенная причина к обыкновенному следствию. Но теология известного рода возводит в принцип этот последний частный случай и искусственно подводит под эту последнюю категорию все остальные возможные отношения. Наказание она представляет себе всегда – как следствие преступления, а не чего-либо иного, а на преступление смотрит как на причину, в которой неизменно заключается зародыш наказания. В подобном учении преступление всегда логически связано с наказанием через посредство Бога, абсолютной справедливости или другого высшего начала, которое само отстаивает свои права.

Эта точка зрения особенно противна и отталкивает всего сильнее тогда, когда ее берут под свою защиту поэт или художник. Поэтической формой, ярким художественным воспроизведением поэт оказывает обыкновенно идее возмездия, которую он хочет защитить, настоящую медвежью услугу. В художественном произведении – всего рельефнее выступают и лучше всего бросаются в глаза – узость, неестественность, лживость и лицемерие теологической точки зрения.

II

Был ли Пушкин в своих взглядах свободен от теологии или нет, но как автор «Бориса Годунова», силой своего артистического чувства, он понял, насколько антихудожествен и антиреалистичен теологический взгляд на наказание.

Наказание в «Борисе Годунове», если несчастье, постигшее Годунова, можно вообще назвать наказанием, построено просто, легко и свободно; все совершается на земле, по земным законам, на основании естественной причинной связи явлений – без участия, без вмешательства Высшей Силы.

Все это Пушкин сделал как художник-реалист, и в этом – художественная ценность «Бориса Годунова».

Наказание, постигшее Годунова, слагается из двух совершенно самостоятельных процессов. Первый – происходит в душе Годунова и так или иначе отражается на его поведении; угрызения совести, раскаяние, страшные душевные муки отравляют существование Бориса, лишают его необходимого спокойствия, отнимают у него решимость, твердость, энергию и волю. Этот процесс исходит непосредственно из самого акта преступления, и только из него одного, но его еще недостаточно, он сам по себе еще не ведет к наказанию, т. е. к падению Годунова. Он дополняется другим процессом, который почти совершенно, даже вовсе не зависит от душевного состояния Бориса, хотя и стоит в некоторой чисто внешней связи с Борисовым преступлением. Это – появление Самозванца, его бегство, его успехи, его поход на Москву – заканчивающийся победой.

Карамзин и Белинский, несмотря на всю противоположность своих взглядов, сходятся на том, что причины падения Бориса следует искать в нем самом, в его душевном состоянии, в свойствах его ума и характера. Карамзин находит разрешение вопроса: почему должен был пасть Годунов – в его нравственном падении перед самим собой, в терзаниях больной совести. Белинский считает, что Годунов не мог закрепить за собой престола, потому что не был гениален, а только талантлив, потому что не мог ничего противопоставить честолюбию соперников, – ни новой идеи, ни нового государствен-

ного принципа, а обаяние его личности было не настолько велико, чтобы масса привыкла видеть в этом выскочке законного царя. Падение Годунова было обусловлено не одним только его душевным состоянием, но поскольку это последнее влияло на судьбу Бориса, и Белинский, и Карамзин до известной степени правы. Не отсутствие гениальности погубило Годунова и не угрызения совести, но обе причины имелись налицо и оказали свое действие. Вся личность Годунова, весь он целиком, все свойства его характера в своей совокупности толкали Бориса к печальному концу, а не одна только больная совесть и не одно только отсутствие гениальности. К особенностям характера Годунова, на которые указал Белинский, следует еще прибавить – болезненное самолюбие, раздражительность, неумение владеть собой и заставить себя уважать. Но не будь Самозванца, все эти специфические черты духовного облика Бориса не привели бы его к роковому концу, не помешали бы ему, может быть, влачить еще много лет свое венценосное существование, пока он не забыл бы о своих старых грехах, а бояре не помирились бы с разумным и, в сущности, добрым царем. Что же способствовало успеху Лжецаревича? Без сомнения, перемена в настроении различных общественных слоев и, наконец, личность Самозванца.

Бояре с самого начала драмы относятся к Борису с явным, нескрываемым предубеждением. Вряд ли можно объяснить это отрицательное отношение нравственными мотивами.

Бояре рисуются из «Бориса Годунова» не очень-то нравственными людьми, – измена, месть, предательство, тайное убийство, шпионство, ложь – вот атмосфера придворной жизни, с которой бояре, очевидно, вполне сроднились. Как на счастливого соперника своего смотрят бояре на Бориса, им нужно поэтому его унизить в собственных глазах и также в глазах народа, средств для этого много, – и, не убивай Годунов Димитрия, они нашли бы десяток других преступлений, которые не постыдились бы ему навязать.

Обратимся теперь к народу.

Можно ли признать в пушкинском «народе» носителя справедливости, представителя высшей нравственности? Народ у Пушкина обрисован поверхностно, самыми общими штрихами. К избранию Годунова народ относится довольно бессознательно и пассивно, но тем не менее он хочет Годунова – нельзя сказать, чтобы кто-нибудь морочил его и навязывал ему Бориса, потому что иначе народ не мог бы отнестись к избранию царя, которое представляло для него чисто внешний интерес. Но вот появляется щепетильное отношение народа к злодеянию Бориса. Однако и не с такими злодеяниями на троне мирился, бывало, народ. Дело здесь отчасти в том, что Годунов выскочка, но еще больше – в каких-то силах, которые под конец изменили вовсе настроение народа и бросили его в объятия Самозванца. Эти силы – подлежат изучению историка, они находятся вне компетенции поэта. Поэт лишь «констатирует факт».

Крик отвратительной, слепой ненависти, который вырывается у мужика на амвоне: «вязать Борисова щенка!» – заставляет нас окончательно разувериться в какой бы то ни было нравственной миссии народа. Зато духовенство основывает свое отношение к Борису на чисто нравственных началах. И в то же время оно является единственным во всей драме представителем теологической точки зрения. Во всех событиях духовенство видит перст Божий, карающий несчастного цареубийцу. Оно последовательно и не изменяет своему взгляду от начала (Пимен в келье) до конца (рассказ Патриарха).

Наконец, личные свойства Лжедмитрия немало способствовали успеху. Он обладал удивительной силой влияния на людей, ловкостью, смелостью, доходящей до дерзости, и, наконец, несколько поверхностным, но все же блестящим умом. Из этого сочетания пестрых, разнородных элементов получается вполне художественная канва для драмы, где на фоне взаимодействия самых случайных разнородных сил трагически выделяются две личности – Бориса и Гришки Отрепьева.

Не преступление и не наказание составляют главный интерес «Годунова», а эти две личности, поставленные силой внешнего стечения обстоятельств в исключительно трагическое положение.

‹1906›

[Мандельштам 1993–1994: 165–168].

Интересующий нас текст сохранился в тетради, как считается, конспектов Мандельштама. Однако для конспекта, который проверяет преподаватель, текст слишком волен в цитатах и вместе с тем в нем слишком легко обсуждаются трудные темы (в том числе и «преступление и наказание»), которых нет ни у Белинского, ни у Карамзина (по крайней мере в такой постановке). Но главное, здесь есть некоторые переходы от теме к теме, от писателя к писателю и т. д., которые позволяют предполагать, что либо такого рода лекцию или семинар провел для тенишевцев опытный преподаватель В.В. Гиппиус, либо его рассказы наложил на опыт собственного внепрограммного чтения сам Мандельштам. Кроме всего прочего, та концепция «преступления и наказания», которая содержится в тексте, с одной стороны, достаточно сложна и оригинальна, а с другой – изложена так, как будто перед нами некое сочинение на заданную тему, а не просто конспект. Оставляя вопрос о жанре текста Мандельштама на будущее, а вместе с тем не пытаясь разрешить проблему его дубиальности, попытаемся восстановить его концепцию.

Обратим внимание на выделенные нами фрагменты текста юного Мандельштама: они так или иначе откликаются на названных в данном тексте Белинского и Карамзина. Цитат из их сочинений в тексте нет, но они довольно подробно пересказываются. Поэтому представляется небесполезным привести здесь не столько текст Карамзина, сколько полемику с ним Белинского: тенишевец Мандельштам реагирует именно на нее.

В десятой статье пушкинского цикла Белинский пишет:

> Но вот является Годунов, и, чем бы ни достиг он престола – злодейством ли, как в этом уверен Карамзин, или только смелым и гибким умом, без преступления, – во всяком случае он также не внес в русскую жизнь никакого нового элемента, и его возвышение, равно как и его падение, ничего не значили для будущих судеб русского народа; без Годунова все пошло бы так же точно, как и с Годуновым. У самозванца были разные политические замыслы, которые могли бы изменить ход нашей истории; но эти замыслы были не что иное, как удалые мечты человека решительного, пылкого, умного, но, что называется, без царя в голове, а потому они и кончились так, как следовало кончиться мечтам. Шуйский хотел из боярщины образовать аристократию; но как это желание было плодом не мысли, а трусости и низости, – оно и кончилось бедою для Шуйского и ровно ничем не кончилось для государства... Итак, вот <…> три лица, которые уже по необыкновенности употребленных ими способов для достижения верховной власти должны были бы внести в государственную жизнь новые основания и которые ровно ничего не внесли в нее и прошли в истории без следа, как будто бы их и не было...
>
> [Белинский 7: 507–508].

Итак, Белинский все три способа «достичь высшей власти», независимо от их преступности или просто ловкости, признает исторически непродуктивными, если сама эта обретенная власть не используется для внедрения в жизнь государства чего-то такого, что соответствует его нуждам. Однако такое отношение к роли государя или властителя и есть в чистом виде «теология», так как «нет власти аще не тот Бога». Следовательно, если названные Белинским властители пали, получается, что все они самозванцы. А реальность власти проясняется и в теологии, и, в этом случае неизбежно, в телеологии.

Как мы помним, Белинский не был большим поклонником «Бориса Годунова», но в неудаче Пушкина, по его мнению, Пушкина виноват оказался Карамзин:

> Итак, если в «Борисе Годунове» Пушкина почти нет никакого драматизма, – это вина не поэта, а истории, из которой он взял содержание для своей эпической драмы. Может быть, от этого он и ограничился только одною попыткою в этом роде.

А между тем Борис Годунов, может быть, больше, чем какое-нибудь другое лицо русской истории, годился бы – если не для драмы, то хоть для поэмы в драматической форме <…>, в которой такой поэт, как Пушкин, мог бы развернуть всю силу своего таланта и избежать тех огромных недостатков и в историческом, и в эстетическом отношении, которыми наполнена драма Пушкина. Для этого поэту необходимо было <…> самостоятельно проникнуть в тайну личности Годунова и <…> разгадать тайну его исторического значения, не увлекаясь никаким авторитетом, никаким влиянием. Но Пушкин рабски во всем последовал Карамзину, – и из его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годунов его вышел мелодраматическим злодеем, которого мучит совесть и который в своем злодействе нашел себе кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя из нее сделать!.. [Белинский 7: 508].

Нетрудно видеть, что для Белинского власть царя, как тип власти сакральной и внеличностной, совершенно отделена от конкретной личности ее носителя. И поэтому проблема власти должна решаться в драме, а проблема личности в поэме!

Если же происходит сочетание теологической драмы о власти с поэмой о моральных мучениях царя-человека, то, согласно Белинскому, должно получиться нечто среднее – мелодрама.

И причины этого Белинский видит, как известно, в том, что сам Карамзин не столько историк-мыслитель, сколько литератор, однако же не гений, а поскольку к тому же его «История государства Российского» – труд литературный, то и преобразование его Пушкиным в историко-психологическую драму дает очень сомнительный результат.

Не будем специально останавливаться на том, что ирония Белинского относительно талантливости, но не гениальности Карамзина абсолютно параллельна рассуждениям критика о качествах личности исторического Бориса Годунова.

Мы могли бы еще долго рассуждать о проблемах власти и их осознании в русской литературе, однако нашей целью является анализ тенишевского сочинения Мандельштама, которое называется «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”», где незакавыченное название романа еще и не названного Достоевского заставляет прочесть давно знакомые строки Белинского уже в этом контексте, – контексте романа «нового Гоголя», пережившего своего критика.

Нам необходимо понять, почему совсем юный Мандельштам, писавший тогда стихи в манере Н.М. Минского или С.Г. Фруга 1880–1890-х гг., чему, в частности, и были посвящены наши работы, указанные выше, решил сопоставить в своем тексте Достоевского и Пушкина в столь непростой конструкции.

Разумеется, мы помним, что имеем дело со школьным сочинением, а потому допускаем, что тема его могла быть задана учителем. Однако в том, как она реализована (сколь бы значительным ни было влияние этого учителя на будущего поэта), неизбежно проявляется мироощущение ученика.

Итак, Белинский рассуждает:

Во времена просвещенные и у народов цивилизованных властолюбие является всегда в соединении с честолюбием, так что <…> трудно решить, которая из этих страстей господствующая в человеке, и властолюбие кажется только результатом честолюбия. Во времена варварские у народов необразованных властолюбие имеет другое значение, потому что соединяется не только с честолюбием, но еще с чувством самохранения: <…> там всякому вдвойне хочется быть первым, чтоб никого не бояться, но всех страшить. Но так как каждому из всех или многих невозможно быть первым, то право первого естественным ходом истории везде утвердилось потомственно в одном роде, на основании права в прошедшем или предания. Время освятило и утвердило это право за немногими родами. <...> Но когда царствующий род прекращается, после наследственного владычества в продолжение нескольких веков, и когда право высшей власти

захватывает человек, вчера бывший равным со всеми перед верховною властию, а сегодня долженствующий начать собою новую династию, – тогда <…> разнуздывается у всех страсть властолюбия. Каждый думает: если он мог быть избран, почему же я не мог? Чем он лучше меня, и почему не я лучше его? Но счастливый властолюбец силою и хитростию заставляет молчать всех и всё; страсти умолкают, но до времени, до случая...

Естественно, у кого нет, в отношении приобретения верховной власти, <…> права законного наследия, – тому, чтоб заставить в себе видеть не похитителя власти, а властелина по праву, остается опереться только на право личного превосходства над всеми, на право гения. Только на условии этого права толпа согласится безусловно признать владычество человека, который в гражданском отношении еще вчера стоял наравне с нею.

Было ли за Годуновым это право?

Нет!

И вот где разгадка его исторического значения и его исторической судьбы: он хотел играть роль гения, не будучи гением, – и зато пал трагически и увлек за собою падение своего рода [Белинский 7: 515–516].

Неизвестно, кому принадлежит идея такого сочинения, но, помня о «статейке» Раскольникова, написанной им как раз на эту тему, мы уже можем представить себе ход рассуждений Мандельшама, при том, повторим, что мы не знаем, что именно в них было навеяно его воспитателем. Мы не ставим себе целью изучать именно это воздействие, так как не располагаем на данный момент ничем кроме текста Мандельштама, а нужно бы было иметь три-четыре сочинения соучеников поэта на эту же (если она была дана учителем, а не придумана самим поэтом) тему либо, если это возможно, сверить конспекты одноклассников, если придерживаться этого жанрового определения. Однако у нас есть хотя бы названия других текстов в описанной тетради, поэтому возможно оценить и место данного текста среди них.

Вернемся к Белинскому и отметим, что выделенные нами места его статьи очевидным образом «перекликаются» со статьей Раскольникова, с его хрестоматийно известными рассуждениями о себе и Наполеоне, единице и миллионах.

Вывод Белинского таков:

У Годунова не было великого сердца, и потому он не мог не мучиться подозрениями, не бояться крамолы, не увлекаться личным мщением и <…> не сделаться тираном. Словом, он был только замечательный, а не великий человек, умный и талантливый администратор, но не гений.

Итак, верно понять Годунова исторически и поэтически – значит понять необходимость его падения равно в обоих случаях: виновен ли он был в смерти царевича, или невинен. А необходимость эта основана на том, что он не был гениальным человеком, тогда как его положение непременно требовало от него гениальности. <…>

Отчего же не понял этого Пушкин? Или недостало у него <…> проницательности, поэтического такта? Нет, оттого, что он увлекся авторитетом Карамзина и <…> покорился ему. Вообще, <…> чем больше понимал Пушкин тайну русского духа и русской жизни, тем больше иногда и заблуждался в этом отношении. Пушкин был слишком русский человек и потому не всегда верно судил обо всем русском: чтоб что-нибудь верно оценить рассудком, необходимо это что-нибудь отделить от себя и хладнокровно посмотреть на него, как на что-то чуждое себе, вне себя находящееся, – а Пушкин не всегда мог делать это потому именно, что все русское слишком срослось с ним. <…> Пушкин был человек предания гораздо больше, нежели как об этом еще и теперь думают. Пора его «стишков» скоро кончилась, потому что скоро понял он, что ему надо быть только художником и больше ничем, ибо такова его натура <…> и призвание его. Он начал с того, что написал эпиграмму на Карамзина, советуя ему лучше докончить «Илью Богатыря», нежели приниматься за историю России, а кончил тем, что одно из лучших своих произведений написал под влиянием этого историка и посвятил «драгоценной для Россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его

вдохновенный». Нельзя не согласиться, что есть что-то официальное и канцелярское в самом складе и языке этого посвящения, написанного по ломоносовской конструкции, с заветным «сей» [Белинский 7: 523–525].

Похоже, что откровенный антипушкинский пафос статьи Белинского о «Борисе Годунове» и вызвал ту замечательную реакцию юного Мандельштама, о которой мы сейчас говорим (о том, что это была именно его реакция, свидетельствует стиль «сочинения»: врядли взрослый преподаватель стал бы так по-юношески горячо, скрыто и, отчасти, сумбурно, защищать любимого поэта).

Теперь обратимся к размышлениям Раскольникова, продолжая разговор о власти, гении и Наполеоне:

Далее <…> я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами, и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, – более или менее, разумеется <…>. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, <…> любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унизительного. Второй разряд, все преступают закон, разрушители, или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительны и многоразличны; большею частию они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, – смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, – это заметьте. В этом только смысле я и говорю с моей статье об их праве на преступление [Достоевский 6: 199–200].

Не занимаясь сейчас вопросом о том, насколько именно взгляды Карамзина «в чистом виде» или в изложении Белинского отразились в анализируемом тексте, не можем не привести знаменитой цитаты из первого номера «Вестника Европы» за январь 1802 г.: «...Теперь тридцать миллионов повинуются законам и Гению одного человека... служат одной рукой для правления, и новый Цезарь, новый Кловис не страшен для новых Галлов...» [Карамзин 1802: 68]. Если теперь вспомнить о воспоминаниях брата Достоевского, назвавшего его «возросшим на Карамзине» [Достоевский 1930: 69], придется признать, что у Мандельштама были основания связать высказывания Раскольникова с позицией раннего Карамзина, еще не успевшего разочароваться в Наполеоне. Другое дело, что еще предстоит выявить источники Мандельштама: судя по учебной программе Тенишевского училища, специально этот период русской литературной истории не изучался, и уж тем более никаких сравнений позиций раннего и позднего Карамзина по отношению к Наполеону в этой программе предусмотрено не было.

Но теперь мы можем попытаться обнаружить источник двойственных антикарамзинских (причем направленных именно на раннего Карамзина) и антибелинских высказываний у тенишевца Мандельштама, и в сочетании с абсолютным

признанием Пушкина, как раз у автора «Преступления и наказания», однако не в самом романе, чье название в «сочинении», напомним, не закавычено.

У Достоевского обнаруживаются все ключевые слова текста Мандельштама: и «гений», причем с «прозорливым умом», оторванность от народа интеллигентного общества, «возвысившегося над народом», и, главное, в противовес Белинскому и Карамзину с их оценкой петровских реформ, оценка Пушкина, увидевшего, по мнению Достоевского, в итогах деятельности «вздернувшего Россию на дыбы» гения главную язву всей последующей русской истории, а вместе с тем не принятую безропотно народом «теологию» его правления.

Похоже, что Мандельштам адресуется к первым пунктам введения к публикации Пушкинской речи Достоевского в «Дневнике писателя» 1880 г.:

> 1) То, что Пушкин первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом. Он отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой <…>) в конце концов отрицающего, делать с другими не желающего и искренно страдающего. Алеко и Онегин породили <…> множество подобных себе в нашей <…> литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкие, Болконские <…> и множество других, уже появлением своим засвидетельствовавшие о правде первоначально данной мысли Пушкиным. Ему честь и слава, его громадному уму и гению, отметившему самую больную язву составившегося у нас после великой петровской реформы общества. Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознанием болезни нашей, и он же, он первый, дал и утешение: ибо <…> дал и великую надежду, что болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной, ибо
>
> 2) он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные. Свидетельствуют о том типы Татьяны, женщины совершенно русской, уберегшей себя от наносной лжи, типы исторические, как, например, Инок и другие в «Борисе Годунове», типы бытовые, как в «Капитанской дочке» и во множестве других образов, мелькающих в его стихотворениях, в рассказах, в записках, даже в «Истории Пугачевского бунта». Главное же, что надо особенно подчеркнуть, – это то, что все эти типы положительной красоты человека русского и души его взяты всецело из народного духа [Достоевский 26: 129–130].

Здесь и в последующих разделах введения к пушкинской речи с очевидностью прослеживаются противопоставление Достоевским всего нутряного русского наносному европейскому, что у Карамзина (естественно, раннего), что у Белинского (естественно, позднего) связанного и с заведомо нерусским Наполеоном, и с чуждым русскому сознанию родственником Малюты Скуратова Годуновым.

Никакой гений, строящий свой успех на крови, не принимается поэтом, который сочувственно цитировал Есенина: «Не расстреливал несчастных по темницам…». Никакая кровавая теология гения не признается Мандельштамом. Если же учесть постоянный шекпировский мотив и у Белинского, и у Достоевского в спорах о Годунове и Наполеоне, то вероятность осмысления именно этого текста из «Дневника писателя» в юношеском сочинении чуткого к чужому слову даже тенишевца Мандельштама становится более и даже очень вероятной.

Но знал ли юноша Мандельштам все эти тонкости истории русской литературы и критики?

Как это ни странно, ответить на этот вопрос сегодня уже можно. Однако именно здесь и находится главная проблема. Ведь текст анализируемого нами сочинения о «Преступлении и наказании в “Борисе Годунове”» сохранился, как указывает А.Г. Мец, в домашней тетради Мандельштама в ряду других конспектов и / или сочинений, вызванных впечатлениями от прочитанного или услышанного. Эти тексты требуют изучения и публикации.

Приведем их названия в последовательности, указанной Мецом: «Сентиментализм и романтизм», «Жан-Жак Руссо», «Общественное движение в России», «Карамзин в Англии», «Идеи Руссо у Карамзина», «Идеализм Жуковского», «Белинский о Пушкине» («Борис Годунов», «Домик в Коломне»), «Идеи Руссо у Пушкина», «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”».

Нетрудно видеть, что именно название последнего текста оформлено наиболее концептуально.

Теперь вернемся к программе обучения в училище и выберем из нее темы с упоминанием Карамзина: «Курс XIII семестра [7-й класс, первое полугодие]. Общая характеристика романтического движения в европейских литературах (сантиментализм и романтизм) в связи с главными явлениями умственной и политической жизни. Карамзин. 1) Его умственное развитие и литературная деятельность в 90-х годах XVIII века (“Письма русского путешественника”, “Бедная Лиза”, лирика). 2) “История Государства Российского” с литературной и политической стороны. 3) Язык Карамзина и борьба “шишковцев”» [Мец 2011: 82].

Пушкин и Белинский в интересующей нас части: «Курс XIV семестра [7-й класс, второе полугодие] Пушкин. Национальное значение его гения; отношение русской критики от современности до наших дней. Биография и очерк литературной деятельности. Лирические стихотворения 20-х годов. (Послания к Чаадаеву, “Деревня”, антологические, “Узник”, “Наполеон”, “Песнь о вещем Олеге”, “19 октября 1825 г.”). Значение “Руслана и Людмилы”. Разбор “Кавказского пленника” и “Цыган” – в связи с идеями сантиментализма. Разбор “Евгения Онегина” с литературной и общественной стороны – в связи с вопросом о романтизме Пушкина. Отрывок из большой статьи Белинского о Пушкине, касающийся “Евгения Онегина”. Разбор “Бориса Годунова” в связи с вопросом о приемах “классической” и Шекспировской драмы и общий обзор других драм Пушкина». С примечанием: «При этом от учеников требуется самостоятельное знакомство с трагедиями Шекспира (“Король Лир”, “Юлий Цезарь”, “Гамлет”)» [Мец 2011: 82–83].

Выделяем специально единственное упоминание статьи Белинского из пушкинского цикла. Отметим еще специфическое место «Бориса Годунова»: он упоминается, как видим, лишь в контексте главных видов драмы.

Однако из всего списка для нашей темы лучше всего подходит стихотворение «Наполеон», которое стоит процитировать именно в связи с «теологией» и сменой «распростертого царя» на революционного владыку, ставшего царем (совершенно не исключены здесь и ассоциации с Годуновым):

Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал
И день великий, неизбежный –
Свободы яркий день вставал, –

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных

Ты человечество презрел
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой
Тебя пленило самовластье
Разочарованной красой
[Пушкин 3: 204].

Для тенишевца, увлеченного эсеровскими идеями, это стихотворение не могло быть совсем уже безразличным.

Не приводим здесь раздел из программы о Белинском: в нем нет статьи о «Борисе Годунове», а в программе предыдущего семестра упоминаются лишь его статьи о Лермонтове и Гоголе.

Разумеется, программа не всегда соответствует реальному преподаванию, однако приходится признать, что никаких оснований для того, чтобы признать своеобразный текст Мандельштама простым «конспектом», у нас нет.

К тому же в нашем распоряжении находится замечательный документ – речь Вл.В. Гиппиуса, републикованная А.Г. Мецем, «К вопросу о роли чтения в современном воспитании (Речь, произнесенная на годичном акте Тенишевского училища)» [Мец 2011: 65–79]; впервые: [Гиппиус 1907]. Это очень осторожный текст, где о Достоевском и Раскольникове едва упоминается. Дело в том, что Гиппиус был противником радикализма в обучении школьников литературе, считая, что слишком большая литературность предельно переначитанных мальчиков и девочек ведет их к отрыву от реальной жизни, к «моделированию» ее по образцам литературных героев.

Поскольку же тетрадь Мандельштама содержит пометки Гиппиуса, нам представляется маловероятным, что Гиппиус мог рекомендовать ему для конспектирования какую-то сверхоригинальную статью, которая произвела на него сильное впечатление и в которой он тонко почувствовал все непростые подтексты, уверенно сохранил их в «конспекте». Не писал на таком языке и сам Гиппиус; тем более маловероятно, что он на нем преподавал. Следовательно, текст Мандельштама естественно признать лишь частично связанным с содержанием тенишевских занятий, и его изучение должно быть продолжено. В любом случае, этот достаточно проблемный текст, оставаясь еще очень далеким даже от поэтики раннего Мандельштама, является содержательным свидетельством его духовного и нравственного развития в то время, когда он куда лучше знал Карамзина, Пушкина и Белинского, чем Достоевского, к пониманию которого он тем не менее начинал интуитивно продвигаться.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959.

Гиппиус Вл. К вопросу о роли чтения в современном воспитании (Речь, произнесенная на годичном акте Тенишевского училища) // Русская школа. 1907. № 11. С. 19–34.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

[Достоевский А.М.] Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / Ред. и вступ. ст. А.А. Достоевского. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1930. 426 с.

Еськова Н. Мандельштам и Белинский // Корни, побеги, плоды… : Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч. Ч. 2. М.: РГГУ, 2015. 620 с.

Карамзин Н.М. Всеобщее обозрение // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 66–84.

Кацис Л. К поэтике О. Мандельштама «тенишевского» периода: «Тянется лесом дороженька пыльная» // Сохрани мою речь. Мандельштамовский сборник. Вып. 5/2. М.: РГГУ, 2011. С. 664–669.

Кацис Л. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М., 2002. 600 с.

Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. М., 1993–1994.

Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Приложение. Летопись жизни и творчества. М.: Прогресс-Плеяда, 2014.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959.

Фролов Д.В. О ранних стихах Осипа Мандельштама. М.: Языки славянских культур, 2009. 312 с.

REFERENCES

Belinsky V. The Complete Works: In 13 vols. Moscow. 1953–1959.

Gippius V. Towards the Problem of the Role of Reading in the Contemporary Pedagogics (A Speech Read at the Year Graduate Act of the Tenishev School). *Russkaya Shkola*. 1907. No 11, pp. 19–34.

Dostoevsky F. The Complete Works: In 30 vols. Leningrad. 1972–1990.

[Dostoevsky A.M.] Memoirs by Andrey Mikhailovich Dostoevsky / Ed. and introd. by A.A. Dostoevsky. Leningrad. 1930. 426 p.

Es'kova N. Mandelstam and Belinsky. In: Roots, Shoots, Fruits… Mandelstam's Days in Warsaw 2011: In 2 parts. Part 2. Moscow. 2015. 620 p.

Karamzin N.M. Universal Review. *Vestnic Europy.* 1802. No 1, pp. 66–84.

Katsis L. (2000) Osip Mandelstam: The Musk of Judaism. Moscow. 600 p.

Katsis L. On O. Mandelstam Poetics of the "Tenishev" Period: "Forest stretches the dusty road…". In: Mandelstam Collection. Vol. 5/2. Moscow. 2011. 560 p.

Mandelstam O. The Collected Works: In 4 vols. Moscow. 1993–1994.

Mandelstam O. The Complete Works and Letters: In 3 vols. Supplement: Osip Mandelstam: Chronicle of Life and Work. Moscow. 2014. 570 p.

Pushkin A. The Complete Works and Letters: In 17 vols. Moscow; Leningrad. 1937–1959.

Frolov D. (2009) On the Early Verses by Osip Mandelstam. Moscow. 312 p.

Сведения об авторе:
Леонид Фридович Кацис,
докт. филол. наук
профессор
заведующий учебно-научной лабораторией мандельштамоведения ИФИ РГГУ.

Leonid F. Katsis,
Doctor of Philology
Professor
Russian State University for the Humanities,
Head of the Laboratory of Mandelshtam Studies Institute of Philology and History
batya-94@mail.ru

ON O. MANDELSHTAM'S POLEMICS WITH KARAMZIN, DOSTOEVSKY AND BELINSKY IN HIS SCHOOL COMPOSION "CRIME AND PUNISHMENT IN 'BORIS GODUNOV' "

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-99-105

А.Г. Бодрова

Рецепция творчества Альмы Карлин в Словении

Аннотация: В статье исследуется рецепция творчества Альмы Карлин, обладавшей гибридной национальной идентичностью, учитывается специфика ее биографии и немецкоязычных произведений, привлекающих внимание словенских ученых и издателей, вдохновляющих словенских писателей и режиссеров, вызывающих бурный интерес у словенских читателей и зрителей. Транснациональный характер ее творчества позволяет проблематизировать границы национальной литературы.

Ключевые слова: словенская литература, немецкоязычная литература, Альма Карлин, границы национальной литературы, путешествие

Abstract: The paper deals with the reception of Alma Karlin's work which has a hybrid national identity. In the article the specificity of her life and of her texts written in German are considered. Otherwise these German texts which attract attention of Slovenian researchers and publishers, inspire Slovenian writers, film and stage directors, are of great interest to Slovenian readers and spectators. The transnational character of her writings allows to problematize the borders of national literature in general.

Key words: Slovenian literature, literature in German, Alma Karlin, borders of national literature, travel

Произведения немецкоязычной писательницы-путешественницы словенского происхождения Альмы Максимилианы Карлин (1889–1950) сложно отнести к той или иной национальной литературе в силу подвижности как границ государств, в которых она жила, так и культурных контекстов.

Карлин[1], родившаяся в Австро-Венгрии (в г. Целье, который сейчас относится к Словении), после распада Империи поняла, что у нее «нет никакой родины, не считая политической, по паспорту»[2] (в свое восьмилетнее кругосветное путеше-

[1] Более подробно о биографии и творчестве Карлин см.: *Бодрова А.Г.* Между славянским и германским: проблема национальной идентичности в биографии и творчестве Альмы Карлин // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / А.Г. Бодрова, Е.Е. Бразговская, В.С. Князькова, М.Ю. Котова, О.В. Раина и др.; отв. ред. М.Ю. Котова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2014. С. 49–64.

[2] *Karlin A.M.* Im Banne der Südsee. Minden in Westfalen-Berlin-Leipzig: Druck und Verlag von Wilhelm Köhler, 1930. S. 300.

ствие она отправилась с паспортом Королевства сербов, хорватов и словенцев). Биография Карлин тесно связана с феноменом путешествия, значительное место в ее творчестве занимают травелоги, в них она нередко пишет о проблемах расовой и национальной принадлежности.

Примечательно, что о гибридной идентичности, о подвижности границ можно говорить не только в отношении самих текстов Карлин, но и при исследовании рецепции ее творчества. Является ли Карлин немецкой писательницей, только потому что она писала по-немецки? К какой национальной литературе относится творчество Карлин?

Можно сказать, что тексты Карлин «зависли» между двух миров, оказались на границе литератур.

Альма Карлин находятся на периферии немецкоязычной литературы. Многим германистам ее тексты неизвестны, хотя в 1930-е гг. она была популярной писательницей, чьи произведения публиковались и переиздавались в Германии. В наши дни некоторые немецкоязычные литературоведы (например, Г. Хабингер, К. Шликер) рассматривают ее в ряду с другими писательницами-путешественницами из Австрии, а ее сочинения – в контексте женских травелогов на немецком языке.

Иная картина наблюдается в Словении. До Второй мировой войны тексты Карлин словенцы читали в оригинале, позже ее имя на некоторое время было забыто. В 1969 г. вышел первый перевод травелога «Одинокое путешествие». И только в 1990-е гг. интерес к творчеству Карлин усилился. Ей посвящают театральные постановки, фильмы, выставки и лекции, пишут научные работы о ее текстах. Особого внимания заслуживают монография Барбары Трновец «Дочь Колумба. Жизнь и творчество Альмы М. Карлин» (2011) и написанное Светланой Слапшак послесловие «Путешествие перед написанием: автобиография Альмы Карлин» к сочинению «Одна: о детстве и юности» (2010). Почти каждый год в Словении появляются новые переводы ее произведений – как опубликованных, так и рукописных. Без участия словенских ученых и переводчиков некоторые тексты писательницы затерялись бы в архиве Национальной библиотеки г. Любляны. Были переведены с немецкого на словенский и опубликованы ее автобиографические сочинения «Одна: о детстве и юности»[1] и «Мои потерянные тополя: воспоминания о Второй мировой войне»[2], найденные словенскими исследователями в архивах.

Путешествие у Карлин неразрывно связано с историей становления, с ее жизненным путем. Почти вся биография Карлин была зафиксирована ею самой в текстах от первого лица: в автобиографии «Одна», в травелогах, а затем в воспоминаниях о Второй мировой войне. Только 13 лет ее жизни выпали из автобиографии, однако об этих годах можно судить по обширной переписке Карлин. Эти тексты имеют разную степень доступности для исследователей и читателей из-за разрозненности их хранения, неопубликованности и отсутствия переводов некоторых из них. Словенской публике многие тексты (кроме писем) доступны в

[1] Рукопись этого произведения под названием«Становление человека... О детстве и юности Альмы М. Карлин («Ein Mensch wird… Aus Kindheit und Jugend von Alma M. Karlin») хранится в Национальной и университетской библиотеке в Любляне, а ее перевод на словенский, озаглавленный как «Sama: iz otroštva in mladosti» («Одна: о детстве и юности») был опубликован в 2010 г.

[2] Рукопись состоит из трех частей «Депортация» («Der Transport»), «Борьба с ортсгруппенфюрером Эвальдом Вренчуром» («Der Kampf mit dem Ortsgruppenführer Ewald Wrentschur»), «У партизан» («Bei den Partisanen»), которые так и не были опубликованы на немецком, а их перевод на словенский вышел в свет под названием «Moji zgubljeni topoli: spomini na drugo svetovno vojno» («Мои потерянные тополя: воспоминания о Второй мировой войне») в 2007 г.

переводах. А на немецком языке читатель может познакомиться с травелогами и некоторыми другими художественными текстами писательницы.

В 2010 в г. Целье был открыт памятник Карлин (скульптор: Василие Четкович-Васко). Альма Карлин, наряду с могущественными графами Цельскими, стала визитной карточкой этого города.

Также важной представляется деятельность Марияна Пушавца, создателя сайта «Виртуальный дом Альмы Карлин», посвященного ей и ее творчеству[1].

Пушавец не только написал статьи о Карлин, но и по мотивам ее биографии в 2015 г. создал совместно с художником Якобом Клеменчичем комикс «Альма М. Карлин. Гражданка мира из провинции. Биография в комиксе» («Alma M. Karlin. Svetovljanka iz province. Življenjepis v stripu»). Автор удачно сочетал придуманные диалоги (реплики для баллонов) с отрывками из автобиографии Альмы. Комикс в основном написан по-словенски, однако в нем встречаются некоторые реплики на других иностранных языках (например, на немецком, английском, норвежском, хорватском и русском), что демонстрирует многоязычие Карлин. Знаток ее творчества, Пушавец с опорой на основные факты биографии Карлин представил ее необычную судьбу как историю о супергерое с комическими элементами. Полная приключений история Альмы весьма удачно вписалась в жанр комикса с его излюбленными смешными супергероями. Ведь в текстах и биографии Карлин можно проследить переплетение двух линий: сверхмаскулинной, героической, связанной с освоением новых пространств – и фемининной линии, обусловленной спецификой женского путешествия и соотношения гендерных ролей. Так, подобно Колумбу решив освоить мир, Карлин, в силу принадлежности к женскому полу, постоянно сталкивается с препятствиями на своем пути. Например, в Южной Америке она неоднократно подвергается попыткам изнасилования, на протяжении всей своей жизни она терпит бытовые неудобства в дороге, из-за нехватки денег путешествует третьим классом или снимает самое дешевое жилье, в котором отсутствуют элементарные удобства. Примечательно, что в своих текстах сама Карлин комментирует эти злоключения в ироническом ключе, который был еще более усилен Пушавцем благодаря «переносу» истории в рамки комикса. Данным жанровым экспериментом был достигнуто очуждение, позволяющее по-новому взглянуть на феномен Карлин.

В 2015 г. известный словенский поэт и писатель Милан Деклева, лауреат нескольких национальных литературных премий сделал Альму Карлин главным персонажем своего романа «Тело из букв» («Telo iz črk»). Произведение можно назвать поэтической биографией писательницы, при этом Деклева затронул в тексте основные факты ее жизни.

В комиксе Пушавца и романе Деклевы затрагиваются одни и те же важные и переломные моменты в судьбе Карлин: пребывание в Лондоне, увлечение теософией, поездка в Скандинавию, кругосветное путешествие (у Деклевы в меньшей степени), возвращение домой, встреча с Теей Гаммелин, события Второй мировой войны (арест, побег к партизанам, неприятие как фашизма, так и коммунизма).

Пушавец обратился и к детству писательницы; в частности, упомянул о ранней смерти любимого отца, о непонимании матерью, о физических недостатках писательницы (полуприкрытое левое веко, правое плечо выше левого), которые печалили ее мать и поэтому омрачали жизнь маленькой Альмы. В комиксе были затронуты многие важные элементы, раскрывающие специфику личности Кар-

[1] www.almakarlin.si/index.php?lang=de&cat=7

лин – к примеру, постоянное сравнение себя с Колумбом, ярко выраженная телесность (как мучительное лечение увечий в детстве, так и экзотические болезни, подстерегающие Карлин во время путешествия).

Деклева и Пушавец, пишущие для словенского читателя, проблематизировали отношение Альмы Карлин к словенскому языку и культуре. Как известно, писательница-полиглотка так и не выучила язык своих предков до той степени, чтобы, например, создавать на нем литературные произведения, или читать художественные тексты. Оказавшись в мариборской тюрьме вместе с другими словенцами, выступавшими против нацистского режима, Карлин стала свидетельницей музыкальной одаренности словенского народа (в ее воспоминаниях содержится восторженное описание пения словенских песен в тюрьме, этот факт нашел отражение и в комиксе, и в романе).

Возможно, Милан Деклева более сфокусировался на стремлении Альмы Карлин писать во что бы то ни стало. Неслучайно роман озаглавлен «Тело из букв», а в первой главе «Меня зовут Альма Эрика» любимая пишущая машинка марки «Эрика» становится продолжением писательницы. С «Эрикой» она никогда не расставалась, и ее можно считать своего рода героиней травелогов: Карлин пишет о ней как о живом существе. Уже исследовательница Слапшак отмечала феноменальную связь путешествий Карлин с актом письма[1]. Деклева развивает эту линию: «Моя жизнь имеет направление – подумала она. Я буду следовать за солнцем, ловить закаты, я стану стрелкой на часах, которая вертится справа налево. Но писать – в глубине души она засмеялась, я всегда буду слева направо»[2].

Во многих произведениях о Карлин присутствует признание уникальности ее личности, восхищение ее мужеством (кругосветные путешествия без сопровождения совершали в то время редкие женщины) и целеустремленностью (Карлин продолжала путь несмотря на все препятствия и неудобства, при этом сама зарабатывала деньги переводами, уроками и газетными публикациями).

Стоит также отметить и тенденцию мифологизировать некоторые факты биографии Карлин. Так, долгое время бытовал миф, что ее собирались номинировать на нобелевскую премию. Эти сведения были растиражированы в статьях и в книгах о Карлин (например, в монографии Ернеи Езерник). Исследовательнице Барбаре Трновец наконец удалось этот миф развенчать.

Многим не дает покоя и личная жизнь писательницы. Ведь сами ее тексты содержат немногочисленные сведения о ее интимных отношениях. Из них известно, что она была невестой китайца, с которым познакомилась во время пребывания в Лондоне, а позже помолвка была расторгнута; была влюблена в японца, которого она встретила во время путешествия по Корее, однако эта связь упомянута вскользь и о ее важности красноречивее всего свидетельствуют многочисленные фигуры умалчивания в тексте травелога. После возвращения из путешествия Карлин жила со своей компаньонкой Теей Гаммелин, которая, услышав по радио голос Карлин, рассказывавшей о своих передвижениях, решила с ней лично познакомиться, а навестив писательницу в Целье, позже переехала в этот город навсегда. Карлин в своих текстах называла Тею родственной душой. Больше никаких свидетельств об особенностях этих отношений нет, однако в словенском обществе не умолкает бурная дискуссия об ориентации писательницы. Так, Бар-

[1] *Slapšak S.* Potovanje pred pisanjem: avtobiografija Alme Karlin // Karlin A.M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje: In lingua, 2010. S.308–317, 308.

[2] *Dekleva M.* Telo iz črk: roman o Almi. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2015. S. 63.

бара Трновец провела целое расследование по данной проблематике и написала статьи об отношениях Карлин с мужчинами; например, «Альма и ее мужчины. Тайна путешественницы и писательницы» (2014) или «Альма Карлин и ее жених Шю. Сто лет с момента появления первого китайца в Словении» (2013), а также выступила с лекциями на эту тему. Оказалось, что китайский жених Альмы, которого она привезла познакомить с мамой, был первым китайцем, приехавшим в словенские земли. Позже Трновец обратилась к личности немецкой художницы Теи Шрайбер Гаммелин, которой она посвятила выставку в Краеведческом музее г. Целье «Вы помните Тею? Художница, дочь пастора, родственная душа Альмы Карлин» (открытие выставки состоялось в октябре 2016 г.).

М. Пушавец подготовил издание перевода текста, написанного Теей «Две жизни – одна цель»; это художественное автобиографическое произведение, в котором фигурирует Альма. Именно Тею Гаммелин можно считать первым после самой Карлин мифологизатором ее жизни.

Заслуживает также внимания подвижность контекстов изучения биографии и текстов Карлин. Довольно противоречивые определения ее творчества можно найти в издании автобиографии «Одна». Книгу открывает предисловие М. Пушавеца. Контекст словенской литературы ученый считает условным для Карлин, а рассматривать ее тексты предлагает в рамках немецкоязычной литературы (по его мнению, она не связана напрямую с принадлежностью к немецкой нации), к которой писательница из города Целье из-за языка должна относиться «по логике вещей»[1]. В послесловии к тексту Слапшак пишет: «Перевод автобиографии Альмы Карлин – праздник для истории словенской литературы, особенно для истории женской литературы и “женского письма” в Словении: речь идет о жанровой инновации, первоклассном феминистическом источнике и вызове для компаративистики»[2].

Можно ли эти переводные тексты отнести к словенской литературе и тем самым признать ее двуязычный характер? Похожий вопрос мы находим в дипломной работе Метки Пайер «Чья Альма Карлин?» (2015), посвященной проблемам национальной идентичности, космополитизма и культурного наследия на примере феномена Карлин[3]. На вопрос, принадлежит ли Альма словенской литературе, автор работы дает утвердительный ответ.

Очевидно, что творчество Карлин носит транснациональный характер и проблематизирует само понятие национальной литературы, становясь вызовом для исследователей. В случае Карлин можно говорить о литературе с размытыми границами, «без постоянного места жительства» («ohne festen Wohnsitz»)[4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрова А.Г.* Между славянским и германским: проблема национальной идентичности в биографии и творчестве Альмы Карлин // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / А.Г. Бодрова, Е.Е. Бразговская, В.С. Князькова, М.Ю. Котова, О.В. Раина и др.; отв. ред. М.Ю. Котова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2014. С. 49–64.

[1] *Pušavec M.* Urednikov predgovor // Karlin A.M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje: In lingua, 2010. S. 3.
[2] *Slapšak S.* Potovanje pred pisanjem: avtobiografija Alme Karlin // Karlin A.M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje: In lingua, 2010.
[3] *Pajer M.* Čigava je Alma Karlin. Diplomsko delo. Ljubljana, 2015 (dk.fdv.uni-lj.si/diplomska_dela_1/pdfs/mb11_pajer-metka.pdf).
[4] *Ette O.* ZwischenWeltenSchreiben. Literaturen ohne festen Wohnsitz. Berlin: Kadmos, 2005.

2. *Ette O.* Literatur in Bewegung. Raum und Dynamik grenzüberschreitenden Schreibens in Europa und Amerika. Göttingen: Verbrück Wissenschaft, 2001. 575 s.

3. *Ette O.* Zwischen Welten Schreiben. Literaturen ohne festen Wohnsitz. Berlin: Kadmos, 2005. 318 S.

4. *Dekleva M.* Telo iz črk: roman o Almi. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2015. 183 s.

5. *Habinger G.* Frauen Reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Wien: Promedia, 2006. 399 S.

6. *Jezernik J.* Alma M. Karlin, državljanka sveta: življenje in delo Alme Maximiliane Karlin (1889–1950). Ljubljana: Mladinska knjiga, 2009. 232 s.

7. *Karlin A.M.* Im Banne der Südsee. Minden in Westfalen-Berlin-Leipzig: Druck und Verlag von Wilhelm Köhler, 1930. 384 S.

8. *Karlin A.M.* Moji zgubljeni topoli: spomini na drugo svetovno vojno. Ljubljana: Mladinska knjiga, Celje: Muzej novejše zgodovine, 2007. 288 s.

9. *Karlin A.M.* Samotno potovanje v daljne dežele. Tragedija ženske. Celje: Društvo Mohorjeva družba, 2006. 439 s.

10. Pajer M. Čigava je Alma Karlin? Diplomsko delo. Ljubljana, 2015 (dk.fdv.uni-lj.si/diplomska_dela_1/pdfs/mb11_pajer-metka.pdf).

11. *Pušavec M., Klemenčič J.* Alma M. Karlin. Svetovljanka iz province. Življenjepis v stripu. Ljubljana: Forum, 2015. 164 s.

12. *Pušavec M.* Urednikov predgovor // Karlin A.M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje: In lingua, 2010. S. 3.

13. *Schlieker K.* Frauenreisen in den Orient zu Beginn des 20. Jahrhunderts: weibliche Strategien der Erfahrung und textuellen Vermittlung kultureller Fremde. Berlin: WiKu, 2003. 249 S.

14. *Schreiber Gamelin T.* Dvoje življenj – en cilj. Celje: Celjska Mohorjeva družba, 2016. 352 s.

15. *Slapšak S.* Potovanje pred pisanjem: avtobiografija Alme Karlin // Karlin A.M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje: In lingua, 2010. S. 308–317.

16. *Trnovec B.* Alma M. Karlin in njeni moški. Skrivnost popotnice in pisateljice Alma Karlin in njeni moški // Delo de facto. Leto 3. Št. 10 (jan. 2014). S. 62–69.

17. *Trnovec B.* Kolumbova hči. Življenje in delo Alme M.Karlin. Celje: Pokrajinski muzej, 2011. 64 s.

18. *Trnovec B.* Sto let prihoda prvega Kitajca na Slovensko: Alma Karlin in njen zaročenec Xu // Delo. Sobotna priloga. Leto 55. Št. 289 (14. dec. 2013). S. 15.

REFERENCES

1. Bodrova A.G. Between Slavic and Germanic: the Problem of National in the Life and Works of Alma Karlin. In: Identity Segments in Writings of Foreign Slavic writers / Ed. by M.Y. Kotova. St.-Petersburg. St. Petersburg State University Press. 2014, pp. 49–64.

2. Ette O. (2001) Literatur in Bewegung. Raum und Dynamik grenzüberschreitenden Schreibens in Europa und Amerika. Göttingen: Verbrück Wissenschaft. 575 S.

3. Ette O. (2005) ZwischenWeltenSchreiben. Literaturen ohne festen Wohnsitz. Berlin: Kadmos. 318 S.

4. Dekleva M. Telo iz črk: roman o Almi. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2015. 183 s.

5. Habinger G. (2006) Frauen Reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Wien: Promedia. 399 S.

6. Jezernik J. (2009) Alma M. Karlin, državljanka sveta: življenje in delo Alme Maximiliane Karlin (1889–1950). Ljubljana: Mladinska knjiga. 232 s.

7. Karlin A.M. (1930) Im Banne der Südsee. Minden in Westfalen-Berlin-Leipzig: Druck und Verlag von Wilhelm Köhler, 1930. 384 S.

8. Karlin A.M. (2007) Moji zgubljeni topoli: spomini na drugo svetovno vojno. Ljubljana: Mladinska knjiga, Celje: Muzej novejše zgodovine. 288 s.

9. Karlin A.M. (2006) Samotno potovanje v daljne dežele. Tragedija ženske. Celje: Društvo Mohorjeva družba. 439 s.

10. Pajer M. (2015) Čigava je Alma Karlin? Diplomsko delo. Ljubljana (dk.fdv.uni-lj.si/diplomska_dela_1/pdfs/mb11_pajer-metka.pdf).

11. Pušavec M., Klemenčič J. (2015) Alma M. Karlin. Svetovljanka iz province. Življenjepis v stripu. Ljubljana: Forum. 164 s.

12. Pušavec M. Urednikov predgovor. V: Karlin A.M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje: In lingua. 2010. s. 3.

13. Schlieker K. (2003) Frauenreisen in den Orient zu Beginn des 20. Jahrhunderts: weibliche Strategien der Erfahrung und textuellen Vermittlung kultureller Fremde. Berlin: WiKu. 249 S.

14. Schreiber Gamelin T. (2016) Dvoje življenj – en cilj. Celje: Celjska Mohorjeva družba. 352 s.

15. Slapšak S. Potovanje pred pisanjem: avtobiografija Alme Karlin. V: Karlin A.M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje: In lingua. 2010, ss. 308–317.

16. Trnovec B. Alma M. Karlin in njeni moški. Skrivnost popotnice in pisateljice Alma Karlin in njeni moški. *Delo de facto.* Leto 3. Št. 10 (jan. 2014), ss. 62–69.

17. Trnovec B. (2011) Kolumbova hči. Življenje in delo Alme M.Karlin. Celje: Pokrajinski muzej. 64 s.

18. Trnovec B. Sto let prihoda prvega Kitajca na Slovensko: Alma Karlin in njen zaročenec Xu. *Delo. Sobotna priloga.* Leto 55. Št. 289 (14. dec. 2013), s. 15.

Сведения об авторе:
Анна Геннадьевна Бодрова,
доцент
кафедра славянской филологии
филологический факультет
Санкт-Петербургский государственный университет

Anna G. Bodrova,
Associate Professor
Department of Slavic Philology
Philological Faculty
Saint Petersburg State University
bodran@mail.ru

ON RECEPTION OF ALMA KARLIN'S WORK IN SLOVENIA

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-106-112

М.Л. Кулешова

Общеоценочные прилагательные со знаком «плюс» в современном словенском языке: семантика и сочетаемость

Аннотация: В статье рассматриваются различия семантики и сочетаемости общеоценочных прилагательных со знаком «плюс» в современном словенском языке, в первую очередь лексем ‘dober’ и ‘lep’. Семантика прилагательных анализируется с точки зрения классификации различных видов добра, разработанной философом Х. фон Вригтом. Мы приходим к выводу, что ключевую роль для дифференциации их употребления играет оппозиция качество – удовольствие, не отраженная в данной классификации.

Ключевые слова: лексическая семантика, синонимы, словенский язык, общая оценка

Abstract: The article deals with the differences in semantics and combinability of the adjectives of general evaluation with the “plus” in modern Slovenian language, primarily lexemes ‘dober’ and ‘lep’. The semantics of adjectives is analyzed in terms of the classification of various kinds of goodness, developed by philosopher H. von Wright. We come to the conclusion that a quality-pleasure opposition, which is not reflected in this classification, plays a key role for the differentiation of their usage.

Key words: lexical semantics, synonyms, the Slovenian language, general evaluation

Общая оценка по сравнению с частной обычно определяется как лишенная эксплицитных дескриптивных смыслов ([Вольф 1985: 28; Арутюнова 1988: 75]): знак «плюс» или «минус» в ее случае выходит на первый план относительно описательного компонента. Она вторична по сравнению с частной; механизмы формирования общеоценочных единиц в истории языка могут быть различными, более подробно они описаны в исследованиях диахронического характера, например [Дронова 2007]. Тем не менее общая оценка негомогенна (см. [McConnell-Ginet 1979]), и в ее рамках также существуют различия, нуждающиеся в анализе. В настоящей работе рассматриваются общеоценочные прилагательные со знаком «плюс» в современном словенском языке, на данный момент недостаточно исследованные с точки зрения семантики, в том числе ее когнитивной области.

В центре нашей работы находятся словенские прилагательные *dober* и *lep*. Лексема *lep* обладает частнооценочным значением ‘красивый, внешне привлекательный’, однако, как известно, эстетическая оценка исторически являлась регу-

лярной основой для возникновения общеоценочного смысла [Дронова 2007: 6] и в определенных контекстах наблюдается конкуренция двух вышеупомянутых единиц. Различия между ними в таком случае фактически нейтрализуются, даже несмотря на то, что *lep* представляется более интенсивным выразителем общей оценки.

Для анализа различий семантики и сочетаемости прилагательных *dober* и *lep* было принято решение использовать классификацию видов «добра» с точки зрения объекта оценки, разработанную философом Х. фон Вригтом ([Wright 1963] и приведенную в известной работе Е.М. Вольф ([Вольф 1985: 27]). В данной классификации выделяются следующие виды «добра»:

1) инструментальное «добро» – выполнение необходимой функции (о предмете): хороший автомобиль, хорошие ботинки и т. д.

2) медицинское «добро» – соответствие медицинской норме: хорошее здоровье, хорошее зрение и т. д.

3) техническое «добро» – выполнение функций, обязанностей (о человеке): хороший преподаватель, хороший игрок и т. д.

4) гедонистическое «добро» – доставление удовольствия: хороший обед, хороший вечер и т. д.

5) утилитарное «добро» – способствует достижению определенной цели: хороший план, хорошая возможность и т. д.

6) «добро» человека – относится к человеку и проявлениям его характера: хороший человек, хорошая черта и т. д.

Цель настоящей работы не только определить, какие виды «добра» в словенском языке характеризуются с помощью лексемы *dober*, а какие – с помощью *lep*, но и установить, насколько данная классификация в принципе применима в лингвистических исследованиях. Проанализировав данные лексикографических источников (SSKJ) и корпуса *Gigafida*, мы пришли к выводу, что отдельные виды «добра» могут обозначаться только с помощью прилагательного *dober*. Имеются в виду:

1) **инструментальное** «добро»: dober nož ‘хороший нож’, dobri čevlji ‘хорошие туфли’, dobra cesta ‘хорошая дорога’ и т. п. При использовании *lep* значение сдвигается в область частной эстетической оценки: например, lepi čevlji ‘красивые туфли’;

2) **медицинское** «добро»: *dobro zdravje* ‘хорошее здоровье’, *dobra prebava* ‘хорошее пищеварение’, *dobra pljuča* ‘хорошие легкие’ и т. п. Как известно, положительная оценка может характеризовать как норму, так и ее превышение. Медицинское «добро» в вышеперечисленных примерах относится именно к норме, однако в отдельных случаях может быть связано с ее превышением (безусловно, в случае, если оно может оцениваться положительно): *dobre oči* ‘хорошие глаза’, *dober spomin* ‘хорошая память’ (данные примеры близки к инструментальному «добру»);

3) **техническое** «добро»: *dober voznik* ‘хороший водитель’, *dobra študentka* ‘хорошая студентка’, *dober pevec* ‘хороший певец’ и т. п. Отметим, что данная категория включает в себя не только общественные, профессиональные, но и иные функции, в том числе подразумевающие эмпатию и граничащие с «добром» человека: *dober oče* ‘хороший отец’, *dober prijatelj* ‘хороший друг’.

Теперь перейдем к категориям, в рамках которых в словенском языке могут употребляться и *dober*, и *lep*. В первую очередь рассмотрим **гедонистическое** «добро», имеющее прямое отношение к сенсорике. Мы решили установить, связана ли диф-

ференциация типов сенсорного восприятия действительности в зависимости от органов чувств с разграничением или предпочтением в употреблении *dober* и *lep*.

В семантической области **зрения** и **вкуса** граница между *dober* и *lep* имеет достаточно четкий характер. Положительная оценка внешнего облика (**зрение**) передается путем использования исключительно прилагательного *lep*: *lep razgled* 'красивый вид', *lepa obleka* 'красивое платье', *lepa ženska* 'красивая женщина'. Фактически здесь идет речь не об общей, а о частной эстетической оценке. Что касается **вкуса**, то для его положительной характеристики используется только лексема *dober*: *dobra hrana* 'хорошая еда', *dober zrezek* 'хороший шницель', *dobra kava* 'хороший кофе'. С существительным *okus* сочетается исключительно *dober* (если имеется в виду вкус пищи, а не вкус как чувство прекрасного, что, в свою очередь, переводит номинацию в сферу использования прилагательного *lep*).

Семантическое поле **запаха** является значительно менее широким, нежели два предыдущих; в его рамках возможно употребление обоих прилагательных, однако несколько чаще используется *lep*: *lep vonj* (95)[1] – *dober vonj* (57), *lepa dišava* (26) – *dobra dišava* (21)[2]. Положительная оценка восприятия с помощью **слуха** также может передаваться с помощью обоих прилагательных. В данном случае выбор, на наш взгляд, не является случайным и может быть связан с определенными когнитивными различиями в семантической структуре лексем *dober* и *lep*: *dober* главным образом ассоциируется с понятием качества, а *lep* – с удовольствием. Качество здесь понимается как соответствие определенным требованиям, ожиданиям, а удовольствие – как положительные, приятные эмоции. Сопоставим отдельные примеры употребления существительных с звуковой семантикой в сочетаниях с *dober* и *lep*:

dobra glasba (4861): Ljudje rečejo, da so naši festivali slabi, da nimamo *dobre* glasbe (Люди говорят, что у нас плохие фестивали, что у нас нет хорошей музыки). *Večer, 2000.*

lepa glasba (220): Publika skupaj z menoj uživa v *lepi* glasbi (Публика вместе со мной наслаждается хорошей / красивой музыкой). *Интернет, 2011*.

dober zvok (588) 'характер звучания аудиоматериала': Bluetooth v teh zvočnikih omogoča neverjetno *dober* zvok (Сеть Bluetooth обеспечивает в этих наушниках невероятно качественный звук'). *Интернет, 2010*.

lep zvok (130) 'физическое явление': Zvoki narave so *najlepši* zvoki (Звуки природы – самые красивые звуки). *Antonio Tabucchi*. *Poslednje povabilo*.

Дихотомия **качество – удовольствие** представляет собой базу для дифференциации употребления *dober* и *lep* в связке с номинациями, семантика которых сочетает в себе различные виды гедонистического «добра». Разграничение опять же не является облигаторным и характеризует лишь преференции говорящего при выборе того или иного прилагательного, например: *dober nastop* 'хорошее выступление', *dober spanec* 'хороший сон', *dobra predstava* 'хороший спектакль', но *lep vikend* 'хорошие / прекрасные выходные', *lep dopust* 'хороший / прекрасный отпуск', *lepo vreme* 'хорошая / прекрасная погода' (в последнем случае, возможно, имеет место сочетание гедонистического и утилитарного «добра»).

---

[1] Здесь и далее в скобках приводится число вхождений того или иного словосочетания в корпус Gigafida.

[2] Удовольствие от запаха, как и от осязания, обычно характеризуется с помощью частнооценочных прилагательных: *prijeten* 'приятный', *sladek* 'сладкий' и т. п.

Утилитарное «добро», в свою очередь, также может обозначаться как с помощью *dober*, так и с помощью *lep*, хотя предпочтение все же отдается *dober*: *dobra novica* (6580) – *lepa novica* (288) ‘хорошая новость’, *dobra možnost* (5549) – *lepa možnost* (1353) ‘хорошая возможность’, *dobra politika* (266) – *lepa politika*? (3) ‘хорошая политика’, *dober nasvet* (2650) – *lep nasvet*? (18) ‘хороший совет’.

Чем мотивирован в данном случае выбор того или иного прилагательного? С нашей точки зрения, употребление лексемы *lep* видится более уместным при наличии имплицитного гедонистического компонента, что вновь свидетельствует об актуальности оппозиции качество – удовольствие. В частности, различие между *dober poklic* (77) и *lep poklic* (240) ‘хорошая профессия’ может заключаться в следующем: *dober poklic* подразумевает в первую очередь наличие достойной заработной платы и престиж профессии, а *lep poklic* – самореализацию и удовольствие от занятия любимым делом. Проиллюстрируем данный тезис следующими примерами:

Če nočem biti lačen, si moram izbrati *dober* poklic. Postati mesar je prava izbira (Если я не хочу голодать, я должен выбрать хорошую профессию. Стать мясником – правильный выбор). *Viva: revija za zdravo življenje, 2006.*

Srečna je, da si je izbrala tako *lep* poklic, kot ga ima, saj ji pomeni tudi hobi, zato ga opravlja z največjim veseljem (Она счастлива, что выбрала для себя хорошую профессию, которая для нее как хобби. Поэтому она занимается своим делом с огромным удовольствием). *Celjan, 2002*.

В области последней из категорий (**«добро» человека)** необходимо провести границу между: а) характеристикой самого человека (понятие «хороший человек») и б) оценкой его поведения и качеств характера. В рамках первой субкатегории возможно употребление только *dober* (противопоставление эстетической оценке с *lep*): *dober človek* ‘хороший человек’, *dobra ženska* ‘хорошая женщина’ и т. п. Во второй имеет место вариативность (по-видимому, мотивированная неоднократно упомянутой оппозицией качество – удовольствие), однако *dober* значительно частотнее: *dobro ravnanje* (128) и *lepo ravnanje* (40), *dobra lastnost* (4253) и *lepa lastnost* (442), *dobro dejanje* (548) и *lepo dejanje* (96). Удовольствие как член оппозиции в данном контексте необходимо дополнить также семантическим компонентом **похвала**.

Сравнительный анализ лексем *dober* и *lep* был бы неполным без упоминания семантических сдвигов в их значении, важнейшим из которых является **грамматикализация**, понимаемая как процесс приобретения лексическими единицами грамматических свойств. Во многих языках мира прилагательные общей оценки подвержены данному явлению, см., например, тенденции использования лексемы *good* в английском языке [Егорова 2013: 219]. Схожие процессы наблюдаются и в словенском языке: например, и *dober*, и *lep* могут употребляться в значении ‘значительный по размеру, количеству’:

Če niste na dieti, lahko jabolku, zeleni in gobam ter prelivu dodate *dober* kos sira cheddar (Если вы не сидите на диете, можете добавить к яблоку, сельдерею, грибам и соусу большой кусок сыра Чеддер). *Elle, 2008*.

Ko je Kranjska investicijska družba predstavila projekte za novi Kolizej <...>, je bil *lep* del Slovenije v šoku (Когда инвестиционная компания г. Крань представила проект нового кинотеатра «Колизей» <...>, многие словенцы были в шоке). *Delo, 2007*.

В то же время только *dober* используется в качестве маркера приблизительности:

Čez *dober* kilometer boste na levi strani zagledali dokaj nenavadno hišo s strmo streho (Проехав около километра, с левой стороны вы увидите довольно необычный дом с покатой крышей). *Nedelo, 2008*.

И *dober*, и *lep* могут также входить в состав фразеологизмов (**идиоматизация**), например, *biti na dobrem glasu* ‘быть на хорошем счету’, *ne najti lepe besede za koga* ‘не найти доброго слова для кого-либо’, а также устойчивых выражений (**прагматикализация** [Егорова 2013: 218]): *dober dan!* ‘добрый день!’, *lep dan!* ‘хорошего дня!’. Очевидно, что в составе такого рода единиц данные прилагательные, как правило, не являются взаимозаменяемыми.

Теперь вкратце рассмотрим, какие различия определяют сочетаемость **эмоционально** окрашенных прилагательных общей оценки и совпадают ли они с критериями, примененными при анализе *dober* и *lep*. В качестве общеоценочных единиц в современном словенском языке функционируют следующие прилагательные: *odličen, sijajen, čudovit, fantastičen, izvrsten, imeniten, krasen, prekrasen*.

Отметим, что наличие эмоциональной коннотации не единственная черта, объединяющая все вышеперечисленные лексемы. Во-первых, ни одна из них не способна передавать значение эстетической оценки в чистом виде (этим свойством обладают только *lep* и его приставочный дериват *prelep*). Во-вторых, что касается классификации Х. фон Вригта, то наиболее естественной категорией для всех эмоционально-окрашенных лексем с точки зрения их семантической специфики, на первый взгляд, видится **гедонистическое** «добро»: *imenitna razstava* ‘превосходная выставка’, *krasen razgled* ‘прекрасный вид’, *čudovita pesem* ‘чудесная песня’ и т. п. Однако, как выясняется, сфера их употребления не ограничивается гедонистическим «добром», и любое из вышеперечисленных прилагательных в определенных контекстах может обозначать **утилитарное**, **инструментальное** и даже **медицинское** «добро», если положительная оценка объекта в принципе может интенсифицироваться: *odličen računalnik* ‘отличный компьютер’, *fantastičen spomin* ‘фантастическая память’, *izvrsten rezultat* ‘выдающийся результат’ и т. д. Внутри этих четырех категорий отсутствует четкая дифференциация употребления тех или иных лексем. Тем не менее, опять же заходя за рамки классификации философа, можно утверждать, что одни прилагательные склонны выражать удовольствие субъекта: *čudovit* (čudovita *melodija* ‘чудесная мелодия’), *fantastičen* (*fantastično vzdušje* ‘фантастическая атмосфера’), *krasen* (*krasna sladica* ‘великолепный десерт’), *prekrasen* (*prekrasno sončno jutro* ‘прекрасное солнечное утро’), а другие – положительную оценку им качества объекта: *odličen* (*odlična ideja* ‘отличная идея’), *izvrsten* (*izvrstni dosežki* ‘выдающиеся достижения’), *imeniten* (*imenitna lokacija* ‘превосходное расположение’), *sijajen* (*biti v sijajni formi* ‘быть в блестящей форме’). Таким образом, данные выводы обнаруживают параллели с итогами анализа лексем рациональной общей оценки.

Наряду с дихотомией качество ⟷ удовольствие, семантика эмоционально окрашенных прилагательных обнаруживает ряд более явных различий, выражающихся в особенностях сочетаемости. В частности, отдельные лексемы способны оценивать человека с точки зрения его характера, отношения к другим людям (понятие «**хороший человек**» как часть категории «добро» человека). Такого рода свойством отличаются прилагательные *čudovit* и *krasen*: *čudovit človek* ‘чудесный человек’ (726) и *krasen* č*lovek* ‘прекрасный человек’ (247). Менее частотными являются словосочетания *sijajen človek* (68), *prekrasen človek* (40), *fantastičen človek* (33).

Еще одним дифференциальным признаком является возможность выражать значение **технического** «добра». Это свойственно лексемам *izvrsten*, *odličen*, *sijajen*, *imeniten* (т. е. обычно оценивающим качество, см. выше), например: *izvrsten strokovnjak* ‘выдающийся специалист’, *odličen športnik* ‘отличный спортсмен’,

sijajen trener ‘блестящий тренер’, *imeniten plesalec* ‘превосходный танцор’. Таким образом, при анализе прилагательных прослеживается значимое для большинства культур противопоставление человека как личности с точки зрения черт его характера и человека с позиции его социальной роли. В то же время граница между гедонистическим и техническим «добром» здесь оказывается гораздо более тонкой, нежели в семантике *dober* и *lep*, поскольку сочетания номинаций отдельных родов деятельности с прилагательными *čudovit*, *fantastičen*, *krasen* и *prekrasen* все же возможны: например, *čudovit pevec* ‘чудесный певец’ можно переформулировать как *kdor čudovito poje* ‘тот, кто чудесно поет’, что по смыслу фактически равнозначно наслаждению, удовольствию от пения объекта оценки, а не характеристике его как профессионала.

Подводя итоги, можно констатировать, что классификация «добра» фон Вригта может применяться в исследованиях в области языкознания. Тем не менее она не учитывает отдельную дифференциацию внутри категорий (например, в рамках гедонистического «добра»), являющуюся лингвистически релевантной. Оппозиция качество ↔ удовольствие, играющая ключевую роль в противопоставлении общеоценочных прилагательных, в классификации также эксплицитно не выражена. Это объясняется в первую очередь тем, что данная дихотомия, в отличие от системы фон Вригта, принимает во внимание не только сам объект оценки, но и ракурс, с которого он рассматривается. Она является актуальной для дифференциации семантики и сочетаемости как лексем *dober* и *lep*, так и общеоценочных прилагательных с положительной эмоциональной коннотацией. В то же время существуют также дополнительные критерии разграничения, связанные главным образом с характеристикой человека: так, в сфере сочетаемости *dober* и *lep* эстетическая оценка не пересекается с оценкой иных человеческих качеств, а среди эмоционально окрашенных прилагательных отдельно выделяются единицы, способные обозначать техническое «добро» и «добро» человека.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 341 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М., 2002. 280 с.

Дронова Л.П. Общая положительная оценка и норма: диахронический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 6–10.

Егорова М.А. Лексикализация, грамматикализация, прагматикализация: английское прилагательное good // Известия ВГПУ. 2013. № 2(261)3. С. 217–220.

REFERENCES

Arutyunova N.D. (1988) Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow. 341 p.

Dronova L.P. General Positive Evaluation and the Norm: Diachronic Aspect. *Tomsk State University Journal of Philology.* 2007. No 1, pp. 6–10.

Egorova M.A. Lexicalization, Grammaticalization, Pragmaticalization: the English Adjective Good. *Izvestia VSPU.* 2013. No 2(261), pp. 217–220.

McConnell-Ginet S. On the Deep (and Surface) Adjective Good. In: Contribution to Grammatical Studies: Semantics and Syntax. Vol. II. Leiden. 1979, pp. 132–150.

Volf E.M. (2002) Functional Semantics of Evaluation. 2nd ed., ext. Moscow. 280 p.

Wright G.H., von. (1963) The Varieties of Goodness. London. 222 p.

Gigafida – Elektronska zbirka slovenskih besedil. www.gigafida.net (date of access: 14.01.2017).

SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronski vir, 2000. bos.zrc-sazu.si/sskj.html (date of access: 14.01.2017).

Сведения об авторе:
Мария Львовна Кулешова,
канд. филол. наук,
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria L. Kuleshova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
seveda@yandex.ru

THE ADJECTIVES OF THE GENERAL POSITIVE EVALUATION IN THE MODERN SLOVENIAN LANGUAGE: SEMANTICS AND COMPATIBILITY

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-113-129

I. Orel

Ruska leksika v slovenskem slovaropisju druge polovice 19. stoletja

Аннотация: В данной статье представлен типологический анализ лексем, взятых из русских лексикографических источников и перечисленных в наиболее полных двуязычных словарях XIX века: *Deutsch-slovenisches Wörterbuch* (1860) и Словенско-немецком словаре Плетершника (1894–1895). Чтобы установить, не изменился ли характер их использования в стандартизированном словенском языке в настоящее время в сравнении с предыдущими периодами истории, был использован портал www.fran.si, а также отмеченные Lägreid русизмы, внесенные в указатели словарей Валентина Водника и Антона Мурко (первая половина XIX в.). Славянские лексемы рассматривались как исходные при лингвистическом сравнении; русизмы – как термины и для передачи семантически нюансов при наличии словенских эквивалентов. Словенско-немецкий словарь включает около 400 (0,4% из всех) записей или подзаписей, представляющих собой нейтральную или терминологическую лексику. Тематически наиболее распространенными являются наименования социальных и культурных понятий, животных, растений, характеристик и пр. Четверть записей вошла в стандартизированный язык, 13% – это устаревшие слова: архаизмы, историзмы; слова с пометой *букв.,* слова с эмоционально-экспрессивной окраской или ограниченные по сфере употребления. Некоторые лексемы отличаются только фонетически или по способу словообразования. Примерно 15% транслитерированных русских лексем интегрировались в словенский язык. 50% от общего количества (в основном терминологческая лексика) оказались за пределами стандартизированного словенского языка. 12% – старославянские по происхождению слова, которые были прямо заимствованы из русского или опосредованно – из хорватского / сербского или других славянских языков (чеш-ского, польского); современные исследования показали, что часть из них пришли из другого славянского языка или имеют общую праславянскую основу.

Ключевые слова: история стандартизированного словенского языка, словенская лексикография XIX века, русские лексемы, русизмы

Abstract: This article provides a typological analysis of marked lexemes appropriated from Russian lexicographic sources and listed in the most comprehensive collective bilingual dictionaries of the 19th century, *Deutsch-slovenisches Wörterbuch* (1860) and Pleteršnik's *Slovenian-German Dictionary* (1894–1895). The portal www.fran.si was used to verify their continuity in contemporary standard Slovenian and in the past, in-

cluding Lägreid's Russianisms indexed in Vodnik's and Murko's dictionaries from the first half of the 19th century. The Slavic lexemes were used as a source of appropriation or interlinguistic comparison. Russianisms were utilised for nomenclatural purposes or the conveyance of semantic nuances, although Slovenian equivalents did exist. The *Slovenian-German Dictionary* includes approximately 400 (0.4% of all) entries or sub-entries, which are part of the neutral or terminological lexis. Thematically, the most prevalent ones are the names for social and cultural concepts, animals, plants, characteristics etc. A quarter of the entries have entered the standard language, 13% are temporally (obsolete, archaic, historisms), literally and expressively marked or restricted to a particular field. Certain lexemes with a mutual comparative basis only vary phonetically or with regard to word formation. Approximately 15% of the transliterated Russian lexemes are linguistically comparable and show a high degree of relatability. Half of all (mostly terminology in various fields) have not taken root in standard Slovenian. 12% derive from Old Church Slavonic, whether directly via Russian or indirectly via Croatian / Serbian or other Slavic languages (Czech, Polish); contemporary research has shown that some are derived from another Slavic language or that they have a common Proto-Slavic ancestor.

Key words: history of the standard Slovenian language, 19th-century Slovenian lexicography, Russian lexemes, Russianisms

PREDHODNE OBRAVNAVE RUSKE LEKSIKE V SLOVENSKEM KNJIŽNEM JEZIKU

Slovenščina se je z ruščino soočala že od 16. stol. dalje (S. Herberstein) (Jakopin 1968, 1979, Čurkina 1995), kontinuirano navzočnost ruščine opažamo od razsvetljenstva (J. Japelj, B. Kumerdej, V. Vodnik) (Jakopin 1968, 1979), primerjalnoslovansko jezikoslovno sodelovanje je močneje zaživelo v času preroda v 2. polovici 18. stol. (Breznik 1909, Jakopin 1968, Lägreid 1973, Čurkina 1995). Rusizmi so začeli intenzivneje prodirati v slovenski jezik v 19. stol. prek češkega slavista J. Dobrovskega (Breznik 1929, 1967[1], Jakopin 1968, 1979) in so iz dvojezičnih nemško-ruskih slovarjev prešli v slovarje V. Vodnika, U. Jarnika (1832), A. Murka (1833), A. Janežiča (1850), M. Cigaleta (1860), veliko jih je prevzel tudi J. Zupan (1830–1832) (Breznik 1967, Bajec 1951, Jakopin 1968, 1979, 1996, Lägreid 1973, Čurkina 1995). Omenjeni jezikoslovci so evidentirali in ovrednotili slovanske oz. ruske izposojenke glede na avtorje, vire, ki so jih prevzeli, čas izposoje, kontinuiteto v knjižnem besedišču, (ne)potrebnost prevzemanja idr.

A. Breznik obravnava slovanske izposojenke, ki «ločijo pismeni jezik od ljudskega» v slovarjih, publicistiki in literaturi (Breznik 1967: 125). Opredeljuje se za neprimernost izposojanja zaradi zavesti slovanske vzajemnosti in daje prednost izposoji iz bližnjega slovanskega jezika[2]. Meni, da «bi se smele uporabljati samo take izposojenke, ki jih je ljudstvo zares sprejelo» (prav tam: 127). Posebej opredeli, katere izposojenke so zapolnile poimenovalno vrzel, vnesle nov pomenski odtenek ali pa so le izpodrinile

[1] V razpravi «Jezik v kmečki povesti» Breznik predstavi tudi prvič rabljene ruske izposojenke od Vodnika dalje, ki jih je uvajal šele po l. 1811 (Breznik 1967: 126). Iz slovarjev so prešle tudi v pripovedništvo in publicistiko. V časnikarski slovenščini (prav tam: 132–186) spremlja ruske izposojenke, ki so jih uredniki prevzeli prek srbohrvaščine, sprva so objavljene v Bleiweisovih *Novicah,* nato jih uvajajo F. Levstik v časopisu *Naprej*, J. Jurčič v *Slovenskem narodu* (zlasti v povezavi s članki o ruski tematiki: o začetku rusko-turške vojne, o umoru carja l. 1881), v leposlovju pa ne.

[2] «/n/. pr. rajši srbohrvaški *zaščitnik,* nego rusko *pokrovitelj*» (prav tam: 270).

domače ustreznice[1]. Deli jih na: a) rabne besede, ki se ohranjajo (276–277)[2], b) poprave potrebne (naglasno morajo ohraniti vzorce po jeziku dajalcu): npr. *glágol – glagóla*, pri glagolih na *-ovati* po ruščini naglas na osnovi (*žértvovat', prisútstvovat'*)[3], c) nepotrebne besede (dodal je antibarbarus in med severnoslovanskimi besedami (zvečine ruskimi in nekaj češkimi)[4] navedel npr. *kist = čopič*; *oprovreči* iz r(uščine) = *ovreči, zavrniti, zavračati, izpodbiti; poslovica* iz rusk. = *pregovor*; *podel* iz r. ali č. = *nizek, nizkoten, umazan*; *pokrovitelj* iz r. = *zaščitnik, zavetnik; poprišče* iz r. = *terišče, tekališče, tekmišče; postopati = ravnati; ravnovesje* iz r. – *enakotežje, ravnotežje* itd.) (Breznik 1909: 341–348)[5].

F. Jakopin poudarja, da je za ruščino značilen posredni stik «na daljavo», ki poteka na ravni knjižnega jezika in prek srbohrvaškega posredništva, ter da gre za enosmeren tok jezikovnih prvin. Slovanska povodenj pa je nasprotno sprožila slovenski jezikovni «mehanizem», zaupanje v lastno ustvarjalno moč in v njeno rodnost (Jakopin 1979: 45).

A. Bajec (1951: 13–25) kot tretjo plast slovenskega besedišča navaja izposojenke iz slovanskih jezikov, dobljene iz knjig in časnikov, in predstavi rusizme V. Vodnika, M. Ravnikarja, U. Jarnika, J. Zupana, A. Murka, J. Janežiča. Nadalje jih členi na: a) nepogrešljive izposojenke, za katere nimamo domačega izraza, ki jih je zelo veliko (npr. čin, čustvo, grb, načrt, narečje, neizbežen, snežinka, strast, usluga, zaliv); b) izposojenke, ki so dobile novo pomensko tančino (npr. *izjava* (izpoved), *ljubimec* (ljubi), *nagrada* (darilo), *nežen* (rahel, mehak), *odobriti* (potrditi), *točka* (pika), *strog* (trd), *sredstvo* (pripomoček)); c) besede, ki jih vzdržujejo sorodnice (npr. *dobaviti = zalagati, zakladati*, za *dobava* pa ni izraza; prav tam: 16). Sprejema tudi tiste, «ki so se v dolgi knjižni rabi uveljavile» (prav tam: 21). Dodaja še skupino besed, ki jih *Slovenski pravopis* iz l. 1950 dopušča, vsi uporabniki pa ne odobravajo (npr. *bolnica, bujen, podroben*); nekatere povzročijo izgubo domače besede (npr. *vodilo* (Vodnik) nadomesti *načelo*, *poslaviti* pa *odlikovati*; prav tam: 16), druge so potrebne za znanstveno rabo (npr. *priroda, prirodopis*; prav tam: 19), tretje so nepotrebne izposojenke (npr. *opasen, oduševiti, odnosen*; prav tam: 20). Sestavi tudi seznam izposojenk, ki so v pravopisu neoznačene, a bi jih vendar lahko nadomestili z domačimi besedami (npr. *bodriti > spodbujati, spodbadati*; *inozemec > tujec, zamejec*; *kovarstvo > spletka*; *odlikovati se > obnesti se, izkazati se*;

[1] Breznik se je pri navajanju slovanskih besed skliceval na Maretićevo razpravo v Radu CVIII (Zagreb, 1982) in ugotovil: «Skoro vse te slovanske besede, ki jih imamo mi, imajo tudi Srbi in Hrvatje, oziroma smo jih dobili pravzaprav mi iz srbohrvaških knjig. Jako veliko teh besed ni izvirno slovanskih, ampak so le prestave nemških in drugih izrazov, pa jih štejemo sem zavoljo tega, ker smo jih dobili od drugih Slovanov» (1909: 276). Preverjal jih je tudi pri Pleteršniku, ki je večino ohranjenih zaznamoval v slovarju (prav tam 1909: 277).

[2] S. Klemenčič po Breznikovem prispevku iz l. 1906 navaja tematsko razporejene izposojenke iz ruščine, med katerimi prevladujejo kulturno vezane ali kulturno specifične besede (npr. *balalájka, bojár, boljševík*), kulinarični izrazi (*blín, bórščˇ*), avtohtone pasme živali (rusko *borzój*), tipi pokrajine (*túndra, tájga*), besede, ki so prišle k nam skupaj s predmetom ali pojavom, kar se vedno ne da ugotoviti (npr. *izráziti, jávka, króžek, ličínka, mílo, nagradíti, naréčje*). N. Ulčnik je napravila pregled pomembnejših normodajalnih raziskav o slavizmih in ugotavljala spremembo položaja izbranih slavizmov v slovenskih pravopisih (2013: 100–128).

[3] Jakopin ob navedbi te Breznikove razprave ugotavlja, da se je ohranil v slovenščini že takrat ustaljeni naglas (1968: 14–15), ravno tako so ostale v rabi Brezniku nesprejemljive izposojenke, kot npr. *inozemec, Sredozemsko morje, občestvo, vodik* namesto predlaganih *inostranec, Sredozemeljsko morje, občenstvo, vodenec* (1968: 80).

[4] O tem prim. Jakopin (1968: 14).

[5] Bajec je za Breznikove nepotrebne besede menil, da vseh ni preganjal, saj je nekatere uporabljal v isti razpravi, sam pa je odobraval prevzem tudi ob domači vzporednici v izogib starinskosti besedja (Bajec 1951: 15), na drugem mestu pa ga odsvetuje (prav tam: 22).

očividen > *očiten*; *odtenek* > *tančina*; *ogromen* > *velikanski*; *razjariti* > *razkačiti*; *prapor* > *zastava*; *točen* > *natančen*; *tolpa* > *drhal* (prav tam: 22–24).

RUSIZMI V SLOVAROPISJU PRVE POLOVICE 19. STOLETJA

Po predhodnih raziskavah je sprejem ruske leksike med slovensko besedje izkazan že od drugega desetletja 19. stol., ko jih je v svoj rokopisni slovar *Slovensek besednjak / Slowenisches Wörterbuch* (1806/1817) uvedel V. Vodnik iz Heymovega nemško-ruskega slovarja (1801). A. Lägreid (1973: 88) od 93 Vodnikovih rusizmov ugotavlja kontinuiteto za skoraj tretjino (30 iztočnic), od 94 Murkovih pa jih je ohranjena že dobra polovica (53 iztočnic)[1]. Vodnik je vpeljal po Heymu npr.: *glagol* (Zeitwort, Verbum), *izobilje* (Überfluβ), *jantar* (Bernstein), *krmilo* (Steuerruder), *nasilje* (Gewalt), *pravilo* (Regel), *predmet* (Gegenstand), *priznati* (bekennen)[2], *slovar* (Wörterbuch), *soglasje* (Übereinstimmung), *spor* (Streit), *upravljati* (verwalten), *vojna* (Krieg), *zaliv* (Meerbusen), *zlog* (Silbe) itd. (Lägreid 1973: 88). Skoraj vsi ohranjeni leksemi so del slovenskega knjižnega besedišča tudi danes, le dva sta časovno zaznamovana: zastarelo *osmeliti se* (sich erkühnen) 'opogumiti se, ohrabriti' in starinsko *svojstvo* (Eigenschaft) 'lastnost', *rokovodstvo* (Anleitung), ki ga sledimo v slovarjih do Cigaleta[3], pa ni izkazano na portalu *Fran*[4] ne v korpusu Gigafida ne v *Jezikovnih virih starejše slovenščine*. Dodamo lahko še *hram* (Tempel), ki pri A. Lägreid ni naveden, a je danes označen kot knjižni izraz v pomenu 'posvečen prostor, svetišče'.

Vodnik je ruske izraze v svojem slovarju dodajal že izpisanim slovarskim sestavkom. Npr. pod iztočnico Brüderschaft je prvič v slovenskem slovaropisju[5] na koncu slovarskega sestavka s svinčnikom pripisal še *bratſtvo* R. (str. 69, 2. zvezek), poleg le besedotvorno različnih ustreznic *brátovſhina, bratovſtvo, bratinſtvo. brátliv*, kar po Heymu (I, 209) navede tudi A. Lägreid in ugotavlja nadaljnjo rabo pri Murku, Janežiču, Cigaletu in Pleteršniku. Murko jo označi za redkejšo ob *bratovšina* in *(po)bratinstvo*, Cigale pa za prevzeto iz ruščine (*nach dem Russ.*) ob *bratovstvo, bratovščina, bratovšina, bratinstvo*[6]. Pleteršnik *bratstvo* navaja po Cigaletu z nadrejeno besedotvorno različico *bratovstvo*[7]. Podoben pripis s svinčnikom ima Vodnik tudi pri iztočnici Bier: «ól pivo R. piva Croat». V izpeljankah ima samo podstavo *ol-* (*olar, olaria, olarstvo*). Pri Murku je *pivo* že navedeno na prvem mestu in nastopa v srednjem in ženskem spolu (*pivo, piva*), izpeljanke izhajajo iz obeh podstav (*piv-* in *ol-*)[8]. Pri Janežiču (1850) je *pivo* pred *ol* (Bier, n. pivo, ol.), izpeljanke iz *piv-* prevladujejo oz. so na prvem mestu, razen *olopivec* (Biergast). Pri Cigaletu je spet na drugem mestu za *(v)ol*, dolenjsko in hrvaško je ženskega, v ostalih slovanskih narečjih pa srednjega spola, opozarja pa tudi na njegov starocerkvenoslovanski pomen 'pijača' (Bier, das, ol, vol, (*cfr. schwed. u. dänn.* ol, *engl. ale*); in U.K. u. Civil-Croat. piva, *in den übrigen ſlav. Mundarten* pivo,

[1] Po Jakopinu (1996: 30) jih navaja tudi B. Ostromęcka Frączak (2007: 30).

[2] Pleteršnik (= Pl.) ga opredeli kot *hs*. (hrvaškosrbsko).

[3] Pl. ima le glagol *rokovoditi* po drugih slovanskih jezikih (Lägreid 1973: 80).

[4] Razen v *Besedišču slovarja slovenskega jezika* z enim zadetkom.

[5] Po Toporišič, Gjurin (1981) je bila preverjena predhodna raba v slovarjih, v katerih je od Kastelec-Vorenčevega (1680–1710) dalje dominantna *bratovščina*, poleg *bratovska* (Hipolit, 1711–1712), *braterna, bratoušnost, bratrinje* (Gutsman, 1789).

[6] V *Jezikovnih virih starejše slovenščine* kljub uvrstitvi v seznam ne nastopata niti *bratstvo* niti *bratovstvo*, ampak samo *bratinstvo / bratimstvo* (Kmetijske in rokodelske novice 1844 / Novice 1855).

[7] Pl. brâtstvọ, n. = bratovstvo, Cig.; Pl. brátovstvọ, n. die Bruderschaft (als Verhältnis) /…/; SSKJ *bratstvo* 'razmerje kot med brati'.

[8] Murko: Bier, n. pívo, píva, in KK. auch ól, vól, schl. pir. (str. 187); Piva, f. oder pivo n. eig. das Getränk; gem. das Bier. (str. 315).

pivo *altsl.* Getränk). Pl. navaja oba pomena, prvi je za pijačo nasploh[1], drugi za vrsto pijače je označen z navadno, izvor pa ni naveden, pri izpeljanki za proizvajalca piva (*pivovar*) pa navaja češčino. Prevzem iz češčine za *pivo* kot vrsto pijače določi tudi Snoj, enako razlagata izvor že Breznik in Bajec. Vodikov rusizem je izpodrinila izposojenka iz češčine.

Pri Vodniku navedeni rusizmi niso vsi izpričani v kasnejših slovarjih (npr. pod črko *b*: *blistak* (Cig.[2] in Pl. le *blestnjak* in *sljuda*); *bronja* (Harnisch) 'oklep', ki ga ima že Hipolitov slovar (1711–1712), navede le Cig.; *bogočlovek*[3] (Gottmensch) – *bogočelověkъ* po Heymu, Murku, Janežiču poleg *bog-človek* in *bogočlověk* je pri Pl. označen s *stsl.* in ne kot ruski, Cig. po Vodniku navaja *Bog-človek, bogočlověk* pa kot starocerkvenoslovansko, rusko in češko besedo, v *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* (= SSKJ) pa ni zapisana); *bumaga* 'papir' in *bura* (Borax) (*mineralško* 'brezbarvna ali bela rudnina, ki se uporablja kot talilo, mehčalo') v Pl. in SSKJ nista izpričani (Lägreid 1973: 67–68).

Izmed Murkovih 94 izpisanih izrazov iz *Nemško-slovenskega in slovensko-nemškega ročnega besednika* (1833) (prav tam: 111–112) jih je bilo pred 40 leti ohranjenih v knjižnem jeziku več kot polovica (53): npr. *bolnica* (Krankenhaus), čaj (Tee), čustvo (Gefühl), *ljubimec* (Liebhaber, Liebling), *načrt* (Entwurf, Plan), *nežen* (zart), *paluba* (Verdeck), *pester* (bunt), *potomek, potomstvo* (Nachkomme, Nachkommenschaft), *predlagati* (vorschlagen), *sredstvo* (Mittel), *stih* (Vers), *vodovod* (Wasserleitung), *zvok* (Klang). Po SSKJ (in SP[4]) so starinski *bager* (Purpur), *blagoroden* (vornehm), *dejstvovati* (wirken, handeln) 'delovati', *očividen* 'očiten'[5], zastarela sta črtež (Grundriss) 'načrt', *vodopad* 'slap' (SSKJ; SP), knjižni so *kovarstvo* (Arglist) 'spletkarstvo', *sredstven* (mittelbar), *naimenovati* (benennen) je zapisan le v Pl. po Murku in publicistiki, *prapor* (Fahne) ima zožen pomen 'zastava društva, organizacije s simboli', v pomenu 'zastava' pa je starinski, *priroda* (Natur) je samo v SP označena s pešajoče, *stihotvorec* (Dichter) 'verzifikator' je terminološko (literarno) označen, v SP pa z neobčevalno, *utešitelj* (Tröster) 'tolažnik' je pri A. Lägreid označen z *redko*, v *Franu* je izkazan le v Pl. po Janežiču.

Murkovi neohranjeni rusizmi so npr.: *bars* 'panter', *basenka* 'basen', *bradobrivec* 'brivec', *domašnji* 'domač', *draka* 'tepež', *drob* 'hitro udarjanje na boben', *kist* 'čopič' (po SSKJ zastarelo), *korabelj*[6], *korica* 'cimet', *kortik* 'lovski meč', *koster* (der Scheiterhaufen) 'grmada' (v *Franu* le Pl. po Murku) itd. (Lägreid 1973: 112).

RUSKA LEKSIKA V SLOVENSKEM SLOVAROPISJU DRUGE POLOVICE 19. STOLETJA

Cigaletov *Deutsch-slovenisches Wörterbuch* (1860) in Pleteršnikov *Slovensko-nemški slovar* (1894–1895), ki po njunem mecenu škofu A.A. Wolfu nosita tudi njegovo ime, sta nastajala od prebuje narodov l. 1848 z vseslovenskim zbiranjem zgodovinskega in narečnega besedja v različnih krajih in pokrajinah ter z izpisi iz knjig, rokopisov

[1] Po Snoju starinski, izpričan od 16. stol., in narečen.
[2] Cig. = Cigale.
[3] A. Lägreid zapiše, da se še uporablja v knjižnem jeziku, ker tvorjenka samostalnik + samostalnik ni običajna (prav tam: 67).
[4] SP = Slovenski pravopis iz l. 2001 (www.fran.si).
[5] Pl. med viri omenja le Cig. in Janežiča.
[6] Pl. ga razloži z «= ladja» kot novoknjižni leksem iz ruščine po Cig. (T.) in Janežiču, Murka pa ne navaja.

in slovarskih zbirk[1] v starejših obdobjih in v sočasju, publicistike, strokovnih del idr. in sta vsebovala tudi označeno prevzeto in protistavno slovansko besedje[2].

Deutsch-slovenisches Wörterbuch (1860)

M. Cigale, ki je dobro poznal ruščino (Jakopin 1968: 13)[3], je kot uspešni zaključni urednik slovarja z nemškim izhodiščem s pretirano slavizacijsko vnemo uvedel slovanske ustreznice v ok. 7% slovarskih sestavkov, med njimi je imel prvenstvo največji slovanski jezik[4]. Slovaropisje je dvignil na znanstveno raven, zato je vnos slovanskih ustreznic jezikovno označeval in v uvodu navedel rabo slovanskih slovarjev: za ruščino mu je služil nemško-ruski del dvojezičnega slovarja *Vollständiges Russisch-Deutsches und Deutsch-Russisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen / Polnyj russko-nemeckij i nemecko-russkij slovar' dlja upotreblenija oboih narodov* J.A.E. Schmidta, verjetno 2. predelana izdaja (Leipzig 1844). Ruske ustreznice so transkribirane v latinico. Drugoslovanske ustreznice imajo v slovarju ne glede na korensko razlikovalnost ali ujemanje informativno / ilustrativno oz. primerjalno/kontrastivno vlogo ter dvojezičnost slovarja v določenem obsegu razširjajo v večjezičnost oz. pojasnjujejo izvor, prevzem iz ruščine ali so predlagane za izposojo[5].

Prevzemanje iz ruščine izkazuje kvalifikator *russ*., ki največkrat nastopa samostojno (npr. Figur, podoba, obraz, prilika, *russ.* figura; Vers, versta v pesmi, vers, *russ.* stih (*griech.*); Ciselieren, vrezati, vrezovati, *russ.* čekanit) ali pa kot del kvalifikatorskega pojasnila: izposojo izraža *nach dem Russ*. (npr. Classe, versta, *nach dem russ.* razred, odred, klas†; enako pri *bratstvo*), ujemanje *auch (im) russ*. (npr. Fischgräte, ribja kost (*auch russ.*), koščica), primerjanje *cfr*. *russ.* (npr. Erwecken, vzbuditi, zbuditi; *cfr. russ.* razbudit), prisotnost leksema v določenem slovanskem jeziku *im russ.* itd. (npr. Anker, /…/ des Schiffes, maček, sidro; *in Croat.,* lenger, mačka; *im altsl., russ., poln. u. böhm*., kotva oder kotev «von kot, kotka = Katze»), včasih tudi opisno z domnevo o ruskem izvoru (npr. Backstein, *nach V. auch* kirpič, *was jedoch nur russ. zu sein scheint* ʻopekaʼ)[6]. Iz zgledov je razvidno, da je ruščina omenjena samostojno ob drugi(h) slovenski(h) ustreznici/ah ali v kombinaciji z drugimi slovanskimi vzporednicami ali pa je ustreznica skupna več slovanskim jezikom. Ruski izposojeni termini se v slovarskih sestavkih redko pojavljajo kot prva ustreznica (npr. Frett, *nach dem Russ.* afrikanska podlasica, nach *V.* bela podlasica).

Primerjava iztočnic pod črko *a* je pokazala, da je od 16 z ruščino označenih besed le četrtina ostala del knjižnega besedišča: *samodržec* (Absolut), SSKJ ʻoblastnik, ki ima neomejeno, samovoljno oblastʼ (Pl. samodr̂žəc, -žca, m. der Alleinherrscher, der Autokrat, Mur., Cig., Jan., Cig. (T.), nk.; – rus.); serb. u. russ. *obožavati* (Anbeten), Pl. = oboževati, SSKJ *knjiž.* oboževati,; russ. u. poln. *privrženec* (Anhänger), Pl. privr̂ženəc,

[1] Slovarji druge polovice 19. stol. so zajeli besedje predhodnih slovarjev, zlasti Vodnikovega rokopisnega in Murkovega tiskanega slovarja, zato so vanje prešli tudi prevzeti slavizmi in med njimi rusizmi.

[2] Tudi prve izdaje *Nemško-slovenskega in Slovensko-nemškega ročnega slovarja* (1850–1851) A. Janežiča so bile naklonjene sprejemu drugoslovanske leksike zlasti iz tedanjega časopisja, a ni jezikovno označena (razen delno ilirski izrazi).

[3] V. J. Jarocki je objavil poročilo o obisku v Sloveniji in med drugimi omenja Cigaleta (Čurkina 1995: 83).

[4] Gotovo je število še večje, saj so v slovar prešli tudi Vodnikovi rusizmi, ker je Cigale izpisal njegovo slovarsko zbirko, a so, razen nekaterih posebnih izrazov, brez navedbe vira in izvora.

[5] Prim. Orel Pogačnik 1996.

[6] КИРПИ́Ч м. деланный камень, брусок, сбитый из глины и обожженный, для стройки (www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-13051.htm); др.-русск. кирпичь (Домостр. Заб. 137, К. 68), кирпичный, 1 Соф. летоп. (часто). Заимств. из тюрк.: ср. тур. kirpiž, тат. kirpič «кирпич», азерб. kärpχič (Радлов 1, 309; 2, 1365, 1411); см. Mi. EW 115; TEl. 2, 109, Доп. 2, 157; Бернекер 1, 501 (www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-5270.htm).

-nca, m. der Anhänger, *Cig., Jan., C., nk.*; (češ., rus.); *očevidec* (Augenzeuge) z glasovno razliko ʿočividec', Pl. očivîdəc, -dca, m. der Augenzeuge, Cig., nk.). Niso se uveljavile npr. *nesklonnost* (Abneigung), *mravolev* (Ameisenlöwe) poleg *krtek* ʿnavadni volkec'[1], *zadatek* (Angeld) ʿara' (Pl. zadâtək, -tka, m. 1) die Darangabe, das Angeld, Cig., C.) idr.

V lastnoimenskem seznamu v slovarju je ruščina navedena obvestilno, kontrastivno, opozarja na oblikovno ujemanje ali razlike (pisne, besedotvorne, korenske idr.): npr. Marcus, m. Marka, Marko, (*russ.* Mark); Nicolaus, m. Nikolaj, Miklavž, *russ.* Nikolaj; Zurich, *nach dem Poln.* Tigur, (*russ.* Cirih, *Kollar wollte* Turice); Eismeer, Ledeno morje, *russ.* Ledovito morje), pa tudi na prevzem (oblike, občnoimenskega leksema): Frankreich, Francosko, Francozovsko, *nach dem Russ.* Francija; Gerk, *nach dem Russ.* Grek; Beringstratze, Beringova ožina, *nach dem Russ.* Beringov preliv[2].

Cigale navaja med prevzetimi slovanskimi tudi ruske termine v prvem slovenskem terminološkem slovarju *Znanstvena terminologija s posebnim ozirom na srednja učilišča* (1880) po vzoru češkega P. J. Šafarika (1853) in hrvaškega terminološkega slovarja B. Šulka (1874–1875)[3]: npr. Beruf, phil. zvanje (*kroato-serb. u. russ.*)[4], R +[5]; Bucht, *ggr.* zanožje (*altsl.*), *russ.* guba, v. Bai. (draga, Erjavec) ʿmanjši zaliv, zatok, draga'[6], guba R –; Fabeldichter, basnotvorec (*altsl.*), basnopisec (*russ.*), R+[7]; Fabrik, *stat.* fabrika (*auch russ.*), tvornica (*kroat.*), *schlecht* tovarna ʿtovarna', R+[8]; Haß, omraza (*altsl. u. bei Vuk*), nenavist (*altsl., russ., böhm., poln.*), R+[9].

Slovensko-nemški slovar (1894–1895)

Najmlajši in najizčrpnejši vir 19. stol., Pleteršnikov *Slovensko-nemški slovar*[10], ki je ob dvojezičnem knjižnem hkrati tudi zgodovinski in narečni slovar ter v ok. 16% celo enojezični[11] in navaja tudi vire, vsebuje (ne)označene rusizme, prevzete že v starejše slovarje, ki izkazujejo kontinuiteto, in nove ruske lekseme, ki so jih uvedli v knjige in časopise njegovi sodobniki. Pregled iztočnic oz. njihovih pomenov, opredeljenih z oznako rusko (*rus.*) v različnih kombinacijah, ter primerjava s slovarskimi viri na portalu *www.fran.si* razkriva (ne)ohranjanje v nekaterih predhodnih virih, stopnjo ohranjenosti leksemov ali pomenov v sodobnem knjižnem jeziku oz. njihovo časovno, terminološko in drugo zaznamovanost ali neobstoj leksema v slovenskem (knjižnem) jeziku.

V njem je skoraj 400 oz. manj kot 0,4 % neposredno in posredno (primerjalno navedenih) rusko označenih iztočnic oz. pomenov od vseh 102 522 gesel[12], vsebovanih

---

[1] Pri Schmidtu (1844: 16) je ob nemški iztočnici latinski izraz myrmeleon formicarius ob ruskih мраволе́въ, муравьѝцый левъ (насѣ̀комое).

[2] V korpusu Gigafida je razmerje med *ožina* in *preliv* 51 : 149, tj. prevladuje raba ruske izposojenke.

[3] Jakopin poudarja Cigaletovo naklonjenost ruščini pri oblikovanju slovenske terminologije (1968: 13)..

[4] Pl. zvânje, n. /…/ – 2) der Beruf, Jan., Cig. (T.), DZ (*hs.*).

[5] Z R + oz. R – je označena prisotnost oz. odsotnost izraza v ruskem slovaropisju (Dalj, Ožegov).

[6] Pl. pri iztočnici *guba* tega pomena nima, ima pa ga pri *draga, morski kot, zanožje, zatok.*

[7] Pl. ima po Janežiču in Cig. *Terminologiji* samo izraz *basnopisec.*

[8] Pl. fābrika, f. die Fabrik; – prim. tvornica; *it.* fábbrica; (*tudi:* fabríka *po nem.* Fabrik).

[9] Pl. pri *nenavîst* izvornih podatkov ne navaja.

[10] Pleteršnikov slovar so poznali ruski znanstveniki: prejel ga je V. I. Lamanski (Čurkina 1995: 233), pregled slovarjev do Pleteršnika je podal T.D. Florinski (1895) (prav tam: 142), prvo razpravo na osnovi slovarja (F. Ilešič, LZ 1903) je napisal B.M. Ljapunov (Neskoljko zaměčanij o slověnsko-německom slovarě Pleteršnika. Odessa, 1903); P. A. Lavrov je ocenil Hostnikov slovensko-ruski slovar in slovnico in ga primerjal z Janežičevim in Pl. slovarjem (prav tam: 196).

[11] Natančno številko (16.958) navaja urednica transliterirane izdaje slovarja M. Furlan v Uvodu (ix, op. 26), dostopnem na www.fran.si/136/maks-pletersnik-slovensko-nemski-slovar/datoteke/Pletersnik_Uvod.pdf

[12] Po M. Furlan, prav tam (prim. op. 37), ix.

v slovarju. Jezikovna opredelitev velja za vse pomene, za edini ali v večpomenskih sestavkih samo za en sam pomen, redko je omejena na (stalno) besedno zvezo znotraj slovarskega sestavka. Prevzet je lahko nemotiviran ali motiviran leksem ali pa samo besedotvorni morfem oz. določena tvorjenka ob podstavi, ohranjeni iz praslovanščine v kontinuiranem razvoju.

V slovenski jezik so bili sprejeti iz poimenovalne potrebe, zaradi izražanja pomenskih odtenkov ali pa so vanj prodrli kljub že obstoječemu izvorno slovenskemu izrazu ob koncu 19. stol. oz. so bili izpisani posredno prek slovenskih slovarjev 19. stol. kot del slovenske ali ruske leksike. Ruski slovarski vir je bil *Tolkovyj slovar' živogo velikorusskogo jazyka* V. I. Dalja (1880–1882). Iz Cig. slovarja so bile ruske besede izpisane selektivno (npr. od zgoraj omenjenih pod črko *a* sta kot ruska označena le *samodržec* in *privrženec*, medtem ko *obožavati, očividec, zadatek* (Angeld), *v niz* (abwärts) nimajo jezikovne oznake). Precej terminov iz ruščine je vzetih tudi iz Cigaletove *Znanstvene terminologije za srednja učilišča* (1880), iz Janežičevih slovarjev, po Levstiku, Tušku, Miklošiču idr.

Poleg prevladujoče oznake *rus.* (rusko) brez navedbe ustreznice ali z njo, ki nastopa samostojno ali ob navedbi drugih jezikov (*stsl.* (starocerkvenoslovansko)*, hs.* (hrvaškosrbsko)*, češ.* (češko), *polj.* (poljsko) idr.), je prevzem posebej nakazan z oznakama *po rus.* (37-krat) in *iz rus.* (10-krat). Če je ustreznica v obeh jezikih enaka, ujemanje izraža oznaka *tudi rus.* brez navedbe ruske oblike (14-krat: npr. pri iztočnicah *antičen, katedra* 'učiteljska stolica', *sfinks, smalta*[1]*, smokoven* 'smokvin'[2]**,** *tun, tunec*).

Mnogi prevzeti leksemi iz ruščine so starocerkvenoslovanskega izvora, na kar je opozoril tudi Pl. (ob oznaki *rus.* se pojavlja *stsl.* v 47 primerih ali ok. 12%: npr. *blagonraven, bolnica, čuvstvo, dejstvo, dejstvovati, gvozd, načelo, neizbežen, opredeliti, posetiti, poprišče, prelest, sestati*). Sprejeti so bili s posredništvom hrvaščine oz. srbščine, kar Pl. označi (ok. 19-krat ali 4,7%): *hs., rus.* (npr. *inokaz* 'alegorija', *izkupiti* kupon 'izplačati', *2. kos* 'poševen, nagnjen' (SSKJ zastarelo), *objasniti* 'razložiti'), *rus., hs.* (*pravoslaven, zadača* 'naloga'), *hs. iz rus.* (npr. *odnosen* (relativ), *odobriti, opasen* 'nevaren', *oživotvoriti* 'uresničiti' (SSKJ zastarelo)) *po hs., rus.* 2. *posvetiti* 3. 'darovati'). Češki in ruski jezik združuje 26 ali 6,5% primerov (npr. *losos, narečje, obrazec, odpor, povod, privrženec, ščegljec* 'lišček', *udoben, vodomet.*), poljski in ruski pa le 5 ali 1,2%. Pri nekaterih iztočnicah je prevzem možen še po drugih slovanskih jezikih (npr. ču*vstvo, kovčeg, obrazec*) ali je po novejših etimoloških dognanjih pripisan drugemu slovanskemu (večkrat češčini), redko neslovanskemu jeziku; včasih je ruščina le posrednik tujih (ne)evropskih izrazov (npr. *tjulenj*)[3]. Oznaka *prim. rus.* se pojavlja 60-krat (15 %), vedno z navedbo prečrkovane ruske besede in potrjuje izrazno podobnost, skupni slovanski leksikalni fond ali glasovno, naglasno, besedotvorno variantnost oz. primerjavo (npr. častiljuben, *prim. hs.* častoljuban, *rus.* čestoljubnyj). Ruske ustreznice nimajo vloge medjezikovne protistave z ruščino in drugimi jeziki kot v nemško-slovenskem slovarju.

---

[1] Pl. smālta, f. neko modro barvilo, die Smalte, Cig., Jan.; (*tudi rus.*). SSKJ kem. s kobaltovim oksidom modro obarvano, v prah zmleto kalijevo steklo za barvanje emajla, stekla, SP prah za barvanje emajla, stekla. Dalj: СМАЛЬТА, шмальта, голубая краска из толченого стекла. Ožegov: СМА́ЛЬТА, -ы, ж., собир. Кубики или пластинки цветного непрозрачного стекла для мозаичных работ.

[2] Samo Pl. smokǫ́vən, -vna, adj. Feigen-: smokovni list, Cig.; (*tudi rus.*), poleg smǫ̑kvin (*tudi stsl.*).

[3] Snoj: «iz samojedskega tul'l'a, dullja 'vrsta tjulnja'» (po M. Fasmer, Ètimologičeskij slovar' russkogo jazyka I–IV. Perevod s nemeckogo i dopolnenija člena-korespondenta AN SSSR O.N. Trubačeva. Izdanie vtoroe, stereotipnoe. Moskva 1986. IV, 135).

Vzporejanje z zgodovinskimi viri in slovarji s portala *Fran* redko izpričuje uveljavljenost leksema v starejšem knjižnem jeziku (v 16. stol.[1], na prehodu 17. v 18. stol.[2], v 18. in 19. stol.), pokrajinsko zamejeno na knjižno prekmurščino[3] npr. v 3 iztočnicah. Relativnost izvornega označevanja v slovarju potrjuje primerjava z Vodnikovimi rusizmi: od 30 ohranjenih po A. Lägreid (1973: 88) je rusko označena le tretjina (*jantar, los, osmeliti se, polk, slovar, sobolj, soglasje, spor* (prim. rus.), *zaliv*, *zlog* še ob češčini ʻstil' in stsl. ʻzlog'), stsl. *glagol, strast,* hs. *priznati, upravljati*, po drugih slovanskih jezikih *nasilje, pravilo, vojna*, brez izvorne oznake s sočasnimi viri 12: *bratstvo* (Cig.), *izobilje* (Cig. (T.)), tretjina hkrati še novoknjižno[4] (*krmilo, ogor, prelom, polkovnik, predmet, premirje, samoljubje, soglasen, stoletje, svojstvo*; *rokovodstvo* pa se ne ohrani do Pl.[5]

Četrtina (104) rusko označenih iztočnic ali pomenov izkazuje kontinuiteto v sodobnem knjižnem jeziku in je splošno uveljavljenih, 7% je časovno označenih (zastarelih, starinskih in historizmov z oznako *nekdaj*), nekatere so se terminologizirale ali so stilno zaznamovane.

V SSKJ so zabeležene naslednje splošno rabljene besede (48 ali ok. 12%):

mednarodne kulturne besede, internacionalizmi za specifično predmetnost, značilno za ruski prostor (snov, kulinarični izraz, posoda, živali): *jantar*[6], *kavijar*[7], *samovar*[8], *sobolj*[9]; historizem *bojar*[10];

živalski izrazi: *enorožec* = samorog (po Cigaletovem slovarju);[11] *los* (Pl. los, *m.* das Elenthier (cervus alces), *Cig.*, *Jan.*, *Erj. (Ž.)*; – *rus.* losь, gen. losja),[12] *losos* (Pl. lōsos, *m.* der Lachs (salmo salar), *Cig.*, *Jan.*, *Erj. (Ž.)*; – *rus.*, *češ.*[13]; *tjulenj* (Snoj: rus.);

rastlinski izrazi: *brusníca* (z naglasno razliko), Snoj: psl.; *sandal* ʻsandalovina' (Pl. sandāl, *m.* der Sandel, das Sandelholz, *Cig.*; – *rus.* sandálъ);

poimenovanja za človeka, njihovo vlogo v družbi in izpeljanke iz njih: *inozemec* ʻtujec', (Snoj: iz star. rus.), *inozemka, inozemski, inozemstvo, pokrovitelj, pokroviteljstvo, predstavnik, privrženec* (češ., rus.), *samodržec* ʻavtokrat', *potomek* (hs., rus.) z besedotvorno razliko (Snoj: «Prevzeto in prilagojeno iz hrv., srb. pòtomak, mn. pòtomci, rus. potómok»), *potomstvo*;

del človeškega telesa: *popkovina, prepona* (Pl. prepǫ̑na, *f.* 1) das Zwerchfell, *Cig.*, *Jan.*, *Cig. (T.)*, *Erj. (Som.)*; (*rus.*, *polj.*);

[1] K. Ahačič i dr.: *Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja.*

[2] J. Stabej: *Slovensko-latinski slovar* po M. Kastelec, G. Vorenc: *Dictionarium latino-carniolicum* (1680–1710), M. Snoj: *Slovar jezika Janeza Svetokriškega* (1691–1707).

[3] V. Novak, *Slovar stare knjižne prekmurščine*.

[4] Krajšava *nk.* «/o/bsega vse knjištvo in časopisje novejše dobe» (Pleteršnikov slovar, Kratice, XV).

[5] Prim. op. 11.

[6] SSKJ okamnela smola izumrlih iglavcev, navadno rumene ali rjavkaste barve, *Jezikovni viri starejše slovenščine*: F. K. L. Schödler, *Kemija* (1869), *Mineralogija in geognozija* (1871), Snoj: iz rus.

[7] Pl. kavijar, m. slana ikra, der Caviar, Cig.; – rus. kavijárъ. SSKJ kaviar gastr. jed, pripravljena iz nasoljenih iker, zlasti beluge, jesetra; IMP – . Snoj: Prevzeto prek nem. < turščine < perzijščine.

[8] Pl. samovār, -āra, m. die Kochmaschine, bes. die Theemaschine, Cig., Jan., Nov.; – rus. SSKJ *zlasti v ruskem okolju* 1. kovinska posoda za zavretje vode, namenjene za pripravljanje čaja, 2. *zastar.* kuhalnik; IMP –. Snoj: tujka iz rus.

[9] SSKJ kuna, ki živi zlasti v Sibiriji in daje dragoceno krzno. Snoj: iz rus.

[10] Pl. bojár, -ára, m. der Bojare, Cig., Jan.; – *rus*. SSKJ *v carski Rusiji in v Romuniji* visok plemič, plemiški veleposestnik. Snoj: tujka iz rus.

[11] SSKJ: 2. konju podobna bajeslovna žival s čarovnim rogom na čelu.

[12] Homonim v pomenu ʻseverni jelen' je izkazan že v Megiserjevem slovarju *Thesaurus polyglottus* (1603; po Besedju slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja). Snoj predvideva prevzem iz poljščine ali ruščine.

[13] Snoj: «Prevzeto iz češ. *losos*, kar je enako z rus. *losósь*, ukr. *lósosь*».

živila, pijača: čaj (Snoj: rus.);

abstraktni samostalniki, izpeljani iz glagolov, npr.:

zaznavanja: z glasovno razliko čuvstvo (stsl., rus.), Snoj: iz drugih slovan. jezikov, stcsl., hrv., ali rus.; *vkus* (stsl., rus.); dejanja, delovanja: *dejstvo* (Snoj: prevzeto iz csl.); začetnega dejanja: *načelo* (Snoj: iz stcsl. ali rus. *načalo*), *povod* 2) (Snoj: iz rus.), *načrt* (po rus.), *odtenek* (Snoj: prevzeto in prilagojeno iz rus. *ottenok*, izpeljanke glagola *odteniti*); polne mere: *nagrada* (Snoj: iz rus.), *obrazec* (Pl. 2) das Muster; Snoj: iz drugih slovanskih jezikov: srb., rus., češ.); razmerja, nasprotovanja: *odnos* (Pl. 2) die Beziehung, *Cig. (T.)*,*DZ*; *hs.*

(*rus.*), Snoj: «Prevzeto prek hrv., srb. *òdnos* iz rus. *otnós*»; rezultat dejanja: *ostružek* ʻskobljanec';

predmeti, naprave in njihovi deli: *hodulja* 1) = hodilnica ʻhojca', *minutnik* ʻkazalec na uri' (SSKJ *knjiž.*, SP ni oznake), *paluba* (rus. páluba), *stojka* (SSKJ pokončna podpora), *vodomet* (rus., češ.), *vodovod*;

stvar, pojav v povezavi s čim: *sredstvo* (Snoj: iz *sreda* po nemškem zgledu), *usluga*; prostorsko: *točka* (Snoj: rus. ev. prek hrv.), *bólnica* (stsl., rus.) kot zmagovalna besedotvorna varianta k domači izpeljanki *bolnišnica*;

splošno rabljeni strokovni izrazi (16): jezikoslovni: *narečje* ʻdialekt' (češ., rus.), Snoj: iz rus. (ev. prek češ.); *prevesti* (Pl. 3) in eine andere Sprache übersetzen (*stsl., rus.*)); *slovar* = besednjak (Snoj: iz rus.); vojaški: čin (2. pomen ʻstopnja') (po rus.), Snoj: iz hrv., srh. ali rus.), *general* (Snoj: prek nem. < frc.), *podporočnik* (*poročnik* je prevzet po drugih slovanskih jezikih), *polk* (vojaška enota); religiozni: *pravoslaven* (rus., hs.), *razkol* (Pl. (nav. razkòl) die Kirchenspaltung, das Schisma, *Cig.*, *Cig. (T.)*, *nk.*; (*stsl., rus.*); SSKJ rel., razkǫ̑lnik, *m.* der Schismatiker, *Cig.*, *Cig. (T.)*, *nk.*; – *stsl., rus.*; kemijski: *kisik*[1]; mineraloški: *sljuda* (Snoj: iz rus.); zemljepisni: *prostranstvo* (Snoj: psl.), *zaliv*; šolski: *razred* (Snoj: prek hrv., srb. iz rus.); naravni pojavi: *snežinka*;

lastnostni pridevniki in izpeljanke iz njih (27): *blagoglasen, bujen, dragocen, istoroden, neizbežen, nežen, nežnost, obširen, odličen, odlika, odnosen, ogromen, podel, podroben, prisoten* (Pl. /…/ *prim. hs.* prisutan, *rus.* prisutstvie)[2], *prisotstvovati* (iz rus.), *soglasen, soglasje, spusten* (duri, rešetka) (po rus. in polj.), *strog, strogost, točen, točnost, udoben, visokoroden, zanimiv* (mikaven), *zvonek*;

glagoli (13): posredovanja: *dostaviti* (Pl. 3) zustellen: pismo d., *nk.*; (*po rus.*) liefern, *Cig.*

(T.)), > *dostavnik* (der Stellwagen) ʻdostavni voz'; rekanja: *izjaviti* (Snoj: sest. po hrv., ali rus.), *izraziti* (Snoj: prilagojeno iz rus. vy-), *lepetati* 2) lallen ʻblebetati'; izločanja, sklepanja: *izključiti* (Snoj: psl. po zgledu nemščine), *zaključiti* (rus., hs.); vljudnosti: *izvoliti* 2) izvolite! belieben sie! Cig., nk.; (rus.); zaznavanja: *njuhati* (tobak) (Snoj: psl., enako rus., češ., sorodno hrv., srb.); administracije: *odobriti* (hs. iz rus.); namembnosti: posvetiti 2) // dedicieren, widmen; vsebovanja: *sestati -stojim* ʻbiti sestavljen' (Snoj: stsl., rus.); pojavljanja, uresničenja: *sovpadati, uspeti* (Snoj: psl.).

Med izpričanimi iztočnicami v slovenskem knjižnem jeziku jih je 53 ali ok. 13% zaznamovanih (časovno, prenosniško, funkcijsko, ekspresivno). Največ se jih ne uporablja več (28 ali 7%) in so zastarele: činovnik ʻuradnik', *izsledovati* ʻugotoviti, odkriti' (Pl. (wissenschaftlich) untersuchen, erforschen (*po stsl. i. rus.*), *Cig. (T.)*; SSKJ: 3. raziskovati, proučevati); *nebosklon* ʻnebo, nebesni obok', *obrazovati* ʻizobraževati', *oduševiti* ʻnavdušiti', *opasen -sna* ʻnevaren', *osmeliti se* ʻopogumiti', *pester* ʻpisan', *posetiti* ʻobiskati' (stsl., rus.), *velikolepen* (SSKJ: zelo lep), *velikolepje* (SSKJ: (izredna) lepota, sijaj), *vodo-*

[1] Pl. kisīk, m. der Sauerstoff, Cig. (T.), Sen. (Fiz.); – rus.; Cigale, *Znanstvena teminologija*: Sauer /…/ Sauerstoff, (Oxygen), kislec, *nach der kroat. T.* kisik (1880: 100); SSKJ brez oznake, SP *kem*. Snoj: «Izpeljano iz kîs po zgledu novolat. oxygenium ʻkisik'».

[2] Snoj: «Prevzeto in prilagojeno iz drugih slovan. jezikov, hrv., srb. *prìsutan* ʻprisoten', *prìsustvovati*, rus. *prisútstvovatь* ʻprisostvovati', cslovan. *prisǫtьstvije* ʻprisotnost')».

pad ʻslap'; starinske: *boder* ʻpoln vedrine; vesel, živahen' (glagol *bodriti* ʻspodbujati' je v SSKJ zaznamovan v 1. pomenu knjižno, v podpomenu ʻtolažiti' pa starinsko), *dejstvovati* ʻdelovati', *jarek-rka* ʻzelo svetel, bleščeč', *tolpa* ʻskupina ljudi' oz. v podpomenu ʻtrop, krdelo' (iz rus. ʻmnožica'); historizmi (*nekdaj*): *kočevati* (Pl. kočeváti, -ûjem, vb. impf. ein Nomadenleben führen, nomadisieren, kočujoč, nomadisch, *Cig., Jan., Cig. (T.), C., Raič (Slov.), SlN.*; – *po rus.*; SSKJ: 1. *zlasti v ruskem okolju, nekdaj* nomadsko živeti, biti nomad; 2. *knjiž., redko* zasilno prebivati, taboriti, šotoriti), ščitonosec, (Pl. /…/ 1) der Schildträger, *Cig.*; – 2) der Panzerfisch, *Cig.*; – *rus.*; SSKJ ima samo 1. pomen (*nekdaj* ʻplemičev služabnik, spremljevalec, ki nosi ščit z grbom', 2. ʻriba' nima.

Druge so rabljene v strokovnem jeziku in terminološko označene (11):

juridično: *pravosodje*; fizikalno: *valovanje* (Pl. valovânje, n. die Wellenbewegung, *Cig. (T.), C., Jes.; – stsl., rus.*; SSKJ: 2. fiz. pojav, pri katerem se kaka količina v kraju in času periodično spreminja); jezikoslovno: *pridih* (Pl. pridîh, *m.* der Hauch, der Spiritus (gramm.),

Jan., *Cig. (T.)*; – rus.; glasbeno: *sozvočje* ʻakord', toda SSKJ *knjižno*, SP *neobčevalno*; literarno: *stih*, SSKJ, SP brez oznake, *stihotvorec,* SSKJ lit., SP neobčevalno; meteorološko: *vlagomer*; petrografsko: *zlatonosen* (SP brez oznake); anatomsko: *mozgovina* ʻživčnina'; botanično: *kalina* (Pl. kalína, f. /…/ – 2) der Wasserholunder (viburnum opulus), Št.-C.; (*tudi češ., rus.*); – napačno: die Rainweide (ligustrum vulgare), *Tuš. (R.), Cig., Jan.,* (*po hs.*); SSKJ kalina *bot.* grm s suličastimi listi, belimi cveti v socvetjih in črnimi jagodami, Ligustrum vulgare[1]; zoološko: *beluga,* (SSKJ zool. *zelo velika riba, ki živi zlasti v Črnem in Kaspijskem morju, Huso huso, kambala*[2], *narval* (samorog) (SSKJ *zool.* kit, ki ima en zob podaljšan v obliki roga, Monodon monocerus), Bezlaj: «Izposojeno iz rus. *narvál* ali iz nvn. Narwal, kar je iz dan., šved. narhval, angl. narwahl» (1982: 215).

Skupina prevzetih besed (12) je omejena na knjižno rabo (SSKJ *knjižno*[3], SP *neobčevalno*): npr. *bodriti* (SSKJ: 1. spodbujati), čajka (SSKJ *knjiž.* galeb), *izslediti* le v pomenu ʻ(znanstveno) raziskati' (SSKJ: 3. *knjiž.* ugotoviti, odkriti); *podnos* ʻpladenj', *poprišče* ʻpodročje, dejavnost' (Pl. popríšče, n. die Rennbahn, der Kampfplatz (stadium), Cig. (T.), C.; – das Feld (einer Thätigkeit), nk.; – *stsl., rus.*), *zabavnik (polj., rus.)* (SSKJ: 2. ʻkdor zabava', SP poudarjeno), *zamazka* ʻkit', SSKJ ʻzamaz', *verolomen* (SSKJ ʻki prelomi obljubo, dogovor'), *verolomnost* (SP nima), *verolomstvo* (SP neobčevalno), *zaviseti* v zvezi z *od* ʻbiti odvisen'; živopisen, SSKJ ʻpisan, barvit, // slikovit'. Redke iztočnice so označene ekspresivno (npr. *razjariti* ʻzelo razjeziti, razdražiti', *metež* ʻprevrat').

PREVZETOST ALI PRIMERJAVA POMENA ALI ZVEZE IZ RUŠČINE

Ruski leksem je lahko prevzet samo v določenem pomenu ali podpomenu in opozarja na prevzem ali ujemanje: npr. metež ʻprevrat' (Pl. 2. mętež, m. 1) die Verwirrung, das Gewirre, V.-Cig., Jan., C.; das Gewühl, Šol.; bojni m., nk.; – der Tumult, die Meuterei (*po stsl., rus.*), Cig., C., DZ); *preganjati* ʻprecediti, destilirati' (Pl. 1) durchtreiben (z. B. Erbsen durch den Durchschlag), Cig.; – destillieren, Mur., Cig. (T.); *rus.*); *slovesnost* (Pl. 2) = slovstvo, knjištvo); *starejšinstvo* ʻslužbena doba' (Pl. 3) die Anciennetät, *Cig.*, *Jan.*; *rus.*); *stopati* ʻkorakati' v podpomenu (Pl. marschieren, Jan. (H.); stopaj(te)! vorwärts! marsch! nk.; *po rus.*); *stroka* (Pl. 1) die Reihe /…/ eine Reihe Perlen V-Cig.; *tudi rus.*); *toplica* 2) Treibhaus (*po rus.*) – SSKJ: 3. *zastar.* topla greda, rastlinjak; *uklon*

[1] Wikipedia: viburnum opulus – navadna brogovita, ligustrum vulgare – navadna kalina; Čebelarski terminološki slovar: kalina *neknjižno pogovorno* navadna kalina (lat. Ligustrum vulgare); Snoj: «Enako je hrv., srb. *kàlina*, rus. *kalína*, češ. *kalina*».

[2] Pl. kāmbala, f. die Platteiße (pleuronectes platessa), Cig., Jan.; – rus.; SSKJ kámbala -e ž (â) zool. na morskem dnu živeča ploščata riba, ki ima na koži bradavičaste izrastke, Pleuronectes flesus.

[3] «/k/i se rabi zlasti v leposlovnem ali znanstvenem jeziku, v pogovornem jeziku pa zveni nenavadno» SSKJ, Uvod: XXV).

3) die Abweichung, die Declination (astr., phys.), Cig. (T.); (*hs., rus.*), SSKJ: 2. *fiz.* pojav, da se valovanje v bližini izvirov in ovir ne širi premo; *voščenka* ʻvoščeno slikarsko platnoʼ (Pl. 2. die Wachsleinwand), *zlog* (Pl 3) der Still ʻslogʼ (*po češ., rus.*), 6) die Sylbe (Mur., Cig., Jan., Cig. (T.); (*stsl., rus.*).

Prevzeta ali primerjana je lahko samo določena besedna zveza: npr. držati /…/ d. besedo, das Wort halten (*tudi rus.*); *pregovor* 3) pregovori, Unterhandlungen: *pregovore imeti*, unterhandeln, Cig. (T.); (*rus.*); ʻimeti pogajanjaʼ, *prvorǫ́dən*, -dna, adj. prvorodni greh, die Erbsünde, Cig., Jan.; – *rus., polj.*; *izvoliti* 2) izvolite! belieben sie, Cig., nk.; (*rus.*); *glava* – Adamova g., die Alraunwurz (mandragora), (*iz rus.*), Jan., Glas.; vezljivost glagola *udati se v koga* (Pl. udáti se, -dám se, vb. pf. 1) u. se v koga, jemandem nachgerathen: udal se je v očeta, udala se je v mater, Erj. (Torb.); = u. se po kom, Cig.; (*prim. rus.* **udatь sja vъ matь, vъ otьca**) ʻvreči se po komʼ).

IZRAZNA IN BESEDOTVORNA VARIANTNOST SLOVENSKIH IN/ALI RUSKIH LEKSEMOV

Ponekod se prvotna izrazna podoba ob prevzemu zaradi vpliva jezika dajalca in kasnejša v jeziku prejemniku glasovno ali naglasno razlikujeta: npr. čuvstvo > čustvo (*stsl., rus.*), *kovčeg* > *kovček* (Pl. kovčèg, -ęga, *m.* der Koffer, *C., DZ., nk.*; tudi: kóvčeg, -ęga, *Cv. X. 1.*; *stsl., rus., hs.*; SSKJ *zastar.* kovček, Snoj: «Prevzeto iz hrv. kòvčeg ʻkovčekʼ, rus. kovčég ʻNoetova barka, okovana skrinjaʼ ali stcslovan. kovьčegъ ʻskrinjaʼ»); *vkus* ʻokusʼ (vkûs, *m.* der Geschmack, *Mur., Cig., Jan., Cig. (T.), nk.*; – *stsl., rus.*). Nekateri leksemi se danes razlikujejo v naglasu: Pl. *bołníca* – SSKJ *bólnica* ʻbolnišnicaʼ; *brusníca* (Pl. 2. brusníca, f. die Preiselbeere o. rothe Heidelbeere (vaccinium vitis idaea), Cig., Jan., Tuš. (R.); – *rus., češ.*) – SSKJ *brúsnica.* Drugod pa je ruščina (tudi ob drugih slovanskih jezikih, starocerkveni slovanščini) le zgled za potrditev neokrnjene glasovne variante predpone *iz-* pri glagolih proti v slovenščini navadni *z-/s-*, kar je zapisano na koncu slovarskega sestavka (npr. *izkaziti* (Pl. izkaziti /…/ (nav. skaziti; *toda prim. stsl., rus*. iskaziti; izkažen, Trub.), *izkusiti* (Pl. /…/ (nav. skusiti; toda prim. izkusiti, *Krelj, Dalm., Trub.,* in *stsl., hs., rus.* isk-.); izvrniti Pl. …/; nav. zvrniti; *toda prim. hs.* izvrnuti, *rus.* izvernutь, umstürzen). Fonetična razlika *med* starejšo in mlajšo izposojenko je lahko posledica prevzema iz dveh različnih slovanskih jezikov, npr: *gaslo* ʻgeslo' (Pl. gésląʼ, *n.* = gaslo, *Mur., Cig., Jan., nk.*; – *prim. češ.* heslo.; gásląʼ, *n.* der Wahlspruch, die Parole, *nk.*; – *rus.* (Snoj: «Prevzeto iz češ. *heslo*»). Pri *step* -í, ki je v slovarju po ruščini nadrejena oblika za *stepa -e*, je *i*-jevski sklanjatveni vzorec danes zastarel.

Besedotvorna razlika se kaže na ravni starejšega slovenskega in ujemalnega ruskega ter sodobnega slovenskega leksema: npr. *topnik* (SSKJ topničar) – Pl. topník (der Artillerist) ʻtopničarʼ; topničar = topnik; *topoumje* (samo v Pl. topoûmje, n. der Stumpfsinn, Cig. (T.); – *rus.*) – SSKJ samo *topoumnost*) [1].

RUŠČINA KOT PRIMERJALNI JEZIK V PLETERŠNIKOVEM SLOVARJU

Oznaka *prim. rus.* nastopa v ok. 60 primerih oz. 15% pri ohranjenih in neohranjenih leksemih v sodobnem knjižnem jeziku, spremlja jo prečrkovan zapis ruske ustreznice, ki se glasovno (delno) ujema s slovenskim. Včasih je zapisan v oklepaju še izgovor ali rodilniška sklonska oblika. Večkrat nastopa pri ekspresivnih in tudi nevtralnih knjižnih leksemih: npr. *avša* (Pl. âvša, f. dummer, ungeschickter Mensch, ein Tölpel (psovka); – morda nam. alša, olša; *prim. rus.* **oluhъ**[2], der Tölpel, *slov.* olih, der Pfahl, Maribor, Ptuj-C., C.; Vest. I. 78),

[1] V korpusu Gigafida so za varianto *topoumje* 4 pojavitve, za *topoumnost* pa jih je 93.
[2] Polkrepki tisk je dodala avtorica prispevka.

SSKJ *ekspr.* ʻneumna, nespametna ženskaʼ, SP *slabšalno*; 2. *črkati* /…/ *prim. rus.* čerkatь, kritzeln, SSKJ *ekspr., redko*, SP *poudarjeno redko*); *durak* s prenosom pomena iz lastnosti osebe ʻneumen človekʼ na igro s kartami (Pl. dûrak, m. ein Kartenspiel: duraka igrati; – der in diesem Spiel Verlierende, *C., Št.; – iz hs.*; – *prim. rus., češ.* **durak,** = neumnež[1]; 2. *grb* ʻgrbʼ (Pl. 2. gr̂b, m. das Wappen, Cig., Jan., Cig. (T.), nk.; – *prim. rus.* **gerbъ,** češ. herb, *iz nem.* Erbe, Dan.[2])[3]; *jezištvo* (Pl. jezîštvọ, n. = poganstvo, Jurč. (Tug.); – *prim. rus.* **jazyčestvo**), SSKJ izraza nima; *jeseter* (Pl. jesẽtər, -tra, m. der eigentliche Stör (acipenser sturio), Cig., Jan., Erj. (Ž.); – *prim. rus.* **osetrъ**)[4]. Trije primerjalni izrazi so izpričani tudi v *Slovarju stare knjižne prekmurščine*, v SSKJ in SP je vključen le *blen* s terminološko oznako botanično / rastlinsko ʻčrni zobnikʼ (Pl. blẹ̀n, blẹ́na, *m.* das schwarze Bilsenkraut (hyoscyamus niger), Tuš. (R.); – *prim. češ.* blén, blín, *rus.* **belena**, Bilsenkraut); *birka* ʻovcaʼ (Pl. bîrka, f. = ovca, ogr. -Valj. (Rad), C., Trst. (Let.) /…/ *prim. rus.* **byrka** = ovca), čača ʻigračaʼ (Pl. 2. čáča, f. das Spielzeug, der Kindertand, Guts., Mur., Cig., ogr. -C.; – *prim. češ.* čača, *rus.* ***caca*** *(cjacja)* /…/), kjer je opozorjeno tudi na ruski izgovor.

NEOHRANJENI POTENCIALNI RUSIZMI IZ SLOVENSKO-NEMŠKEGA SLOVARJA

V slovarju je zapisana skoraj polovica rusko označenih iztočnic, ki jih knjižni jezik ne pozna (več) in jih v SSKJ ni. Večinoma so strokovni izrazi različnih področij oz. besedotvorne variante s skupno podstavo v obeh jezikih. Leksemi z oznako rusko, prevzeti ali primerjalni, ki se niso ohranili, poimenujejo npr.: uporaben predmet, pripravo: *bit* ʻtanka žica iz zlata ali srebraʼ, Cig. (T.); *gonka* ʻsplavʼ (Pl. *gonka*, f. das Floß, C., DZ. (*rus.*); pogl. plav.); *gvozd* ʻzagozdaʼ (Pl. *gvǫ̑zd*, m. der Keil, der Nagel, Cig., C., Vrt.; – *stsl., rus.*); umsko, komunikacijsko dejanje: *iziskati* ʻugotoviti, raziskatiʼ (Pl. izískati, -íščem, vb. pf. durchsuchen, Mur.; – erforschen, Cig. (T.); — *stsl., rus.*); *izvestiti* ʻobvestitiʼ. Redko se omejujejo le na en podpomen: číslo /…/ das Datum, Cig. (T.).

Večinoma poimenujejo specialno predmetnost različnih strok, npr.:

zoologija: *bagrenka* ʻškrlatni polžʼ[5], *bajbak* ʻstepski svizecʼ (Pl. bajbák, m. das Steppen-Murmelthier, der Bobak, Cig.), SSKJ *zool.* stepski svizec *svizec, ki živi v vzhodnoevropskih stepah, Marmota bobak*); *dolgonosek* ʻrilčkarʼ (Pl. dołgonǫ̑sək, -ska, m. der Rüsselkäfer (curculio), V.-Cig. – *rus.*); *gornostaj* ʻhermelinʼ (Pl. gornostâj, m. das Hermelin, Jan., C.; – *rus.*); *granoselj* ʻpodlasicaʼ (Pl. das Wiesel, Mariborska ok.-C.; *prim. rus.* **gornostalь, gornostaj**, das Wiesel, C. (Vest. II. 60.)); *hobotnjak* ʻrilčarʼ (Pl. hobotnják, m. hobotnjaki, Rüsselthiere, Cig. (T.); – *prim. rus.* **hobotъ**, der Elephantenrüssel);

botanika: *cmolje* ʻločjeʼ (Pl. die Simse (juncus), z razlago «menda nam. cvolje; *prim. rus.* **stvolъ**, Röhre»; čilibúha (Pl. das Krähenauge (strychnos nux vomica), Tuš. (B.), Levst. (Nauk)); *ilem* = brest (*prim. rus.* **lim**); *imber* ʻingverʼ (Pl. **īmber**, *m.* der Ingwer (zingiber officinale), Cig., Tuš.(R.); – *prim. rus.* **imbirъ, inbirъ**);

ekonomija: *domovodstvo* ʻgospodarstvoʼ (Pl. domovǫ̑dstvọ, n. die Oekonomie, der Wirtschaftsbetrieb, Levst.; Pril.);

---

[1] V SSKJ je izkazan tudi izhodiščni pomen: 1. igra z dvaintridesetimi kartami, pri kateri izgubi tisti igralec, ki mu ostanejo karte, // igralec, ki pri tej igri izgubi, 2. ekspr. omejen, neumen človek.

[2] Daničić, Rječnik hrv. ili srp. jezika (od l. 1880).

[3] Snoj: «Prevzeto prek rus. gérb ʻgrbʼ in polj. herb, stčeš. herb, češ. erb ʻgrbʼ iz srvnem. erbe ʻdedičʼ».

[4] Snoj: «Prevzeto iz drugih slovan. jezikov, cslovan. jesetrъ, češ. jeseter, rus. osëtr, kar se je razvilo iz pslovan. *jesetrъ̆, *osetrъ̆»; Ožegov: «osetr, Vasmer: род. п. -трá, укр. осéтр, ясéтр, болг. есéтър (Младенов 163), сербохорв. jèсетра, чеш., слвц. jesetr, польск. jesiotr, диал. jesiora, словин. jìesøra "рыбья кость"».

[5] Enako izpeljanke iz *bager* ʻškrlatna barvaʼ (označen starinsko): *bagrec* ʻškrlatna barvaʼ, *bagriti* ʻškrlatno barvatiʼ.

matematika: v podpomenu *drobec* ʻulomekʼ (Pl. drǫ́bəc, -bca, m. 1) ein kleines Stückchen oder Theilchen von einem Dinge; – der Bruch (math.), Cig.; *po rus.*);

geologija: *blestnjak* ʻsljudaʼ; *dresva* ʻroženecʼ (Pl. drēsva, f. der Hornstein, h. t. -Cig. (T.), Erj. (Min.)[1]; *plastovanje* (Pl. plastovânje, *n.* die Lagerung (min.), Cig. (T.); – *rus.*);

montanistika: *obval* (Pl. mont. Verbruch); *odmet* (Pl. 2) (*po rus.*) das Trumm, das Gangtrumm (mont.), Cig. (T.)); *poisk* (PL. poîsk, m. die Schürfung (mont.), Cig. (T.); – rus.;

(petro)kemija: *deget* ʻkatranʼ (Pl. dēgət, -gta, m. der Theer, Šol., Cig. (T.), DZ.; – *prim. češ.* dehet, *rus.* **dégotь, -gtja**); *osnova* ʻbazaʼ (Pl. 5) /…/ – (*po rus.*) der Grundstoff, die Base (chem.), Cig. (T.));

meteorologija: *bahorin* ʻvrtinecʼ (Pl. bahorîn, m. der Windwirbel, Jan.; (bohorin, Št.-Cig.); – *prim. rus.* **bahorь = žestokij vihrь**, Dalj);

literarna teorija: *inokaz* (Pl. inokàz, -káza, m. = alegorija, Cig., M.; – hs., rus.); *krasnorečje* ʻgovorništvoʼ;

muzikologija: *enostrunka* (Pl. enostrûnka, *f.* das Monochord, Cig. (T.); – *po rus.*) idr.

Termini različnih strok (poleg zgoraj omenjenih še gradbeništva, geografije, medicine, pedagogike idr.) so pogosto vzeti iz Cigaletove *Znanstvene terminologije za srednja učilišča* (1880): npr. *izvetreti* v 2. pomenu ʻsprhnetiʼ, *kaban*, der Stock (min.), *kamenolomnja* = kamenolomnica ʻkamnolomʼ, *kostoslovje* (Osteologie), *medstolpje* (die Säulenweite), *nagleden* = nazoren /…/ *nagledno učenje* (Anschauungsunterricht), *oprovreči* (widerlegen) ʻovrečiʼ, *prepiska* (die Correspondenz), *plavek* = topek, raztopen (schmelzbar), *podstolpje* (der Säulenfuß), *sredostolpje* (der Säulenschaft), *preriv* ʻpredrtjeʼ, *potrebovavec* (der Consument) (*tudi rus.*), *provala* ʻrazpokaʼ (reke skozi gorovje), *poprečnik* ʻpremerʼ, *samoistina* (Axiom) ʻtemeljna resnica, načeloʼ, *stihotvorstvo* (Verskunst)); Tuškove botanike, Freyerjeve favne (npr. *kurnprat* ʻjerebicaʼ («kornbrat, die große Waldschnepfe [scolopax rusticola], *Frey. [F.], Guts.*); – prim. rus. **kuropatь,** das Rebhuhn (?)»), Erjavčeve Somatologije, iz slovarskih virov, Cafove, Miklošičeve ali Zalokarjeve zbirke ali Državnega zakonika.

Od ohranjenih slovenskih leksemov se razlikujejo posamezne le glasovno (npr. *sliz* ʻsluzʼ (der Schleim); *sovet* = svet; Pl. sovȅt, -vẹ́ta, *m.* = svet, der Rath, *Mur.*, *Cig.*, *Jan.*) ali besedotvorno, s skupno podstavo in različno predpono (npr. *iznežiti* ʻraznežitiʼ, *obrezčastiti* ʻonečastitiʼ, *udvojiti* ʻpodvojitiʼ, *usredotočiti* ʻosredotočitiʼ) ali pripono (čitek ʻberljivʼ (Pl. čítək, -tka, adj. = čitalen, lesbar, Cig. (T.), DZ.; – rus.); *izdatelj* ʻizdajateljʼ, *jadrilo* 2) = 1. jadrnik, *posredstven* (mittelbar), *posredstvo* (die Vermittelung), *planetnik* ʻplanetarijʼ (Cig. (T.)), *potomek* ʻpotomecʼ, *sožalenje* ʻsožaljeʼ (das Beileid), *smokovnica* = smokva (drevo) (Cig.), *sfinks* = sfinga (Cig., Janežič; «tudi rus. tako»), *sredozemen* ʻsredozemskiʼ (Pl. sredozemski = sredozemen, Janežič (Hubad)) ali dvema morfemoma (*poredek* ʻredʼ; die Ordnung).

Nekatere ruske izposojenke se niso uveljavile, ker je obstajala domača vzporednica ali podstava, iz katere se je lahko tvorila: npr. *probka* ʻzamašekʼ, *suhár* ʻprepečenecʼ; *tolkovati* ʻrazlagatiʼ. Za kemijske izraze so danes v rabi mednarodni latinski oz. sprejeti posredno prek romanskih jezikov (npr. *surma* ʻantimon, Sbʼ, *surik* ʻminijʼ)[2]. Redki neohranjeni izrazi so bili izkazani v narečnem gradivu (npr. rezijansko *krek* ʻkavelj, kljukaʼ po Cafu in Baudouinu de Courtenayju; Pl. 1. krek, m. der Haken, Rez.-C., Baud.; – *prim. rus.* **krjukъ**, Haken)[3].

[1] Geološki terminološki slovar (www.fran.si): zastarelo ʻroženecʼ.

[2] Minij je po Snoju prevzet iz italijanščine *minio*, kar se je razvilo iz latinščine *(minium* ʻcinoberʼ).

[3] Prim. tudi Bezlaj 1982: 87–88.

ZAKLJUČEK

V začetku 19. stol. prevzeti rusizmi, ki sta jih uvajala v svoja slovarja V. Vodnik in A. Murko (in so se po ugotovitvah A. Lägreid tretjinsko oz. polovično ohranili v slovenskem knjižnem jeziku, od teh pa večina tudi v začetku 21. stoletja), v drugi polovici 19. stoletja pa vnesli slovaropisci A. Janežič, M. Cigale in M. Pleteršnik, so bili večinoma sprejeti preko dvojezičnih nemško-ruskih in rusko-nemških slovarjev, zlasti I.A. Heyma (1795; 1800), J.A.E. Schmidta (1844), enojezičnega slovarja V.I. Dalja (1880) in iz del J. Dobrovskega: *Die Bildsamkeit der Slavischen Sprache* (1799), *Lehrgebäude der böhmischen Sprache, Institutiones linguae bohemicae* (1822), *Deutsch-böhmisches Wörterbuch* (1821) (po A. Breznik 1929: 4, 10 idr.). V obeh kolektivnih slovarjih druge polovice 19. stol. so bili slovanski leksemi vir prevzemanja ali zgolj medjezikovne primerjave iz posameznih jezikov (v obeh slovarjih označeni npr. *russ.* oz. *rus.*) ali iz več slovanskih jezikov, s pogosto kombinacijo z južno- ali zahodnoslovanskimi jeziki. Mnogi prevzeti leksemi iz ruščine so starocerkvenoslovanskega izvora (v Pl. je z *rus.* in *stsl.* označenih le 12%.) Sprejeti so bili s posredništvom hrvaščine oz. srbščine (v Pl. označenih je 4,7%) ali so skupni ruščini in češčini (6,5 %), redkeje poljščini (1,2%) oz. splošno po drugih slovanskih jezikih. Izjemoma je ruščina le posrednik tujih ((ne)evropskih) izrazov ali so Pl. rusizmi po novejših etimoloških dognanjih pripisani drugemu slovanskemu (večkrat češčini), redko neslovanskemu jeziku. Ok. 15% rusko označenih slovarskih sestavkov ima zgolj primerjalnojezikovno vlogo, potrjeno v etimoloških virih (npr. F. Miklošič, *Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti*, 1850; *Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen*, 1886).

Večina Vodnikovih in Murkovih ohranjenih rusizmov je zapisanih v Pl.[1], a so redkeje opredeljeni rusko, temveč starocerkvenoslovansko, hrvaškosrbsko, po drugih slovanskih jezikih ali brez izvornih oznak le z *novoknjižno*); mnogi so označeni z mlajšimi viri (*Janežič, Cigale* in njegova *Znanstvena terminologija, Caf, Državni zakonik,* publicistika).

Rusizmi so zapolnili poimenovalno vrzel, nekateri so dodali nov pomen ali podpomen, izrazili pomenske odtenke, posamični so značilni za ruski prostor (internacionalizmi) ali pa so le besedotvorne izposojenke s skupno podstavo, produktivnejše od domačih tvorjenk. V Pl. so pogosto označeni kot novoknjižni (npr. *blagoglasen, bodriti, bujen, činovnik, inozem-ec/-ski/-stvo, istoroden* idr.). Deloma so se uveljavili v knjižni slovenščini ali pa so časovno, knjižno, ekspresivno zaznamovani ali zamejeni na terminološko leksiko. Nepotrebne prevzete besede, ki so imele slovenske vzporednice, so bile v sto letih izločene iz knjižnega besedišča ali pa so se ustalile. Številni prevzeti termini (zlasti po Cigaletu) so bili zamenjani z mednarodnimi, s tvorjenkami iz domačih podstav ali prevzeti iz drugih slovanskih jezikov.

LITERATURA IN VIRI

Bajec, A. Rast slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1951. 56 str.

Bajec, A. Slovanske izposojenke // Jezik in slovstvo. 1956/57, II. 145–151.

Bajec, A. O purizmu in puristih // Jezik in slovstvo. 1960, V. 129–134.

Bezlaj F. Slovanske izposojenke v slovenščini // Jezikovni pogovori. Ljubljana, 1965. 190–195.

Bezlaj, F. Razmerja med slovensko in slovansko leksiko // Jezik in slovstvo. 1971–72, XVII. 101–107.

[1] Kljub 560 vnosom z Vodnikom kot virom označenih iztočnic, pomenov in zvez med njimi ni po A. Lägreid ohranjenih 30 Vodnikovih rusizmov.

Bezlaj, F. Etimološki slovar slovenskega jezika. I–V. Ljubljana, 1975, 1982, 1995, 2005, 2007.

Breznik, A. O tujkah in izposojenkah // Dom in svet. 1906, 19. № 3. URN:NBN:SI:DOC-RP1WJICP from www.dlib.si

Breznik, A. Slovanske besede v slovenščini // Čas 1909. III, № 6, 7–8. 268–280, 315–348.

Breznik, A. Dobrovskega vpliv na slovenski pismeni jezik // Josef Dobrovský 1753–1829, Sborník statí k stému výročí smrti Josefa Dobrovského. V Praze, 1929. 1–22.

Breznik, A. Iz zgodovine novejših slovenskih slovarjev // Časopis za zgodovino in narodopisje. 1938, XXXIII, № 1. 17–32, 2, 87–98, 3–4, 147–167.

Breznik A. Življenje besed. Maribor, 1967. 123–131, 132–186.

Cigale, M. Znanstvena terminologija s posebnim ozirom na srednja učilišča. Ljubljana, 1880. 171 str.

Cigale, M., Wolf, . A., Blaznik, J. Deutsch-slovenisches Wörterbuch. Laibach, 1860. *www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-PKL1Z02C*

Čurkina, I.V. Rusko-slovenski kulturni stiki: od konca 18. stoletja do leta 1914. Ljubljana, 1995. Prev. Sever, J. 286 str.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / Dal V. Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language. www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary

Fran, slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. Različica 4.0. 19. 10. 2016. www.fran.si

Heym, I. A. Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Wörterbuch. Riga, 1801.

Jakopin, F. O deležu ruskih elementov v razvoju slovenskega knjižnega jezika // Slavistična revija. 1968, № 1. 65–90.

Jakopin, F. K vprašanju ruskih jezikovnih prvin v slovenščini // 15. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1979. 45–63.

Jakopin, F. Slovanske izposojenke v slovenskem knjižnem jeziku (v 19. stoletju in danes) // Slovenski jezik v stiku s slovanskimi in neslovanskimi jeziki in književnostmi. Ljubljana, 1992. 86–98.

Jakopin, F. Slovensko knjižno besedišče v stiku z drugimi slovanskimi jeziki // 32. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1996. 27–35.

Jezikovni viri starejše slovenščine imp. nl.ijs.si/imp/

Lägreid, A. Die russischen Lehnwörter im Slovenischen. München, 1973. 134 str.

Murko, A. Deutsch-Slowenisches und Slowenisch-Deutsches Handwörterbuch (*Slovensko-nemški in Nemško-slovenski ročni besednik*). Graz, 1833. URN:NBN:SI:DOC-T28EEL0U from www.dlib.si

Orel Pogačnik, I. Slovansko besedje v Nemško-slovenskem slovarju iz leta 1860 // 32. seminar slovenskega jezika, literature in kulture, zbornik predavanj. Ljubljana, 1996. 37–51.

Ostromęcka Frączak, B. Historia leksykografii Słoweńskiej. Łódż, 2007. 173 str.

Pleteršnik, M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana 1894–95. www. fran.si

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary

Schmidt, J.A.E. Vollständiges Russisch-Deutsches und Deutsch-Russisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen / Polnyj russko-nemeckij i nemecko-russkij slovar‘ dlja upotreblenija oboih “narodov”. Leipzig, 1844 (2. gänzlich umgearbeitete Stereotyp-Ausg.).

Snoj, M. Slovenski etimološki slovar. www.fran.si

Toporišič, J, Gjurin, V. Slovenska zvrstna besedila. Ljubljana, 1981.

Vodnik, V. Slovensek Besednjak / Slowenisches Wörterbuch. Ljubljana, 1806/1817.

Ulčnik, N. Vzhodnoslovensko-osrednjeslovenska in slovensko-slovanska jezikovna stičnost // Slovenski jezik v stiku evropskega podonavskega in alpskega prostora. Maribor, 1981. 81–128.

www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-2A1G5ITD

Сведения об авторе:
Irena Orel,
Red. prof. dr.
Oddelek za slovenistiko
Filozofska fakulteta
Univerze v Ljubljani

Ирена Орел,
докт. филол. наук
профессор
отделение словенистики
факультет искусств
Университет в Любляне (Словения)

Irena Orel,
Doctor of Philology
Professor
Department of Slovenian Studies
Faculty of Arts of the University in Ljubljana (Slovenia)
irena.orel@ff.uni-lj.si

RUSSIAN LEXEMES IN SLOVENE LEXICOGRAPHY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

РУССКИЕ ЛЕКСЕМЫ В СЛОВЕНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-130-134

Ж.В. Перковская

«Борьба за жизнь»: словенский язык в зарубежной историко-культурной среде и «врастание в язык» (по произведениям Мирослава Кошуты и Марко Кравоса и роману Лойзе Ковачича «Детские пожитки)

Аннотация: Автор анализирует произведения писателей-триестинцев, пишущих на словенском языке, – «Моряк на козе» Мирослава Кошуты и «Нескучные времена: Триест глазами лягушонка» Марко Кравоса, демонстрируя, как принадлежность к двум культурам отражается на образе мышления писателя, на работе тех «механизмов» в его сознании и подсознании, которые управляют речью. Мемуары «Детские пожитки» словенского автора Лойзе Ковачича, детские годы проведшего в Швейцарии, позволяют увидеть сам процесс «врастания в язык». Автор отмечает, что обращение к народной традиции становится для авторов способом сохранения принадлежности к родному языку: отсылки к народному песенному творчеству характерны для всех авторов, на материале текстов которых построен доклад.

Ключевые слова: словенский язык в зарубежной историко-культурной среде, Триест, Мирослав Кошута, Марко Кравос, Лойзе Ковачич, народная традиция

Abstract: Slovenians have long been denied the opportunity to use their own language freely. In the Province of Trieste, which is densely populated by Slovenes, although they are a minority, fighting for this right has been a particular challenge. This is narrated in the books of two Slovene-writing authors from Trieste Miroslav Košuta “A Sailor on the Goat” and Marko Kravos “The Time which was not Dull: Trieste from the Perspective of a Little Frog”. A person belonging to the two cultures has a peculiar way of thinking, his own conscious and subconscious mechanisms of speech-creating. The Slovenian author Lojze Kovačič who came to Slovenia from Switzerland in his early childhood, is reflecting on the process of his “growing in the language” in his book “Childish Things». All the authors refer to folk songs: folk tradition becomes a sort of weapon and instrument which helps to keep commitment of the native language.

Key words: the Slovenian language in foreign historical-cultural environment, Trieste, M. Košuta, M. Kravos, L. Kovačič, folk tradition

«Теперь уж не припомнить – выбирал ли я планету, на которой родиться […]. И все же случилось так, что я, едва родившись, оказался в самом средоточии мира сего, да что там мира: местом, где я появился на свет, был – ни много ни мало – сам пуп Вселенной» (Košuta 2016: 5).

Так начинается книга воспоминаний «Моряк на козе» (Košuta 2016). Автор Мирослав Кошута – словенский поэт и писатель, проживающий в окрестностях итальянского города Триест неподалеку от границы Словении. Почему моряк – и вдруг на козе? Это заголовок-символ: в нем открытость всему миру уживается с замкнутым пространством подворья. Само слово «граница» в словенском языке – однокоренное русскому «межа». И действительно, есть на земле места, где трудно понять, межа или граница разделяет нации. Триест именно такая территория: город побывал в составе Империи Древнего Рима, был захвачен Венецианской Республикой, присягал на верность Габсбургской монархии, затем, по итогам Первой мировой войны, отошел к Италии, в период Второй мировой войны подвергся немецкой оккупации, по окончании войны управлялся англо-американскими военными властями, под контролем которых в 1947–1954 гг. именовался Свободной территорией Триеста, после чего был окончательно передан Италии.

На этой земле издревле проживали словенцы, но пользоваться свободно родным языком им не всегда удавалось: были времена, когда словенца могли лишить даже имени, которым его нарекли в семье.

Именно такой эпизод описывает Мирослав Кошута в своей книге «Моряк на козе»:

«Я родился в четырнадцатый год фашистской эры. Это наложило глубокий отпечаток на всю мою жизнь: чуждая мне фамилия, навязанное имя и – любовь к родному языку, отвращение к черным рубашкам и фасциям – изображению пучка прутьев, перевязанных бечевой, с воткнутым в них топором.
Год 1936 мы должны были указывать как “Anno XIV. dell’Era Fascista”, читалось это так “anno kvatro dičežimo delera fašista”».

О своем «втором крещении» в первом классе поэт упоминает в следующих строках:

«Занятия начались на непонятном мне языке: то, что это был итальянский, мне было худо-бедно известно, но вот о чем на нем говорят – ума не приложить».

В этом эпизоде учительница, постепенно повышая голос, трижды называет имя: Коссута Анджело. Мальчик не реагирует – ему невдомек, что это вызывают его. И тогда учительница направляется к нему, поднимает его из-за парты за ухо и влепляет пощечину. «Так я узнал свое официальное имя. Долго еще меня жгла та пощечина».

После свержения диктатора Муссолини, а тем более с окончанием войны школа стала иной. Автор вспоминает о своих учителях, с которыми он встретился уже в средней школе. Один из них с воодушевлением рассказывает классу о Каринтии. «Мы любили слушать его истории, но словенство воспринимали как нечто такое, чего никогда не было на самом деле».

Мирослав Кошута родился в 1936 г., и на его долю достались более суровые испытания, связанные с диктатурой Муссолини и военным временем, в то время как его собрат по перу и земляк Марко Кравос, родившийся в 1943 г., т. е. на семь лет позже, застал уже менее жесткую и все-таки далеко не идеальную ситуацию: новые исторические перипетии создали новые препятствия к свободному функционированию словенского языка на итальянских территориях, где компактно проживали

словенцы. Об этом Кравос пишет в новелле «Господична Амалия», вошедшей в его книгу «Нескучные времена: Триест глазами лягушонка» (Kravos 1999):

> «Те из нас, кто поступает в *“тальянские”* школы и отказывается от родного языка, – предатели. Итальянские школы – *“дерьмовые”*, суровым голосом объясняет нам, второклассникам, господична Амалия. В то же самое время какие-то люди – откуда мне знать, что это сторонники Коминформбюро? – упорно называют словенские школы тито-фашистскими. Тот, кто их посещает, – националист. Так вроде бы сказал Сталин. И треть нашего класса родители переводят в итальянскую школу. […]
> Я верю господичне Амалии, хотя понимаю далеко не все. Не так уж они и виноваты, эти предатели. Отец моего одноклассника Руди, железнодорожник, лишился бы работы, если бы его сын продолжал ходить в нашу школу и не переименовался в Родольфо. […]
> Что ж, все, что говорит учительница, нужно воспринимать сердцем. Но язык – он-то ведь не может быть *дерьмовым*! Кто-то из окрестных детей говорит на триестинском наречии – ничего не поделаешь, итальянский квартал […]. Если бы я и в самом деле согласился с тем, что они *дерьмовые*, – как бы я с ними играл? Наши итальянцы – хорошие. А противные, чернявые итальяшки – они водятся только внизу, в Старом городе, где народ ужасно испорчен.
> Иногда, правда, они возникают и у нас […]. Сестру Аленку один такой ударил по лицу, когда она ехала на трамвае в школу […]. Только за то, что она громко разговаривала по-словенски» (Kravos 1999: 155–160).

Однако, как ни старается порой история подмять национальную самобытность людей, волею судьбы оказавшихся «на меже», она пасует перед поэтами. Ныне оба автора популярны и в Италии, и в Словении. Их произведения читают по обе стороны «межи», они удостоены высоких государственных наград – как в Словении, так и в Италии.

И все же принадлежность к двум культурам не может не отразиться на образе мышления, на тех механизмах сознания и подсознания, которые управляют речью. Об этом с юмором и некоторой опаской пишет Мирослав Кошута:

Завтрашнее утро в Триесте

Однажды проснусь и скажу невзначай:
– Buongiorno[1], Кошута! Kome stai[2]?
– Неплохо, – отвечу, – с утра как будто здоров.
Потом встрепенусь – показалось мне это?
А ну-ка, еще раз: che cosa hai detto[3]?
E perche[4] для «почему» не хватает мне слов?

Бродить по земле родной я пока не устал
Ищу-свищу, но чего? Я не знаю и сам.
Чужое наречие дом обрело в гортани,
и я понимаю: уж скоро тот день настанет,
когда во мне пробудятся сразу два «эго».
Ma cosa vuoi – cosie la vita! Prego[5]!

(Košuta 2011: 53).

В настоящем докладе нам представляется возможным проиллюстрировать проблему языковой самоидентификации еще одним текстом, теперь уже автора, который, по его собственному признанию, долго не мог определиться, какой язык для

[1] Добрый день (итал.)
[2] Как дела? (итал.)
[3] Что вы сказали? (итал.)
[4] И почему (итал.)
[5] Но куда денешься – это жизнь. Вот! (итал.)

него роднее – немецкий или словенский. Это Лойзе Ковачич (1928–2004). Его отец, словенец, отправился в Швейцарию, чтобы овладеть портняжным и скорняжным ремеслом. Там он создал семью – его жена была французско-немецких корней, у супругов родился сын Лойзе, однако в 1938 г. семья была вынуждена перебраться к словенским родственникам в деревню Цегелница, поскольку в то время из Швейцарии выдворяли всех, у кого не было швейцарского гражданства. Этот переломный момент своей жизни писатель представляет в своей книге «Otroške stvari» (заглавие переведено нами как «Детские пожитки», хотя словенское слово «stvari» многозначно: оно может быть переведено как «дела», «вещи» и т. п., выбор слова «пожитки» связан с желанием подчеркнуть заложенное в нем значение достояния, имущества, – это как бы груз, прихваченный автором из детства).

Лойзе Ковачич попадает в Словению без знания словенского языка. Он усваивает его в процессе общения с родней, а звучащие в его окружении народные песни позволяют ему вжиться в язык, найти свое место в мире людей, с которыми он теперь соседствует (здесь следует заметить, что отсылки к народному песенному творчеству присутствуют и у триестинских авторов: словенская песня становится своего рода оружием и орудием сохранения приверженности родному языку). Лойзе Ковачич осмысляет процесс своего «врастания в язык», уже будучи в преклонных годах, это образное, страстное описание единства и борьбы противоположностей, которым нам хотелось бы завершить этот обзор:

> «Мне нисколько не верилось в то, что я смогу думать, чувствовать, говорить и даже писать на словенском языке, для меня это было все равно, как если бы я после бурных ночных грез вдруг проснулся ангелом» (Kovačič 2014: 261).

И далее:

> «Словенский и немецкий языки в то время, в 1938 году, сплелись в смертельном объятии обоюдной ненависти – и это мог подтвердить кто угодно, от философа до последнего люмпена. Любой язык сидит в человеке с момента зачатия, это его дом. А что если кров делят два столь враждебных постояльца? Они то и дело – по любому поводу, будь то история, политика, национальные традиции, чувства – грызутся меж собой. И пуще всего – в моменты, когда оба представляют себе одно и то же, – о, тогда они сокрушают друг друга с мощью железного ядра, сносящего лачугу… Пятнадцать лет спустя, когда я уже уехал из Цегелницы, стали говорить о том, что это не только мы звучим на языке, но еще и язык озвучивает нас. Мы слышим его еще в материнской утробе, открываем для себя его музыку, строй, законы. Всегда находились одиночки, которые стремились выйти за пределы языка, выражавшего их традиционным способом, чтобы озвучить “свое, иное, новое” и открыть в себе истоки собственного языка. Кому-то это удалось, иные канули в Лету… Я и сам на своем двуличном языке, полном ошибок и пороков, преднамеренно или невольно пытался выразить свое “иное”. Я наводил меж языками мостки, когда отказывали все знаки равенства; я нарушал каноны обоих языков и пробовал при помощи некоего третейского синтаксиса примирить и определить смешанные воедино агрегатные состояния – так, как я ощущал их и видел в своей голове. Я вел себя, как подопытный хомячок, волонтер, помещенный меж духовными барьерами обеих традиций. Легче мне от этого не стало. И лишь теперь, вдруг, когда я уже в годах, донельзя скрупулезный родной материнский язык мне оказался ближе, нежели наищепетильнейший родной отцовский. Было бы комфортнее духу, если бы возобладал первый язык? Будучи избавлен от причуд другого языка, смог бы я вольной пташкой распевать о своих экзистенциальных проблемах и бытовых заботах? Увы, теперь переоблачаться поздно, да и никогда бы мне не удалось выйти из состояния раздвоенности. Я очутился бы в пустоте, и пришлось бы юркнуть обратно в чешуйку, из которой проклюнулся: лови ее, пока не унесло течением вместе с ветвью, пока она не затерялась среди потоков, несущихся с гор, а то будешь потом скорбеть, метаться, пенять на себя за то, что гол остался. Я задаю себе вопрос – если бы я пользовался своим

первым языком, – стало бы в нем больше лирики и грусти, характерных для отцовского духа, подобно тому, как в другом языке на поверхности оказалась мамина склонность к осязаемости и рефлексии? Этого мне не узнать никогда» [...] (Kovačič 2014: 261–262).

Таким образом, материал, на примере которого нами рассматривалась специфика статуса словенского языка в иноязычной историко-культурной среде, позволяет сделать вывод о том, что национальный (словенский) язык для его носителей, компактно проживавших (и проживающих) за пределами Словении, не только средство общения, но и фактор формирования национального самосознания, прежде всего в обстоятельствах, этому не благоприятствующих; ситуация, в которой развивался и применялся родной язык, стала предметом глубочайшего ее осмысления представителями современной культурно-литературной элиты Словении, а также является объединяющим идеологическим и культурным фактором для всех словенцев, проживающих за пределами своей исторической родины.

ЛИТЕРАТУРА

Košuta M. Drevo življenja. Trst, 2011. 188 s.

Košuta M. Mornar na kozi. Ljubljana, 2016. 259 s.

Kravos M. Kratki časi: Trst iz žabje perspektive. Ljubljana, 1999. 290 s.

Kovačič L. Otroške stvari. Ljubljana, 2014. 351 s.

Сведения об авторе:
Жанна Владимировна Перковская,
переводчик
фриланс
Москва

Zhanna V. Perkovskaya,
Translator
Freelance
Moscow
perkovskaja@gmail.com

THE SLOVENIAN LANGUAGE IN THE FOREIGN HISTORICAL AND CULTURAL ENVIRONMENT AND 'PLUGGING INTO THE LANGUAGE' (BASED ON THE LITERARY PIECES OF MIROSLAV KOŠUTA AND MARKO KRAVOS AND THE NOVEL BY LOJZE KOVAČIČ "CHILDISH THINGS")

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-135-142

Mojca Nidorfer Šiškovič

Slovenistike na tujih univerzah v mreži aktualnih izzivov

Povzetek: Na univerzah po svetu deluje 57 slovenistik, ki jih podpira program Slovenščina na tujih univerzah z usposobljenimi učitelji, učnimi gradivi, skupnimi projekti, hkrati pa s spremljanjem razmer in prilagajanjem delovanja progama in podpore. Program Slovenščina na tujih univerzah z dejavnostmi, organiziranostjo ter načinom dela podpira kakovosten študij slovenščine na tujih univerzah, spodbuja raziskovalno delo na področju slovenistike in meddisciplinarnost, obenem pa predstavlja slovenski jezik, književnost in kulturo v svetu ter krepi meduniverzitetno sodelovanje, mobilnost učiteljev in študentov.

Na program slovenistik vplivajo notranji dejavniki, kot so razvitost strokovnega področja slovenščine kot tujega jezika, organiziranost programa in usposobljenost ter povezanost učiteljev s finančno podporo programu, pa tudi zunanji, družbeni dejavniki in spremembe na univerzitetnem trgu, ki so posledica širših družbenih sprememb. Lektorji, ki odhajajo na tuje univerze, so na eni strani zavezani študijskim programom tujih univerz, vpetosti slovenistike v študijski program, hkrati pa kadrovski pokritosti slovenistike na določeni univerzi ter učnim gradivom, ki so na voljo. V prispevku bo predstavljena mreža slovenistik in njeno delovanje v okviru programa Slovenščina na tujih univerzah v zadnjih 25 letih ter izzivi, s katerimi se srečuje.

*Ključne besed*e: slovenščina, slovenistika, univerza, študij, lektorat, učitelji, lektorji

Abstract: Slovene lectureships and degree studies organized at 57 foreign universities are supported by the programme 'Slovene at Foreign Universities' with professional teachers, teaching materials, coordination of the projects, and also with monitoring the changes and adapting the programme and its support. The programme with its activities, organisation and practice provides support for the advancement of the Slovene studies, research in the field of Slovene studies and interdisciplinary studies, and at the same time it promotes the Slovene language, literature and culture around the world, strengthens the cooperation among universities, and teachers' and students' mobility.

There is a number of internal factors that have a significant impact on the programme, namely the development of the field of Slovene as a foreign language, organisation of the programme, teachers' education and training, their network, and the financial support of the programme. External factors present social conditions and changes at university markets that are the results of broader changes in the society. Teachers that go abroad to teach Slovene at foreign universities, are on the one hand obliged to work in accordance

to the established study programmes at foreign universities, status of the Slovene studies (degree study, compulsory or optional courses), and on the other hand they work closely with the academic staff, and literature available. The article will present the network of Slovene lectureships at foreign universities and its development during the last 25 years, and also the challenges it meets.

Key words: Slovene, Slovene lectureship, university, degree study, lectorate, teachers, lectors

1. UVOD

Slovenistike na tujih univerzah povezuje program Slovenščina na tujih univerzah, ki je eden od (osmih) programov Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik, delujočega v okviru Oddelka za slovenistiko Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani. V Pravilniku programa (2014, 2016[2]: 1–2) je zapisano, da je «Program namenjen skrbi za organizacijo in delovanje lektoratov ter študijev slovenistike na univerzah po svetu, vzpostavljanju in vzdrževanju stikov z učitelji in univerzami v tujini s slovenističnimi študijskimi programi, stalnemu izobraževanju učiteljev, zagotavljanju delovnih pogojev, ki učiteljem na delu v tujini omogočajo strokovno delo, ter pripravi ustreznih učnih gradiv. Celovita podpora, ki jo zagotavlja program, ima za cilj kakovostni študij slovenščine ter promocijo slovenske kulture, jezika in literature po svetu». Dejavnosti in pomen programa so priznani na nacionalni ravni, saj ga v okviru Univerze v Ljubljani financira Ministrstvo za izobraževanje, znanost in šport. Poleg podpore slovenistikam s slovenske strani na ustanavljanje, delovanje in razvoj slovenistik pomembno vplivajo tudi razmere na tujih univerzah, splošne družbene razmere in reforme univerzitetnega trga. Glede na vpetost slovenistik v tuje okolje je ključnega pomena podpora oddelkov in univerz gostiteljic ter učiteljev, ki so nosilci predmetov v okviru študijskih programov. Pri proučitvi ključnih dejavnikov vpliva se bomo osredotočili na obdobje po uveljavitvi slovenščine kot državnega jezika Republike Slovenije leta 1991.

2 PREGLED SLOVENISTIK PO GEOGRAFSKI RAZPOREDITVI IN STATUSU V ŠTUDIJSKIH PROGRAMIH

Slovenistike so v študijskem letu 2015/2016 delovale na 57 univerzah po svetu, od tega večina – 50, v Evropi. Porazdelitev je posledica geografske lege Slovenije, vpetosti slovenščine kot enega uradnih jezikov v Evropsko unijo ter jezikovnih in zgodovinskih povezav z državami, v katerih so državni jeziki južnoslovanski, zahodnoslovanski in vzhodnoslovanski jeziki. Slovenistika je pogosteje kot drugod umeščena v študijske programe na univerzah v sosednjih državah ter v slovansko govorečih državah – v slednjih potekajo na 22 univerzah, v vseh drugih, neslovansko govorečih državah pa na 35 univerzah. Izven Evrope je na tujih univerzah še sedem slovenistik, in sicer dve v Aziji (v Tokiu in Pekingu), tri v Severni Ameriki (v Clevelandu, Seattlu in Kansasu) in dve v Južni Ameriki (v Buenos Airesu in La Plati).

Slovenistika se kot samostojni študij ali študijska smer v okviru drugih študijev na dodiplomski ali podiplomski ravni (magistrski in/ali doktorski študij) izvaja na 26 univerzah v Evropi, in sicer na več kot eni univerzi v sosednjih državah Slovenije – Italiji (v Trstu, Vidmu, Padovi, Rimu in Neaplju), Avstriji (na Dunaju, v Celovcu in Gradcu) in na Madžarskem (v Budimpešti in Sombotelu), poleg teh pa še na Češkem (v Pragi, Brnu in Pardubicah), Poljskem (v Lodžu, Varšavi in Katovicah), v Rusiji (v Moskvi)

in v Ukrajini (v Kijevu in Lvovu) (Letno poročilo 2015: 23–25). Diplomski oziroma podiplomski študij slovenščine se ne izvajata na nobeni od izvenevropskih univerz, slovenščina se na teh univerzah poučuje kot obvezni ali neobvezni izbirni predmet, kljub temu pa študenti lahko slovenistične teme vključujejo v svoja diplomska, magistrska in doktorska dela. Pogosto je izbira teme zaključnega dela motiv za vpis na lektorat slovenščine, saj znanje jezika študentu omogoča spoznati in študirati izvirno strokovno literaturo in vire.

2.1. Slovenistike v Ruski federaciji

V Ruski federaciji delujejo tri slovenistike, med njimi sta slovenistiki na državnih univerzah v Sankt Peterburgu in Permu organizirani na ravni lektorata, na Filološki fakulteti Moskovske državne univerze pa na ravni diplomskega in podiplomskega študija ter lektorata. Nosilka študija slovenščine je docentka dr. Olga Sergejevna Plotnikova, jezikoslovka, ki poučuje slovenščino od leta 1970 in je v 45 letih, kar obstaja specializacija za slovenščino, izobrazila številne sloveniste, med njimi tudi veliko doktorjev znanosti (Arhiv programa STU). Nekateri med njimi, zlasti dr. Nadežda N. Starikova, ki dela na Katedri za slavistiko Filološke fakultete MGU in Inštitutu za slavistiko Ruske akademije znanosti, in dr. Julia A. Sozina, ki dela na Inštitutu za slavistiko Ruske akademije znanosti in v Vseruski državni knjižnici za tuje književnosti M.I. Rudomina, z raziskovalnim delom, z nastopi na konferencah, s številnimi knjižnimi objavami ter prevodi slovenske književnosti, pedagoškim ter mentorskim delom skrbijo za stalen znanstveni razvoj slovenistike. Na ta način krepijo medkulturne povezave med Slovenijo in Rusijo ter študente na visoki strokovni ravni usposabljajo za delo na področju prevajanja. Pri zadnjem igra vidno vlogo od leta 2012 *Slovenski prevajalski seminar*, ki je vsako leto organiziran izmenično v Moskvi in Ljubljani, vodi pa ga dr. Julia Sozina, v sodelovanju več institucij iz obeh držav, v Moskvi pod okriljem Vseruske državne knjižnice za tuje književnosti M.I. Rudomina, kjer je vodja Centra za slovanske kulture, v Ljubljani pa Univerze v Ljubljani, Filozofske fakultete, ter s finančno podporo Javne agencije Republike Slovenije za knjigo. Na seminarju vsako leto sodelujejo uveljavljeni prevajalci in strokovnjaki s področja prevajanja, slovenskega jezikoslovja ter književnosti in študenti, ki z udeležbo na seminarju pod mentorstvom pridobivajo prevajalske izkušnje.

Dodiplomski študij slovenščine na Filološki fakulteti Moskovske državne univerze poteka v zadnjih desetih letih v precej omejenem obsegu od tri do pet vpisanih študentov v posamezni generaciji (Arhiv programa STU), v preteklosti je bilo v posamezni generaciji od pet do osem študentov (Zalokar 1999: 81). Potrebe trga so sicer zaradi okrepljenega sodelovanja med državama – vse več gospodarskih in kulturnih izmenjav – vsako leto večje, diplomanti so ob koncu študija visoko zaposljivi.

3. SLOVENISTIKE NA TUJIH UNIVERZAH IN NJIHOV RAZVOJ V MREŽI AKTUALNIH IZZIVOV PO LETU 1991

Pregled razvoja slovenistik na tujih univerzah in njihovih aktualnih izzivov začenjamo ob začetku samostojnosti slovenske države leta 1991, ko je slovenščina postala državni jezik. Na razvoj programa v tem obdobju so vplivali tako notranji, neposredno s programom povezani dejavniki, kot tudi zunanji, družbeni dejavniki.

V letu 1989/1990 je na tujih univerzah delovalo 25 slovenistik, od tega 13 z lektorji, napotenimi na delo iz Slovenije, ostale pa z učitelji, zaposlenimi na tujih univerzah. Po osamosvojitvi slovenske države je število slovenistik, sistemiziranih na slovenski strani

in financiranih s strani Republike Slovenije, naraščalo in v letu 2000 doseglo število 36. Od tega so na 20 tujih univerzah poučevali lektorji, ki so bili na delo v tujino napoteni iz Slovenije, na 16 pa učitelji, zaposleni v tujih državah. V letu 2015/16, ko je na tujih univerzah delovalo 57 slovenistik, je bilo iz Slovenije na tuje univerze napotenih 31 lektorjev, od katerih so trije poučevali na dveh univerzah, na ostalih 24 univerzah pa so poučevali tuji učitelji (Arhiv programa STU). Mreža slovenistik se je z napotitvijo štirih novih učiteljev z dodatno finančno podporo Republike Slovenije nazadnje razširila v študijskem letu 2008/2009, tik pred nastopom svetovne gospodarske krize; vzpostavljene so bile štiri slovenistike na državnih univerzah v Clevelandu (ZDA), Lizboni (Portugalska), Lvovu (Ukrajina) in Pekingu (Kitajska). Na univerzi v Clevelandu danes deluje edini lektorat, kjer se študenti lahko učijo slovenščino tudi na daljavo.

Druge večje spremembe v delovanju programa in sodelovanja s slovenistikami po svetu so bile posledica vsebinskega in organizacijskega razvoja Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik ter več družbenih dejavnikov.

3.1. Notranji dejavniki

Najpomembnejši dejavnik, ki je v zadnjih 25 letih vplival na delovanje programa slovenistik, je razvoj Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik. Ustanovljen je bil leta 1991, ko so se v skupno organizacijo pod imenom Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik povezali programi s področja slovenščine kot drugega in tujega jezika na Oddelku za slovanske jezike in književnosti, od leta 2002 samostojnem Oddelku za slovenistiko: Komisija za pospeševanje slovenščine na neslovenskih univerzah (leta 1997 preimenovana v program Slovenščina na tujih univerzah), Seminar slovenskega jezika, literature in kulture s Simpozijem Obdobja, Poletna šola slovenskega jezika ter še nekatere druge dejavnosti, ki so se kasneje razvile v samostojne programe (založniška dejavnost, izpiti iz slovenščine kot tujega jezika, tečaji slovenščine, izobraževanje učiteljev itn.). Center ves čas celovito skrbi za razvoj osmih področij in standardizacijo znanja za področje slovenščine kot drugega in tujega jezika. Tako je bil leta 2000 na ministrstvu, pristojnem za šolstvo, potrjen javnoveljavni izobraževalni program za odrasle Slovenščina za tujce, nato pa v letu 2015 program Slovenščina kot drugi in tuji jezik, katerega vsebine so bile posodobljene ter ravni znanja slovenščine kot drugega in tujega jezika usklajene z evropskimi standardi, opisanimi v Skupnem evropskem jezikovnem okviru (2011). V skladu z novim programom so po ravneh znanja uvrščena tudi učna gradiva Centra za slovenščino in izpiti o znanju slovenščine kot tujega jezika, za katere Center podeljuje javnoveljavna potrdila v Republiki Sloveniji.

Ključno vlogo pri delovanju programa Slovenščina na tujih univerzah so obravnavanem obdobju imela prizadevanja predsednikov, strokovnih sodelavcev in vodje programa Slovenščina na tujih univerzah, slovenistov Jožeta Toporišiča do leta 1997, Ade Vidovič Muha (1997–2000), Simone Kranjc (2000–2006), Alojzije Zupan Sosič (2006–2012) in Mojce Nidorfer Šiškovič (2012–).

Izobrazbena struktura 31 lektorjev, ki so zaposleni na Filozofski fakulteti, je naslednja: akademski nazive doktor znanost in magister znanosti ima 14 lektorjev, pet jih pripravlja doktorske disertacije, vsi so zaključili petletni študij slovenistike, ena lektorica pa je zaključila podiplomski študij primerjalnega jezikoslovja – slovenščine in portugalščine. Akademski nazivi lektorjem omogočajo, da na oddelkih tujih univerz izvajajo poleg lektorskih vaj tudi predavanja iz jezika, kulture in književnosti, so mentorji in somentorji študentom pri diplomskih, magistrskih in doktorskih delih, nekateri

se tudi vključujejo v raziskovalno delo na oddelkih, kar prispeva tudi k večji povezanosti z oddelki za slovenistiko v Sloveniji in njihovi internacionalizaciji.

Zlasti po letu 2000 so se okrepile naslednje dejavnosti programa:

komuniciranje med učitelji in sodelovanje z vodstvom programa na daljavo (e-poštni seznam programa s ciljem medsebojnega obveščanja in sporazumevanja, interno spletišče z učnimi gradivi in informacijami);

redna delovna srečanja, katerih pomemben del so sestanki in druženje;

letni pogovori vodje programa z učitelji;

stalno strokovno izpopolnjevanje učiteljev v okviru delovnih srečanj;

skupni projekti vseh slovenistik, povezovanje slovenistik v istih državah;

sodelovanje s slovenskimi diplomatsko-konzularnimi predstavništvi po svetu;

sodelovanje programa s slovenskimi institucijami preko Sveta programa.

Redna delovna srečanja lektorjev slovenščine, ki so organizirana trikrat letno, lektorje povezujejo, tako da je sodelovanje med njimi in s sodelavci Centra lažje tudi med letom, ko poteka na daljavo; med drugim se je povečalo tudi število projektov, ki potekajo v sodelovanju med več slovenistikami na univerzah v isti državi, npr. skupne konference, gostovanja, ekskurzije v Slovenijo, še posebej izrazito je sodelovanje v Italiji, na Češkem in Poljskem. Na izobraževalnem delu strokovnih srečanj se lektorji tudi med seboj seznanjajo z razvojem slovenske jezikoslovne in literarne vede, novimi pristopi v metodiki poučevanja slovenščine kot tujega jezika in z novimi učnimi gradivi ter z razvojem infrastrukture na področju slovenistike, predstavljajo svoje projekte in delovanje slovenistik v tujini.

Skupni celoletni projekti vseh slovenistik in lektorjev, ki so organizirani povprečno na vsaki dve leti pod krovnim imenom *Svetovni dnevi,* potekajo v okviru programa Slovenščina na tujih univerzah od leta 2004. Za medsebojno povezovanje in sodelovanje učiteljev je bil še posebej pomemben zadnji, že osmi po vrsti, *Svetovni dnevi slovenske kulture*, ki je potekal v letih 2015 in 2016. Glavni cilj projekta je bila priprava učnih gradiv za poučevanje slovenske kulture na tujih univerzah, saj učitelji vedno pogosteje izvajajo tudi predavanja s področij slovenske kulture, jezika in književnosti. V skupinah po 4 do 6 so lektorji pripravili gradiva – pregledna besedila, predstavitve, slikovna, video- in avdiogradiva ter naloge za študente –, s pomočjo katerih bodo lahko pripravili 5–6 ur predavanj za 11 področij slovenske kulture. Vsa gradiva so pripravljena za uporabo v razredu v obliki e-učilnice, lektorji pa jih lahko še dodatno prilagodijo svojim skupinam študentov, in sicer njihovim kulturnim okoljem in prvemu jeziku, ravni znanja slovenščine itn. Projekt *Svetovni dnevi slovenske kulture* se je zaključil v začetku decembra 2016, ko so bila učna gradiva predstavljena na več kot 120 različnih dogodkih za univerzitetno in širšo javnost po svetu, posvečenih slovenski kulturi.

Z organizacijo dodatnih dejavnosti v okviru programa Slovenščina na tujih univerzah na slovenistikah po svetu se uresničuje cilj, da tuji univerzitetni in tudi širši javnosti predstavljajo vrhunske predavatelje in umetnike ter najkakovostnejše dosežke slovenske kulture, znanosti in umetnosti. Pri izvedbi projektov redno sodelovanje s slovenskimi državnimi institucijami, kot so ministrstva, pristojna za visoko šolstvo, zunanje zadeve, kulturo ter Urad za Slovence v zamejstvu in po svetu, Slovenski filmski center – javna agencija za knjigo, Radio Televizija Slovenija, in založbami, npr. Beletrina

in Goga, prinaša pozitivne rezultate v prepoznavnosti slovenske kulture in jezika po svetu.

Način delovanja slovenistik je zaradi vseh sinergij ob omenjenem sodelovanju kakovostnejši, učitelji se bolje povežejo z okoljem, v katerem delajo, zato se povečuje število študentov na slovenistikah in število slovenistik na tujih univerzah, zrasla pa je tudi prepoznavnost programa STU in učiteljev v Sloveniji in tujini. Izziv v prihodnje je okrepitev raziskovalnega dela učiteljev in njihovega sodelovanja v raziskovalnih projektih v Sloveniji, mednarodnih projektih ter projektih na tujih univerzah, udeležba s prispevki na konferencah.

3.2. Zunanji dejavniki

Med zunanjimi dejavniki vpliva so bili za delovanje programa najpomembnejši trije: vstop Slovenije v Evropsko unijo leta 2004 skupaj s še devetimi drugimi državami, bolonjska reforma visokošolskega sistema izobraževanja in svetovna gospodarska kriza.

Z vstopom Slovenije v Evropsko unijo (EU) je slovenščina postala eden od uradnih jezikov Evropske unije, hkrati s Slovenijo pa je v EU vstopilo še devet drugih držav, med njimi večina držav, katerih državni jeziki so jeziki slovanske jezikovne skupine. Zaradi tega procesa se je povečalo zanimanje za nove države, sodelovanje z njimi in učenje njihovih jezikov tako med novimi kot tudi starimi članicami Evropske unije. Še posebej s pomočjo evropskih programov Socrates, Erasmus, pa tudi Leonardo da Vinci, Marie Curie in drugih, ki so s sofinanciranjem spodbujali oziroma še spodbujajo akademsko sodelovanje, mobilnost oziroma študijske izmenjave učiteljev in študentov ter skupne projekte, izmenjavo izkušenj in povezovanje univerz. Leta 2004 smo izvedli anketo med bodočimi diplomanti slovenščine na tujih univerzah, v kateri smo ugotavljali, kateri motivi so bili glavni, da so se odločili za vpis na študij slovenščine. Na tujih univerzah so študenti diplomskih študijskih smeri slovenščine izpolnili 92 vprašalnikov. Najpogostejši motiv (60 odgovorov) pri njihovi odločitvi za študij slovenščine je bil, da jim je slovenščina všeč oziroma jih zanima. Sledijo odgovori, da je na odločitev vplivalo dejstvo, da je to njihov materni jezik, imajo fanta, prijatelja Slovenca (18 odgovorov), ter da so jim všeč slovanski in južnoslovanski jeziki, nekdanja skupna država in ker je slovenščina manj pogost jezik (17 odgovorov), nekaj manj pa jih je odgovorilo, da je bil glavni motiv možnost zaposlitve (14 odgovorov).

Drugi pomemben dejavnik vpliva je bila bolonjska reforma visokošolskega sistema, ki se je na evropskih univerzah uvajala med akademskima letoma 2005/2006 in 2009/2010. Njen pozitiven vpliv je bil, da je prispevala k povečanju izbirnosti v študijskih programih, s čimer se je povečala možnost uvajanja novih predmetov v programe, med njimi tudi več izbirnih lektoratov tujih jezikov, torej tudi slovenščine. Hkrati je poenotenje načina študija v okviru bolonjske reforme prispevalo k akreditaciji več skupnih študijskih programov. Med njimi je na področju slovenistike zaživel magistrski program *Srednjeevropske študije*, ki ga poleg Univerze v Ljubljani, pobudnice za pripravo skupnega študijskega programa, izvajajo še Univerza Komenskega v Bratislavi, Karlova univerza v Pragi in Jagelonska univerza v Krakovu. Z medsebojnim priznavanjem izpitov in javnoveljavnih listin – univerzitetnih diplom na evropskih univerzah, se je povečalo tudi prehajanje slovenistov na dodiplomski in podiplomski stopnji po Evropi.

Tretji dejavnik, ki je prinesel pomembne spremembe, je od leta 2008 svetovna gospodarska kriza. Ena od njenih posledic je bilo zmanjševanje zanimanja trajajoča za

vpis na humanistične in jezikovne študije na univerzah po Evropi, saj so v državah pogosto ukinjali programe, šole, študijska in delovna področja, zmanjševalo se je število javnih uslužbencev in delovnih mest na področju kulture in šolstva. Bodoči študenti so zato začeli raje izbirati študije z večjimi možnostmi zaposlitve, večinoma na področju naravoslovja, industrije, vpis na študije jezikov se je zmanjšal. Glede na to, da je bil glavni motiv za vpis na študij slovenščine, ugotovljen z raziskavo leta 2004 ta, da je slovenščina študentom všeč in jih zanima, lahko sklepamo, da se je vpis na študij slovenščine ponekod zmanjšal prav zaradi drugega prevladujočega motiva za izbiro študija, tj. kateri študij jim bo bolj zagotovo prinesel zaposlitev in delo. Zlasti študentov v zahodnoevropskih, neslovanskih državah je k temu pripomogla slabša prepoznavnost slovenščine, z znanjem katere lahko diplomanti sicer tudi pridobijo zaposlitev. V okviru programa STU spremljamo razmere in ugotavljamo, da se diplomanti slovenistike uspešno zaposlijo, saj so potrebe trga v večini držav, kjer je možnost študija, večje od števila diplomiranih s slovenistično študijsko smerjo.

K pozitivnemu vplivu vstopa Slovenije v EU, vplivu bolonjske reforme ter negativnemu vplivu zadnjega dejavnika, tj. svetovne gospodarske krize, je svoj pozitiven delež prispevala državna podpora Republike Slovenije, ki je v delovanju učiteljev in programa prepoznala potencial in pomembno vlogo pri uveljavljanju slovenskega jezika, književnosti in kulture po svetu. Pomembno je tudi sodelovanje z Ministrstvom za zunanje zadeve, in sicer z diplomatskimi predstavništvi Republike Slovenije po svetu, v sodelovanju s katerimi potekajo kulturni projekti na slovenistikah po svetu, prav tako pa je strokovno delo lektorjev s sodelovanjem državnih institucij podprto na področju urejanja statusa slovenistik.

4. SKLEP

Razvoj programa Slovenščina na tujih univerzah je bil s povezovanjem dejavnosti in razvojem Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik, Oddelka za slovenistiko in po drugi strani s podporo ministrstev Republike Slovenije, pristojnih za visoko šolstvo in zunanje zadeve, v zadnjih 25 letih zelo intenziven: z odpiranjem novih lektoratov in slovenistik, izboljševanjem statusa in materialnega položaja učiteljev. Na ta način je bila zagotovljena stabilnost, ki je omogočila tudi vsebinski razvoj programa in strokovni razvoj učiteljev ter krepitev sodelovanja s slovenistikami na tujih univerzah. Poleg teh, notranjih dejavnikov, ki so na razvoj programa pozitivno vplivali, so imeli pomemben vpliv še zlasti trije zunanji dejavniki: vstop Slovenije v EU, bolonjska reforma univerzitetnega prostora in svetovna gospodarska kriza. Prva dva sta pozitivno vplivala na razvoj in širjenje programa, zadnji pa negativno, saj je zanimanje za študij jezikov splošno upadlo, razmere pa se le počasi ponovno izboljšujejo.

LITERATURA IN VIRI

Letno poročilo Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik 2015. Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 2016. 84 str. (centerslo.si/wp-content/uploads/2015/10/LP-05_za-splet_2.pdf).

Nidorfer Šiškovič, M., Zupan Sosič, A. Program Slovenščina na tujih univerzah kot del infrastrukture slovenščine in slovenistike. *Infrastruktura slovenščine in slovenistike* (Obdobja, Simpozij = Symposium, 28). 1. natis. Ljubljana, 2009. Str. 279–283 (www.centerslo.net/files/file/simpozij/simp28/Nidorfer%20S_Zupan%20S.pdf).

Nidorfer Šiškovič, Mojca. Program Slovenščina na tujih univerzah in slovenistike v Evropski uniji. *Jeziki v izobraževanju: zbornik prispevkov konference, Ljubljana, 25.–26. septembra*

2008 = Languages in education: proceedings, September 25–26, 2008, Ljubljana. Ljubljana, 2008. Str. 151–154.

Pravilnik programa Slovenščina na tujih univerzah. Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 2014, 2016[2] (www.ff.uni-lj.si/sites/default/files/Dokumenti/OFakulteti/pravilniki/povezave/ pravilnik_stu.pdf).

Skupni evropski jezikovni okvir: učenje, poučevanje, ocenjevanje. Ministrstvo RS za šolstvo in šport, Urad za razvoj šolstva. Ljubljana, 2011. 287 str. (centerslo.si/wp-content/uploads/2015/10/SEJO-komplet-za-splet.pdf).

Slovenščina kot drugi in tuji jezik. Izobraževalni program za odrasle. Ljubljana 2014. 49 str. (centerslo.si/wp-content/uploads/2015/10/Slovenscina_kot_drugi_in_tuji_jezik.pdf).

Slovenščina za tujce. Program. Uradni list RS 113/2000. Ministrstvo RS za šolstvo in šport. Ljubljana 2000. 35 str. (www.mizs.gov.si/fileadmin/mizs.gov.si/pageuploads/podrocje/odrasli/Dolgan/slo_za_tujce.pdf).

Spletna stran Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik: www.centerslo.si

Zalokar, Vera. Slovenščina na univerzi v Moskvi. *Zbornik Centra za slovenščino kot drugi/tuji jezik.* Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 1999. Str. 81–84.

Zbornik Centra za slovenščino kot drugi/tuji jezik. Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 1999. 192 str.

Сведения об авторе:
Dr. Mojca Nidorfer Šiškovič,
vodja programa Slovenščina na tujih univerzah;
Univerza v Ljubljani,
Filozofska fakulteta
Oddelek za slovenistiko,
Center za slovenščino kot drugi in tuji jezik

Доктор Мойца Нидорфер-Шишкович,
руководитель программы Словенский язык в зарубежных университетах,
отделение словенистики
философский факультет
Люблянский университет
Центр словенского языка как второго / иностранного,

Dr. Mojca Nidorfer Šiškovič,
Head of the Programme Slovene at Foreign Universities
Centre for Slovene as a Second and Foreign Language
Department for Slovene Studies
Faculty of Arts, University of Ljubljana
mojca.nidorfer-siskovic@ff.uni-lj.si

SLOVENE STUDIES AT FOREIGN UNIVERSITIES IN THE NET OF THE PRESENT CHALLENGES

СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК В ЗАРУБЕЖНЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ: ЗАДАЧИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-143-154

T. Jakop

Prevzetost besedja v slovenskih narečjih

Povzetek: V prispevku je predstavljeno narečno besedje iz različnih pomenskih polj (npr. 'človeško telo', 'sorodstvo', '(kmečka) hiša', ki je bilo zbrano za Slovenski lingvistični atlas), in sicer z vidika prevzemanja. Besedje za dele telesa je precej enotno in vsebuje manj prevzetih besed, medtem ko nekateri drugi leksemi (npr. za stanovanjsko opremo) izkazujejo večjo stopnjo prevzetih besed (predvsem germanizmov). Tudi poimenovanja za bližnje sorodnike (kot so oče, mati, brat, sestra in starši) so bolj enotna kot npr. poimenovanja za bolj daljne sorodnike (npr. bratranec ali sestrična). Pestra so poimenovanja za pomen 'fant', kjer prevladujejo prevzeta poimenovanja (približno 95%). Članek izkazuje, katero izbrano besedje je po narečjih bolj enotno in katero je bolj raznoliko, katero vsebuje več ali manj prevzetih leksemov, katera narečja imajo več prevzetih besed in zakaj.

Ključne besede: slovenščina, dialektologija, narečna leksika, prevzete besede, Slovenski lingvistični atlas

Abstract: This article presents dialect vocabulary from the semantic fields 1) 'human body and family' and 2) 'Slovenian (farm)house, its architectural elements, and interior furnishings'. The selected dialect material from Slovenian linguistic territory was collected for 'Slovenski Lingvistični Atlas' [Slovenian Linguistic Atlas, SLA]. The vocabulary for human body parts is quite uniform and contains mainly non-borrowed words with Slavic origin, while some other lexemes (e.g. for house equipment) show a greater degree of borrowing (especially germanic loan words). Vocabulary for close relatives (such as starši 'parents', oče 'father', mati 'mother', brat 'brother' and sestra 'sister') is also more uniform from lexemes denoting more distant relatives (e.g. bratranec or sestrična 'male or female cousin'). Vocabulary for fant 'boy' on the other hand shows a predominance of German and Romance loan words (approx. 95%). This paper points out the proportion between borrowed and non-borrowed words in Slovenian dialects.

Key words: Slovenian, dialectology, dialect lexicon, borrowed words, Slovenian Linguistic Atlas

UVOD

Bogastvo leksemov v slovenskih narečjih je rezultat zgodovinskih in geografskih dejavnikov, pa tudi vplivov sosednjih jezikov, tako sorodnih slovanskih (hrvaščina) in drugih indoevropskih (italijanščina, furlanščina, nemščina) kot tudi nesorodnih (madžarščina). Za posamezna poimenovanja imamo tako lahko več različnih leksemov, niha pa tudi delež prevzetih besed. Prispevek se opira na narečno gradivo, zbrano za *Slovenski lingvistični atlas* (SLA), dopolnjen z gradivom avtorice članka s številnimi informatorji (v letih 1999–2016).

Prvemu zvezku SLA, ki je izšel leta 2011 in vsebuje vprašanja iz pomenskih polj 'človeško telo', 'bolezni' in 'družina' oz. 'sorodstvo', je 2016 sledil drugi zvezek, ki je zajel vprašanja iz pomenskega polja 'kmetija', tj. besedje, ki opisuje slovensko (kmečko) hišo, njene prostore in dele ter opremo v njej. Zanimalo nas bo torej, katero izbrano besedje je po narečjih bolj ali manj enotno in katero vsebuje več ali manj prevzetih leksemov.

Interpretacija gradiva v SLA se opira na interpretacijo v Slovanskem lingvističnem atlasu (OLA), ki pri rekonstrukcijah leksike ločuje med neprevzetimi (domačimi) in prevzetimi (izposojenimi) leksemi. Pri prevzetih leksemih v SLA navajamo tujejezično predlogo s puščico (←) in jezikom prevzema (npr. nem., srvnem., it., furl.) s tujejezičnim primerom in prevodom (npr. *pob* (← bav. srvnem. *puobe*, srvnem. *buobe* 'fant'). Pri neprevzetih besedah navajamo slovanski koren in besedotvorne pripone s simbolom <.

VIRI PREVZEMANJA

Največji delež prevzetih besed v slovenskih narečjih predstavljajo germanizmi (tj. besede, sposojene iz nemškega jezika);[1] kot posledica zgodovinskih okoliščin ter geografske lege so sledi nemškega vpliva vidne tako v slovenski kulturi kot tudi v slovenskem jeziku (predvsem v nekaterih narečjih). Del slovenskega (jezikovnega) ozemlja, ki je nekoč spadal pod avstrijski del Avstro-Ogrske monarhije oz. tisti deli, ki so geografsko bliže Avstriji, izkazujejo večji nemški vpliv na jezik oz. narečja: ohranjajo številne germanizme. Manjši delež predstavljajo romanizmi (predvsem na zahodu, na stiku slovenskega jezika z italijanskim ali furlanskim). Hungarizmi oz. madžarizmi so zajeli najmanjši, skrajno severovzhodni del slovenskega jezikovnega prostora (panonsko narečno skupino), kjer se slovenski jezik stika z madžarskim. Ob meji s Hrvaško najdemo tudi kroatizme, ki jih je zaradi sorodnosti med sosednima jezikoma – južnoslovanskima slovenskim in hrvaškim – težje razločiti od (narečnih) slovenskih.

ČAS PREVZEMANJA

Poleg besed slovanskega izvora najdemo v vseh slovenskih narečjih tudi izposojenke, prevzete v različnih obdobjih oz. prevzeta iz stičnih jezikov in narečij. Jože Toporišič v svoji slovnici (SS 2000: 779) piše, da v slovenskih narečjih obstaja «večje število romanizmov na zahodu, germanizmov na severu in v središču, hungarizmov v prekmurščini, v manjši meri pa tudi po preostalem, zlasti vzhodnem Štajerskem. Nekatere prevzete besede, romanske in nemške, pa so skupne vsem Slovencem: prve kažejo morda na romanski substrat, tj. na jezik romanskega prebivalstva (prvotno sicer keltskega ali ilirskega) ob prihodu naših prednikov v novo domovino (lahko pa bi šlo tudi za pastirske nomade), drugo na pripadnost slovenskih dežel nemški državi in jezikovnemu področju od 8. stol. naprej».

Vpliv nemščine na slovenščino se je torej začel že v drugi polovici 8. stoletja – po političnoupravni priključitvi Karantanije in Karniole k frankovski državi oz. Bavarski

[1] Izraza «prevzeti» in «izposoditi si» se v članku uporabljata sinonimno (kot npr. v Snoj 2003: V).

(prevzemanje iz južne bavarske nemščine v narečno slovenščino), kasneje, v 19. stoletju in v prvi polovici 20. stoletja, pa tudi iz knjižne nemščine v knjižno slovenščino. Hungarizmi so zajeli le manjši, skrajno severovzhodni del slovenskega jezikovnega prostora, vendar pa madžarski vpliv časovno ne zaostaja veliko za nemškim, saj se je začel s priseljevanjem v Panonsko nižino konec 9. stoletja. Romanizmi so v naša (predvsem zahodna – primorska) narečja prihajali iz furlanščine, kolonialne beneške italijanščine, knjižne italijanščine in istriotščine. Izposojenke iz knjižne italijanščine je v slovenščini mogoče ločiti od izposojenk iz beneške italijanščine in furlanščine na osnovi refleksov romanskih nezvenečih nezvočnikov v zvenečem okolju, npr. narečno slovensko *amiko* : *amig* 'prijatelj' ← knjižno italijansko *amìco* : furlansko **amig* (> *amì*), beneško italijansko *amigo* 'prijatelj' (po Šekli 2013: 291, 302; SLA 1.2: 314–315).

PREVZETO BESEDJE PO POMENSKIH POLJIH

Besedje za dele telesa

Na splošno velja, da so poimenovanja za dele človeškega telesa med najbolj odpornimi na tujejezikovne vplive, saj vsak jezik pozna svoje izraze za dele telesa in zato ni potrebe po izposoji[1]. Iz narečnega gradiva za SLA je razvidno, da so nekatera poimenovanja za dele človeškega telesa enotna na celotnem slovenskem jezikovnem prostoru, npr. *nos, jezik, zob, žila, srce, noga* in *koža*. Več diatopičnih sopomenk je pri poimenovanjih drugih delov telesa: za leksem *ustnica* najdemo 21, za *pregibe prstov* 31, za *tilnik* 35, za *ledvice* 41, za *trepalnice* 42 in za *kolk* kar 49 različnih leksemov (pri tem nismo niti upoštevali različnih fonetičnih posebnosti).

Odgovori na vprašanje 'ustnica' torej prinašajo 21 leksemov, ki so lahko v edninski, bolj pogosto pa v množinski obliki, saj so ustnice parni organ, sestavljen iz zgornje in spodnje ustnice. Prevladujejo izpeljanke s prevzeto besedotvorno podstavo *žnablj-* (← srvnem. *snabel* 'kljun'), npr. *žnablje* oz. *žnablji* in *žnabljica*, in sicer več kot 50 % (predvsem v štajerskih, koroških, gorenjskih in dolenjskih narečjih). V primorski narečni skupini najdemo germanizem *trobec* (← **trǫb-a* 'troba' ← stvnem. *trumba* 'troba'). Leksem slovanskega izvora *ustnice* (< **ustьnicę*) je ohranjen v približno 20 % govorov (najpogosteje v dolenjski narečni skupini), sledijo še *šobe* na zahodu (večji del primorske in rovtarske narečne skupine) in *čobe* na vzhodu (vzhodna štajerska narečja in celotna panonska narečna skupina) s skupaj približno 28%. Le 2% je romanizmov (npr. *labra* ← it. *labbra* mn. 'ustnice' ali *mužon* (← ben. it. *muṣon* 'šoba'). Kljub zgoraj predpostavljeni nizki stopnji dovzetnosti za prevzemanje vidimo, da je med poimenovanji za ustnico največ leksemov prevzetih[2]. Germanizmi so zajeli širši osrednji prostor, medtem ko neprevzeti leksemi ostajajo na obrobju, npr. *muzgalo* (< **muzgadlo* ← **muzgati* (> sln. *muzgati* 'lupiti lubje, luščiti, sesati, jesti brez zob')) na skrajnem severozahodu v ziljskem narečju.

Madžarizmi najbolj izstopajo pri besedju za pomen 'kost' oz. 'vsak od delov, ki sestavlja okostje človeka in nekaterih živali', kjer polega prevladujočega leksema *kost* z manjšalnico *koščica* na vzhodu uporabljajo izposojeni leksem, madžarizem *čonta* (← madž. *csont* 'kost'), ki se pojavi v 29 točkah panonske narečne skupine.

---

[1] Haspelmath in Tadmor (2009) v svojem tipološkem pregledu izposojenk, ki zajema 41 jezikov, pišeta, da je izmed 24 raziskovanih pomenskih polj, ki sta jih proučevala, pomensko polje '(človeško) telo' na tretjem mestu po številu izposojenk, kar pomeni, da bo zelo malo verjetno vsebovalo prevzete besede oz. besede tujega izvora (v povprečju 14,2%).

[2] V nasprotju z leksemom *usta*, kjer je približno 99 % vseh leksemov neprevzetih (npr. *usta, šobe, čobe*).

Besedje za sorodnike

Poimenovanja za sorodnike so po slovenskih narečjih precej enotna. Najbolj enotna so poimenovanja za bližnje sorodnike (tj. za člane ožjega krvnega sorodstva), kot so *oče, mati, sin, hči, brat* in *sestra*. To neprevzeto besedje za sorodstvo od praslovanščine do danes ni doživelo večjih oblikovnih in pomenskih sprememb, vendar pa M. Furlan v članku (2016) ugotavlja, da v zgodnji slovenščini refleksa **ot'ę* in **ot'a* verjetno še nista bila sinonimna, ampak je bila oseba, označena z **ot'ę* (= *óče*), tisti očetov sin, ki je nasledil očeta gospodarja, označenega z **ot'a* (= *óča*), ko zaradi starosti ni mogel več opravljati funkcije gospodarja. Funkcijsko razmerje med tvorjenko **ot'ę* in besedotvorno podstavo **ot'a* je torej nadomestilo staro razmerje **otъ* 'pater' → **otьcь/ ot'a* *'patris', ker je besedotvorna podstava **otъ* 'pater', morda zaradi homonimije s predlogom **otъ* 'od' postala moteča in jo je jezik začel izločati.

Pri poimenovanju bolj daljnih sorodnikov (npr. *bratranec, sestrična*), prav tako prevladujejo slovanski leksemi, npr. *bratranec* (v vseh 7 narečnih skupinah), *strnič* (v primorski narečni skupini in ločeno še v štajerskem kozjansko-bizeljskem narečju) ali *sestrič* (srednjesavinjsko, srednještajersko in južnopohorsko narečje) in *sestrična, strnična* ali *strnička*. Od neslovanskih izrazov najdemo v gradivu SLA naslednje prevzete besede: 1) na zahodu (v primorski narečni skupini) najdemo romanske sposojenke *kužin, kužina* (← it. *cugino*) 'bratranec, sestrična', *kusen, kusena* (← furl. in ben. *cusìn*) 'bratranec, sestrična' in *zurman, zurmana* (← furl. in ben. *zermàn* '1. bratranec, 2. sorodnik iste generacije, 3. star družinski prijatelj (Istra))' [v furl. je bila verjetno prevzeta iz fr. *le cousin germain* 'prvi bratranec', *la cousine germaine* 'prva sestrična']; 2) na vzhodu (v porabskem narečju) najdemo madžarsko sposojenko *unokateštver* (← madž. *unokatestvér* = skupno ime za bratrance, sestrične, nečake, nečakinje, vnuke in vnukinje, otroke bratov in sester (ponekod v Porabju).

Za pomen 'fant' imamo v gradivu za SLA 42 različnih narečnih poimenovanj. Prevladujejo prevzeta poimenovanja (približno 95 %; od tega je približno polovica germanizmov in polovica romanizmov). Najbolj pogosti leksemi so: v osrednjih narečjih *fant* (← furl. *fant*, ben. it. *fante* 'sluga, sel, kurir') in *pob* (← bav. srvnem. *puobe*, srvnem. *buobe* 'fant'), v štajerskih narečjih (srednjesavinjsko, srednještajersko in južnopohorsko narečje) *peb* (← bav. avstr. nem. *püeb* 'fant'), redkeje tudi *poba* (zlasti štajerska narečja), v panonski narečni skupini pa še *dečko* (< **dětьčьko* ← **dětę* 'otrok'), *čeh* (< **čexъ* 'otrok moškega spola', etimološko verjetno identično z etnonimom *Čeh* < **Čexъ*) in *pubec*. Leksem *sin* za pomen 'fant' uporabljajo v rezijanskem narečju in severnem delu terskega narečja.

Za pomen 'dekle' najdemo 45 različnih narečnih poimenovanj. Najpogostejši je leksem *dekle*, ki ima še izpeljanke *deklica, deklič*, v vzhodnem delu štajerskih narečij in v panonski narečni skupini pa obliko *deklina*. V osrednjih narečjih prevladuje leksem *punca* (← nem. *Punze* 'dekle') in njena izpeljanka *punčka*, na vzhodu (panonska narečna skupina) pa *puca*. Sledijo še: romanizem *pupa* (← it. *pupa* 'dekle') v narečjih na stiku z italijanskim jezikom, germanizem *čeča* (← kor. nem. *Tschätsche*, tudi *Zatsche, Zätsche* 'igrača, malenkost') v primorskih narečjih ter *dečla* (v koroških narečjih) in *dekla* (v panonskih narečjih). Redkejša poimenovanja so še *puža* (← lat. *pusa* 'dekle') v koroških narečjih, *mula* (← it. *mula* '(nezakonski) otrok', furl. *mule* 'nezakonski otrok; paglavec, poredež, mulec, mulček') v primorskih narečjih ter kroatizem *cura* (← hr. *cura* 'dekle' ← prvotno *cura* 'penis') v narečjih na stiku s hrvaškim jezikom. Leksem *hči* (in izpeljanka in *hčica*) za pomen 'dekle' se uporablja v rezijanskem in severnem delu terskega narečja. Ravno

obratno pa se namesto leksema *hči* v nekaterih točkah oz. govorih uporablja leksem *dekle* in njegove različice (*deklica, deklič, dečla*), pa tudi *punca* in *lopa* (po Jakop 2008: 52).

Leksem *pozre* je omejen na srednjesavinjsko narečje: v Šoštanju je ob leksemu *pozre* razlaga 'deklič med 13. in 14. letom', v Kasazah pomeni 'dekle', v Vojniku in Podgradu pri Celju pa ima *pozre* oznako 'zaničljivo' (po Jakop SLA 1.1.: 304–305 in Furlan 2013: 166). Na terenu v okolici Laškega sem slišala tudi leksem *debiče*, ki je zabeležen v SSKJ: ***debíče*** -ta s (î) s kvalifikatorjem nar. zahodnoštajersko *(mlado) dekle:* prijazno debiče. Bruno Hartman (1957: 136–137) je zapisal: «Na Laškem ob Savinji in v okolici (moj primer je iz zaselka Mulenca pod Šmohorjem) je ljudem znana beseda *debiče*. Uporabljajo jo tudi v okolici Krškega, ne vem pa, ali je v rabi v sklenjenem pasu med omenjenima krajema. Pleteršnik je v svojem besednjaku ni zapisal. *Debiče* pomeni mlado dekle vse tja do let, ko je godna za možitev. Šteti jo moramo v vrsto izpeljank na -*e*, kot so *človeče, hlapče, kuže, otroče* ipd. (glej Bajec: Besedotvorje I, § 116), vendar s pripombo, da nima pejora-tivnega prizvoka, marveč ljubkovalen». «Od kod ta beseda? Izvajati jo moramo iz samostalnika *devica* (virgo), ki je prevzel obrazilo po manjšalnih samostalnikih na -*če*, izpeljanih iz moških samostalnikov na -*ьcь* ali -*ьkъ* (glej Bajec, 1. c.): *bravče*, jelenče, kmetče, kumče, mače ipd. Nova beseda debiče je bila seveda srednjega spola s podaljšano osnovo -*et*- v odvisnih sklonih. *Device* je kasneje prešlo v *debiče».* «V Mulenci je samostalnik na poti v maskulinizacijo. N. pr.: *tot debiče je fejst*, toda *debiče je rjékl* (končni -*l* je znak, da je moderna vokalna redukcija zajela obliko srednjega spola), *debiče je blu vesel*. V množini je maskulinizacija že izvedena: *tot debičeti so mlat*».

Za pomen 'otrok': 1) 'deček ali deklica v prvih letih življenja' in 2) 'človeški potomec v odnosu do staršev', v večini narečij prevladuje neprevzeti knjižni leksem *otrok* (< **otrokъ* 'otrok'), v vzhodnih narečjih pa leksem *dete* (< **dětę* 'otrok') in madžarizem *fačuk* (← madž. *fattyú*, mn. *fattyúk* 'nezakonski otroci, smrkavci'). Samo množinska oblika *deca* (< **dětьca*) je zapisana trikrat, in sicer v zahodnem delu panonske narečne skupine. Nekateri leksemi, npr. *froc* (← nem. *Fratze* 'razposajen otrok' (z bavarskim prehodom **a* > *o*)), *mule* (← it. *mulo* '(nezakonski) otrok', furl. *mul* 'nezakonski otrok; paglavec, porednež, mulec, mulček'), *pamž* (← avstr. bav. nem. *pams, pans* 'debel otrok'), *smrkljavec, žabaš*, se uporabljajo zgolj kot ekspresivne dvojnice bolj nevtralnih leksemov *otrok* ali *dete*.

Za pomen 'starši' oz. 'moški in ženska v odnosu do svojega otroka' je v osrednjih narečjih najbolj razširjen leksem *starši* (< **starši* < **starějьši*); v koroških narečjih je najpogostejši leksem *starejši* (< **starějьši*), na skrajnem severovzhodu pa *starišje* (< **starišje* < **starějьšьje*). Besedje je zelo enotno, različne so le pripone (-*i*, -*ji*, -*eji*, -*ejši*, -*eši*, -*išje*, -*šje*, -*ši*). Za biološke ali istofunkcijske pare, kot so *starši*, se uporablja slovnična množina. V gradivu za SLA so dvojinske oblike (*starejša, stariša, starša*) zabeležene le v šestih točkah, vendar pa se v sodobni pogovorni slovenščini, vse bolj pa tudi v knjižni, uporabljata tako množinska kot dvojinska oblika. Namesto enobesednega poimenovanja *starši* v mnogo narečjih uporabljajo opisna poimenovanja: besedno zvezo *oče in mati* oz. njene različice (npr. *ata pa mama, mama in tata, mama in čača*). V dveh koroških narečjih najdemo obliko *ta stara dva* (<**ta* **staraja dъva* 'ta + star + dva'). Romanizem *dženitorji* (← furl. *genitôr* 'oče, ata; starši (ed.)', it. *genitori* 'starši') je v rabi v zahodnih narečjih v stiku z romanskim prostorom (v rezijanskem in terskem narečju).

Za pomen 'družina' oz. '(zakonski) par z otroki ali brez njih' v vseh narečjih prevladuje (tudi knjižni) leksem *družina* (< **družina* ← kolektiv od **drugъ* 'sopotnik, tovariš, prijatelj'), ponekod z opombami: «s posli vred», «kar je pri eni hiši», «tudi tete in strici,

ki so ostali pri hiši in živijo v skupnem gospodinjstvu», v pomenu ‘posli’; «služinčad ni družina» itd.[1] Drugi najpogostejši leksem za obravnavani pomen je romanizem oz. germanizem *familija* (← it. *Famiglia*/nem. *Familie* ‘družina, rodbina’), ki je značilen predvsem za severna in vzhodna narečja, in romanizem *fameja* (← ben. it. *famea*, furl. *famee* ‘družina’), ki se uporablja na skrajnem zahodu. Za pomen ‘žlahta, rodbina; sorodstvo, sorodniki’ oz. ‘skupina ljudi, ki jih vežejo sorodstvene vezi’ v večini narečij prevladuje germanizem *žlahta* (← stvnem. *slahta*, srvnem. *slahte* ‘pleme, rod, izvor’). Veliko leksemov ima pripisan rek »žlahta vkup trahta« ali »žlahta je raztrgana plahta«. Drugi najpogostejši leksem za obravnavani pomen je *rod* (tudi z opombo »od ene hiše«), ki se velikokrat uporablja le v predložni zvezi *v rodu*; sledi mu leksem *rodbina*. Na zahodu so pogosti romanizmi *parentad* (← furl. **parentâd* ‘sorodniki’ (> *parentât*)) in *kužini* ali *kužinovi* (← furl. *cusin*, ben. it. *cusin* ‘bratranec’).

Besedje za hišo in dele hiše

Za leksiko iz pomenskega polja ‘(kmečka) hiša’ so izbrana najbolj osnovna poimenovanja, in sicer za ‘hišo’ in njene osnovne dele: ‘okno’, ‘vrata’ in/ali ‘duri’, za katere bi predvidevali nižjo stopnjo prevzemanja, in ‘stopnice’, pri katerih bi že zaradi tega, ker so kmečke hiše običajno pritlične stavbe in niso imele (zunanjih) stopnic (t. i. stopnišča), predvidevali, da bo izposojenk več. Odgovori na vprašanje ‘okno’ so za celotno slovensko jezikovno področje zelo enotni; leksem *okno* (< **okъno*) se po narečjih razlikuje le v oblikah oz. končnicah (bodisi ohranja srednji spol bodisi se je maskuliniziral ali feminiziral). Za pomen ‘kos navadno ravnega stekla za zapiranje kake odprtine’, knjižno *šipa*, se v večini narečij uporablja iz nemščine prevzeti leksem *šajba* (← nvnem. *Scheibe* ‘okensko steklo, šipa’; novejša izposoja) oz. *šavba* (v posameznih govorih istrskega in notranjskega narečja). Redkejši je knjižni leksem *šipa* (← bav. stvnem. *scipa*; *-p-* izkazuje starejšo izposojo, pred prehodom *-p-* > *-b-* in pred diftongizacijo *-i-* > *-ei-*). Najdemo tudi leksem *šiba* (← stvnem. *sciba;* po prehodu *-p-* > *-b-* in pred diftongizacijo *-i-* > *-ei-*) in različico z *r* (*šibra*), in sicer v točkah rožanskega in obsoškega narečja. V primorski narečni skupini uporabljajo romansko izposojenko *lastra* oz. *laštra* (← it. *lastra (di vetro)* ‘(okensko) steklo’).

Precej enotna in v celoti neprevzeta so tudi poimenovanja za *vrata*: najpogostejši in v vseh narečjih razširjen je leksem *vrata* (< **vorta*, kolektiv od **vorto*) s pogosto feminizirano obliko *vrate*, drugi najpogostejši leksem je *duri/dure/dura* (< **duri*, **durę*, **dura* ← **dvьrь*, mn. **dvьri* ‘vrata’), na vzhodu pa prevladuje leksem *dveri* ali *dvera* (< **dvьri*). Za *podboj* ‘okvir, ki se vzida v vratno odprtino za nameščanje vratnih kril’, imamo precej poimenovanj. Ponekod so posebej zapisani leksemi za leseni ali kamniti (tudi betonski ali cementni) podboj, ali pa govori razlikujejo med ‘podboji notranjih vrat’ in ‘podboji zunanjih vrat’. Veliko odgovorov je zapisanih v slovnični množini. V dolenjski narečni skupini prevladuje germanizem *banger* (← avstr. bav. nem. *Wänger* ‘kamniti podboj; steber kamnitih vhodnih vrat’); v nekaterih točkah kraškega in notranjskega narečja najdemo še starejše izposojenke z *v* (*vanger*). V zahodnih koroških narečjih se za pomen ‘leseni okvir pri vratih’ uporablja samo iz nemščine prevzeti leksem *štok* (← nem. *Stock* ‘palica, vratni okvir, klada, bruno, štor, parobek’) oz. *tirštok* (← nem. *Türstock* ‘vratni okvir, podboj’ v bav. nem. izgovoru *ü* > *i*). Tudi na gorenjskem leksem *štok* vedno pomeni ‘leseni podboj’, medtem ko je v panonskih narečjih (npr. v slovenskogoriških točkah) *štok* splošno poimenovanje za podboj. Kjer za

[1] Interpretacija je ponekod problematična, saj iz gradiva ni vedno jasno, ali leksem pomeni sorodnike, živeče pri eni hiši (tudi tete, strici, stari starši), vse ljudi pri eni hiši (vključno s posli oz. služinčadjo) ali sorodnike nasploh.

‘kamniti okvir pri vratih’ v zbranem gradivu ni zapisanega poimenovanja, iz dodatnih pojasnil h gradivu sklepamo, da so bili na določenem območju vratni okviri samo leseni (predvsem v štajerskih in panonskih govorih).

Pri besedju za ‘stopnice’ prevladujejo izpeljanke s prevzeto besedotvorno podstavo, in sicer germanizmi *štenge, štege* ali *štegne* (← srvnem. *stëge* ‘stopnice’, tudi *stiege* > nem. *Stiege* ‘stopnice’), ki predstavljajo več kot 86% besedja in je zastopan v vseh narečnih skupinah. Precej manj je romanizmov, in sicer približno 6%, npr. *škale* (← it. *scala* ‘stopnica’) ali redkeje *ščale* (← furl. *scjale*) v primorskih narečjih. Prav tolikšen (približno 6%) je delež neprevzetih besed, npr. *stolbe* (< **stolbę* < **stъlba* ‘stopnica’) v panonski narečni skupini. Germanizmi prevladujejo na celotnem slovenskem jezikovnem področju; izjema je skrajni severovzhod (prekmursko narečje) z neprevzetim leksemom *stolbe* ter skrajni (jugo)zahod (tersko in istrsko narečje) z romanizmom *škale* ali *ščale*. Leksem *stopnice stopnice* (< **stǫpьnicę*), prevzet iz knjižnega jezika, je zelo redek: zapisan je samo v 9 točkah (od 417 točk mreže za SLA), in sicer v nekaterih dolenjskih in štajerskih govorih, vedno kot dvojnica k leksemu *štenge*.

Za pomen ‘hiša’ oz. ‘stavba, namenjena zlasti za bivanje ljudi’ je najpogostejši in v vseh narečjih razširjen starejši germanizem *hiša* (← stvnem. *hūs* *[hūš] ‘hiša’ (> nem. *Haus* ‘hiša’)), predvsem v panonskih narečjih pa leksem *hiža* (← stvnem. *hūs-* *[hūž-] ‘hiša’ (> nem. *Haus* ‘hiša’). Drugi najpogostejši leksem za hišo je *hram* (< **xormъ* ‘šotor, zgradba, hiša’), v *SSKJ* z oznako «narečno» in pomenom ‘manjša stavba v vinogradu za hranjenje vina; zidanica’. Drugi leksemi so redkejši in se pojavljajo zgolj posamično, npr. manjšalnice (*hišica, hižička*) ali besedne zveze (*zidana hiša*/*hiža, zidana hramba*), ki poimenujejo hišo iz kamna oz. opeke. Kot 2. leksem je v 4 točkah zapisan še neprevzeti leksem *koča* (< **kǫ́t’a*) ‘nizka, z rušo krita koliba’, ki se lahko kot stilno nezaznamovan uporablja tudi za pomen ‘dobra hiša’.

Narečno gradivo za pomen ‘hiša’ je torej dokaj enotno, veliko bolj raznolika pa so poimenovanja za pomen ‘slaba (majhna) hiša’. Tabuizirane besede, ki so kulturno določene, imajo (zlasti v narečjih) več različic, saj je (bila) njihova raba omejena (t. i. samocenzura). Za slabo hišo najdemo preko 80 različnih poimenovanj, med njimi jih je približno 50% prevzetih: npr. *bajta* (← nar. sevit. *baita*, furl. *bàite* ‘koča, bajta’; znano tudi v južni Franciji in v Pirenejih, npr. bask. *baitha, beitha* ‘hiša, dom’), *bajtica, borna bajta*; *kajža* (← bav. nem. *Kaise, Kaische, Keische* ‘kajža, koča’) in *kajša* ← bav. nem. *Kaise, Kaische, Keische* ‘kajža, koča’, morda po bav. nem. onezvenečenju *ž* v *š*), *kajžica, kajšla* in *kajšel*; *baraka* (← nem. *Baracke*), *barakica*; *cimper* (← bav. nem. *cimber* ‘lesena stavba’ < stvnem. bav. **zimper*, stvnem. *zimpar* ‘gradbeni les, lesena zgradba, stanovanjski prostor, stanovanje’), *cimprača, cimpranjača, cimprana hramba, lopa* (← bav. nem. *Lo(u)pe* > nem. *Loube*/*Laube* ‘uta’ ← stvnem. *louba*, srvnem. *loube* ‘uta, pokrit prostor, veža’), *kalupa* ali *karlupa* (← nem. *Kaluppe* ‘(pre)bivališče’, prevzeto iz sla. *halupa* ‘koliba’), *koliba* (← prek hr. in sb. *kòliba* in tur. *kaliba, koliba* < ngr. *kalyba* ‘hiša, koča’ < gr. *kalybē* ‘koča, šotor’), *kojota* (← nem. *Kajüte*), *kopanja* (← furl. *copagne* poleg *capane*, it. *capanna* ‘koliba, koča’), *huta* (← stvnem. *hutt(e)a*, srvnem *hütte* ‘koča, šotor’), *avženga* (← nem. *Hausung* ‘kmetija’ ← nem. *Haus* ‘hiša’), *avsarica* (‘preužitkarica; tam, kjer so živeli starši potem, ko so prepisali posestvo nasledniku’, verjetno v zvezi z nem. *Hausherr* ‘gospodar’ (← nem. *Haus* ‘hiša’ + *Herr* ‘gospodar’), *folovž* (← nem. *Vogelhaus* ‘ptičja hišica’; srvnem. *Vogelhûs*), *tetoja* (← furl. *tetoie*, it. *tettoia* ‘koča; nadstrešek’), *kazon* (← furl. *cason* ‘koča, bajta’).

Za knjižno slovensko *zidna opeka* (‘izdelek, navadno iz gline, za zidanje’) sta najpogosteje uporabljeni prevzeti poimenovanji, germanizem *cegel* (← stvnem. *ziagal*

‘opeka’ (> nem. *Ziegel* ‘opeka’)), ki prevladuje v osrednjih in zahodnih narečjih, ter germanizem *cigel* (← nem. *Ziegel* ‘opeka’), ki prevladuje v štajerskih in panonskih narečjih. V narečjih v stiku z romanskimi je v rabi poimenovanje *modon* (← furl. *modon* ‘opeka, zidak’), ki se pojavi v 30 točkah (od 417 točk mreže za SLA). Druga, veliko manj pogosta poimenovanja, so *zidak* (v 10 točkah), v 3 točkah pa romanizem *tavela* (← it. *tavella*, furl. *tavele* ‘votli tlakovec’). Knjižni leksem *opeka* najdemo v 5 točkah (večinoma kot dvojnica germanizmu *cegel* oz. *cigel*).

Za pomen ‘naprava z železno ploščo za kuhanje in ogrevanje’, knjižno *štedilnik*, je najpogosteje uporabljeno poimenovanje germanizem *šparget* (← nem. *Sparherd* ‘štedilnik’) z različicami *šporget*, *šporgert*, *špargert*, *šporhajt*, *špojert*, *špajet*, *špurget*, *špurgert*, *šporat*, *šporot*, *šporgelt*, *špolert* (tersko narečje), *špurket* ipd. Štirikrat je zapisano poimenovanje *štedilnik* (← knj. slov. *štedilnik*), vedno kot novejša dvojnica k leksemu *šporget*. Po dvakrat sta zapisani poimenovanji *pozad* (v ziljskem narečju) in *gašper* (← slov. *Gašper* (osebno lastno ime)). Za ‘štedilnik’ najdemo torej v narečjih več kot 95% germanizmov.

Za pomen ‘brisača’ sta najpogostejša in prostorsko najbolj razširjena starejša germanizma *antlja* (← **(xantila)* ali **(xanttweheĺ)-a* ← stvnem. *hantila* ‘brisača’ ali srvnem. *hanttwehele* ‘brisača’) in *antvelja* (← srvnem. *hanttwehele* ‘brisača’) z različicami *antelja*, *antulja* in *antlja*. Zelo razširjen je tudi mlajši germanizem *(h)antuh* ali *(h)ntoh* z redkejšimi prevzetimi različicami *(h)antah*, *(h)anteh* in *ant(a)ha*. Manj pogoste so neprevzete tvorjenke s korenom *(-)bris-* (npr. *brisalka* in *brisača*). Na zahodu najdemo romanizme: najpogostejša je italijanska izposojenka *šugaman* (← it. *asciugamano* ‘brisača’) in furlanski sposojenki *šujeman* (← furl. *suieman* ‘brisača’) in *tavaja* (← furl. *tavaie*, ben. it. *tavaia* ‘brisača’). Še redkejši so kroatizmi, npr. v točkah na hrvaški strani meje (Čabar, Hum na Sutli, Dubravica in Banfi pri Štrigovi), kjer je leksem *ručnik* (← hrv. *ručnik* ‘brisača’ (< **rǫčьnikъ*)) lahko tudi novejša dvojnica poleg starejše oblike *obrisač*, ki jo najdemo tudi v krajih na slovenski strani meje (prleško narečje). Največ besedja za pomen ‘brisača’ predstavljajo germanizmi (*antlja* v 117 točkah (od 417 točk mreže SLA), *hantuh* v 70 točkah in *antvelja* v 54 točkah); sledijo romanizmi (*šugaman* v 25 točkah, *šujeman* in *tavaja* pa v 5 točkah primorske narečne skupine.

Za pomen ‘blazina za pod glavo; vzglavna blazina’, je najpogostejši in najbolj razširjen leksem garmanizem *póvšter* (< **(polštr)-ъ* ← srvnem. *polster*, stvnem. *polstar* ‘blazina’ (> nem. *Polster* ‘blazina’)) z glasoslovnimi različicami (npr. *pojšter* ali *pošter*). Obliko s premetom *-ol-* ≥ *-lo-* (*plošter*) najdemo v vzhodnogorenjskih in srednjesavinjskih govorih. Na vzhodu imamo še germanizem *vanjkuš* (< **(vańkuš)-ь* ← stvnem. *wangakussīn*, srvnem. *wangeküssen*, *wangeküsse* ‘vzglavnik, blazina’ (> nem. *Wangenkissen* ‘vzglavnik, blazina’)), na zahodu pa romanizem *kušin* (← furl. *cussin* ‘blazina, podzglavnik’) ali *kušnjel* (← furl. *cussignel*). Neprevzeti (tudi knjižni) leksem *blazina* ‘pernica’ je redkejši, pojavlja se v osrednjih narečjih (gorenjsko, dolenjsko). Za pomen ‘s perjem, žimo, volno napolnjena podloga za ležanje ali sedenje’, je najpogostejši in najbolj razširjen neprevzeti leksem *blazina* (v 83 točkah), sledita mu germanizem *štrozak* (← nem. *Strohsack*, srvnem. *strōsac* ‘slamnjača’ (po prehodu **ž* > *z* in pred prehodom *z* > *s*), ponekod z bav. nem. *a* > *o* v nenaglašenem zlogu, torej *štrozok*) v 79 točkah ter romanizem *štramac* (← furl. *stramaz*, ben. it. *stramazzo* ‘žimnica’) v 53 točkah. Drugi pogosti neprevzeti leksemi so še *plevnica*, tj. ‘s plevami napolnjena blazina (za ležanje)’, *slamnica* ‘slamnjača’ in *lubnica* ‘z ličkanjem napolnjena blazina (za ležanje)’.

ZAKLJUČEK

Največ prevzetih besed v slovenskih narečjih predstavljajo germanizmi, kar velja predvsem za del slovenskega (jezikovnega) ozemlja, ki je nekoč spadal pod avstrijski del Avstro-Ogrske monarhije, ali pa tiste dele, ki so geografsko bliže Avstriji. Manj je romanizmov (predvsem na zahodu, na stiku slovenskega jezika z italijanskim ali furlanskim). Hungarizmi oz. madžarizmi so zajeli najmanjši, skrajno severovzhodni del slovenskega jezikovnega prostora (prekmursko narečje), kjer se slovenski jezik stika z madžarskim. Najdemo tudi kroatizme, ki jih je zaradi sorodnosti med sosednima jezikoma – južnoslovanskima slovenskim in hrvaškim – težje razločiti od (narečnih) slovenskih.

Članek podaja pregled izbranih narečnih besed iz dveh večjih pomenskih polj: 1) 'človek' in 2) '(kmečka) hiša'. Poimenovanja za 1) dele telesa so precej enotna, vendar pa nekatera (npr. 'ustnica') kljub predpostavljeni nizki stopnji dovzetnosti za prevzemanje (gl. Haspelmath in Tadmor 2009) izkazujejo višjo stopnjo izposoje. Tudi poimenovanja za bližnje sorodnike (kot so *oče, mati, brat, sestra, starši*) so bolj enotna kot npr. poimenovanja za bolj daljne sorodnike (npr. *bratranec, sestrična*). Pestra so poimenovanja za pomen 'fant', kjer prevladujejo prevzeta poimenovanja (približno 95%) ali za pomen 'dekle', za katerega najdemo kar 45 različnih narečnih poimenovanj.

Izbor leksemov iz pomenskega polja 2) '(kmečka) hiša' kaže različne stopnje variabilnosti leksemov: od najbolj enotnih (npr. *okno, vrata*) do bolj raznolikih (npr. *stopnice*, kjer prevladujejo germanizmi, ki predstavljajo več kot 86% besedja). Veliko prevzemanja (zlasti germanizmov) je najti med stanovanjsko opremo: za 'blazino', 'brisačo' ali 'štedilnik'. Najbolj raznolika so poimenovanja za *slabo* (*oz. majhno*) *hišo*, kjer je bogastvo leksemov (tudi) posledica tabuizacije.

LITERATURA

Babič V. Učbenik stare cerkvene slovanščine, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete – Oddelek za slavistiko – Oddelek za slovenistiko, [2]2008 ([1]2003). 214 s.

Bajec A. Besedotvorje slovenskega jezika, 1950–1959. 1: Izpeljava samostalnikov. Ljubljana: Ljudska pravica, 1950. 135 s.

Boerio G. Dizionario del dialetto veneziano, Venezia: Cecchini, [3]1867. 976 s.

Doria M. Grande dizionario del dialetto triestino: storico etimologico fraseologico, con la collaborazione di Claudio Noliani, Trieste: Edizioni "Italo Svevo"– Edizioni "Il Meridiano", 1987. 1022 s.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I: A–J, 1971. 788 s.; II: K–poni[1], 1972. 700 s.; III: poni[2]–Ž, 1973. 703 s.; IV: kazala, 1974, 788 s. ur. Mirko Deanović – Ljudevit Jonke, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika I: A–J, Ljubljana: SAZU, Inštitut za slovenski jezik (izd.) – Mladinska knjiga (zal.), 1977 ([1]1976). 235 s.; II: *K–O*, Ljubljana: SAZU, Inštitut za slovenski jezik (izd.) – Mladinska knjiga (zal.), 1982. 265 s.; III: *P–S*, dopolnila in uredila Marko Snoj in Metka Furlan, Ljubljana: SAZU – Znanstvenoraziskovalni center, Inštitut za slovenski jezik, Etimološko-onomastična sekcija (izd.) – Mladinska knjiga (zal.), 1995. 355 s.; IV: *Š–Ž*, avtorji gesel France Bezlaj, Marko Snoj in Metka Furlan, uredila Marko Snoj in Metka Furlan, Ljubljana: SAZU – Znanstvenoraziskovalni center, Inštitut za slovenski jezik, Etimološko-onomastična sekcija (izd.) – Založba ZRC (zal.), 2005. 494 s.; V: *kazala*, izdelala Marko Snoj in Simona Klemenčič, Ljubljana: SAZU – Znanstvenoraziskovalni center, Inštitut za slovenski jezik, Etimološko-onomastična sekcija (izd.) – Založba ZRC (zal.), 2007. 769 s.

Furlan M. Novi etimološki slovar slovenskega jezika: poskusni zvezek, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2013. 221 s.

Furlan M. Slovenska dialektologija: od gradiva do interpretacije, Annales 26/4, 2016, str. 629–638.

Hartman B. Slovniške in pravopisne drobtine: Debiče, JiS 3 (1957), str. 136–137.

Haspelmath M. – Tadmor U. The Loanword Typology Project and the World Loanword Database, v: Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook, ur. Martin Haspelmath – Uri Tadmor, Berlin: De Gruyter Mouton, 2009, str. 1–34.

Jakop T. Besedje za bratranca in sestrično v slovenskih narečjih (po gradivu za SLA), Jezikoslovni zapiski 13 (2007), št. 1–2 = Merkujev zbornik, str. 189–194 + 2 pril.

Jakop T. Dvojina v slovenskih narečjih. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2008. 171 str., [27 str. pril.].

Jakop T. Srednjesavinjsko in srednještajersko narečje ter celjski pogovorni jezik. V: NOVAK-POPOV, Irena (ur.). Vloge središča: konvergenca regij in kultur (Zbornik Slavističnega društva Slovenije, 21). Ljubljana: Zveza društev Slavistično društvo Slovenije, 2010, 120–129.

Jakop T. (Ne)prevzetost izrazja v slovenskih narečjih (po gradivu za Slovenski lingvistični atlas), Jezikoslovni zapiski 21 (2015), št. 1, 91–120.

Logar T. Dialektološke in jezikovnozgodovinske razprave, ur. Karmen Kenda-Jež, Ljubljana: ZRC SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 1996. 426 s.

Pirona G.A. – Carletti E. – Corgnali G.B. Il Nuovo Pirona: vocabolario friulano, aggiunte e correzioni riordinate da Giovanni Frau, Udine: Società filologica friulana, 2001 ([1]1935, 1972, 1996). 1810 s.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar 1–2, Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1894–1895. (Ponatisi: Ljubljana: Cankarjeva založba, 1974; Celovec: Wieser, 2004/05; Slovensko-nemški slovar: transliterirana izdaja 1–2, ur. Metka Furlan, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2006 (Slovarji), tudi elektronski vir na cedeju.) ⟨http://bos.zrc-sazu.si/pletersnik.html, dostop 30.6. 2011.⟩

Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika 2: konzonantizem, Ljubljana: Učiteljska tiskarna, 1924 (Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani, Dela I/2). 335 s.

Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika 7: dialekti, Ljubljana: Učiteljska tiskarna, 1935 (Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani, Dela I/7). 204 s.

Rigler J. Zbrani spisi 1: jezikoslovnozgodovinske in dialektološke razprave, ur. Vera Smole, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2001. 651 s.

Rosamani E. Vocabolario giuliano dei dialetti parlati nella regione giuliano-dalmata quale essa era stata costituita di comune accordo tra i due stati interessati nel Convegno di Rapallo del 12-XII-1920, Trieste: Lint, 1990. 1354 s.

SLA 1.1 = Slovenski lingvistični atlas 1: človek (telo, bolezni, družina) 1: atlas, ur. Jožica Škofic, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2011 (Jezikovni atlasi). 326 s.

SLA 1.2 = Slovenski lingvistični atlas 1: človek (telo, bolezni, družina) 2: komentarji, ur. Jožica Škofic, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2011 (Jezikovni atlasi). 403 s.

SLA 2.1 = Slovenski lingvistični atlas 2: kmetija 1: atlas, ur. Jožica Škofic, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2016 (Jezikovni atlasi). 209 s.

SLA 2.2 = Slovenski lingvistični atlas 2: kmetija 2: komentarji, ur. Jožica Škofic, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2016 (Jezikovni atlasi). 454 s.

Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Modrijan, [2]2009. 1022 s.

SSKJ = Slovar slovenskega knjižnega jezika I: A–H, 1970; II: I–Na, 1975; III: Ne–Pren, 1979; IV: Preo–Š, 1985; V: T–Ž, 1991, Ljubljana: SAZU oz. (od 4. knjige naprej) SAZU – ZRC SAZU (izd.) – DZS (zal.).

Striedter-Temps H. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen, Berlin: Osteuropa – Institut – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1963 (Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin 27). 256 s.

Šekli M. Metodologija določanja plasti mlajših romanizmov v slovenščini, Jezikoslovni zapiski 19 (2013), št. 2 = Dialektološki razgledi, s. 291–315.

Šekli M. Primerjalno glasoslovje slovanskih jezikov 1: od praindoevropščine do praslovanščine, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2014. 429 s.

Toporišič, J. Slovenska slovnica, Založba Obzorja Maribor, [4]2000. 923 s.

Krajšave

avstr.	avstrijsko
bav.	bavarsko
ben.	beneško
ed.	ednina
fr.	francosko
furl.	furlansko
gl.	glej
hrv.	(knjižno) hrvaško
it.	(knjižno) italijansko
knj.	knjižno
kor.	koroško
lat.	latinsko
madž.	madžarsko
mn.	množina
nar.	narečno
nem.	(knjižno) nemško
npr.	na primer
oz.	oziroma
slov.	slovensko
srvnem.	srednjevisokonemško
stvnem.	starovisokonemško
tj.	to je
ur.	uredil

SUMMARY

Selection of Borrowed Words in Slovenian Dialect

This article presents dialect vocabulary from the semantic fields 1) ‘human body and family’ and 2) ‘Slovenian (farm)house, its architectural elements, and interior furnishings’. The selected dialect material from Slovenian linguistic territory was collected for *Slovenski lingvistični atlas* [Slovenian Linguistic Atlas, SLA]. The variety of the lexemes is a result of the extreme diversity of Slovenian dialects, which arose due to historical and geographical circumstances, as well as the influence of neighboring languages.

The vocabulary for human body parts is quite uniform and contains mainly non-borrowed words with Slavic origin, although some lexemes show a greater degree of loan words (e.g. *ustnica* 'lip' with over 50% of borrowed lexemes). Vocabulary for close relatives (such as *starši* 'parents', *oče* 'father', *mati* 'mother', *brat* 'brother' and *sestra* 'sister') is also more uniform from lexemes denoting more distant relatives (e.g. *bratranec* or *sestrična* 'male or female cousin'). Vocabulary for *fant* 'boy' on the other hand shows a predominance of German and Romance loan words (approx. 95%).

Lexemes from the semantic field '(farm)house' range from most uniform (for e.g. *okno* 'window', *vrata* 'doors') to more diverse (e.g. *stopnice* 'stairs', with 86% Germanic lexemes) and most diverse (e.g. for *slaba* (*oz. majhna*) *hiša* 'poor (or small) house', where the variety of lexemes (also) appears as a result of tabooisation). A lot of borrowing (particularly from German) is found among the house equipment, e.g. for 'pillow', 'towel' or 'stove'. This paper points out the proportion between borrowed and non-borrowed words in Slovenian dialects.

Сведения об авторе:
dr. Tjaša Jakop,
Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
(Ljubljana, Slovenija)

др. Тьяша Якоп,
Институт этнологии
(Любляна, Словения)

др. Tjaša Jakop,
Institute of Ethnology in Slovenia
(Ljubljana, Slovenia)
jakop@zrc-sazu.si

SELECTION OF BORROWED WORDS IN SLOVENIAN DIALECTS

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВЕНСКИХ ДИАЛЕКТАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЛЯ «СЛОВЕНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА»)

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-155-160

А.В. Гладощук

Солнце и луна: Октавио Пас и Руфино Тамайо

Аннотация: В статье анализируется фрагмент одного из стихотворений в прозе из книги Октавио Паса «Орел или солнце?» (1951) – «Естество», посвященное мексиканскому художнику Руфино Тамайо. Автор показывает, как Пас переводит в поэтическую форму идеи, сформулированные в написанном в то же время эссе-комментарии к первой выставке Тамайо в Париже, обнаруживает переклички с двумя позднейшими эссе о художнике и выявляет, как поэтический образный ряд соотносится с визуальным.

Ключевые слова: Октавио Пас, Руфино Тамайо, художественная критика, сюрреализм, экфрасис, метафора

Abstract: The article presents an analysis of a fragment from 'Natural being' – a poem in prose dedicated to a Mexican artist Rufino Tamayo, from Octavio Paz's 'Eagle or Sun?' (1951). The author shows how Paz translates into a poetical form ideas formulated in the essay written concurrently as a comment to the first exhibition of Tamayo in Paris, finds parallels with the two later essays about the artist and reveals some correspondences between poetical and visual images.

Key words: Octavio Paz, Rufino Tamayo, art criticism, surrealism, ekphrasis, metaphor

«В мире латиноамериканской литературы поэзия Неруды – солнце: по-испански щедрая вспышка – как арбуз Тамайо; поэзия Паса – луна: странное галльское свечение – как луна Магритта»[1] – с этой характеристики, автором которой является критик и переводчик Рональд Крист, легендарная Рита Гиберт начинает предисловие к одному из самых важных интервью Октавио Паса (1914–1998). Суждение критика справедливо лишь отчасти: «лунной» поэзия Паса становится, начиная со сборника «Саламандра» (1962) *(Salamandra)*. На первом же этапе его творчество развивается под знаком солнца: не случайно заглавие одного из разделов итоговой антологии «Свобода за слово» (1935–1958) *(Libertad bajo palabra)* – «Неистовая пора» *(La estación violenta)* (метафора лета, полудня, наступления зрелости, заимствованная у Аполлинера), – а ее «кульминацией» является поэма «Камень солнца» *(Piedra de sol)*. Возможно, именно поэтому в те годы Пас сближается с мексиканским художником Руфино Тамайо (1899–1991), о котором

[1] *Paz O.* Obras completas. T.15. Miscelánea III. Entrevistas / Ed. del autor. México: Fondo de Cultura Económica; Círculo de lectores, 2003. P. 399.

он писал: «Если бы можно было одним словом назвать то, что отличает Тамайо от других художников нашего времени, я бы сказал, не колеблясь: солнце. Оно присутствует на всех его картинах, тайно или явно; даже ночь для Тамайо – не что иное, как обуглившееся солнце»[1].

На вопрос Гиберт о сходстве между ним и Тамайо Пас отвечал, что их творческие пути пересеклись, но ненадолго: было время, когда их объединяло стремление обнаружить связь между современным искусством и искусством доколумбовой Мексики. Пас познакомился с Тамайо в 1940-х гг., когда оба они жили в Нью-Йорке; общение с художником, по признанию поэта, утвердило его в мысли, что современность не тождественна «новому» и что, для того чтобы быть по-настоящему современным, он должен вернуться к «началу начал»[2].

С 8 ноября по 9 декабря 1950 г. в Галерее изящных искусств (Galérie Beaux Arts) стараниями Паса проводится первая выставка Тамайо в Париже, на которой было показано 27 его работ. К тому моменту художник привлек внимание многих европейских критиков: весной того же года он вместе с муралистами Диего Риверой, Хосе Клементе Ороско и Давидом Альфаро Сикейросом представлял Мексику на XXV Венецианском биеннале и был одним из главных претендентов на премию (в итоге лауреатами стали А. Матисс и Сикейрос). По просьбе Паса Андре Бретон и Жан Кассу, директор Музея Современного искусства города Парижа, пишут тексты для каталога выставки, в который также вошло эссе самого поэта – «Тамайо и мексиканская живопись» (*Tamayo en la pintura mexicana*, 1950). Впоследствии Пас напишет еще два эссе о художнике: «От критики к приношению» (*De la crítica a la ofrenda*, 1960) и «Преображения» (*Transfiguraciones*, 1968) – все три напрямую соотносятся, дополняя друг друга, с посвященным Тамайо стихотворением в прозе «Естество» (*Ser natural* (*Homenaje al pintor Rufino Tamayo*) из книги *¿Águila o sol?* (1951)[3].

Во время работы над «Орел или солнце?» (*¿Águila o sol?*) Пас был увлечен сюрреализмом: знаменательно, что французские переводы двух входящих в книгу текстов – «Обсидиановая бабочка» (*Mariposa de obsidiana*), «Каторжный труд» (*Trabajos forzados*) – были напечатаны в сюрреалистических журналах. Размышляя о Тамайо, Пас несколько раз касается вопроса о его отношении к сюрреализму: с сюрреалистами художника сближает установка на непосредственность – творимое им искусство экспрессивно, поэтично, мифологично. Вместе с тем Тамайо чужда «литературность», «дискурсивность» работ таких художников, как Макс Эрнст: его картины – не визуальный перевод поэтического текста, а «изобразительные метафоры»[4] (metáfora plástica), как у Жоана Миро. Воссоздавая художественный мир Тамайо, Пас сохраняет дистанцию по отношению к сюрреализму в плане поэтическом: сопряжение удаленных реальностей в стихотворении регулируется не «механически»-вербальной логикой синонимических полей, а органической логикой индивидуального мифа, творимого Тамайо, и пасовской философией аналогии, уходящей корнями в «психическую подпочву»[5] Мексики.

---

[1] *Paz O.* Obras completas. T. 7. Los privilegios de la vista II: Arte de México. México: Fondo de Cultura Económica; Círculo de lectores, 2006. P. 288. К этой формуле, по мнению Паса, сводится всё им написанное о художнике.

[2] *Paz O.* Obras completas. T. 6. Los privilegios de la vista I: arte moderno universal. México: FCE; Círculo de lectores, 2010. P. 35.

[3] Тамайо создал 4 иллюстрации к книге, одна из которых – рисунок на обложке.

[4] *Paz O.* Obras completas. T. 7. P. 274.

[5] *Paz O.* Obras completas. T. 6. P. 36.

Идея органичности заложена в самом заглавии стихотворения: «Ser natural» можно буквально перевести как «естественное, природное существо». В эссе также часто встречается слово «natural» и однокоренные ему: Пас последовательно раскрывает многомерность «естественности» художника. Тамайо «натуралистичен» в том смысле, что ему доступно видение единства человека и мира[1]. На пространстве его картин действуют те же силы, что и в природе (naturaleza)[2]. Естественность художника сообщается зрителю: странное и естественное очарование (natural fascinación), под которое мы подпадаем, глядя на его работы, сродни тому, что мы испытываем каждый день, наблюдая распускание цветка, созревание плода, женщины, смену дня и ночи[3]. Еще один аспект «естественности» – в отношении Тамайо к архаике: в отличие от большинства современных художников, ему не приходится «отвоевывать невинность», заниматься раскопками на «кладбищах культуры» (т. е. в музеях), он восстанавливает связь с доколумбовым прошлым, не прилагая к тому никаких усилий, непринужденно (con naturalidad)[4]. Дополнительный оттенок смысла прилагательного «natural» выявляется в писавшейся в то же время книге «Лабиринт одиночества» (1950) в следующем контексте: хаос – древнее и «*естественное*» (*natural* – курсив Паса) состояние жизни[5]. Проецируя это определение на творчество Тамайо, можно сказать, что в своем стремлении представить вещи в их «сущностной обнаженности»[6] он соприкасается с хаосом, каждая его картина – напишет Пас по случаю парижской выставки художника 1960 г. – это «взвешенная в своей “материальности” материя»[7].

Стихотворение разделено на три части, визуальную основу которых составляют конкретные картины художника[8] и его излюбленные образы – в данной статье будет проанализирована первая часть.

Тамайо прославился как искусный колорист – не случайно поэтому первый абзац посвящен цветам. Своеобразие техники художника, по мнению Паса, заключается в том, что он работал вглубь одного цвета, стремясь исчерпать все его возможности, а не вширь, комбинируя разные пигменты. Пас вербализирует метод Тамайо с помощью длинных рядов однородных членов: предикатов, грамматическими субъектами которых являются «los azules», «los verdes», «los grises», определений, в том числе приложений, дополнений – многообразные действия цветов суть их оттенки: «Разворачивают свои покровы, простирают свои водопады, обнаруживают свои глубины, прокаливаемая на огне прозрачность – синие. Разъяренные перья или дольки радости, ослепление, внезапные решения, всегда меткие и резкие, зеленые накапливают влагу, разжевывают как следует свой крик, прежде чем прокричать его, холодный и искрящийся, в собственной толще. Неисчислимые, постепенные, безжалостные, серые прокладывают себе путь

[1] *Paz O*. Obras completas. T. 7. P. 281.

[2] Ibid. P. 276.

[3] Ibid. P. 272.

[4] Ibid. P. 261.

[5] *Paz O*. El laberinto de la soledad. Madrid: Cátedra, 2013. P. 161.

[6] Paz O. Obras completas. T. 7. P. 258.

[7] Ibid. P. 271.

[8] Так, во второй части прочитываются отсылки к картинам «Сумасшедший I» (Пас называет ее «Сумасшедший, совершающий прыжок в пустоту» – *Loco que salta al vacío*) и «Сумасшедший II» (*El loco I, II*, 1949), «Влюбленные, созерцающие небосвод» (*Amantes contemplando el firmamento*, 1949), в третьей – к картине «Балерины, танцующие ночью» (*Bailarinas en la noche*, 1949).

четкими ударами ножа, голосами неустрашимых горнов» (здесь и далее перевод мой.– *А.Г.*)[1]. Последняя строка соотносится с тем, что писал Пас о музыкальном и поэтическом звучании серого цвета в первом эссе о художнике: «Никогда еще серый не обнаруживал столько интонаций и модуляций, – кажется, будто слушаешь поэму, состоящую из одной фразы, всё время повторяющейся и всё время меняющей свое значение»[2]. В конце абзаца посредством глагола «colindar» кладется предел лихорадочной деятельности цветов: «На границе (colindan con) с розовым, с пламенным». Глагол «descansar» обозначает переход к контрастному состоянию покоя и вводит упорядочивающий элемент: цвета держат на своих плечах «геометрию пожара»[3]. В последней строке в качестве именной части составного именного сказуемого, относящегося к цветам, возникают образы позвоночника (espinas dorsales), колонн, ртути (емкая метафора не выходящей из своих границ подвижности). Так Пас последовательно метафоризирует мысль, развиваемую в эссе: Тамайо – не только колорист, «заросли» (selva) цветовых градуаций структурирует «скульптурный» рисунок, образующий «настоящий костяк»[4] (el verdadero esqueleto) картины.

Второй абзац является экфрасисом воображаемого натюрморта – жанра, к которому Тамайо обращается в основном в 1920–1930-е гг. Через кольцевую композицию Пас стремится передать ритм диалога солнечного и лунного элементов, мужского и женского начал, к которому, как к метафоре, сводится, в его представлении, всё творчество художника: «На одном конце [стола] горит половинка луны. Это уже не драгоценность, а фрукт, спеющий под лучами своего внутреннего солнца. [...] Половинка фрукта – это половинка луны, спеющая под лучами солнца женского взгляда». Последняя строчка синтезирует в себе, перекрещивая, образы двух первых, устремляясь изнутри – вовне, к образу женщины, соотносящемуся с луной, но в то же время причастному солнцу. Обращает на себя внимание совмещение двух планов: бытового и космического – фрукты в вазе на домашнем столе оказываются небесными телами, и наоборот. Так Пас дает образное выражение мысли Бретона, соединяя ее со своей собственной: Тамайо вводит повседневную жизнь в сферу лирического и ритуального, сообщает ей больше страсти, вкладывает в нее «крупицу крылатого огня»[5]. Арбуз, женщины, гитары, куклы «тихо входят в мир, порядок в котором устанавливают звезды и птицы. Солнце и луна – силы враждующие и взаимодополнительные – господствуют в этой вселенной, полнящейся знаками бесконечности»[6].

Среди элементов натюрморта есть такие любимые художником или связанные с его биографией образы, как гитара (Тамайо играл на гитаре; знаменательно, что именно с гитарой его образ запечатлелся в одном парижском воспоминании Паса[7]), арбуз, «раскаленная сапота» (mamey incandescente – в юности художник, помогая

---

[1] *Paz O.* Libertad bajo palabra. Obra poética (1935–1958). México: Fondo de Cultura Económica, 1960. P. 210. Далее цитируется та же страница того же издания без дополнительных сносок.

[2] *Paz O.* Obras completas. T. 7. P. 264

[3] Представляется, что этот образ мог быть вдохновлен угловатыми языками пламени на картине «Дети, играющие с огнем» (*Niños jugando con fuego*, 1947), упоминаемой Пасом в эссе «Тамайо и мексиканская живопись».

[4] Ibid. P. 276.

[5] *Breton A.* Le Surréalisme et la peinture. P.: Gallimard, 1965. P. 233.

[6] *Paz O.* Obras completas. T. 7. P. 260.

[7] См. эссе *Destiempos de Blanca Varela*: «Затем приехал Руфино, с другой гитарой и с нефритовой спутницей – Ольгой».

семейному делу, продавал фрукты), огонь (см., например, помимо «Дети, играющие с огнем», картину «Огонь» – *Fuego*, 1946). Перо колибри и кинжал из горного хрусталя – образы, символизирующие «два лика» Мексики: мрачная и трагичная Мексика варварства и жертвоприношений и Мексика – «земля колибри», накидок, сделанных из перьев, масок из бирюзы[1]. Последние работы Тамайо вызывают у Паса ассоциацию с некоторыми мрачными сонетами Гонгоры – поэта белых, черных, серых тонов, поэта, слышащего ход времени: «las horas que limando están los días, / los días que royendo están los años»[2]. Поэтому один из элементов натюрморта – «часы, неутомимо грызущие себя изнутри» (el reloj que se roe incansablemente las entrañas). О других элементах говорится обобщенно: рядом с новорожденными предметами – предметы, стоявшие на столе с самого Начала (desde el Principio): так Пас «объективирует» восхищавшую его в Тамайо способность быть «очень современным» и «очень древним» одновременно.

Примечательно, что многие элементы натюрморта представлены фрагментами: половинка луны, половинка фрукта, кусок арбуза (tajada de sandía), «ломоть огня» (rebanada de fuego). Объяснение этому можно найти во втором эссе о художнике: взгляд Тамайо – кремень, рассекающий объект-приношение[3]. Однако «жертвоприношение есть преображение» (transfiguración): Тамайо «критикует», анатомирует объект, но высшая его цель – своего рода «поэтическая» трансформация мира, силой своего воображения он обращает сапоту – в солнце, гитару – в полумесяц, фрагмент женского тела – в участок дикого поля[4]. Пас раскрывает поэтический потенциал создаваемых художником образов с помощью метафорических цепочек: «Половинка луны есть излучение, матка всеобщей матери, всеобщей жены, поющая розовая раковина, забытая на пляже, ночной орел».

Третий абзац – своеобразный концептуальный вывод, кульминация движения вовне: теперь зритель – не женщина, а «мы» (nosotros). Замерев между враждующими мирами, на небольшом участке материи мы прозреваем отпущенную нам долю «целостности» (totalidad) – т. е. вместе с Тамайо мы участвуем в акте эротического обладания реальностью как «распадающейся цельности»[5] (totalidad que se fragmenta), постигаем жизнь и смерть в их неразрывном единстве[6] (totalidad inseparable). Вслед за обобщающим «мы» появляются три аллегорические фигуры – el Tragaldabas, el Poeta, la Mujer, олицетворяющие две стороны художнического темперамента Тамайо: страстность и склонность к рефлексии. Образ оскалившегося Tragaldabas (букв. «обжора») отсылает к упоминаемой Пасом картине «Пожиратель арбузов» (*Devorador de sandías*)[7]. В то же время Tragaldabas – собирательный образ плотоядных, чувственных лиц, разъяренных животных, воплощение «разрушительного аппетита»[8], охватившего индустриальное общество. Поэт и Женщина – ипостаси солнца и луны, синхронные фазы женского и мужского циклов: Поэт открывает глаза, Женщина – закрывает, что знаменует переход из плана живописного (взгляд женщины – источник света в натюрморте) в план

[1] *Paz O.* Obras completas. T. 7. P. 261.
[2] Ibid. P.264. Пас цитирует последние строчки сонета *De la brevedad engañosa de la vida*.
[3] Ibid. P. 271.
[4] Ibid. P. 274.
[5] Ibid. P. 280.
[6] Ibid. P. 260.
[7] Возможно, Пас имел в виду картину *Comedor de sandía* (1949) – изображенный на ней мужчина обнажает в улыбке зубы.
[8] *Paz O.* Obras completas. T. 7. P. 263.

метафизический. Именно поэт прозревает конечный смысл творчества художника: «Todo es» – эти слова Пас повторит в эссе 1968 г. Каждая картина Тамайо, будучи сплетением ощущений, является метафорой, и эта метафора говорит: мир существует, жизнь есть жизнь, смерть есть смерть – «*всё есть*»[1] (Паса).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Breton A. Le Surréalisme et la peinture. P.: Gallimard, 1965. 428 p.

Paz O. Libertad bajo palabra. Obra poética (1935–1958). México: Fondo de Cultura Económica, 1960. 317 p.

Paz O. Obras completas. T. 6. Los privilegios de la vista I: arte moderno universal. México: FCE; Círculo de lectores, 2010. 389 p.

Paz O. Obras completas. T. 7. Los privilegios de la vista II: Arte de México. México: Fondo de Cultura Económica; Círculo de lectores, 2006. 445 p., ilus.

Paz O. Obras completas. T. 15. Miscelánea III. Entrevistas / Ed. del autor. México: Fondo de Cultura Económica; Círculo de lectores, 2003. 759 p.

Paz O. El laberinto de la soledad. Madrid: Cátedra, 2013. 578 p.

Сведения об авторе:
Анастасия Валерьевна Гладощук,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia V. Gladoshchuk,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
appletart@mail.ru

THE SUN AND THE MOON: OCTAVIO PAZ AND RUBINO TAMAYO

[1] Ibid. P. 287.

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-161-170

Е.М. Панкова

Концепт КРЕСТ в русской культурной традиции

Аннотация: В статье исследуется функционирование концепта КРЕСТ в русском языке на основе использования языковых и авторских метафор в текстах художественных произведений, в русской народной речевой культуре, а также в текстах дискурсов разного типа с целью выявления различных проявлений фреймовой структуры концепта и особенностей его мифологизации в сознании представителей русской нации.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, фрейм, метафоризация, идиостиль

Abstract: The article discusses uses of the word ‘cross’ in Russian occasional and conventional metaphors, in fiction, in the vernacular, and other discourses, so as to see the frame structure of the concept CROSS and its potential for creating myths in the national consciousness.

Key words: concept, conceptosphere, frame, metaphorization, idiostyle

Кто хочет идти за Мной, отвертись себя и возьми крест свой и следуй за Мною.

Мк.: 8,34

СПРАВКА

Крест (праслав. *krьstъ) – геометрическая фигура, состоящая из двух или более пересекающихся под прямым углом линий или прямоугольников. Начинает использоваться еще в эпоху неолита, со временем приобретая более правильные геометрические формы[1]. Крест представляет собой одну из древнейших и наиболее распространенных разновидностей мистических знаков, во многих религиях несет особый сакральный смысл. Существует более шестидесяти различных типов крестов, каждый из которых имеет свою символику и используется в обрядности народов, ведущих свою историю с дохристианских времен − египтян, вавилонян, этрусков, индусов и др.[2]

[1] *Токарев С.А.* Крест // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 12–13.

[2] *Голубцов А.П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. Из истории изображений креста. СПб.: Паломник, 1996 (http://www.greeklatin.narod.ru/golub/_212.htm).

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ

Одна из самых распространенных этимологических версий относительно русского названия креста восходит к имени Христа, заимствованному из германских языков, ср. древневерхненемецкие Christ, Crist, Krist (другая точка зрения – от лат. crux)[1]. Интересно замечание В.Н. Топорова[2] о том, что в некоторых языках, различающих грамматические классы по критериям «разумности – неразумности», крест относится к категории активных имен, т. е. осмысляется в качестве одушевленного имени, как в кет. baḷbiş – «крест».

В основном при анализе истории и представлений людей архаического мира крест трактуется именно как элемент какого-либо культа, часто выступает как модель человека или антропоморфного божества; однако со временем, функционируя в сознании и речи носителей определенного языка и культуры, крест обрастает большим количеством коннотаций и метафорических осмыслений. Фреймовая структура исследуемого концепта находит отражение в художественных текстах национальной литературы, в реализации концепта в речи.

Лексема «крест» и ее производные являются базой для многочисленных устойчивых выражений в русском языке, помогающих выявить особенности мифологизации концепта в сознании представителей русской нации: так, на основе сравнения функционирования в устойчивых выражениях и при индивидуально-авторской метафоризации в текстах художественных произведений можно говорить о расширении базовых представлений о кресте в индивидуальной языковой картине мира. Именно такой сопоставительный анализ и является целью нашего исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ[3]

1.0. Под концептом понимается явление того же порядка, что и понятие. Следуя определению Ю.С. Степанова, концепт – это «как бы сгусток культуры в сознании человека»[4].

1.1.0. Посредством концепта человек входит в культуру и в некоторых случаях влияет на нее[5]. Концепт – явление, социально обусловленное.

1.2.0. Концепт фиксируется с помощью семиотических (знаковых) систем, одной из которых является национальный язык. При этом важен характер конвенциональной связи между означаемым и означающим, образующейся на основе метафоры.

2.0. Концепты, или понятия, образуют концептосферу, т. е. совокупность концептов, из которых складывается мировосприятие носителей языка.

2.1.0. Концептосфера может рассматриваться в связи с изучением особенностей художественного мировоззрения отдельной личности.

2.1.1. В основе индивидуальной концептосферы любого человека лежат элементы концептосферы, вычленяемые из национальной духовной картины мира[6].

---

[1] *Токарев С.А.* Крест // Мифы народов мира. С. 12–13.

[2] Там же.

[3] Некоторые положения взяты из: *Чижова Л.А.* Бабочка в метафорическом зеркале языка // Риторика. Семиотика. Языкознание: Сб. ст. к 70-летию проф. А.А. Волкова. М., 2016. С. 257–277.

[4] *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М., 2004. С. 42–67.

[5] Там же.

[6] См.: *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287.

3.0. Концепт, или понятие, характеризуется фреймовой структурой, т. е. совокупностью (системой) фреймов, описывающих модель для представления некоторой концепции (стереотипа восприятия)[1].

3.1.0. По определению М. Минского, фрейм – минимальная необходимая совокупность признаков объекта или явления, позволяющая идентифицировать этот объект (явление) и тем самым как бы вычленяющая его из окружающего мира.

3.1.1. Фреймовая структура концепта, или понятия, описывается системой составляющих фрейма, т. е. системой слотов.

4.0. Языковое представление концептов, или понятий, фиксируется в текстах различного типа: словарях национального языка, текстах художественных произведений. В нашем исследовании важно представление о соответствии норме – таким образом вычленяются метафоры языковые и индивидуально-авторские.

4.1.0. Возникновение и функционирование индивидуально-авторских метафор происходит за счет расширения метафорических переносов в художественном дискурсе.

4.1.1. Анализ индивидуально-авторских метафор позволяет выявить прагматическую составляющую – замысел автора-адресанта и отношение к нему адресата-читателя.

В соответствии с принятыми положениями перейдем к конкретному анализу представления концепта КРЕСТ в текстах разного типа.

ЧАСТЬ II

АНАЛИЗ ФРЕЙМОВОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА *КРЕСТ* ПО ДАННЫМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Наряду со значением предмета какого-либо культа крест также имеет ряд метафорических значений, отраженных в толковых словарях русского языка. Однако в каждом словаре последовательность значений лексемы *крест* разная, что связано с субъективным выбором составителя словаря, а также временем выхода издания (так, в советский период особыми были отношения к религии и институту церкви), что влияет и на объем материала, представленного в разных словарях. Проанализируем данные из пяти толковых словарей русского языка: Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля[2], толкового словаря Д. Ушакова[3], Малого академического словаря русского языка (МАС)[4], Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой[5] и Нового толково-словообразовательного словаря русского языка Т.Ф. Ефремовой[6].

В трех из пяти словарей на первом месте значение креста как предмета христианского культа. В словаре живого великорусского языка В.И. Даля и толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой такое значение стоит на втором ме-

---

[1] *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Мир, 1979 (www.rema44.ru/resurs/study/ai/present/L05-02-frame.pdf).

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2: И – О. М., 1981. 779 с.

[3] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1: А – К. М., 1995. 844 с.

[4] Малый академический словарь русского языка (МАС): В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 2: К – О. М., 1986. 736 с.

[5] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1999. 944 с.

[6] *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1: А – О. М., 2000. 1209 с.

сте, после определения креста как фигуры из двух перекрещивающихся под прямым углом линий.

В четырех словарях, за исключением словаря Д.Н. Ушакова, представлено соотношение лексем *крест* и *крестное знамение*, взаимозаменяемые одно другим: для краткости в речи под крестом могут подразумевать совершение определенного действия, а именно – движение руки, повторяющее форму креста; ср.: *осенить крестом*, *сотворить*, *положить на себя крест*, *знаменье креста*, *перекреститься*. Так же как *сложить руки крестом* означает не сам крест, а повторение его формы с помощью рук, здесь можно говорить об иконическом употреблении знака «крест», а значит, и о метафоре на основе иконического знака. Такое переносное значение креста не является самым частотным в употреблении, поэтому располагается на втором, третьем месте или в конце словарной статьи.

В двух статьях о кресте приводятся значения, не повторяющиеся в других анализируемых словарях: в Толковом словаре Д.Н. Ушакова – это организация для помощи раненым, бедным или политическим заключенным, в МАС – и тоже последнее значение – в виде, форме креста, т. е. в значении наречия: крестом. Важно отметить соотношение лексем *крест* и *красный*: «красный крест» на белом поле является эмблемой, установленной в 1864 г. женевской конвенцией для обозначения нейтралитета раненых, а также санитарного персонала[1]. В настоящее время существует Международное движение Красного креста и Красного полумесяца, осуществляющее деятельность по всему миру, основной целью которого является добровольная помощь пострадавшим при общественных бедствиях или в вооруженных конфликтах.

Красный цвет ассоциируется с опасностью, так как соотносится с огнем, кровью и т. д., но при этом имеет и ряд других коннотаций. Например, *красный* как цвет любви, мужества, смелости и великодушия, а также других нравственных качеств и свойств характера рассматривается в геральдических сочинениях Коломбьера, Варенна, Ансельма[2]. Красный, как максимально яркий и привлекающий внимание, цвет хорошо виден издалека, что, несомненно, играет важную роль при выборе эмблемы для организации, напрямую связанной с военными действиями. КРАСНЫЙ в Православии соответствует Богу-Отцу, открывшемуся Моисею в огне Неопалимой Купины, является символом жертвенной крови Христа[3], искупившего смертью грехи человечества, означает торжество жизни над смертью и торжество любви Бога к человеку – соответственно, концепт КРАСНЫЙ напрямую связан с концептом КРЕСТ, а выражение «красный крест» является фразеологизмом.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отдельно выносится трактование креста в древности как вертикального сооружения, использующегося для казни, тогда как в других словарях такое значение предполагается как одно из входящих в первое определение креста – символа и предмета христианского культа.

Во всех пяти словарных статьях представлено определение креста как ордена, знака воинского отличия в форме креста (два раза на четвертом месте, на пятом, шестом и втором), в четырех словарях – крест как фигура из двух линий (два раза на первом, четвертом и третьем местах), в двух словарях, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и В.И. Даля, – крест в значении вышивки по канве перекрещивающимися стежками,

---

[1] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь: В 86 т. Т. 32. М., 1996. 501 с.

[2] *Арсеньев Ю.В.* Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. М., 2001. С. 151–153.

[3] *Попова Н.Н.* Античные и христианские символы. СПб., 2003. 63 с.

в словарях Т.Ф. Ефремовой и МАС – крест как метка, знак в форме креста, и в трех словарях, за исключением В.И. Даля и МАС, дается переносное значение креста как тяжелой судьбы, испытаний и страданий (на пятом, третьем, четвертом местах).

В случае использования креста для наименования международной организации помощи раненым можно говорить о метонимическом переносе при образовании вторичного значения лексемы (*красный крест* – одновременно и эмблема организации, и ее члены). Метафорический перенос имеет место при осмыслении креста как тяжелой судьбы по аналогии с мученической смертью на кресте Христа; вероятно, с течением времени переносное значение несколько расширилось и выражение нести свой крест стали использовать для описания не только страданий или тяжелой судьбы, но судьбы в принципе, жизненного пути человека.

Таким образом, одними из первых являются определения креста как геометрической фигуры или предмета христианского культа, затем следует набор значений, входящих в базовое представление русского человека о кресте, и только в двух случаях мы находим уникальные значения креста (*крестом* в значении наречия и *красный крест* как организация помощи раненым).

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА С ЛЕКСЕМОЙ *КРЕСТ*

Фреймовая структура анализируемого концепта также находит проявление и в устойчивых выражениях русского языка.

Например, одно из самых распространенных выражений, фиксируемое в словарях, *ставить крест на чем-л.*, т. е. ‘признать что-л. бесперспективным, отчаяться’, – здесь крест осмысляется как символ конца, что можно соотнести с пониманием креста как компонента духовно-религиозного кода (крест Христа как знамение смерти). Фразеологическое употребление основано на символизации действия перечеркивания: перечеркнуть – т. е. сделать недействительным (ср.: *вычеркнуть из памяти, перечеркнуть прошлое*)[1].

В выражении *креста на тебе нет* крест также соотносится с элементом христианского культа, являющимся регулятором человеческих ценностей, т. е. ‘нет совести, верных понятий о добре и зле’. Ср.: в выражении *вот тебе истинный крест* – крест как символ чистоты намерений.

Осмысление креста как символа судьбы, тяжелых жизненных испытаний и, шире, жизненного пути в целом находит отражение в таких часто употребляемых в текстах выражениях, как *идти на крест, нести / взять (свой) крест*.

Есть одно устаревшее устойчивое выражение, не фиксируемое в словарях русского языка, *взять под крест*, что означает ‘взять в долг, под запись в долговую книгу’: раньше малограмотное население вместо подписи ставило крест. При образовании вторичного значения лексемы используется метонимический перенос: крест означает и знак, который ставится в долговую книгу вместо подписи, и, в самом выражении, обещание (как в случае *вот вам крест!*).

В русском языке также немало выражений с производными от лексемы *крест*: *крестный ход, крестное знамение, крестное имя, крестный(ая) отец / мать* и др.

При крестном знамении изображение креста движением руки является, по теории Ч. Пирса[2], иконическим знаком и знаменует принадлежность к определенной

---

[1] Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006. 784 с.

[2] *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. М., 2000. С. 200–223.

конфессии, молитву, «выражение христианских догматов, исповедание христианской веры в Святую Троицу и богочеловека Иисуса Христа»[1].

Помимо проявления фреймовой структуры концепта в речи носителей русского языка необходимо также исследовать реализацию концепта при помощи языковых и индивидуально-авторских метафор в литературе, расширяющих понятие КРЕСТ и выявляющих особенности его концептуализации в сознании представителей русской нации.

ЧАСТЬ III

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА *КРЕСТ* НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ МЕТАФОР[2]

Рассмотрев функционирование лексемы *крест* в устойчивых выражениях русского языка, обратимся к текстам художественных произведений (в основном поэтическим) и реализации в них исследуемого концепта. При этом важно разделять метафоры языковые, основанные на общем для всех людей представлении о концепте КРЕСТ, и индивидуально-авторские, расширяющие фреймовую структуру концепта и зачастую имеющие единичное употребление

В качестве примеров взяты цитаты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), особенность которого заключается в том, что языковые и индивидуально-авторские метафоры в нем не разделяются, следовательно, их выявление представляет определенную сложность, связанную с субъективностью восприятия и анализом частоты употребления носителями русского языка (примером языковой метафоры может служить любая из наиболее частотных – как из поэтического, так и из газетного, мультимедийного и др. корпусов, в отличие от единичных случаев употребления изучаемого концепта, представленных в следующем разделе).

Таблица 1

Языковые метафоры с лексемой *крест*

Пример (от наиболее частотных)	Толкование
Какой, в порядок не внесенный, Решил за нас Особый съезд На этой памяти бессонной, На ней как раз Поставить крест. [А.Т. Твардовский. По праву памяти (1966–1969)]	*Поставить крест на памяти* по аналогии с *вычеркнуть из памяти*, то есть ‘забыть’.
– Да что на тебе креста, что ли, нет, леший! – кричит один старик из толпы. – Ну и впрямь, знать, креста на тебе нет! кричат из толпы уже многие голоса. [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание. Ч. 1, гл. 5 (1866)]	Крест как показатель наличия / отсутствия совести, нравственных представлений о добре и зле.
Любить иных – тяжелый крест, А ты прекрасна без извилин, И прелести твоей секрет Разгадке жизни равносилен. [Б.Л. Пастернак. «Любить иных – тяжелый крест...» (1931)]	Крест как тяжелые жизненные испытания, страдания.

[1] См.: *Торик Александр, прот.* Воцерковление. М., 2013. 144 с.

[2] Примеры взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru/index.html).

Таким образом, наблюдается соответствие языковым значениям, описанным в словарях русского языка.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ МЕТАФОРЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОНЦЕПТА *КРЕСТ*, КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СВОЕОБРАЗИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА[1]

Рассмотрим проявление фреймовой структуры концепта на примере индивидуально-авторских метафор, расширяющих базовые представления о концепте КРЕСТ.

Отдельные представленные ниже примеры принадлежат поэтам Серебряного века (конец XIX – начало XX в.), являющимся, как известно, новаторами в области поэтического языка, максимально использующими его художественные ресурсы. Большинство цитат принадлежит перу Иосифа Александровича Бродского, на наш взгляд, одного из самых интересных поэтов-экспериментаторов и автора огромного количества индивидуально-авторских метафор и неологизмов, которые представлены в поэтическом корпусе НКРЯ наряду с языковыми метафорами, но отличаются от них частотой употребления и тем, что показывают возможное расширение фреймовой структуры концепта за счет индивидуально-авторского переосмысления и метафоризации окружающего мира.

Последовательность следующих примеров определяется степенью сложности восприятия метафоры и определения значения концепта в данном конкретном употреблении (от более простых к сложным).

Таблица 2

Индивидуально-авторские метафоры с лексемой *крест*

Пример (порядок произвольный)	Толкование
Запоминать, как над бесприютной землею простирает последние прямые руки крест. [И.А. Бродский. Определение поэзии (1959)]	Крест – руки человека, некая одушевленная разумная сила; Бог.
И вот, соединенные крестом, они пошли, должно быть, прочь отсюда. [И.А. Бродский. Переселение (1963)]	Можно предположить, что здесь крест рассматривается как судьба, общая сразу для нескольких людей, совместные жизненные испытания. Влюбленные, соединенные крестом.
В тот давний год, когда зажглась любовь, Как крест престольный, в сердце обреченном, Ты кроткою голубкой не прильнула К моей груди, но коршуном когтила. [А.А. Ахматова. «В тот давний год, когда зажглась любовь...» (1921)]	Крест – любовь; символ воскресения души, надежды. Метафоризация на основе восприятия креста на куполе церкви, «горящего» золотом под солнцем, и «зажигающейся» любви.
В монастыре, в волнах заката, – Рукопростертый, белый крест Стоит, как память дорогая; Бывало, он, – оснежен весь, Светлеет, огоньком мигая… [Андрей Белый. Первое свидание (1921)]	Крест – память, напоминание о событии в прошлом (о свидании). Связь с концептом БЕЛЫЙ – снег, возможно, как символ забытого прошлого (память, «припорошенная снегом»).

[1] Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru/index.html).

Два моря с помощью стены, при помощи неясной мысли, здесь как-то так разделены, что сети в темноте повисли пустыми в этой глубине, но все же ожидают всплытья от пущенной сквозь крест в окне, связующей их обе, нити. [И.А. Бродский. Загадка ангелу (1962)]	1. Крест как перекладина. Окно с перекладиной в виде кресте. 2. Крест как способ мироощущения, мировосприятия окружающей действительности. Разумное и познавательное начало, связующее воедино события внешнего и внутреннего мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ВЫВОДЫ

На основе анализа различных проявлений фреймовой структуры концепта КРЕСТ в русском языке в толковых словарях, в устойчивых выражениях, функционирующих в русской народной речевой культуре, и текстах художественных произведений можно сделать вывод о том, что возможно расширение фреймовой структуры концепта за счет появления метафорических и метонимических переносов при образовании вторичных значений у лексемы *крест*, создания авторами художественных произведений совершенно уникальных примеров реализации концепта в речи, расширяющих базовые представления о КРЕСТЕ.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньев Ю.В. Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. М.: ТЕРРА, 2001. 384 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. 784 с.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: В 86 т. Т. 32. М.: Русское слово, 1996. 501 с.

Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургике. Из истории изображений креста. СПб.: Паломник, 1996 (www.greeklatin.narod.ru/golub/_212.htm). (Репринт 1918 г.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2: И – О. М.: Русский язык, 1981. 779 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1: А – О. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

Малый академический словарь русского языка (МАС): В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой, 3-е изд. Т. 2: К – О. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Мир, 1979 (www.rema44.ru/resurs/study/ai/present/L05-02-frame.pdf).

Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru/index.html

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Попова Н.Н. Античные и христианские символы. СПб.: Аврора, 2003. 63 с.

Токарев С.А. Крест // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 12–13.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1: А – К. М.: Русские словари, 1995. 844 с.

Торик Александр, прот. Воцерковление. М.: Флавиан-Пресс, 2013. 144 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 991 с.

Чижова Л.А. Бабочка в метафорическом зеркале языка // Риторика. Семиотика. Языкознание: Сб. ст. к 70-летию проф. А.А. Волкова. М.: Добросвет, 2016. С. 257–277.

REFERENCES

Arsenyev U.V. (2001). Heraldy: Lectures Given at the Moscow Archaeological Institute in the 1907–1908. Moscow. TERRA Publ. 384 p.

Brockhaus F.A., Efron, I.A. (1996). Encyclopedic Dictionary: In 86 vols. Vol. 32. Moscow. Russkoe Slovo Publ. 501 p.

Chizhova L.A. Butterfly in a Metaphorical Mirror of Language: In: Rhetoric. Semiotics. Linguistics: Collection of Articles on the 70th Anniversary of Professor A.A. Volkov]. Moscow. Dobrosvet Publ. 2016, pp. 257–277.

Dahl V.I. (1981). Dahl's Explanatory Dictionary of the Great Russian Language: In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Russky Yazyk Publ. 1981. 779 p.

Efremova T.F. (Ed.). (2000). The New Glossary and Word-formation Dictionary of the Russian Language: In 2 vols. Vol. 1. Moscow. Russky Yazyk Publ. 2000. 1209 p.

Evgenyeva A.P. (Ed.). A Small Academic Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. 3rd ed. Vol. 2. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1986. 736 p.

Golubtsov A.P. From the History of the Cross Pictures. St.-Petersburg. Palomnik Publ. 1996 (www.greeklatin.narod.ru/golub/_212.htm). (Reprint 1918).

Lihachev D.S. Conceptosphere of the Russian Language. In: Lihachev D.S. Russian Literature: An Anthology. Moscow. Academia Publ. 1997, pp. 280–287.

Minsky M. (1974). A Framework for Representing Knowledge. MIT AI, Laboratory Memo 306. Moscow. Mir Publ. (www.rema44.ru/resurs/study/ai/present/L05-02-frame.pdf)

Ozhegov S.I., Shvedova N.U. (1999). An Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 terms and phraseological expressions. 4th ed. Moscow. Azbukovnik Publ. 944 p.

Popova N.N. (2003). Antique and Christian Symbols. St.-Petersburg. Aurora Publ. 63 p.

Russian National Corpus. www.ruscorpora.ru/index.html

Stepanov Y.S. (2004). Constants: A Dictionary of the Russian Culture. 3rd ed. Moscow. Akademichesky Proekt Publ. 991 p.

Telia V.N. (Ed.). (2006). A Big Phrasebook of the Russian Language. Meaning. Usage. Culturological Comment. Moscow. AST-Press Kniga Publ. 784 p.

Tokarev S.A. The Cross: In: Myths of Nations of the World: In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Encyklopedia Publ. 1997, pp. 12–13.

Torik Alexander, archpriest (2013). The Inchurching. Moscow. Flavian-Press. 144 p.

Ushakov D.N. (Ed.) An Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. Vol. 1. Moscow. Russkie Slovari Publ. 1995. 844 p.

Сведения об авторе:
Панкова Елизавета Максимовна,
студентка

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta M. Pankova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pankovaliza@gmail.com

THE CONCEPT CROSS [KREST] IN RUSSIAN CULTURAL TRADITION

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-172

Л.В. Чернец

П.А. Николаев – президент МАПРЯЛ

Международная Ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) была учреждена в сентябре 1967 г. Это неправительственное общественное объединение, созданное с целью популяризации, сохранения, развития и изучения русского языка и литературы как части мировой культуры. Ее первым Президентом стал Виктор Владимирович Виноградов. Оценивая сегодня грандиозные масштабы деятельности этой организации, ее огромную роль в упрочении и расширении международных контактов, в изучении русского языка и русской литературы на всех пяти континентах планеты, хочется вспомнить и о преемниках В.В. Виноградова. Одним из них был Петр Алексеевич Николаев (1924–2007) – Президент МАПРЯЛ с 1986 по 1991 г., долгие годы (1977–1996) заведовавший кафедрой теории литературы на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Создана была эта первая в стране кафедра по теории литературы в 1960 г., ее первым заведующим был профессор Г.Н. Поспелов, рассматривавший в своей последней книге вопросы национальной специфики и взаимодействия европейских литератур[1].

В Предисловии, открывающем изданные уже после смерти П.А. Николаева его воспоминания[2], ректор МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Садовничий, характеризуя кипучую и многостороннюю деятельность ученого, более 50 лет проработавшего в МГУ, называет его «Человеком Московского университета» (с. 3). И особо подчеркивает свойственные П.А. Николаеву огромный интерес к культуре разных народов мира, желание и умение достигать взаимопонимания между филологами разных стран, оказавшиеся столь востребованными на посту Президента МАПРЯЛ, а также в организации в 2001 г., по предложению декана филологического факультета МГУ профессора М.Л. Ремнёвой, дополнительной учебной специализации по литературоведческой компаративистике. Сотрудники кафедры теории литературы помнят всегда увлекательные, многочасовые рассказы («отчеты») Петра Алексеевича о его преподавательской работе в Японии, США, Венгрии, Швеции и других странах, о его поездках во Францию, Великобританию, Израиль, Венгрию и другие страны. В его мемуарах сохранена непосредственность, живость первых заграничных впечатлений, причем он неизменно

[1] См.: *Поспелов Г.Н.* Стадиальное развитие европейских литератур. М.: Худож. лит., 1988. 207 с.

[2] См.: *Николаев П.А.* Мемуарный калейдоскоп. Из тени в свет перелетая… М.: Русский импульс, 2008. 448 с. Далее цитаты из этой книги приводятся в основном тексте с указанием страницы.

отмечает различия в отношении к учебе, к обсуждаемым русским произведениям наших и не наших студентов.

Что касается дисциплинированности – разница явно в пользу студентов тамошних университетов: «Однажды в Швеции я сказал студентам: давайте закончим пораньше лекции, ведь мы сидим в аудитории уже четыре часа. И вдруг одна девушка с укоризной ответила мне: “Но ведь у нас осталось еще двадцать минут до конца лекции”. Это не очень похоже на наших студентов и профессоров. Впоследствии я экспериментировал на эту тему в разных аудиториях, и всякий раз – был ли я в Японии, Америке или Германии – мне говорили, что у нас осталось еще несколько минут» (с. 40–41).

В интерпретации же художественных текстов реакция иностранных студентов нередко оказывалась неожиданной. «Здесь, – пишет П.А. Николаев о студентах города Умео в Швеции, – преобладала уже не филологическая, а чисто нравственная характеристика персонажей (подобное встречалось и в японских университетах, где упорно твердили: Алеко, Раскольников прежде всего убийцы). Вам нравится Алексей Александрович Каренин? Конечно. Чем же? Деятельностью в департаменте: ведь он занимается делами малых народов, он посредник между малыми нациями и правительством, а это сейчас так важно в России. Но вряд ли Вам нравится чеховский Серебряков? Нет, возражают, он хороший человек. Дядя Ваня дважды в него стрелял (и без серьезного повода: он ведь пришел не с решением о продаже имения, а с предложением обсудить судьбу усадьбы), а профессор не сообщил об этом в полицию. Странно, говорили студенты, что это покушение на убийство не вызывает осуждения у русского читателя, если судить по критической литературе о чеховской пьесе»[1].

Работа П.А. Николаева в МАПРЯЛ пришлась на непростые, тревожные для России годы – 1986–1991, предшествующие ГКЧП и приходу к власти Б.Н. Ельцина. В своих мемуарах П.А. Николаев рассказывает о том, как он стал Президентом МАПРЯЛ, чтó ему удалось сделать на этом посту и почему в 1991 г. он решил уйти из руководства ассоциацией. Приведу, в сокращении, его рассказ и сопутствующие размышления о задачах, которые должна решать эта нужная не только для России организация:

«Летом 1986 года мне позвонил министр высшего и среднего образования Г.А. Ягодин и сказал: наше министерство приняло решение рекомендовать тебя в президенты МАПРЯЛ <…>. Спрашиваю: кто был президентом до этого? Первым, оказывается, был лингвист, академик Виктор Владимирович Виноградов, после него – литературовед, академик Михаил Борисович Храпченко. Ягодин сказал: поедем с тобой в ЦК партии для согласования. Вопрос был согласован и в том же году я вылетел на съезд МАПРЯЛ в Будапешт, где должно было состояться голосование по моей кандидатуре. <…> В зале собрались тысячи ученых-специалистов по русскому языку и литературе. Я, разумеется, предполагал и ожидал, что мне будет устроен экзамен профессионального и политического характера. Так и случилось. Председательствующий предложил мне выступить с докладом, посвященным проблемам советской литературы и отражению драматических событий в стране, причем все это было без предварительной договоренности и подготовки. Я вдруг подумал: вот почему в Европе любят Достоевского? Видимо, доставляет удовольствие читать о драмах русской жизни. С этим мгновенным прозрением,

[1] *Николаев П.А.* Иная психология, иная методика (о шведских студентах, изучающих русскую словесность) // Русская словесность. 1994. № 1. С. 86.

на котором я решил построить свое выступление, я поднялся с места и пошел к трибуне.

На следующий день были назначены выборы. Многое зависело от американской делегации, поэтому накануне вечером их представители пригласили меня в кафе и почти целую ночь беседовали со мной так, будто бы я сдавал им экзамен.

Наступил день выборов. Когда американская и польская делегация назвали мое имя в качестве кандидата, кто-то крикнул из зала: пусть покажется! Я поднялся, видимо, понравился и был выбран единогласно. Я, конечно, говорю несколько шутливо, полагаю, что здесь сыграл роль мой доклад и предварительные беседы» (с. 115–116).

Далее П.А. Николаев отмечает трудности в работе МАПРЯЛ, связанные с неудовлетворенностью членов и руководителей ассоциации низкой культурой речи представителей власти в самой России: «Однажды все девятнадцать президентов отделений МАПРЯЛ сделали мне заявление: если я не добьюсь улучшения языка наших политических руководителей, я буду освобожден от своей должности. Меня случайно спас разговор с тогдашним премьер-министром Н.И. Рыжковым, с которым мы вместе проводили конгресс МАПРЯЛ в Кремлевском дворце съездов [имеется в виду VII конгресс МАПРЯЛ, состоявшийся в 1990 году. – *Л.Ч.*]. А об отсутствии подлинной заботы о национальном языке говорит тот факт, что на съезде было только два представителя высшей власти: упомянутый Н. Рыжков и член Политбюро А. Дзасохов. Академия наук, словно подражая правительству, не прислала никого, кроме специалиста по индийской литературе Е. Челышева. В стране наступало время Черномырдиных, и тут уж, понятно, не до мировой русистики» (с. 117–118).

Не скрывает П.А.Николаев и постепенно назревающего внутреннего конфликта в самой МАПРЯЛ – между лингвистами, озабоченными прежде всего совершенствованием методики преподавания русского языка, и литературоведами. Погружение в нерешенные проблемы истории и тем более теории литературы в процессе преподавания считалось, что называется, высшим пилотажем, литературе в целом уделялось меньше внимания, чем русскому языку. Это не удовлетворяло П.А. Николаева – теоретика литературы par excellence, автора докторской диссертации о методологии Г.В. Плеханова, ряда книг по истории отечественного литературоведения и современному его состоянию[1]. К тому же он с 1986 по 1992 г. был секретарем Союза писателей СССР, с 1985 по 1992 г. – членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям. В круг его общения входили многие известные русские писатели, и он не со стороны следил за литературной ситуацией в стране. Очень любил он поэзию и мог часами читать стихи наизусть.

Словом, П.А. Николаев пришел в МАПРЯЛ как теоретик и историк литературы и стремился усилить прежде всего литературоведческую «составляющую» педагогического процесса. «Как руководитель МАПРЯЛ, – вспоминает он, – я переакцентировал содержательную направленность деятельности организации, так как в противном случае ассоциация могла прийти, по моему мнению, к снижению своего уровня. Я был удивлен, что при Храпченко в МАПРЯЛ больше всего интересовались методикой преподавания русского языка и практическими рекомендa-

[1] См.: *Николаев П.А.* Эстетика и литературные теории Г.В. Плеханова. М.: Искусство, 1968. 244 с.; Возникновение марксистского литературоведения в России (методология, проблемы реализма). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 312 с.; Реализм как творческий метод (историко-теоретические очерки). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 280 с.; Историзм в художественном творчестве и литературоведении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 368 с.; Советское литературоведение и современный литературный процесс. М.: Худож. лит., 1987. 336 с.

циями всем иностранцам, желавшим заниматься русским языком. Я считал необходимым повысить уровень русистов и для этого сделать МАПРЯЛ прежде всего научной организацией. <…>. В этих целях я просил лучших наших писателей и ученых задавать соответствующий тон в своих выступлениях на упомянутом съезде. Для этого надо было представить русистам мира первые имена русской культуры. Вот почему главными докладчиками на первом съезде новой МАПРЯЛ были выдающиеся деятели нашей культуры. Самым большим притяжением стал доклад лидера русской культуры второй половины XX века академика Д.С. Лихачева, который в своей знаменитой работе «О русском» показал глубокие связи между национальной структурой русского мышления и связь его с иными национальными формами мысли» (с. 118–119)[1]. Вторым докладчиком на этом съезде был опять-таки «не лингвист-методист, а писатель, представлявший и нерусскую форму культуры. Это был калмыцкий писатель Д. Кугультинов, показавший, какие возможности обогащения его национального языка таятся во влиянии на него русской речи. Всё это было необычно для русистов, которые ранее начинали и заканчивали обсуждения методическими проблемами. МАПРЯЛ приобретала новое лицо, что получило поддержку со стороны нашей интеллигенции, а также от политических лидеров» (с. 119).

Однако намеченная П.А. Николаевым и его сторонниками переориентация в деятельности МАПРЯЛ удовлетворяла далеко не всех его членов и руководителей, и в ассоциации росла внутренняя напряженность. При плановом переизбрании на президентскую должность в 1991 г. П.А.Николаев взял самоотвод, несмотря на поддержку его кандидатуры Министерством образования, а также «испанской, французской и многих других делегаций» (с. 120).

Подводя итоги своей пятилетней организационной деятельности на посту Президента МАПРЯЛ, П.А. Николаев пишет: «Все же мое президентство, думается, не было уж вовсе бесполезным: я открыл русский центр на Мальте, вел переговоры о создании совместного российско-итальянского Института в Турине, добился определенных успехов в развитии русистики в Китае. Я остановил попытки руководства Монголии сократить программы по изучению русского языка в школах и институтах, помог русистам из Южной Кореи вступить в МАПРЯЛ. То же самое мы помогли сделать и израильским исследователям» (с. 118).

Петр Алексеевич был человеком общительным и умел «заражать» своими увлечениями и пристрастиями своих коллег. Он горячо поддержал инициативу декана филологического факультета МГУ М.Л. Ремнёвой и активно участвовал в подготовке и открытии в 2001 г. дополнительной двухгодичной учебной специализации «Сравнительное литературоведение». Наряду с преподавателями кафедры теории литературы, которой тогда заведовала профессор А.Я. Эсалнек, в процесс преподавания были вовлечены многие профессора, доценты, научные сотрудники других кафедр и отделений факультета. Хочется назвать поименно тех, кто много сил отдал общению со слушателями. Это литературоведы Н.А. Соловьева, Н.Т. Пахсарьян, М.А. Абрамова, А.В. Леденев, Н.З. Кольцова, Т.Ф. Теперик, Я.Л. Забудская, А.Г. Шешкен, Т.Н. Белова, О.В. Розинская, В.В. Сорокина, А.А. Смирнов, А.М. Ранчин, А.А. Архангельская, М.С. Макеев, Е.В. Суровцева. Это и фольклорист С.В. Алпатов, и лингвисты Ю.А. Оболенская, В.Я. Задорнова,

[1] Концепция Д.С. Лихачева изложена в его кн. «Заметки о русском». 2-е изд., доп. М.: Советская Россия, 1984. 62 с. Точное название доклада, прочитанного им на VII конгрессе МАПРЯЛ, – «Русская культура в современном мире».

И.И. Богатырева; из теоретиков литературы активно участвовали в педагогическом процессе А.Я. Эсалнек, И.Н. Исакова, Л.В. Чернец. Позднее было налажено активное сотрудничество с педагогическим коллективом ИСАА, во главе с профессором М.Л. Рейснер.

Были подготовлены и изданы программы лекционных курсов[1]; на их основе позднее создавались программы для одноименной магистратуры, открытой в 2011 г. на кафедре теории литературы, возглавляемой в настоящее время профессором О.А. Клингом.

К ощутимым результатам деятельности названной специализации, плавно преобразившейся в магистратуру (ее руководитель – автор этой заметки), можно отнести четыре выпуска сборников студентов, магистрантов, аспирантов, где первая из двух частей всецело посвящена компаративистике (во второй части собраны статьи по теории литературы)[2]. Процесс погружения в сравнительное литературоведение сплотил не только учащихся, но и преподавателей. На проводимых в стенах факультета Международных конгрессах исследователей русского языка (организаторы – МГУ имени М.В. Ломоносова, МАПРЯЛ, РОПРЯЛ) преподаватели, занятые в специализации, объединялись в секцию (или «круглый стол») под названием «Сравнительное литературоведение: стилистические аспекты»[3]. Неизменно обсуждались на «Поспеловских чтениях» (биеналле, организуемых кафедрой теории литературы) проблемы компаративистики[4]; связи русской классики XIX в. с западноевропейской литературой рассмотрены в специальном учебном пособии[5]; в многократно переиздававшемся учебнике В.Е. Хализева «Теория литературы» посвящена всемирной литературе и международным литературным связям объемная заключительная глава[6]. Многие темы дипломных работ, магистерских и кандидатских диссертаций включают компаративистский аспект или даже всецело посвящены сопоставительному анализу произведений русских и иностранных авторов. Так что можно смело говорить о преемственности в области сравнительного литературоведения, за которую так «болел» Петр Алексеевич Николаев, будучи Президентом МАПРЯЛ. Эта преемственность прослеживается в работах и маститых, и молодых ученых филологического факультета Московского университета.

---

[1] См.: Программы основных лекционных курсов по специализации «Сравнительное литературоведение» / Отв. ред. П.А. Николаев, Л.В. Чернец. М., 2001.

[2] См.: Сравнительное и общее литературоведение: Сб. ст. молодых ученых. Вып. 1 / Отв. ред. Л.В. Чернец. М.: МАКС Пресс, 2006. 216 с.; Сравнительное и общее литературоведение: Сб. ст. молодых ученых. Вып. 2 / Под ред. Л.В. Чернец (отв. ред.), Н.А. Соловьевой, Н.З. Кольцовой. М.: МАКС Пресс, 2008. 136 с.; Сравнительное и общее литературоведение: Сб. ст. молодых ученых. Вып. 3 / Под ред. Л.В. Чернец (отв. ред.), Н.А. Соловьевой, Н.З. Кольцовой. М.: МАКС Пресс, 2010. 212 с.; Сравнительное и общее литературоведение: Сб. ст. молодых ученых / Под ред. Л.В. Чернец (отв. ред.), Н.А. Соловьевой, Н.З. Кольцовой. М.: МАКС Пресс, 2013. 186 с.

[3] См.: IV Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010; и др.

[4] См. в особенности: Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты. Материалы научной конференции «Сравнительное литературоведение» (Поспеловские чтения) / Ред. коллегия: П.А. Николаев, М.Л. Ремнёва, А.Я. Эсалнек. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. 332 с.

[5] Сравнительное литературоведение. Россия и Запад. XIX век / Под ред. В.Б. Катаева, Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 208. 352 с.

[6] См.: *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Издат. центр «Академия», 2009. С. 387–405.

Сведения об авторе:
Лилия Валентиновна Чернец,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Liliya V. Chernets,
Doctor of Philolology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
cherli65@yandex.ru

P.A. NIKOLAEV – PRESIDENT OF MAPRYAL

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-178-181

А.В. Леденев. Н.З. Кольцова

Вспоминая Альберта Петровича Авраменко

«И это прекрасно!» – звучало из кабинета заведующего, когда преподаватель или студент заглядывал на кафедру истории русской литературы XX века в середине 2000-х. Кафедрой с 2002 по 2013 год заведовал Альберт Петрович, сумевший привнести в привычную череду академических забот атрибуты радостной одушевленности и ненатужной праздничности. Профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Авраменко почти всегда покорял собеседника или слушателя с первых мгновений знакомства – тем, с каким видимым удовольствием делал свою преподавательскую работу, как радовался общению с коллегами (а для него к числу коллег относились и ровесники-профессора, и студенты-первокурсники), как обаятельно улыбался, встречая любого из них. К тому же Альберт Петрович обладал выразительной внешностью, был строен и спортивен: и в 70, и в 75 лет он сохранял «белогвардейскую» выправку, «королевскую» отточенность учтивых жестов, легкость «летящей» походки.

Стилизуя фоносемантические штудии Андрея Белого, о поэзии которого Альберт Петрович написал кандидатскую диссертацию, можно было бы сказать, что инициал имени и последняя литера фамилии профессора при ретроспективном мнемоническом охвате его личности ассоциируются не только с границами алфавита (альфой и омегой), но и с эмоциональной оценочностью междометий – тех самых, что идут в ход в ситуации признания особого статуса человека в нашей иерархии знакомств, или мгновенной сердечной солидарности с проявлениями его радости или скорби, или, что еще важнее, в ситуации лирической «невыразимости», когда музыка важнее риторики. Ну, а если обойтись без ассоциативных «символистских» туманностей, то тем, кому приходилось слышать лекции Авраменко, наверняка запомнились медлительные, намеренно медлящие, тянущиеся, протягивающиеся «о» и «а» в любимом Альбертом Петровичем стихотворении «царскосельского лебедя» И.Ф. Анненского: «“Не правда ль, больше никогда / Мы не расстанемся? довольно?..” / И скрипка отвечала да, / Но сердцу скрипки было больно».

О «траурной», изобилующей не столько ликующими «просветами», сколько «бездонными провалами» поэзии русского символизма Альберт Петрович говорил тонко и точно, не настаивая на «букве» собственных формулировок, но заражая самим духом «со-чувствования» и «со-творчества». А главное впечатление от его лекций, которое формировалось и логикой типологических построений,

и тембром голоса профессора, заключалось в том, что мир, как учил Владимир Соловьев, «не может быть спасен насильно», что для «русского мира», вероятно, спасительной окажется сама любовь к поэзии и что Серебряный век – пусть и в особом метаисторическом смысле – не завершился и, Бог даст, никогда не завершится. Эту свою веру, оборотной стороной которой было прочное филологическое знание, он выражал, истолковывая творчество А. Блока, выросшее из русской классики XIX века (об этом написана его докторская диссертация), или обращаясь к «наследникам Серебряного века», среди которых особенно близок ему был – по тонкому взаимодействию «проговариваемого» и «несказанного», «оркестра» и «шепота», «лирики» и «иронии» – Булат Окуджава.

Альберт Петрович любил с благодарностью вспоминать своих учителей – Бориса Васильевича Михайловского и Алексея Георгиевича Соколова. Не без оттенка лукавой назидательности он рассказывал коллегам, как первый из них вернул ему, тогда еще студенту второго курса, машинопись курсовой работы, испещренную многочисленными пометками и уточнениями. В разговоре о дорогих ему людях или близких его сознанию примерах профессионализма, мастерства и артистизма он не боялся высоких слов, даже патетики, но при этом у слушателя не возникало чувства неловкости – вероятно, потому, что Авраменко всегда был искренним. Внимательно читал статьи и книги не только коллег по кафедре, но и «соседей по цеху» – «теоретиков», русистов-лингвистов, «зарубежников». И обязательно благодарил их за те филологические открытия и находки, которыми они его одарили. В этом, вероятно, сказывались генетически унаследованные им от предков дары дворянской благосклонной терпимости, благодарной отзывчивости, щепетильной заботы о хорошем настроении окружающих.

Великолепно чувствовал аудиторию – не просто откликался на ее вербализованные просьбы или подразумеваемые желания, но и предвосхищал их. Однажды на лекции в рамках курса по литературе Серебряного века вдруг задал вопрос: «А вы понимаете, в чем смысл толстовства? Вы понимаете, что оно значило для образованных людей начала века? Рассказать?». «Да!» – шумно выдохнула аудитория, и профессор тут же, отвлекаясь от непосредственной темы разговора, прочитал емкую лекцию о сути учения Толстого – с обширными цитатами, которые, казалось, не озвучивал, а дегустировал. Приводил он их почти всегда по памяти, предваряя особенно важные фрагменты своим излюбленным «Слушайте!»: торжественно поднимал вверх указательный палец, как будто не столько призывая других услышать, сколько вслушиваясь сам в то, что сейчас прозвучит, – и это всякий раз звучало ошеломительно свежо и убедительно.

Доброжелательность и искренняя открытость собеседнику – любому, даже малознакомому – сочетались в нем со сдержанностью, которая, безусловно, была проявлением самоуважения, неотделимого от уважения к другим, – с чуткостью к тому, что в английской культуре соотносится с понятием privacy, а в отечественной традиции ассоциируется с подлинным благородством, аристократизмом духа. Таким он и запомнился всем нам, сотрудникам кафедры «XX века», – аристократом духа. Всегда вставал при появлении дамы – и в этом не было театрального наигрыша или нарочитого позирования: было видно, что он делал это не задумываясь, просто потому, что иначе и не мог.

Свое знаменитое «Здравствуйте, красавица!» он произносил настолько искренно, что каждая «красавица» не могла не поверить этой оценке: она понимала, что так обращается профессор Авраменко именно к ней. А для Альберта Петровича

было не так важно, кто перед ним, – профессор или первокурсница. Да что там первокурсница! Однажды он поприветствовал так трехлетнюю дочку своей сотрудницы, пришедшую с мамой на работу. Дело было летом, и девочка была в шортиках, футболке и с хвостиком на макушке, что не помешало ей почувствовать себя и красавицей, и аристократкой: она важно кивала в ответ на слова приветствия, обращенные к ней: «Здравствуйте, красавица! Спасибо за то, что вы почтили нас своим присутствием!» Поразительно, что в этих словах не было ни привычного в обращении к маленьким детям театрального «сюсюканья», ни даже тени «умудренной» иронии, – это было нормальным для Альберта Петровича проявлением добра, которое в его сознании всегда связывалось со светлой, жизнеутверждающей интонацией, с мажорным «голосовым» сопровождением.

При всей своей доброте и открытости к общению он избегал фамильярности, а особенно не выносил «административных восторгов», казенного церемониала, дежурного, показного интереса к предмету разговора – и стеснительно морщился при малейших признаках чинопочитания или иной неискренности в поведении собеседника или оппонента. Он был поистине демократичен: легко вовлекался в спор, будь то научный диспут или просто обсуждение недавно прочитанной книги (в том числе и беллетристики – он был открыт всему), с нескрываемым удовольствием, с поощряющей улыбкой слушал доводы собеседника, даже если был не согласен с ним.

«И это прекрасно!» – такой фразой он, как правило, подводил черту в разговоре – и произносить эти слова Альберт Петрович умел с разной интонацией: то с оттенком самоиронии (дескать, вы ждете от меня каких-то заключительных слов и даже знаете, какими они будут, – так вот, получите, пожалуйста), то с подлинным восхищением чем-то или кем-то, то с легкой и необидной насмешкой над собеседником, впавшим в неумеренные восторги, но чаще всего – с искренним желанием «продлить очарование» самой ситуации общения, пригласить собеседника разделить радостную веру в то, о чем кратко и убедительно сказал Александр Блок: «Сотри случайные черты – / И ты увидишь: мир прекрасен».

Сведения об авторах:
Александр Владимирович Леденев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander V. Ledenev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Наталья Зиновьевна Кольцова,
канд. филол. наук
доцент
кафедра истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia Z. Koltsova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

REMEMBERING ALBERT AVRAMENKO

Научная жизнь

Academic Life

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-183-185

И.В. Одинцова

Вторая Всекитайская Олимпиада школьников по русскому языку

25 декабря 2016 года завершилась вторая Всекитайская Олимпиада школьников по русскому языку. Олимпиада была организована Китайско-Российским Комитетом дружбы, мира и развития, Русско-Китайским фондом развития культуры и образования, Московским Государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Пекинским объединенным университетом.

Проведение Олимпиады школьников – мероприятие огромной значимости. Ее цель – поиск и воспитание русскоязычных кадров в деле сотрудничества между Россией и Китаем, создания устойчивой модели непрерывной подготовки высококвалифицированных специалистов со знанием русского языка. Подобная цель в современном геополитическом пространстве имеет особое значение. «Один пояс – один путь» – так называется китайский мегапроект, идеей которого является развитие экономических и культурных связей на протяжении исторического Великого шелкового пути.

В Олимпиаде приняли участие более 1200 школьников из 50 различных школ со всего Китая. Финалистами стали 30 участников, которые в захватывающей борьбе продемонстрировали жюри и всем присутствующим в зале знания русского языка и культуры, умение общаться на русском языке; проявили свои способности и таланты.

На церемонии открытия Олимпиады с приветственным словом выступила секретарь Комитета дружбы, мира и развития Китая госпожа Ли Ли. Она передала слова приветствия и теплые поздравления участникам Олимпиады от Председателя китайской части Китайско-Российского комитета дружбы, мира и развития господина Дай Бинго. Госпожа Ли Ли призвала школьников изучать русский язык, чтобы в будущем стать проводниками сотрудничества в деле развития отношений двух стран.

От Российской стороны Олимпиаду приветствовал Первый секретарь Посольства Российской Федерации в КНР И.А. Поздняков, который от Министерства образования и науки отметил, что в последние годы китайско-русское политическое, экономическое и культурное сотрудничество быстро развивается. Важнейшей частью этого сотрудничества являются образовательные и культурные обмены между двумя странами. Он призвал школьников учить русский язык, чтобы в будущем иметь возможность продолжить образование в России.

В поздравительном обращении к Олимпиаде Исполнительный секретарь Ассоциации дружбы Китай-Россия господин Чэнь Лэйсюань отметил, что с недавних пор китайско-российские отношения вышли на качественно новый уровень. Востребованность специалистов со знанием русского языка растет вместе с развитием экономических отношений с Россией. Участие в Олимпиаде – прекрасный старт для школьников, мечтающих найти престижную работу и занять достойное место в обществе.

Вице-президент проректор Пекинского объединенного университета господин Чжан Ляньчэн в своей приветственной речи отметил, что Олимпиада служит развитию интереса к русскому языку, формированию духа соперничества у школьников, углубленному освоению русского языка. Он выразил надежду, что Олимпиада будет способствовать развитию добрососедских отношений двух стран, послужит хорошим стимулом к совершенствованию качества преподавания русского языка в Китае.

От Русско-китайского фонда развития культуры и образования выступил господин Цуй Фань. В своей речи он подчеркнул, что данная Олимпиада способствует укреплению международных гуманитарных контактов, расширению общего русскоязычного пространства, установлению климата межнационального уважения и мира.

В жюри Олимпиады под председательством профессора Пекинского университета иностранных языков госпожи Ли Иннань вошли 7 опытных преподавателей из России и Китая. Задание школьников состояло из трех частей: им предстояло раскрыть одну из пяти предложенных тем, ответить на вопросы и выступить с шоу, в котором они должны были продемонстрирова свои таланты. Обладателем первой премии стала школьница Цзинь Минь – школа иностранных языков города Чанчунь. Второе место заняли Янь Итао – школа иностранных языков города Тайюань и Лю Шаньдэ – школа № 162 города Харбин. Третье место присудили школьникам Янь Бо – школа иностранных языков города Цинань и Чжэнь Ни – школа № 6 города Баотоу.

Специальными грамотами были отмечены учащиеся за яркие выступления в конкурсе шоу-талантов – 5 премий. Десять грамот получили участники, обнаружившие хороший стиль. Грамотами были награждены и лучшие преподаватели, директора школ. Победители Олимпиады имеют преимущества при поступлении в МГУ имени М.В. Ломоносова и университет Народного хозяйства при президенте РФ.

Большое впечатление на гостей и участников Олимпиады произвели выступления творческих коллективов Пекина. Гости и члены жюри с особой теплотой встретили участников Ансамбля «Веселуха», в том числе его знаменитый танец «Калинка».

Актовый зал, в котором проходила Олимпиада, был полон. Доброжелательная и праздничная атмосфера, царившая в зале, помогала школьникам в их выступлениях. Среди гостей присутствовало не одно поколение русистов, окончивших вузы еще в СССР. Все они тепло приветствовали конкурсантов и членов жюри – представителей российских и китайских университетов. Жюри и гости Олимпиады отметили прекрасную организацию мероприятия. Они высказали мнение, что ежегодное проведение Олимпиад по русскому языку будет способствовать повышению авторитета русского языка, укреплению дружественных отношений между Китаем и Россией, вносить заметный вклад в создание прочной базы для воспитания подрастающего поколения в духе взаимопонимания и дружбы.

Сведения об авторе:
Ирина Владимировна Одинцова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina V. Odintsova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
odintsova.irirna@gmail.com

THE SECOND ALL-CHINA SCHOOL OLYMPIAD ON THE RUSSIAN LANGUAGE

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-186-188

И.В. Одинцова

Саммит по подготовке международных высококвалифицированных кадров русского языка в рамках реализации стратегии «Один пояс – один путь» и Китайско-Российский международный форум директоров средних школ

Общее социально-экономическое пространство ставит перед средней и высшей школой Китая задачу воспитания учащихся, владеющих умениями и навыками ведения межкультурного диалога в современной социокультурной ситуации. Концепция Китая «Один пояс – один путь», позволяющая реализовать политику открытости в современных условиях, построить взаимовыгодную широкую платформу для развития сотрудничества в сфере образования со странами, где будет проходить этот путь, требует подготовки высококвалифицированных кадров со знанием иностранных языков. Русскому языку в современном Китае уделяется особое место. Задаче поиска путей оптимизации обучения русскому языку китайских школьников были посвящены Саммит по подготовке международных высококвалифицированных кадров русского языка в рамках реализации стратегии «Один пояс – один путь» и Китайско-Российский международный форум директоров средних школ, проходивший 24 декабря 2016 г. в Пекине.

Основными темами Саммита были:

– дальнейшая глобализация образования в китайских школах;

– создание образцовых школ, способных сотрудничать с разными странами;

– углубление реформы средних школ и разработка новой концепции преподавания русского языка.

Саммит был организован Китайско-Российским Комитетом дружбы, мира и развития, Пекинским объединенным университетом, Русско-Китайским фондом развития культуры и образования.

На Саммите присутствовали директора и преподаватели 22 школ Китая, отмеченных как лучшие в деле подготовки школьников по русскому языку. На открытии Саммита выступили господин Цуй Фань – генеральный секретарь Русско-Китайского фонда развития культуры и образования, который отметил, что Фонд играет большую роль в укреплении отношений двух стран. Фонд тесно сотрудничает со многими университетами России и Китая. Саммит и Форум будут способствовать построению системы взаимодействия китайских учебных заведений, в которых ведется преподавание русского языка. Проректор Пекинского объединённого университета Чжан Ляньчэн в своей речи сказал, что университет придерживается стратегии «Научный университет, открытый университет, университет с сильным кадровым потенциалом». Пекинский объединенный университет разрабатывает стратегию интернационализации образования, работает над повышением конкурентоспособности выпускников на рынке труда.

На совещании также выступили редактор русского отдела издательства FLTRP Чжоу Сяомэн, директор центра внутренних и внешних коммуникаций М.И. Елэйн, доцент кафедры русского языка МГСУ Н.А. Тюпенко, преподаватель китайского языка московской гимназии № 1517 Е.В. Замской, доцент Казанского государственного университета Г.Ш. Азитова, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, временно исполняющий обязанности директора Центра русского языка при университете МГУ – ППИ в Шэньчжэне И.В. Одинцова. Директора и преподаватели школ в своих выступлениях делились с участниками Саммита достижениями и планами своих школ.

Презентация совместного университета МГУ – ППИ в Шэньчжэне и ролик об истории создания этого университета и его будущем вызвали неподдельный интерес среди присутствующих. Многие представители школ высказали горячую

заинтересованность в налаживании контактов с университетом и настойчиво звали представителей университета посетить их школы с рассказом об университете.

В заключение на Саммите было отмечено, что проведенное мероприятие способствует построению системы взаимодействия китайских учебных заведений, в которых ведется преподавание русского языка; создает платформу для совместного обсуждения стратегий и тенденций развития образования; способствует повышению конкурентоспособности российской и китайской отраслей образования на международной арене и созданию в Китае действенной и стабильной системы подготовки кадров со знанием русского языка, что в конечном итоге укрепит авторитет обеих стран как образовательных держав.

Сведения об авторе:
Ирина Владимировна Одинцова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina V. Odintsova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
odintsova.irirna@gmail.com

SUMMIT ON THE PREPARATION OF INTERNATIONAL HIGHLY QUALIFIED PERSONNEL OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE FRAMEWORK OF THE STRATEGY OF "ONE BELT – ONE WAY" AND THE SINO-RUSSIAN INTERNATIONAL FORUM OF SECONDARY SCHOOLS DIRECTORS

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-189-200

Е. Пастернак

Поэзия филологии. Филология поэзии

17–18 февраля на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась конференция «Поэзия филологии. Филология поэзии», организованная кафедрой истории русской литературы. Она была посвящена профессору Александру Анатольевичу Илюшину, которому 12-го февраля этого года исполнилось бы 77 лет. Двухдневная конференция объединила более сорока участников – не только преподавателей кафедры, но и коллег с разных кафедр факультета (теории литературы, истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, истории зарубежной литературы, классической филологии), а также участников из других городов, включая делегацию из Польши.

В.Б. Катаев, Н.Л. Васильев

Открыл конференцию заведующий кафедрой истории русской литературы, доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского университета Владимир Борисович Катаев. Его приветственное слово было не только традиционной «торжественной речью», но и выступлением друга и коллеги на протяжении многих лет. В его выступлении были названы «основные вехи» научной и творческой жизни Илюшина, во многом оно было выражением тех идей, которые объединяли организаторов во время подготовки мероприятия, поэтому считаем уместным привести его полностью:

«Кафедра истории русской литературы филологического факультета МГУ сегодня начинает целый ряд предстоящих в этом году конференций. Первую из них мы посвящаем нашему коллеге Александру Анатольевичу Илюшину. Я должен сказать, что идея этой встречи появилась не так давно. Инициаторами проведения этой конференции были ученики Александра Анатольевича – студентки Екатерина Пастернак и Анетта Багаева, аспирантка Лариса Безменова. Мы отмечали и девять, и сорок дней с ухода нашего коллеги, мы собирались провести в дальнейшем и подобную конференцию, – однако они просто требовали собраться в кругу единомышленников, коллег и учеников. Мне кажется, что это замечательный знак, – знак признания учениками уроков, которые они получили от своего Учителя. Существу-

ет ли бессмертие – на этот вопрос есть разные ответы, разные точки зрения, но, надеюсь, память тех, кому он отдавал свои знания, свою любовь, останется на долгие и долгие годы.

Программа конференции весьма разнообразна. Мы старались распределить доклады по рубрикам, и рубрик здесь немало. Конечно, прежде всего это отражает чрезвычайное многообразие интересов ушедшего от нас ученого. Александр Анатольевич был замечательным историком русской литературы, причем от древности до наших дней, до творчества поэта Бориса Рыжего, а это уже литература XXI века.

Александр Анатольевич был блистательным знатоком русской и мировой поэзии. Он внес весомый вклад в теорию поэзии, теорию стиха. Это я объясняю тем, что он и сам был по дарованию поэтом – поэтом незаурядным. Сегодня мы будем слушать голос поэта Илюшина.

Среди любимых поэтов Александра Анатольевича можно назвать и Пушкина, и Некрасова, и Батенькова. После написания Илюшиным диссертации о декабристах и выхода книги о Батенькове наследие этого поэта удвоилось или утроилось. Почему – это особый разговор…

Отдельная заслуга, – можно сказать, подвиг Илюшина, – эквиритмический перевод «Божественной Комедии» Данте, который получил признание на родине Данте, в Италии. Илюшин был председателем Дантовской комиссии при Академии Наук.

Особый характер нашей конференции придает приезд группы ученых из Польши. Это тоже не случайно. Часть жизни Илюшин отдал работе в Институте славяноведения Академии наук. Он работал там как исследователь польской литературы и как переводчик. Ученый заслужил признание ведущих полонистов – Стахеева, Цыбенко.

Семья А.А. Илюшина

Среди разделов нашей конференции – воспоминания. Голос Илюшина мы будем слушать на протяжении дня. Уже многое было сказано и на девять, и на сорок дней. У меня тоже есть что вспомнить о моем друге с первых дней в аспирантуре нашей кафедры.

Чтобы для вас была ясна значимость нашей встречи, хочу, чтобы мы приветствовали членов семьи Александра Анатольевича – здесь присутствуют его жена Людмила Алексеевна, сын Евгений Александрович, внук Григорий. Жизнь продолжается и в науке, и в семье, и будем верить, что скончания этому не будет.

И последнее. Как ведущий я должен сказать о характере нашей конференции. Это не обычная научная конференция, на которой читаются развернутые доклады, а затем разворачивается дискуссия, обмен мнениями. Неожиданно, вернее, этого можно было ожидать, круг участников оказался очень большим, что налагает определенные обязательства на ведущих. То, что мы будем слушать, – не обычные доклады в духе научной конференции, а посвящение памяти Александра Анатольевича. На этом я свое выступление заканчиваю».

После этого В.Б. Катаев передал слово Мареку Понкцинскому – полномочному представителю Польской Академии наук в России. Господин Понкцинский поприветствовал участников конференции, поблагодарил организаторов за возможность участия в мероприятии польских коллег и пожелал всем «успешных плодотворных заседаний».

На конференции выступила также декан филологического факультета профессор М.Л. Ремнёва. Она поделилась своими воспоминаниями об А.А. Илюшине. Особенно ярким был рассказ о первом издании полного эквиритмического комментированного перевода «Божественной Комедии» Данте, которое вышло в 1995 г. благодаря поддержке филологического факультета и лично декана. Запомнился слушателям и рассказ о поездках в Словению. Жители города, в котором неоднократно бывал Илюшин, спрашивали Марину Леонтьевну во время ее последнего приезда о том, почему нет «русского профессора с бородой». Оригинальность и обаяние Илюшина могли оценить не только его коллеги, но и люди далекие от филологии.

Конференция была разбита на тематические разделы, в каждом из которых были подобраны выступления, соотносящиеся с той или иной частью обширного круга интересов Александра Анатольевича. Они имели подзаголовки, взятые из научных трудов Илюшина, из его переводов или из стихов, которые были опубликованы им.

А.А. Пауткин

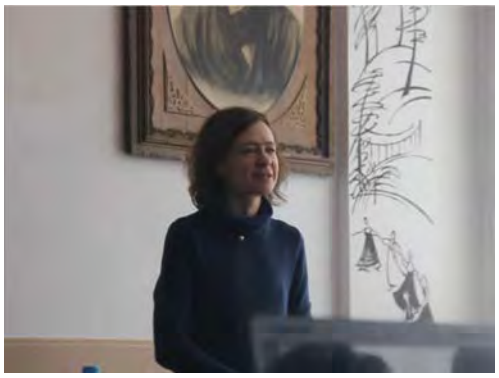
Название первой части – «Ух, книги, книги, сколько вас и в вас!..». Открывал конференцию научный доклад «Духовный подвиг князя-книжника» профессора кафедры истории русской литературы, коллеги А.А. Илюшина Алексея Аркадьевича Пауткина. В своем выступлении он рассказал об удивительном человеке, который жил во второй половине XIII в., – древнерусском библиофиле и эрудите Владимире Васильковиче, волынском князе, «знатоке и ценителе мудрого слова, вдумчивом читателе». Герой доклада был не только любителем чтения и бесед на духовные темы, но и заказчиком книг, коллекционером и даже скриптором. Выступление начиналось с посмертной характеристики князя в одной из рукописей, которая, по тонкому замечанию А.А. Пауткина, может быть отнесена и к А.А. Илюшину: «Бе разумея приятъче и темно слово, и повестив со епископом много книг, зане быс велик и философ, акогоже не быс во всей земли и ни по немь не будет».

«Древнерусскую» тему продолжил доклад профессора той же кафедры Андрея Михайловича Ранчина «“Повесть о Дракуле” и представление о добродетельном и “злом” государе в древнерусской литературе». В выступлении шла речь о возможностях разного взгляда на Дракулу. Этого персонажа можно воспринимать не только как злого, страшного, жестокого человека, но и как того, кто вправе не только миловать, но и наказывать, – как того, кто реализует свои полномочия как государя. Таких оценок нет в источниках, однако они не противоречат возможности подобной интерпретации.

Следующий «подраздел» этой части был посвящен истории и теории поэзии. Первым выступил близкий друг Александра Анатольевича, профессор филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва Н.Л. Васильев. Он не только прочитал доклад о поэтическом языке Д.В. Веневитинова, но и поделился воспоминаниями, а также зачитал ранее неизвестные стихи Илюшина. Николай Леонидович рассказал о своем знакомстве с Александром Анатольевичем. Оно состоялось тридцать лет назад: «Мы встретились в Первом гуманитарном корпусе МГУ, на первом этаже, в библиотеке. Была конференция, посвященная 150-летию со дня смерти Пушкина, на которой выступал Александр Анатольевич. Диалог со мной начался так. Он сказал: “Я очень люблю Саранск. Он связан с Полежаевым, а Полежаев – мой любимый поэт”. Я не поверил. Позже оказалось, что это абсолютная правда. Я его тоже удивил, сказав, что через несколько дней в мордовском издательстве выйдет моя книга о Полежаеве. На этой почве завязалось длительное знакомство – очень добрый, благодарный знак судьбы». Н.Л. Васильев вспомнил и о неоднократных встречах, о разговорах в гостеприимном доме Илюшиных, о совместном праздновании юбилеев...

Л.В. Чернец

Поделилась воспоминаниями и доктор филологических наук профессор кафедры теории литературы Л.В. Чернец. Однокурсница А.А. Илюшина рассказала о нескольких веселых эпизодах, относящихся к разным периодам их продолжительного общения. Это истории об аспирантских поездках по «литературным местам»: «Наша компания была в разных местах, в частности, на хуторе близ Диканьки, рядом с рекой. Дело было летом. О.П. Смола достал у жителей хутора картошку, мы ее варили в ведерке на костре, не спали, читали Гоголя, купались, превращались в привидения. На привалах Саша читал свой первый перевод “Божественной Комедии”; до сих пор я помню интонацию, даже отдельные строки, которые он читал особенно часто». Также были рассказы о литературных предпочтениях Илюшина, многим из которых он был верен с юности до конца жизни, о поездках А.А. Илюшина в места каторги и ссылки декабристов в Сибири, о публикации одной из версий перевода «Божественной Комедии», о любви к мистификациям, о строгих по содержанию, но художественных по форме научных статьях Александра Анатольевича…


М.В. Акимова

Необычным было и следующее выступление. Ученица А.А. Илюшина, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ, кандидат филологических наук М.В. Акимова проанализировала литературные реминисценции в поэме «Вновь вижу мою донну…», опубликованной А.А. Илюшиным в журнале «Юность». Поэма приписывается Ап. Григорьеву, однако «публикатор и комментатор предлагает нам самим решать, подлинный ли

это Григорьев». Анализ некоторых литературных реминисценций (включенные в текст автоэпитафия Катенина, строки, напоминающие не только о Данте, но и об илюшинском переводе «Божественной Комедии», цитата из «Фауста» и др.) дает новый материал для размышления об авторстве и времени написания произведения.

В следующем докладе – «О направлении стиха» – кандидат филологических наук М.А. Дзюбенко высказал много неординарных идей относительно особенностей стихового текста, его взаимосвязи со временем. Он привел определение стиха, данное М.И. Шапиро, и заметил, что оно не подходит для палиндрома, «зеркального» стиха, длящегося бесконечно. Докладчик обосновал необходимость понятия «направление стиха», не совпадающего по смыслу с направлением графики стиха.

Н.И. Михайлова

Оригинальным можно назвать и выступление заместителя директора Музея А.С. Пушкина, исследователя творчества В.Л. и А.С. Пушкиных Натальи Ивановны Михайловой. Она прочитала стихотворение Ламартина «Мудрость», которое лишь недавно впервые переведено на русский язык и еще не было опубликовано. Перевод выполнила Наталья Муромская – переводчик и поэт (известны ее переводы французских стихотворений В.Л. и А.С. Пушкиных, а также тексты песен рок-группы и произведения для детей). Думается, Александр Анатольевич был бы весьма обрадован не только выбором изящного стихотворения, написанного децимами, но и формой выступления. Слушатели в очередной раз могли вспомнить не только поэтический и переводческий талант Александра Анатольевича, но и его авторскую многоликость.

Профессор кафедры истории русской литературы Д.П. Ивинский в докладе «Пушкинские “Цыганы”, Вяч. Иванов и “реализм”: о предыстории и смысле концепции С.М. Бонди» обратился к проблеме отношения советского пушкиноведения к опыту Серебряного века. По мнению докладчика, для С.М. Бонди было важно связать собственную концепцию со взглядами «досоветских» пушкинистов. В частности, его модель осмысления пушкинского развития, с одной стороны, опиралась на взгляды Вяч. Иванова, с другой стороны, противопоставлялась ей.

Завершающим стало видеовыступление профессора Башкирского государственного университета С.А. Саловой, в котором она подробно осветила вопрос о геронтософских мотивах в анакреонтических произведениях Г. Державина. Важными для доклада были как статья А.А. Илюшина, посвященная державинской анакреонтике, так и его «филигранный анализ одной эпитафии Державина» («На смерть Катерины Яковлевны…»). Докладчица рассматривала в том числе проблему разграничения личности поэта и его лирического героя в связи с вопросом об авторской самоиронии.

Следующая часть, посвященная «пушкинским» докладам, была разнесена на два дня. В пятницу (с подзаголовком «Вершинный Пушкин, славой осиян…») было прочитано два доклада.

Доктор филологических наук Э.С. Афанасьев рассказал о важности и необычности мотива игры в пушкинской новелле «Выстрел». Мотив выстрела семантически значим для жанровой характеристики произведения. Докладчик обратил особое внимание на образ Сильвио, считавшего, что «дуэль – игра, но отнюдь не шутка», и объяснил, почему никого нельзя считать победителем в поединке.

Э.С. Афанасьев

Кандидат филологических наук И.Б. Качинская сравнила народную песню о «летавшем по воле орле молодом» со стихотворением «Узник» и рассказала о том, как мотивы этой песни могли отложиться в памяти Пушкина, поскольку параллели между текстами очевидны и доказуемы. Слушателей особенно заинтересовала аудиозапись песни, которую лично сделала докладчица в одной из диалектологических экспедиций.

С именем Пушкина были связаны и воспоминания сотрудницы ИНИОН Т.М. Миллионщиковой.

Т.М. Миллионщикова

Ее старший брат был школьным другом Александра Анатольевича, его воспоминания «перешли по наследству» Татьяне Михайловне. Среди рассказов о разных эпизодах – о домашних спектаклях, об интересе к книгам – слушателей особенно впечатлила история о том, как будущего профессора и поэта едва не отчислили из школы, причем не за драку или неуспеваемость, а за… литературную мистификацию! Однажды к уроку литературы нужно было выучить стихотворение Пушкина о природе. Класс не был готов к ответу. Время для подготовки попросил Илюшин. Он прочитал стихотворение, состоящее из четырех катренов. Учительница поставила ему пятерку, похвалила и поставила классу в пример. Однако на перемене Илюшин «сознался» в том, что стихотворение написал он сам. Из страшного скандала, разразившегося после этого признания и закончившегося педсоветом, Александру Анатольевичу помогла выйти бабушка Татьяны Михайловны. Она была методистом с нестандартными педагогическими взглядами, считала, что виноваты всегда учителя, а не ученики, и настаивала на том, что учитель обязан знать творчество автора, о котором рассказывает, а значит, в создавшейся ситуации виноват он сам.

Выступления в следующей части конференции – «Onorate l'altissimo poeta… / Отдайте почесть лучшему поэту…» – были связаны с именем Данте Алигьери, поэта, любовь и внимание к которому сохранялись у А.А. Илюшина на протяжении многих десятилетий.

Первым выступил доцент кафедры истории русской литературы Г.В. Москвин. Он прочитал собственные стихи, отсылающие к творчеству Илюшина. Герой девяти терцин находится «в конце дороги странствий нашей жизни», он переходит «пределы горнего чертога», где «в смирении прозрел величие Бога». Перед ним – новая дорога, «земной юдоли отступило горе», его дух исцелен. Остаются только «любовь и жажда», которые, как говорит он вслед за Данте в последней песни «Рая» в переводе Александра Анатольевича, его «ведоста».

О.И. Федотов, Ю.Б. Орлицкий, Л.А. Трахтенберг

Доклад профессора Института филологии и истории РГГУ Ю.Б. Орлицкого был посвящен вопросу о силлабичности илюшинского перевода «Божественной Комедии». Он отметил тонкие переводческие и версификационные приемы, которые, на его взгляд, были использованы Илюшиным во время работы над текстом. Стиховед также рассказал о бытовании силлабики в современной поэзии и привел большое количество любопытных примеров, подтверждающих интерес современных авторов к этой системе стихосложения и ее жизнеспособность в современной поэзии.

В видеодокладе старшего научного сотрудника Института мировой культуры МГУ доктора филологических наук И.А. Пильщикова шла речь об отсылках к произведениям Вергилия, которые присутствуют в самой «Божественной Комедии» и в нескольких русских переводах великой книги. Он привел несколько примеров разного типа, подтверждающих сознательное включение Данте «вергилиевского» контекста в произведение, и проанализировал, как и почему передают или не передают эти реминисценции его переводчики, на что они могли ориентироваться, – включая историю русской поэзии, – при переводе того или иного эпизода.

И.А. Беляева

Профессор кафедры истории русской литературы И.А. Беляева рассказала о дантовских мотивах в романах Тургенева и Гончарова. В 1850-е гг. в «кругу Шевырева» пишется несколько работ о Данте, которые становятся известными, что позволяет говорить о важности «дантовского контекста» в эту эпоху. Дантовские мотивы одинаково важны для обоих романистов. Если для Гончарова особенно важным является общее построение произведения «вслед за Данте» (героям его романов примерно 35 лет, у них есть «помощники», часть которых ведет во тьму, а часть – к свету, автор сохраняет трехчастность повествования), то для Тургенева крайне значимы тема «новой жизни» и вариации на тему образа Беатриче.

Завершающим эту часть конференции стало выступление доцента кафедры истории зарубежной ли-

тературы Е.В. Фейгиной. В докладе о концепции любви в «Божественной Комедии» шла речь о том, как именно проявляется в произведении сила, «что движет и солнце и звезды», почему ее наличие или отсутствие является значимым в каждой части «Комедии». В «Аде» любовь либо молчит, либо деформируется и искажается, само слово «любовь» встречается в первой кантике всего несколько раз. В «Чистилище» уже можно говорить о любви, она действенна, с особой силой она проявляется в кульминационный момент встречи с Беатриче. В «Рае», самой сложной и наиболее абстрактной части, выстроена особая философия всеобъемлющей любви.

Также было зачитано письмо профессора филологического факультета Нижегородского университета И.К. Полуяхтовой, известного итальяниста, историка зарубежной литературы.

Последняя часть первого дня – «Ура, да здравствует реальность!..» – была связана с шутками, загадками, мистификациями, которые были важны для А.А. Илюшина и во многом соотносились с его взглядами на науку в целом.

Первым выступил доцент кафедры истории русской литературы Р.Б. Ахметшин. Он рассказал о возможном «биографическом» источнике чеховской пьесы «Медведь». Докладчик исследовал, как знакомство Чехова с семейством Киселевых, Бегичевым могло стать одним из толчков для написания шутливого текста. Писателю были известны истории из жизни членов семьи, а также их психологические особенности, которые и нашли определенное отражение в образе помещика Смирнова.

Доклад доцента кафедры теории литературы В.Б. Семенова был посвящен «Веронской загадке». Текст, написанный на полях манускрипта, неоднократно пытались «разгадать». Это «загадка» во многих смыслах слова. Жанр произведения – загадка, в его строках метафорически описывают скриптора за работой. До сих пор неизвестно, на каком точно языке оставил запись переписчик. Особенно интересна тема «разгадок». Один ученый предположил, что это кантилена, написанная на вульгарной латыни, другой опровергал его точку зрения, третий считал произведение «народным», четвертый захотел представить текст как форму латинского гекзаметра; при этом все исследователи искажали текст произведения в соответствии с привлекательными для них концепциями.

Профессор РГУ имени А.Н. Косыгина М.В. Строганов рассказал об истории двух в чем-то похожих романсов, являющихся частью «странных сближений» творчества столь непохожих авторов, как М.Е. Салтыков-Щедрин и Вс. Крестовский. Строка «Не уезжай, не уезжай, голубчик мой…» упоминается в «Петербургских трущобах», строка «Не уезжай, голубчик мой!..» – в салтыковской «Больнице для умалишенных» и в «Очерках кавалерийской жизни» Крестовского. В докладе было рассказано об истории одной и той же песни, которую, вероятно, знали оба автора.

Профессор кафедры истории русской литературы В.А. Воропаев обратил внимание на историю связей Н.В. Гоголя и декабриста Г.С. Батенькова. Перед поездкой на Святую Землю Гоголь составил помянник, где среди имен самых близких писателю людей неожиданно встречается имя Батенькова. Анализ сохранившихся архивных материалов, среди которых наиболее важным является письмо декабриста Гоголю, позволяет говорить о близости их духовных поисков.

Доклад доцента кафедры истории русской литературы Л.А. Трахтенберга был посвящен вопросу об одном источнике сатирического журнала «Смесь». Докладчик показал связь двух произведений испанского писателя Грасиана с текстами, опубликованными в «Смеси». Он рассказал о том, как формировался и мистифи-

цировался образ «издателя», как именно доходили в Россию переводы с испанского, а также о том, какие изменения, делающие тексты столь различными, вносили авторы «Смеси» в произведения испанца.

Завершающим первый день конференции стало выступление старшего преподавателя той же кафедры А.А. Евдокимова. В докладе «О генезисе ноктюрнальности в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” Н. В. Гоголя» было рассказано о том, как Гоголь разрабатывает «ночную тему» в частях своей книги, о том, как шекспировский «Сон в летнюю ночь» мог быть одним из текстов, которые непосредственно повлияли на Гоголя во время написания «Майской ночи….», о том, как на описание ночных пейзажей влияло творчество немецких авторов.

Второй день открылся частью «Заинтересованный придет к своей теме сам…» – выступлениями студентов филфака, ШЮФ при филфаке МГУ и аспирантов.

Студент 4-го курса П. Муратов рассказал о рецепции «Хождения за три моря» Афанасия Никитина» и «Сказания о Дракуле» в Древней Руси. Интересной представлялась реконструкция возможного восприятия произведений, особенно с учетом того факта, что они размещались в сборниках рядом. Студентка 4-го курса А. Ермакова проанализировала образы и мотивы лирики декабристов на примере стихотворений Одоевского, Бестужева-Марлинского и Раевского. Образы огня, металла, разнообразно трансформированные у каждого из них, порождают различные метафоры и в качестве мотивов составляют цельную систему, не только художественно, но и содержательно, идеологически важную для лирики декабристов. Студентка ШЮФ А. Вириевич рассмотрела два перевода сонета Адама Мицкевича «Аккерманские степи» – А. Фета и В. Бенедиктова. Оба переводчика несколько меняют «оригинальные» образы; Фет более внимателен к версификационным особенностям, однако, по мнению докладчицы, оба переводчика смогли передать настроение стихотворения Мицкевича. Студентка 4-го курса Е. Пастернак выступила с докладом, в котором проанализированы случаи употребления поэтом Б. Рыжим анжанбеманных рифм. Внимание поэта к употреблению русскими поэтами такой рифмы и сознательное ее включение в текст произведений для выделения какого-либо образа были особо отмечены в выступлении. Доклад студентки 3-го курса С. Липень был посвящен образу Беатриче в автобиографическом произведении Данте Алигьери «Новая жизнь». Докладчица рассмотрела набор лексических средств, использованных великим итальянским поэтом для создания образа своей Прекрасной Дамы. Доклад аспиранта Е. Доброва освещал проблему «образной многовариативности» переводов «Божественной Комедии». В первой песни «Ада» обнаруживаются пять смысловых «узлов», русские переводчики создают противоположные образы при работе с первым же из них. В конце заседания была включена аудиозапись чтения А.А. Илюшиным стихотворения «Non exegi monumentum». Это произведение, которое он многократно читал студентам, представлялось тематически связанным с выступлениями, поскольку благодарные ученики – это тоже своего рода живой памятник ученому и преподавателю.

Е. Пастернак, О. Кузнецова

Следующая часть конференции имела длинный подзаголовок – «Наука, вообще-то, вещь весьма скучная, – так не раз заявляли крупные ученые, в частности филологи. Другие с этим спорили: нет, веселая! особенно – стиховедение…» – и была отдана для докладов, связанных со стиховедением.

Первой выступила аспирантка кафедры истории русской литературы Л. Безменова. В докладе с поэтическим названием «Память Его о Ней. Память Ее о Нем» рассказывалось о двух историях, связанных с именем С.Я. Надсона. Одна из них – о любви Надсона к рано ушедшей из жизни Н. Дешевовой, вторая – о преданности М. Ватсон умершему молодым С. Надсону, ее вниманию к наследию поэта. Предваряла доклад видеозапись с чтением А.А. Илюшиным отрывка из поэмы «Память Его о Ней».

Профессор С.И. Кормилов рассказал о литературном бытовании характерных метро-ритмических форм «лапидарного слога» надписей на памятниках. Стиховед согласен с тем, что «лапидарный слог», о котором пишет Я.И. Грот, – особый вид стихотворных произведений. В докладе было рассмотрено множество интересных и необычных надписей / цитат, которые находятся на архитектурных объектах. В частности, особое внимание было привлечено к эпитафиям. Были отмечены также важные особенности появления и размещения такого рода произведений; например, то, что часто их автором является непрофессиональный поэт, а длина произведения связана с размером объекта, на котором она расположена.

Доктор филологических наук О.И. Федотов проанализировал два произведения Иосифа Бродского. В докладе были рассмотрены версификационные особенности стихотворений «Книга» и «Вальсок», написанных поэтом в 20-летнем возрасте, и описана динамика образных рядов. Также было высказано предположение о возможных ритмических источниках одного из текстов.

Кандидат филологических наук О.А. Кузнецова выступила с докладом «Именные рифмы и “предметность” в русской силлабике XVII века». В нем была обозначена тенденция к нарастанию или спаду глагольности, наблюдаемая в стихотворных текстах различных авторов XVII в. и фокусируемая в конце строки. Карион Истомин и его предметная метафорика, ведущая к оформлению реалистических описаний, оказывается на противоположном полюсе относительно Симеона Полоцкого с его эмблематическими стихами, наполненными движением.

Кандидат филологических наук старший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ В.С. Полилова рассказала о двух ритмических шедеврах К. Бальмонта. Стихотворения «Старый дом» и «Болото» отмечали среди самых ранних образцов тактовиков поэтов-символистов и А.П. Квятковский, и Дж. Бейли, и М.Л. Гаспаров, однако в докладе были внесены существенные дополнения к описаниям версификационных особенностей этих стихотворений. Также докладчица отметила интерес А.А. Илюшина к некоторым произведениям Бальмонта, например, к стихотворению «Два трупа», в котором говорится в том числе о любви, соединяющей этот и потусторонний миры и продолжающейся и за гробом.

Кандидат филологических наук сотрудник Таллинского университета М.В. Трунин говорил о семантическом ореоле пятистопного хорея в связи со стихотворением «Мастерица виноватых взоров…» О. Мандельштама. Понятие семантического ореола разрабатывали многие стиховеды, однако даже огромная коллекция стихотворных примеров, собранных К.Ф. Тарановским, оказалась далекой от исчерпывающей полноты. Докладчик сосредоточил свое внимание на анализе семантического

ореола выбранного стихотворения Мандельштама, которое ранее оставалось в этом аспекте вне поля зрения стиховедов.

Часть «пушкинских» докладов была прочитана в субботу, в разделе «…Великий, как Великий Океан…».

Т.Ф. Теперик

Доцент кафедры классической филологии Т.Ф. Теперик проанализировала переводы Пушкиным латинских текстов. В центре внимания оказалось стихотворение «Кто из богов мне возвратил…». Ею были отмечены и версификационные особенности перевода (в частности, наличие рифмы), и точность передачи пушкиным образов, присутствующих в оригинальном стихотворении Горация, а также затронут вопрос о необходимости буквального соответствия перевода оригиналу.

Профессор МГУП имени Ивана Федорова Г.В. Векшин рассказал о реконструкции гипотетического процесса создания произведений с помощью программы «Видеотекст». Программа, отсылающая к работам известного пушкиниста С.М. Бонди, написанным в 1930-е гг. к столетию со дня смерти А.С. Пушкина, позволяет «увидеть» процесс возможного создания текста. В качестве примера для демонстрации было выбрано стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла…».

Последней «научной» частью конференции было заседание с названием «“…Я ж откладываю лиру: чувства добрые воспел…” (пер. с польского)». Участники конференции имели возможность послушать выступления польских коллег. Профессор Варшавского университета Мария Эва Калиновска рассказала об «Альбоме путешествия в Грецию и на Восток» Юлиуша Словацкого. Специалист по польскому романтизму проанализировала это произведение в контексте особенностей той эпохи. Профессор Университета им. Адама Мицкевича в Познани Збигнев Пшиходняк рассмотрел «диалог» двух поэтов-романтиков – Юлиуша Словацкого и Альфреда де Виньи, – связанный с именем Данте Алигьери. Образ Сибири, построенный поэтами в своих произведениях, перекликается с образом создаваемого Данте Ада. Профессор Силезского университета в Катовицах Петр Фаст рассмотрел возможности перевода англоязычного стихотворения Иосифа Бродского «A Song». С точки зрения докладчика, русский язык позволяет передать силлабо-тонические особенности произведения, написанного на английском языке. Профессор того же университета Алина Свещак рассказала о том, как современные польские поэты ощущают и передают в своих произведениях меланхолию. Некоторые доклады были прочитаны на польском языке. В обсуждении докладов принимали активное участие известный полонист, коллега А.А. Илюшина по Институту славяноведения, В.В. Мочалова, стиховед и языковед С.Г. Болотов, а также доцент Е.В. Фейгина.

Заключительной частью конференции стал показ видеозаписей с А.А. Илюшиным. О своих встречах с ученым рассказал автор видеозаписей, кандидат филологических наук Ф.А. Ермошин. В 2012 г. он собирал материалы о своем научном руководителе – А.М. Пескове. А.А. Илюшин и А.М. Песков общались на протяжении многих лет. Однако оба были не только выдающимися учеными, обязательно обменивавшимися экземплярами только что вышедших собственных

научных трудов, но и друзьями, «brüder», которые много шутили, сочиняли стихи, отправляли друг другу шутливые послания на серьезных мероприятиях. Именно переписка стала тем эпизодом, о котором захотел поговорить с Илюшиным автор видео. В итоге Ф.А. Ермошин стал обладателем уникальной коллекции видеозаписей. На них А.А. Илюшин рассказывает о себе и некоторых моментах своей жизни (в том числе можно увидеть запись любимых многими его учениками и коллегами историй о переводе Данте, о Батенькове, о Некрасове и докторе Белоголовом), читает стихи, вспоминает истории, связанные с жизнью и творчеством поэтов, и показывает некоторые любимые книги… Гости конференции увидели далеко не все видеозаписи, которые сохранились в архиве филолога и режиссера (продолжительностью в несколько часов), а некоторые избранные эпизоды, в том числе полную запись чтения поэмы «Память Его о Ней».

Гости конференции смогли увидеть еще один уникальный видеоматериал. В архиве В.Б. Катаева сохранилось видео 1990 г., снятое им самим, на котором А.А. Илюшин в дружеском кругу читает стихи Маяковского. Просмотром этой записи, а также чаепитием на кафедре истории русской литературы, во время которого родственники ученого, его коллеги и ученики вспомнили несколько эпизодов из жизни А.А. Илюшина – иногда серьезных, иногда смешных, а иногда загадочных, закончилась конференция.

Двухдневное мероприятие пользовалось успехом: слушателями и участниками стали несколько десятков человек самого разного возраста (от семиклассников-участников семинаров ШЮФ до известнейших профессоров весьма почтенного возраста). Кафедра надеется не только выпустить сборник конференции, но и сделать конференцию регулярной, чтобы сохранить память об удивительном человеке, поэте, ученом и наставнике Александре Анатольевиче Илюшине.

Сведения об авторе:
Екатерина Пастернак,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina Pasternak,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
katrusia95@mail.ru

POETRY OF PHILOLOGY. PHILOLOGY OF POETRY

Заметки. Впечатления

Notes. Impressions

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-202-209

М.М. Лоевская

«Свет фресок Дионисия»: работы Юрия Холдина

Аннотация. Статья посвящена работам фотохудожника Юрия Холдина, который первым стал делать снимки фресок Дионисия в Ферапонтово при дневном освещении, передавая тонкую колористику, свет, воздушность и нематериальность фресок русского иконописца Дионисия.

Ключевые слова: Дионисий, Холдин, Ферапонтово, фрески, Храм Христа Спасителя, Третьяковская галерея

Abstract: The article deals with the works of photo artist Yuri Kholdin, who was the first made the fotos of the frescoes of Dionysius in Ferapontovo in daylight. It conveys the subtle color, light, airiness and immateriality of the frescoes of the Russian icon painter Dionisy.

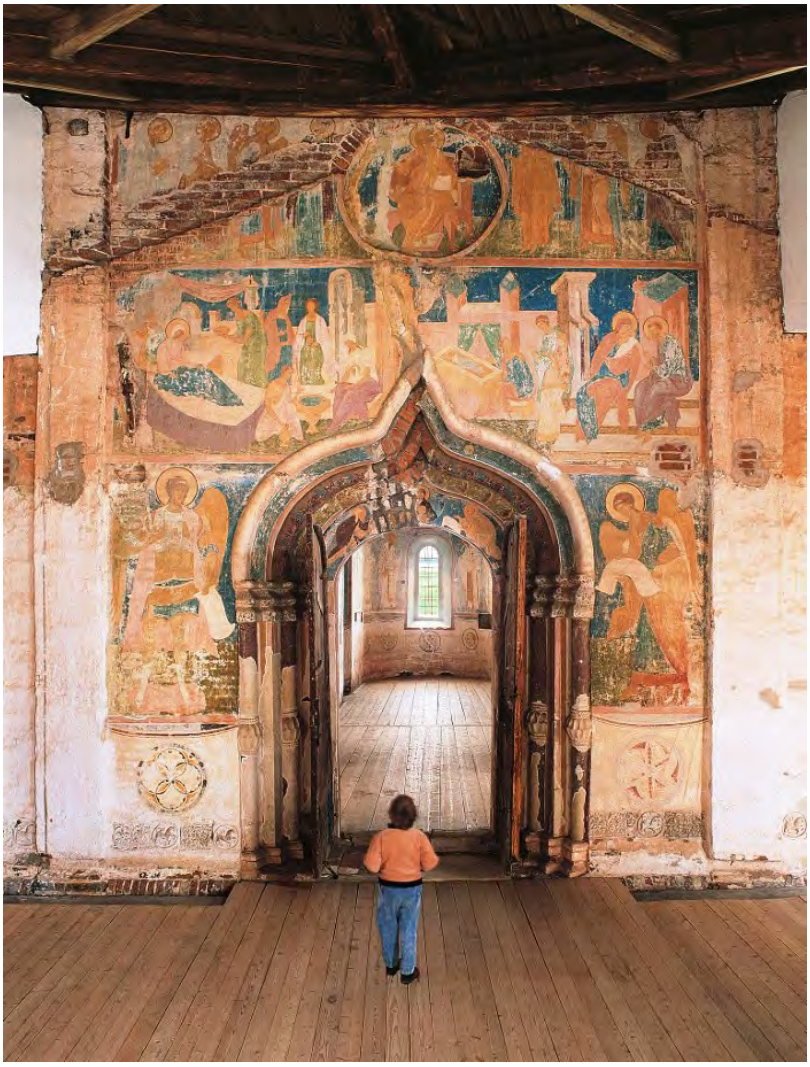
Key words: Dionisy, Yuri Kholdin, Ferapontovo, the temple of Christ the Savior, Tretyakov Gallery

«Свет фресок Дионисия» – так называлась выставка фото-фресок Юрия Холднина в Храме Христа Спасителя в Москве. История ее необычная и в некотором смысле драматическая.

Началась она еще в 1994 г., когда 40-летний фотохудожник и издатель Юрий Холдин впервые оказался в Белозерском крае в Ферапонтовом монастыре. Нельзя сказать, что в это время он был никому не известен. Напротив, в начале 1990-х гг. Холдин уже имел награды за ассоциативную фотографию.

Впервые увидев знаменитые фрески великого иконописца Дионисия вживую, Юрий Холдин был потрясен тем, насколько оригинал отличался от альбомных

репродукций. Тогда-то он и загорелся идеей показать людям ферапонтовские фрески без искажений, с помощью пластики другого искусства, дав каждому зрителю возможность соприкоснуться с тайной искусства великого мастера, «*открыть двери* маленького северного собора, хранящего более 500 лет непревзойденный во все последующие века шедевр, для России, для всего мира»[1].



Альбом «Сквозь пелену пяти веков» можно расценивать как уникальное событие в мире русской культуры. В нем нашли отражение все 300 композиций Дионисия. «Здесь было все: объем, цвет, свет, фактура. Фактически, факсимиле самого Дионисия. Хорошо известно, что Дионисий не подписывал своих творений, так как это было не принято у древнерусских иконописцев (из чувства самоумаления – кенозиса). Но в Рождественском Богородицком соборе Ферапонтова монастыря подпись оставил в простенке северной двери храма»[2].

Как все новое, труд Ю. Холдина тут же вызвал не только огромный интерес, восторженные отзывы (в рецензиях писали: «Россия обрела фрески Дионисия», а проект назван «перево-

[1] Из личной беседы автора с Е. Даниловой, вдовой Ю. Холдина.
[2] Из личной беседы автора с Е. Даниловой... .

ротом в искусствоведении и книгоиздании одновременно»), но и критику, которая была вызвана тем, что некоторые специалисты-искусствоведы, возможно, не могли принять / понять новый взгляд, смириться с отходом от стереотипов.

Фотография слишком долго воспринималась как «дело мертвое»; «сугубо материалистическое понимание фотоискусства сохранилось до наших дней»[1].

В 1911 г. искусствовед В. Георгиевский опубликовал книгу «Фрески Ферапонтова монастыря», в которой предпринял попытку представить редкую по значимости работу Дионисия. Попытки продемонстрировать фрески широкой публике продолжались на протяжении всего XX в., но не увенчались успехом: в альбомах 1960–1990-х гг. они всегда были блеклыми, доминирующей была желтая охра. Технологии, сама печать оставляли желать лучшего.

Можно смело сказать, что до Холдина достойного и полного альбома фресок Дионисия не было. Благодаря этому талантливому фотохудожнику появилась альтернатива школе советских искусствоведов, которую, как остроумно заметил один из современных писателей, можно назвать «иконоборческой».

Плохое качество работ предшественников Холдина объясняется их методикой: фотографирование фресок всегда производилось в ночное время, так как в дневное

[1] *Дульгеру Е.* Фаворский свет в русской визуальной культуре: от фресок Дионисия до фотографий Юрия Холдина // Фрески Руси. Спец. вып. М., 2013. С. 2.

он «гуляет», постоянно меняется. Считалось правильным для передачи истинного цвета снимать фрески под жестким фронтальным искусственным освещением. Искусственное освещение холодного спектра полностью уничтожало теплые золотистые тона – те самые, что при солнечном свете создавали эффект свечения.

Такой жесткий свет не только грубо искажал цвет, но создавал тени и черные провалы, уничтожал то ощущение воздушности, нематериальности, которое присуще Дионисию и которое ощущается в самом пространстве собора. В палитре Дионисия отсутствует черный цвет, поглощающий Свет. Холдину удалось показать образ древнерусского храма именно как духовное пространство, лишенное теней.

Холдин первым разрушил старые стереотипы, уделяя основное внимание естественной световоздушной среде, архитектуре храма, цветам, композициям фресок. Он осуществил сложнейшую постановочную съемку, благодаря чему возникает эффект пространственного восприятия образов, возможности перенестись в стены собора. Передача «энергетики и чистоты светового сигнала» – в этом и заключалось его главное открытие.

Холдин пришел к выводу, что съемку следует осуществлять в дневное время, вернее, в поздние утренние часы – евхаристический момент, когда атмосфера всего храма становится как бы золотой. Свет фресок Дионисия – это горний свет. Богословское понимание света (Божественный, Фаворский) требует и богословского подхода к фотоискусству. Этот путь и открывает Юрий Холдин, т. е. новое направление в искусстве, которое можно назвать «искусство фотописи», «писания светом», «духовная фотография»: «Не кистью и красками, а фотоаппаратом и умением управлять светом,

решает проблему передачи нематериального Божественного света в фотографии и полиграфии»[1].

«Целый год исследовал стенопись, просчитывал свет, при котором колорит Дионисия раскрывается наиболее гармонично, чтоб не довлела ни теплая, ни холодная краска, чтоб охра загоралась, а голубец мерцал, не было провалов и неизбежных черных теней. Наконец нашел единственно верный для решения поставленной задачи камертон: полдень солнечного дня – вот когда замысел Дионисия полностью раскрывается, т.к. это кульминация Божественной литургии. Однако дневной свет очень переменчив, а значит, правильно передать цвет в условиях дневной освещенности представлялось невозможным. Холдин нашел свой универсальный узкий путь преодоления этой проблемы <…> он заставлял плёнку работать так, чтобы человек увидел это, как во время Литургии, когда горят свечи»[2].

Конечно, работы Холдина (и, разумеется, фрески Дионисия) надо видеть воочию (презентация не может передать их тончайшую колористику и гармонию, феномен светоносности, внутреннюю силу образов).

Первая выставка – «Фрески Руси. Дионисий», приуроченная к 500-летию фресок Дионисия, – проходила в Инженерном корпусе Третьяковской галереи (17 февраля – 19 марта 2006 г.). Работы Холдина (экспонировалось 200 – не все!) поразили посетителей своим совершенном: не сразу можно было осознать, что перед нами фотоснимки, даже с небольшого расстояния казалось, что это подлинные фрагменты фресок, – настолько качественного изобразительного материала, представляющего шедевры Дионисия, у России тогда еще не было.

[1] *Дульгеру Е.* Фаворский свет в русской визуальной культуре: от фресок Дионисия до фотографий Юрия Холдина. С. 2.

[2] Из личной беседы автора с Е. Даниловой... .

Выставка предоставляла уникальную возможность увидеть вблизи детали фресок, которые в самом храме находятся на большой высоте (10–20 м) или в теневых его участках.

Не у каждого есть возможность отправиться в Ферапонтов монастырь полюбоваться фресками непревзойденного иконописца. Нужно преодолеть немалый путь, но еще не факт, что в храм можно будет войти (например, из-за погодных условий), а если повезло, и мы наконец оказались внутри собора, то любоваться фресками нам придется 15 и, – если опять-таки очень повезет, – 30 минут; этого времени, конечно, недостаточно, чтобы осмысленно воспринять эту красоту в полном объеме: ахнул от изумления, даже не поняв толком, что поразило, и уже нужно уходить… Из-за проблемы сохранности доступ к фрескам ограничен (в отличие от Кипра, где богослужения в храмах XII в. в горах Троодоса ведутся до сих пор, а прекрасно сохранившиеся фрески может любой увидеть и любоваться ими, сколько душа желает).

Работая над гениальным ферапонтовским циклом, где церковное действо, слово, свет, цвет, линия и архитектура явили собой небывалое до Дионисия единство, Юрия Холдин сам выступил как художник светописи (фотографии). В его фотоработах представлены два художника: Дионисий и фотохудожник.

Выставка «Свет фресок Дионисия» в Храме Христа Спасителя была открыта 23 января 2011 года (после трагической гибели художника в 2007 г.) и расположена в выставочном зале нижнего яруса собора.

«Эстафету» переняла – Екатерина Данилова, вдова Ю. Холдина и продолжательница его культурно-образовательного проекта. Изначально выставочная экспозиция была задумана как проект, который будет работать, взаимодействуя с обществом. Для тех, кто стесняется спросить или проявить какое-то незнание, рядом с картинами даются комментарии. В Ферапонтово невозможно так близко

ознакомиться с фресками, а выставка была сделана так, чтобы фрески Дионисия были доступны и понятны широкой публике.

Фотовыставка построена как паломничество к святым местам России. Она дает недостижимую в музее возможность увидеть фрески так, как их видел сам Дионисий.

Благодаря подвижническому труду Е. Даниловой удалось выставку на непродолжительное экспонирование (всего несколько дней) в ХХС, однако, когда патриарх Кирилл увидел уникальное собрание фотофресок (их уже было представлено 380), то благословил оставить выставку как постоянную.

Увы, «постоянной» она смогла пробыть только 4,5 года. Некоммерческий проект вытеснили коммерческие организации…

За 4,5 года на выставке побывали тысячи человек, много молодежи (в том числе студентов ФИЯР МГУ). Юрий Иванович Холдин, по его собственным словам, создавал свои работы для нового поколения, так как молодежь более восприимчива ко всему новому.

В конце 2015 г. выставку (300 работ) пришлось вывезти в Новосибирский государственный художественный музей (в Москве площадок для нее не нашлось). Оставшиеся 80 работ стали кочевать по стране, раз в год они возвращаются в Москву – выставочный зал «В доме Нащокина». Обычно экспонируется 40 из 300 оригинальных фотографических произведений Юрия Холдина, посвященных фрескам Ферапонтова монастыря русского иконописца XV в. Дионисия.

По словам Екатерины Даниловой, фотографы, специалисты, которые анализируют и оценивают, понимают, что повторить этот жизненный опыт как Юрий Холдин, мало кто может, так как это истинное подвижничество, на которое не каждый способен. Люди часто создают коммерческие проекты, однако проект Холдина, о чем уже говорилось, не коммерческий. Он как художник полностью себя перестроил так, чтобы через свои фотографии донести, открыть людям фрески Дионисия, полностью ушел от системы; в своем творчестве он был абсолютно свободен. Свобода внутри канона – явление редкое, однако он не нарушил границу канона. Его работы – это опыт боговидения, при этом он не просто художник, но подвижник, который создавал и разрабатывал все с нуля, хотя какие-то классические схемы, безусловно, уже сложились в росписях храма в Византии.

В наше время восстанавливаются и реставрируются множество храмов. Бережное отношение к культурному наследию прошлого, безусловно, важно, но не менее важно и бережное отношение к наследию современного непревзойденного мастера, работавшего с древнерусским фресками. В идеале, должен быть музей Юрия Холдина, потому что его работы в таком же единственном экземпляре, как и сами фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре.

ЛИТЕРАТУРА

Дионисий «Живописец Пресловущий»: К 500-летию росписи Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. М., 2002. 303 с.

Дульгеру Е. Фаворский свет в русской визуальной культуре: от фресок Дионисия до фотографий Юрия Холдина // Фрески Руси. Спец. вып. М., 2013. С.2.

Много званных. Памяти Юрия Холдина: Книга-альбом. М., 2014. 287 с.

Сквозь пелену пяти веков: сокровенная встреча с фресками Дионисия Мудрого. Фотоальбом. М., 2002. 420 с.

REFERENCES

Dionisy "Notable Painter": To the 500th of Dionisy Murals in the Cathedral of the Nativity of the Virgin of the Ferapontov Monastery. Moscow. 2002. 303 p.

Dulgeru E. Favorsky Light in the Russian Visual Culture: from the Frescoes of Dionisy to the Photos of Yuri Kholdin. In: Frescoes of Russ. Special Issue. Moscow. 2013, p. 2.

Many were Called. In Memory of Yuri Holding: Book-album. Moscow. 2014. 287 p.

Through the Veil of Five Centuries: An Inmost Encounter with the Frescoes of Dionisy the Wise. Photo Album. Moscow. 2002. 420 p.

Сведения об авторе:
Маргарита Михайловна Лоевская,
доктор культурологии
профессор
факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Margarita M. Loyevskaya,
Doctor of Cultorology
Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
mloevskaya@mail.ru

"THE LIGHT OF THE FRESCOES OF DIONISY": THE FOTOS BY YURI HOLDIN

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-211-212

П.К. Кулагина

Natalija Ganina. “Bräute Christi”. Legenden und Traktate aus dem Strassburger Magdalenenkloster. Edition und Untersuchung. Berlin / Boston: De Gruyter, 2016. 432 S.

Книга доктора филологических наук профессора Наталии Александровны Ганиной, вышедшая седьмым томом в серии «Kulturtopographie des alemannischen Raums», посвящена составной рукописи из страсбургского монастыря Ордена кающихся сестер Св. Марии Магдалины (Москва, Российская государственная библиотека. Ф. 68, № 446). Несмотря на свою значительную литературную и культурно-историческую ценность, рукопись, датированная семидесятыми годами XV в., до недавнего времени оставалась малоизученной – пробел, который с успехом устраняется настоящим исследованием. Книга также включает в себя критическое издание текстов, которое сопровождается комментариями и глоссарием.

Исследовательская глава книги Н.А. Ганиной содержит четыре части. В первой дается детальный анализ материальной составляющей рукописи с учетом новейших данных, полученных в результате реставрации 2014 г. Важным дополнением к предыдущим описаниям манускрипта является уточнение даты его создания и указание на правильное расположение листов. Во второй части прослеживается происхождение манускрипта и его долгий путь из скриптория страсбургского женского монастыря в Российскую государственную библиотеку. Московское собрание получило рукопись в 1929 г. из библиотеки Генерального штаба, куда манускрипт попал спустя несколько десятилетий после расформирования монастыря в 1792 г. и где в 1900 г. едва не погиб в пожаре. До сих пор точно неизвестно, как и когда именно рукопись оказалась в России, однако аналогии в датированных концом XVIII – началом XIX в. владельческих пометках, обнаруженных Н.А. Ганиной у нескольких других манускриптов в собрании Генерального штаба, позволяют внести в этот вопрос бóльшую ясность и выдвинуть некоторые гипотезы.

В третьей и четвертой частях книги анализируются содержащиеся в рукописи тексты: легенды и чудеса двух святых – Св. Екатерины и Св. Барбары (пергаментная часть, датированная 1477 г.), а также трактаты эльзасского проповедника-доминиканца Иоганна Кройцера «Духовный май», «Духовная осень», «Осеннее вино I» и «Осеннее вино II» (бумажная часть, датированная 1472–1475 гг.). Произведения, включенные в рукопись, тесно связаны с реформой доминиканского ордена и на вторую половину XV в. представляли собой новейшую религиозную литературу. Важно в этом контексте, что манускрипт возник в разгар Бургундских

войн, одновременно с вынужденным переездом, отметившим начало нового этапа в жизни монастыря Ордена кающихся сестер Св. Марии Магдалины.

Св. Екатерина и Св. Барбара неслучайно даны в паре; в истории литературы и изобразительного искусства эти святые, – одни из самых почитаемых как в западной, так и в восточной традиции, – часто появляются вместе и со- и противопоставляются; обе святые особо почитались в монастыре Св. Марии Магдалины. При этом бóльшая роль традиционно отводится легенде Св. Екатерины, патрона доминиканского ордена, с которым монастырь был тесно связан. Благодаря мотиву мистического обручения, возникшему в конце XIII в., Св. Екатерина становится прототипом «невесты Христовой» и образцом для религиозных женщин в рамках реформационного движения доминиканцев. Кроме того, к ней как к своей покровительнице обращается и монахиня, составившая рукопись, – Катарина Ингольт.

В исследовании Н.А. Ганиной для текстов московской рукописи впервые установлены их немецкоязычные источники. При этом если легенда Св. Екатерины основывается на одном источнике (die “Hodie”-Version), то легенда Св. Барбары представляет собой компиляцию четырех немецкоязычных текстов, как широко распространенных, так и существующих в единственном экземпляре: московский вариант легенды, вероятно, стал попыткой объединить конкурирующие версии жития святой.

Во второй части рукописи содержится ряд произведений Иоганна Кройцера (1424(1428) – 1468) – проповедника, игравшего заметную роль в духовной жизни Страсбурга, одного из отцов-основателей Базельского университета, вдохновителя реформ доминиканского ордена и, под конец жизни, монаха-доминиканца. Бóльшая часть трудов Кройцера до сих пор остается неизданной несмотря на выдающееся литературное и культурно-историческое значение, и книга Н.А. Ганиной, безусловно, вносит большой вклад в устранение этой лакуны.

Помимо пристального анализа самой рукописи и содержащихся в ней текстов исследование Н.А. Ганиной дает представление о широком историко-культурном контексте создания манускрипта, о религиозном ландшафте Эльзаса второй половины XV в. и о роли женских монастырей, в том числе как важных центров письменности. Таким образом, книга Н.А. Ганиной может быть интересна не только филологам-медиевистам и специалистам по кодикологии, но и широкому кругу читателей, интересующихся средневековой религиозной литературой, историей церкви и историей Эльзаса.

Сведения об авторе:
Павлина Константиновна Кулагина,
магистрант
Институт немецкой литературы
Берлинский Университет имени Гумбольдтов

Pavlina Kulagina
Master of Arts
Institute of German Literature
Humboldt-University of Berlin
pavlinakul@gmail.com

“BRIDES OF CHRIST”: LEGENDS AND TREATISES FROM THE STRASBOURG CONVENT OF ST. MAGDALENA. EDITION AND STUDY. BERLIN / BOSTON: DE GUYTER, 2016. 432 P.

DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-213-215

А.А. Ревякина

Путешествие по текстам русской литературной классики

Вышедшее недавно двухтомное учебное пособие «Русская литература в вопросах и ответах»[1] полезно не только для абитуриентов, студентов гуманитарных колледжей и учащихся соответствующих профильных классов средней школы. Оно представляет, на наш взгляд, интерес для многих любителей литературы независимо от возраста.

В книге использована старая, испытанная методика: вопросы и ответы. Вопросы привлекают своей продуманной типологией: основные факты биографии писателя, повлиявшие на его творчество; история создания произведений, их художественный мир (в эпосе и драме – время и место действия, система персонажей, развитие сюжета, лейтмотивы и др.), крылатые цитаты, отзывы первых критиков. Проверяется также знание стихотворных размеров, видов пассивной лексики, тропов и синтаксических фигур, приемов звукописи и др. Вопросов много (в двух томах – около тысячи), они различаются по степени трудности. Приведем некоторые из них, рассчитанные на знатоков.

В каких произведениях русской литературы «оживают» персонажи «Горя от ума»? Почему в «Евгении Онегине» автор называет Буянова своим двоюродным братом? За какую цену купил Чичиков «ревизскую душу» у Манилова, Коробочки, Ноздрева, Собакевича, Плюшкина? Где Тургенев писал повесть «Муму» и кому он посвятил роман «Отцы и дети»? До каких чинов дослужились Обломов и Штольц? Из какого стихотворения Фета взято название цикла Блока «За гранью прошлых дней»? Сколько шагов проходит Раскольников до квартиры процентщицы? Какой рассказ Чехова Лев Толстой особенно любил и почему?

[1] См.: Русская литература в вопросах и ответах: В 2 т. Т. I. XIX век: учеб. пособие для СПО / Л.В. Чернец, Г.И. Романова, А.П. Грачев, Е.Р. Коточигова, Н.С. Арапова; под ред. Л.В. Чернец. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2016. 242 с.; Русская литература в вопросах и ответах: В 2 т. Том 2. XX век: учеб. пособие для СПО / Г.И. Романова, А.П. Грачев, Н.С. Арапова, И.Н. Исакова, Л.А. Шевченко; под ред. Г.И. Романовой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2016. 267 с. (Серия: Профессиональное образование)

Возможно, даже дипломированный филолог не на все эти вопросы ответит сразу. Тем полезнее проверить свое знание биографии классика, текстов его произведений, понимание их поэтики и стилистики тем, кто завершает среднее образование и надеется получить высшее, избрав филологию или другую гуманитарную специальность.

Приведем некоторые вопросы из второго тома пособия – по литературе XX в. Какие имена персонажей в пьесе «На дне» можно считать говорящими? За какие стихи был арестован Мандельштам? Кому посвящен сборник стихов Пастернака «Сестра моя – жизнь» и как связано посвящение со структурой книги? В каком контексте упоминаются в романе «Мастер и Маргарита» Пушкин и Лев Толстой? Чем отличается «современная пастораль» В.П. Астафьева от традиционных произведений в жанре пасторали?

На эти и многие другие вопросы даны не односложные, «сухие» ответы, но разъяснения, в той или иной мере углубляющие знания учащихся. Так, в разделе о «Евгении Онегине» есть вопрос: «Что читал Ленский перед дуэлью?». В ответе не только цитируется строка: «при свечке Шиллера открыл», но упоминается о том, что Вертер из «Страданий молодого Вертера» Гёте перед уходом из жизни тоже читал книгу: это была пьеса Лессинга «Эмилия Галотти», а Печорин накануне дуэли углубился в лежавший у него на столе роман В. Скотта «Шотландские Пуритане». Любимая книга героя (в особенности романтического) для читателя – один из ключей к его характеру, системе ценностей. А в разделе о Л. Толстом в ответе на вопрос «Чей портрет носил в медальоне юный Толстой?» не просто назван Жан Жак Руссо, но в подтверждение «руссоизма» русского писателя приведен такой факт: «впервые выехав за границу в 1857 г., Толстой направился в Швейцарию, в деревню Кларан, где развертывается действие “Новой Элоизы”, прошел по местам, где странствовал Руссо» (т. 1, стр. 212). Приведем еще пример – из раздела о Маяковском во втором томе. В ответ на вопрос «Можно ли стихи Маяковского петь?» сказано, что «на музыку положены стихи, написанные не только силлабо-тоническими размерами (например, “Необычайное приключение…” в “Патетической оратории” Г.В. Свиридова), но и характерным для Маяковского акцентным стихом (например, “Левый марш”, шестнадцатая глава из поэмы “Хорошо!” в той же оратории, “Послушайте!” и другие стихотворения в вокальном цикле М. Таравердиева)» (т. 2, стр. 116–117).

В каждом разделе есть вопросы лингвостилистического характера; ответы на них проясняют «темные» для современного читателя места в тексте. Например: в строке «но должников не согласил к отсрочке» (“Горе от ума”) выделенное курсивом слово означает «“кредитор, заимодавец; тот, кто дал в долг”. В современном русском языке значение конверсивное – тот, кто взял в долг» (т. 1, стр. 30). Разъясняются архаизмы, историзмы и диалектизмы, передающие исторический и местный колорит. Например, в «Тихом Доне» стремя Дона – «быстрое течение реки, подходящее обычно к крутому берегу», цветок лазоревый – «дикорастущий степной тюльпан», жалмерка – «солдатка» (т. 2, стр. 217).

В первом томе пособия – 17 разделов, посвященных классикам XIX в.: это И.А. Крылов, В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин (дополнительный раздел посвящен «Евгению Онегину»), М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.А. Фет, Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов. Большинство разделов завершается миниатюрами; их общее название – «Мелочи

литературного быта». Эти небольшие тексты знакомят с любопытными эпизодами из жизни писателей и истории литературных обществ, с творческой историей произведений, журнальной полемикой, пародиями, цензурными строгостями и пр. В совокупности «мелочи» складываются в панораму литературной жизни[1].

Второй том пособия, где рассматривается литература XX в., включает 18 разделов: А.А. Блок, А.М. Горький, И.А. Бунин, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, О.Э. Мандельштам, С.А. Есенин, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, М.А. Булгаков, М.М. Зощенко, А.П. Платонов, А.Н. Толстой, А.Т. Твардовский, М.А. Шолохов, А.И. Солженицын, В.П. Астафьев, В.Г. Распутин. Основное внимание уделено программным произведениям. Здесь тоже каждый раздел имеет свою «кайму»: ее образуют фрагменты из критических и публицистических текстов писателей, выдержки из манифестов литературных направлений, докладов на писательских съездах, Нобелевских речей. В конце каждого тома приведены списки рекомендуемой литературы.

Рецензируемая учебная книга хорошо продумана в методическом отношении, она занимательна и в то же время поучительна. Конечно, основной текст (вопросы и ответы), как и дополнения к нему, можно в будущем расширять: наряду с «персоналиями» были бы полезны портреты «собирательные» (например, поэтов пушкинской поры или Серебряного века); хорошо бы включить викторину по теории литературы, где понятия и термины разъяснялись бы посредством выразительных примеров.

В заключение хочется отметить, что все авторы пособия – выпускники филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сведения об авторе:
Алина Александровна Ревякина,
канд. филол. наук
ведущий науч. сотрудник
ИНИОН РАН

Alina A. Revyakina,
PhD
Leading Researcher
Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS
revyakina@mail.ru

JOURNEY THROUGH THE RUSSIAN LITERARY CLASSICS

[1] В полном объеме цикл «Мелочи литературного быта», за подписью *Л. Несказкина* (псевдоним одного из авторов), печатался в журнале «Русская словесность» (начиная с 1993 г.). В данном издании приведены выдержки из этих очерков, непосредственно связанные с тематикой разделов.

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2017-22-2-1-216

STEPHANOS
2017
№2 (22)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2017
Март – March